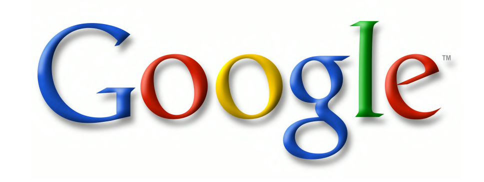

ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

МОНОГРАФІИ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

Въ двухъ томахъ.

Томъ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, по Лиговке, № 22.
1876.

ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

МОНОГРАФІИ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

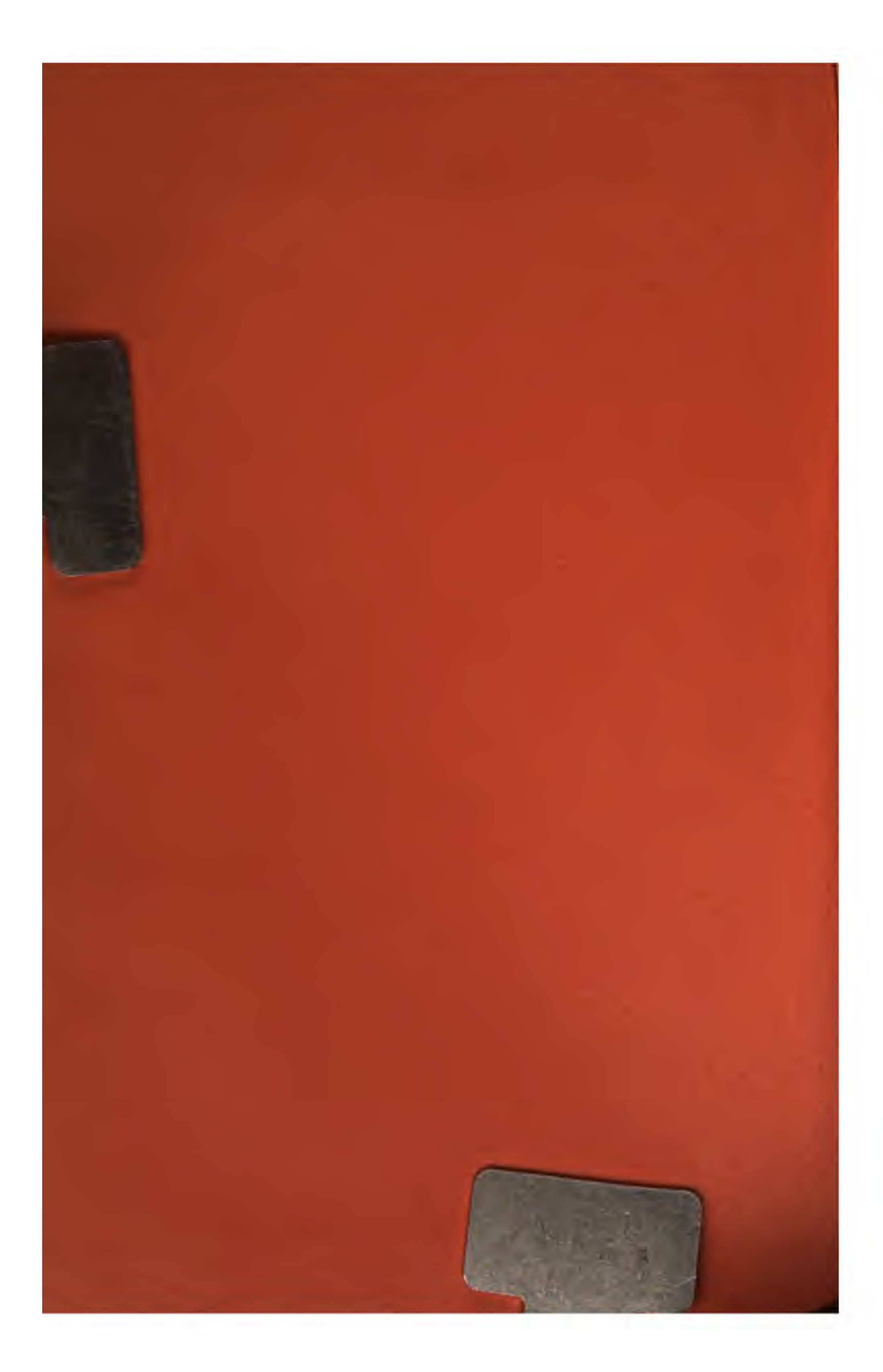
А. П. ПЯТКОВСКАГО.

Въ двухъ томахъ.

Томъ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, по Лиговкѣ, № 22.
1876.

ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

МОНОГРАФІИ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

Въ двухъ томахъ.

Томъ II.

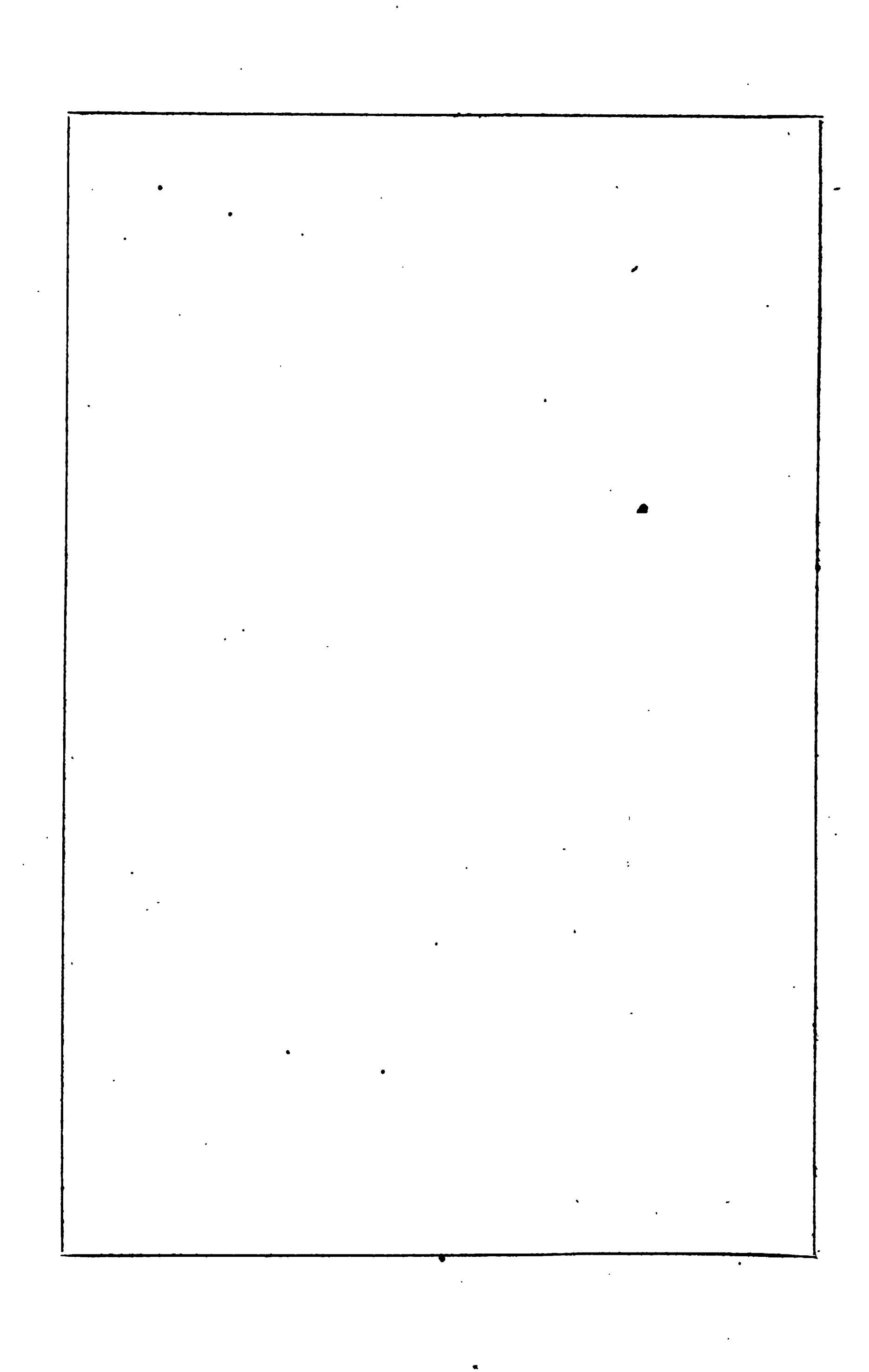

САНКТПЕТЕР...
Типографія Р. ...ке, ... 22.

ОГЛАВЛЕНІЕ

втораго тома.

СТРАН.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

I.

Взглядъ Петра В. на значеніе прессы.—Русская типографія въ Амстердамѣ; переводъ иностранныхъ книгъ политическаго содержанія на русскій языкъ. —Подкупъ иностранныхъ журналовъ; полемика Гюйссена съ Нейгебауэромъ. — Ѳеофанъ Прокоповичъ. — Значеніе древнихъ курантовъ. — Первыя русскія «Вѣдомости» 1703 г.; ихъ содержаніе и характеръ *.)

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія XVIII-го столѣтія была вдвинута волей-неволей въ кругъ европейскихъ державъ,—ей понадобились и всѣ аттрибуты, всѣ матеріальныя и нравственныя поддержки европейской цивилизаціи. Самъ геніальный преобразователь понималъ это очень хорошо и спѣшилъ перенести въ Россію, прежде всего, тѣ практическіе плоды европейской науки, которые, въ видѣ военнаго, морскаго и инженернаго дѣла, были такъ необходимы вновь сформировавшемуся на европейскій ладъ государству, окруженному сильными и небезопасными сосѣдями. Заведены были: регу-

---

*) Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы намѣрены представить, въ нѣкоторой связи, явленія русской журналистики,—начиная съ того момента, когда Петръ I-й самъ сталъ пользоваться печатью для своихъ государственныхъ цѣлей, и кончая второй половиной царствованія Александра I, когда правительство сочло уже нужнымъ наложить на эту печать серьезныя ограниченія. Въ большія библіографическія подробности мы вдаваться не будемъ; явленія мелкія и неинтересныя совсѣмъ не войдутъ въ наши статьи; но за нитью развитія, опредѣляющей всѣ измѣненія въ характерѣ прессы, — мы будемъ слѣдить внимательно и укажемъ ее, гдѣ нужно, или прямо, или же подборомъ фактовъ. Статья «Журнальный Тріумвиратъ» можетъ служить продолженіемъ очерковъ.

Считаемъ нужнымъ прибавить, что мы сдѣлали значительныя (преимущественно фактическія) дополненія къ прежнему печатному тексту этихъ статей. Авторъ.

лярная армія, флотъ, инженерное и морское училища; все это пригодилось намъ въ послѣдующихъ войнахъ. Но Европа, въ то время, была уже богата не одними внѣшними плодами цивилизаціи, не одной технической стороной знанія: въ ней понемногу развивалась и крѣпла другая сила, сила общественнаго мнѣнія, руководимаго политической печатью. На эту силу также обратилъ вниманіе Петръ I, и задумалъ воспользоваться ею для своихъ преобразовательныхъ плановъ; печатный станокъ, выпускавшій до него почти исключительно книги богословскаго содержанія, съ примѣсью полу-свѣтскихъ, полу-духовныхъ произведеній кіевской учености,— теперь началъ помогать дѣлу реформы распространеніемъ научныхъ свѣдѣній и политическихъ взглядовъ въ европейскомъ духѣ. При Петрѣ появились и первыя русскія «Вѣдомости».

Какимъ же именно образомъ практиковалъ Петръ Великій научную и политическую пропаганду посредствомъ печатнаго станка? Его личные взгляды имѣютъ, конечно, при этомъ большую важность, и наша исторія была бы далеко неполна безъ знанія тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ находились, въ извѣстное время, всѣ произведенія научно-политическаго свойства.

Изъ грамоты Яну Тессингу, подписанной въ 1700 г., видно, что она дана была по его просьбѣ «за учиненныя имъ великому посольству (русскому) службы» съ тѣмъ, чтобы онъ, Тессингъ, завелъ въ Амстердамѣ типографію и печаталъ въ ней «земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и градостроительныя и всякія ратныя и художественныя книги на

славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскомъ языкомъ по особну, отъ чего бъ русскіе подданные много службы и прибытки могли получати и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ». Напечатанные Тессингомъ чертежи и книги дозволялось ему привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежемъ указанныхъ пошлинъ». Продавцы книгъ изъ другихъ типографій, внѣ Россіи, подвергались штрафу въ 300 ефимковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга; самыя же книги конфисковывались. Духъ и направленіе книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Тессинга, опредѣлялись слѣдующими словами грамоты: «чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ великаго государя межъ европейскими монархи и ко общей народной пользѣ и прибытку, а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашего въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было». Упорно стремясь къ своей цѣли—цивилизовать русскій народъ хотя бы и крутыми, унаслѣдованными отъ прежнихъ вѣковъ мѣрами,—Петръ I-й не останавливался ни передъ какими препятствіями и не смутился тѣмъ обстоятельствомъ, что на первыхъ порахъ книги, напечатанныя въ амстердамской типографіи, расходились весьма плохо,. а въ 1703 г. одинъ голландскій купецъ, торговавшій этимъ товаромъ, писалъ къ царю, что онъ въ своей торговлѣ понесъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало». Но охота учиться, вмѣстѣ со вкусомъ къ чтенію, распространялась мало по малу въ верхнихъ слояхъ народа. Желая видѣть

въ изданьяхъ амстердамской типографіи только то, что̀ могло бы служить «къ славѣ великаго государя и наивящей похвалѣ всему россійскому царствію», правительство очень обезпокоилось, когда славянскій шрифтъ попалъ (около 1708 г.) въ руки шведовъ, и они стали печатать имъ различныя воззванія, какъ напр. къ малороссамъ. Велѣно было «такихъ людей ловить и разспрашивать, гдѣ кто такія письма (т. е. прокламаціи) взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ». Кромѣ книгъ чисто ученаго содержанія, Петръ приказалъ переводить и такія сочиненія, въ которыхъ, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политической жизни, излагались новые взгляды на общественныя отношенія или сообщались свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ иноземныхъ государствъ, ихъ законахъ и современномъ состояніи. Къ такимъ переводамъ относятся: Пуффендорфа — «Введеніе въ гисторію европейскую» и «О должностяхъ человѣка и гражданина»; Гуго Гроція—«О законахъ естества и народовъ» и пр. и пр. Особенно цѣнилъ Петръ сочиненія Пуффендорфа, называя его «мудрымъ законознателемъ». Ученый этотъ былъ послѣдователемъ Гуго-Гроція и Гоббеса. Онъ первый началъ читать въ Гейдельбергѣ народное и естественное права̀, онъ также первый осмѣлился указывать на недостатки и несообразности современнаго ему устройства Германіи. Его книга: «De statu reipublicae germanicae» надѣлала въ свое время много шума, и Пуффендорфъ до самой смерти не открывалъ псевдонима (Мозамбана), подъ которымъ онъ выпустилъ ее въ свѣтъ. Исторію Пуффендорфъ излагалъ съ политической точки зрѣнія и свое «Введеніе» къ исторіи

замѣчательнѣйшихъ европейскихъ государствъ предназначалъ, какъ руководство государственнымъ людямъ. Здѣсь откинуты прежняя рутина, безполезныя филологическія тонкости, и вниманіе обращено на внутреннее состояніе государствъ, на обстоятельства, служившія причинами возвышенія и упадка ихъ. Разсказываютъ, при этомъ, что Бужинскій, переводчикъ Пуффендорфа, выпустилъ одно рѣзкое мѣсто въ его исторіи, но Петръ назвалъ его за это глупцомъ и приказалъ перевести *). Въ другомъ же своемъ сочиненіи: «О должностяхъ человѣка и гражданина» Пуффендорфъ стремился опредѣлить, на началахъ естественнаго права, роль каждаго гражданина въ государствѣ, причину возникновенія законовъ, ихъ значеніе и степень нравственной обязательности для общества. Отъ закона, издаваемаго правительственною властью, авторъ требуетъ уже внутренней, покоряющей себѣ силы, требуетъ логики, убѣдительной для каждаго здравомыслящаго человѣка. «Кто бы ни единой причины показать не можетъ, для чего мнѣ, и не хотящу, обязательство хощетъ

*) Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ мѣстѣ: «Зазорны же (русскіе) и невоздержательны суть, свирѣпы и кровежаждущіе человѣцы, въ вещѣхъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостію возносятся; въ противныхъ же вещѣхъ низложеннаго ума и сокрушеннаго... ко прибыли и лихвѣ, хитростью собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостью власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе». Бужинскій, хоть можетъ быть и отплевывался, но все таки перевелъ эту тираду.—Слѣдуетъ однако замѣтить, что Петръ I-ый былъ болѣе щекотливъ, когда критика касалась его правленія, нежели когда она поражала недостатки управляемаго имъ народа.

наложити, кромѣ единаго насилія, той мене устрашить может, дабы, зла вящшаго удаляяся, ему повиновался. Но когда страхъ минуетъ, тогда все могу паче по моей волѣ, нежели по его дѣлать» (§ 5, II гл.). Итакъ, страхъ наказанія признается Пуффендорфомъ недостаточной гарантіей для исполненія закона; безъ разсудительныхъ поводовъ и подкрѣпленный «единымъ насиліемъ», законъ есть только личная прихоть власти [1]). Само собой разумѣется, что въ петровское время подобное пониманіе закона не всегда переходило въ дѣйствительность; но, тѣмъ не менѣе, новыя понятія объ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ западали въ умы по инициативѣ самой верховной власти.

Сближаясь для своихъ государственныхъ цѣлей съ Западною Европою, русскій царь дорожилъ толками о себѣ, возбуждавшимися въ европейской печати. «Петръ Великій— пишетъ г. Пекарскій въ своемъ изслѣдованіи [2]),—понималъ очень хорошо силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, которое имѣли на него, даже и въ началѣ XVIII-го столѣтія, журналистика и различныя политическія изданія. О Россіи петровскихъ временъ европейскіе журналы и публицисты говорили или съ насмѣшками, когда дѣло шло объ умственномъ состояніи страны, или съ опасеніями, похожими на страхъ римлянъ при слухахъ о варварахъ, когда получались извѣстія о воинскихъ успѣхахъ русскаго царя. Видя это, Петръ желалъ, чтобы жур-

[1]) Любопытно, что переводъ исторіи Пуффендорфа былъ запрещенъ въ продажѣ при Аннѣ Іоанновнѣ—вѣроятно, за «опасный» либерализмъ— но черезъ нѣсколько лѣтъ опала была снята съ него.

[2]) Наука и литер. при Петрѣ В. Т. I, стр. 90—91.

налисты и издатели были на его сторонѣ, т. е. они должны были увѣрять европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что, напротивъ, тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которые, всѣ безъ исключенія, отличнѣйшіе, образованнѣйшіе люди и т. д. Чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства. Адвокатовъ за Россію изъ европейскихъ журналистовъ и писателей вербовали во всѣхъ государствахъ — и это было спеціальностью барона Гюйссена. Послѣ Петра у насъ не хлопотали о томъ, что̀ будутъ писать о Россіи за границей, а потому и нашего агента по этой части предали забвенію, и онъ, когда фонъ-Гавенъ (датск. путешественникъ 1736—1740 г.) былъ въ Россіи,—вынужденнымъ нашелся напомнить о себѣ въ подробной запискѣ, гдѣ не пропущено ни одного ученолитературнаго путешествія барона въ Германію на пользу Россіи». Этотъ Гюйссенъ, первый оффиціозный въ Россіи публицистъ, былъ прежде совѣтникомъ при княжескомъ домѣ Вальдекъ; но потомъ, вызванный въ Россію Паткулемъ, посвятилъ свой литературный талантъ новому отечеству. Въ условіяхъ, заключенныхъ имъ съ Петромъ, онъ бралъ на себя, между прочимъ, слѣдующія обязанности: 1) переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи; 2) склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ

странъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю или членамъ его семейства, или наконецъ царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также, чтобъ эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи. Этотъ литературный контрактъ напоминаетъ собой грамоту, выданную Тессингу: и тутъ, и тамъ выражается одинаково заботливость о прославленіи царя и Россіи. Худой молвы Петръ Великій вообще боялся, и если вѣрить Нейгебауэру, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, изъ Россіи того времени нелегко выпускали иностранцевъ-офицеровъ, именно по боязни, чтобы они не стали разглашать въ Европѣ разныхъ невыгодныхъ для насъ слуховъ. Гюйссенъ добросовѣстно исполнялъ свои порученія: входилъ въ сношенія съ вліятельнымъ журналомъ «Europaische Fama», издававшимся подъ редакціею Рабенера, сочинялъ для Паткуля многія бумаги и перевелъ на разные языки письмо царя къ польскому королю Августу. По старанію Гюйссена, въ «Европейской Молвѣ» печатались хвалебныя статьи о Россіи; въ нихъ Петра сравнивали съ «солнцемъ, которое не пребываетъ на одномъ мѣстѣ, но всѣхъ подданныхъ веселитъ своимъ присутствіемъ.» Онъ просилъ также Гинца, издававшаго въ Парижѣ на французскомъ языкѣ описаніе походовъ Карла XII, воздержаться отъ неприличныхъ, по его мнѣнію, выраженій, при чемъ указалъ ошибочныя свѣдѣнія, которыя и были исправлены Гинцемъ во 2-ой части его труда. Онъ же убѣдилъ римскаго профессора Гравину напечатать

*) Въ царствованіе Екатерины II-ой такое же значеніе имѣлъ «Политическій Портфель», издававшійся въ Венеціи.

похвальное слово Петру и пригласилъ Лейбница на свиданіе съ царемъ въ Торгау. Много хлопотъ испыталъ Гюйссенъ ради ложныхъ извѣстій о Россіи со стороны шведовъ; но всего болѣе усердствовалъ онъ въ полемикѣ съ Нейгебауэромъ, и книга, написанная имъ по этому поводу, «отъ государева двора въ двухъ грамотахъ апробована была, да тысячу рублевъ за почесть и трудъ обѣщано», хотя послѣднее обѣщаніе и не было сдержано. Полемика съ Нейгебауэромъ чрезвычайно интересна; она возникла по слѣдующему поводу. Въ 1699 году пріѣзжалъ въ Москву, съ цѣлію переговоровъ, отъ саксонскаго курфюрста, генералъ Карловичъ, съ которымъ Петръ намѣревался отправить за границу, для обученія, царевича Алексѣя. Предположеніе это не сбылось за смертію Карловича. Въ свитѣ посла *) прибылъ въ Россію и сынъ одного данцигскаго бюргера, Нейгебауэръ, слушавшій лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. По отзыву одного лица, удостовѣрявшаго, что Нейгебауэръ былъ человѣкъ «нарочитой остроты», этотъ иностранецъ опредѣленъ наставникомъ (или, какъ онъ себя называлъ, гофмейстеромъ) къ царевичу Алексѣю. Но уже въ концѣ 1701 г. обнаружились неудовольствія между нѣмцемъ и русскими, состоявшими при царевичѣ. Нейгебауэръ настаивалъ, чтобы ему подчинили этихъ лицъ, «понеже если всякій изъ нихъ будетъ дѣлать что хочетъ, то невозможно царевича изряднымъ нравамъ и порядочному житію научити, зане нѣкоторые, отъ злости, всѣ труды его портить будутъ». Далѣе онъ просилъ и совсѣмъ удалить нѣкоторыхъ приближенныхъ ца-

*) По другимъ извѣстіямъ, Нейгебауэръ былъ вызванъ въ Москву прямо изъ-за границы и пріѣхалъ въ іюнѣ 1701 г.

ревича, въ томъ числѣ особенно неправившагося ему русскаго учителя, Никифора Вяземскаго,—на томъ основаніи, что эти люди «неудобны быть у царевича, котораго зѣло воздерживать надлежитъ». Просьбы Нейгебауэра не исполнялись, и 23-го мая 1702 г. въ Архангельскѣ, за обѣдомъ у царевича, произошла крупная ссора между учителями, нѣмцемъ и русскимъ. Нейгебауэръ былъ выведенъ изъ себя тѣмъ, что Вяземскій и Нарышкинъ говорили тихо и смѣялись съ царевичемъ, который терпѣть не могъ Нейгебауэра. Учитель замѣтилъ, что царевичу неприлично, при посторонних, говорить тихо съ своими приближенными. Нарышкинъ и Вяземскій оспаривали это замѣчаніе съ насмѣшками. Вскорѣ Алексѣй Петровичъ, по совѣту Вяземскаго, положилъ было на блюдо обглоданную кость. Нейгебауэръ снова замѣтилъ, что обглоданныя кости оставляются на тарелкѣ, а класть ихъ на блюдо, съ котораго берутъ другіе, невѣжливо. По этому случаю учителя начали между собою споръ, перешедшій въ сильную брань: Вяземскій называлъ Нейгебауэра собакой, а тотъ величалъ своихъ противниковъ варварами. Производился розыскъ, и Нейгебауэръ былъ сначала удаленъ отъ должности учителя царевича, а потомъ (въ 1704 г.) высланъ и совсѣмъ изъ Россіи на гамбургскомъ кораблѣ. За границей онъ далъ полную волю своему раздраженію, и въ 1704 г. появилась въ Германіи презлая брошюра: «Письмо знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля». Подъ именемъ нѣмецкаго офицера, повѣствующаго о русскихъ дѣлахъ, скрывался, конечно, самъ Нейгебауэръ. Въ этой брошюрѣ обиженный педагогъ, хорошо знавшій, чѣмъ можно насолить своимъ противникамъ, со-

вѣтуетъ всѣмъ иностранцамъ не вѣрить обѣщаніямъ русскаго правительства и не ѣхать въ Россію, «въ эту варварскую страну, гдѣ будутъ обращаться съ ними безъ всякаго состраданія». Затѣмъ авторъ разсказываетъ разные случаи дурнаго обращенія не только съ простыми офицерами, но даже съ посланниками иностранныхъ державъ. Случаи подобраны въ такомъ родѣ: «польскій генералъ и посланникъ, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами... майора Кирхена царь передъ полкомъ назвалъ поноснымъ словомъ и, плюнувъ ему въ глаза, вырвалъ у него шпагу... капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шпицрутеномъ, а передъ тѣмъ генералъ изъ русскихъ, сказавъ: «я хочу ошельмовать тебя!» далъ ему пощечину... Меншиковъ злостно поступаетъ съ нѣмками, а потомъ навязываетъ ихъ нѣмецкимъ офицерамъ... полковникъ Реннъ давно былъ бы наказанъ кнутомъ, еслибъ его жена благоразумно не вмѣшалась въ дѣло». Насколько вѣрны всѣ эти факты —разбирать не наше дѣло; но ихъ ловкій и правдоподобный выборъ, дѣйствительно, могъ отбить охоту у иностранцевъ, вообще косо смотрѣвшихъ на Россію, поступать къ царю на службу. Брошюра Нейгебауэра была запрещеча въ Пруссіи и Саксоніи; шведы же старались распространять ее всѣми способами. Тогда-то Гюйссенъ написалъ отвѣтъ, гдѣ прямо говоритъ о «гофмейстерѣ» Нейгебауэрѣ: обвиняетъ его въ надменныхъ замашкахъ, въ желаніи стать выше всѣхъ, въ плохомъ обученіи наслѣдника, и опровергаетъ факты, приводимые въ «Письмѣ нѣмецкаго офицера». Такимъ образомъ, Гюйссенъ защищаетъ Меншикова отъ несправедливыхъ будто бы обвиненій Нейгебауэра, причемъ со-

чиняетъ для «Данилыча» новую родословную, производя его отъ хорошей литовской фамиліи; разсказываетъ по-своему случай съ барономъ Ланге, исторію дѣвицы Монсъ и т. д. Приведя ссору Нейгебауэра съ царевичемъ, увлекшійся защитникъ Петра совѣтуетъ своему земляку радоваться, что онъ благополучно убрался восвояси, ибо «въ другихъ государствахъ его засадили бы въ бастилію или другую какую крѣпость на многіе годы, не спрашивая, что онъ сдѣлалъ дурнаго, какъ это дѣлается и съ высокими министрами, которые, не смотря на прежнія свои вѣрныя службы, не имѣли счастія понравиться государю или его приближеннымъ». Досадуя на Нейгебауэра за подробное описаніе употребленія батоговъ и не имѣя въ запасѣ никакихъ существенныхъ возраженій, Гюйссенъ съ насмѣшкою говоритъ: «можно думать, что авторъ часто видѣлъ все это своими глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. По всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду, всѣмъ пасквилянтамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ». Въ другихъ мѣстахъ своей діатрибы Гюйссенъ называетъ Нейгебауэра «архи-шельмою (erzschelm), похитителемъ чести и клеветникомъ». Нейгебауэръ не остался въ долгу и, въ отвѣтъ на пространное обличеніе, написалъ «Kurtze Gegenantwort auf des czaarischen Pasquillanten, гдѣ онъ снова возвращается къ Меншикову и объясняетъ весьма недвусмысленно причину его возвышенія при царскомъ дворѣ. На грубыя выходки Нейгебауэръ также не скупится: «Что же негодяй—говоритъ онъ—намаралъ о поведеніи гофмейстера въ Москвѣ, то это не заслуживаетъ

никакого отвѣта, потому что основу для своихъ розсказней онъ могъ найти только въ своемъ воровскомъ мозгу. Пускай подлецъ описываетъ прекрасно русскихъ по своей волѣ и возможности, но свѣтъ и особенно дворы, императорскій и королевскіе, знаютъ уже, что это за раки такіе». О личности Гюйссена раздраженный антагонистъ его отзывается, что баронъ «имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ литературѣ и что онъ малый не безъ способностей; но обратилъ хорошее, что въ немъ есть, на пользу варварскихъ тирановъ, и на стыдъ и посрамленіе своихъ честныхъ соотечественниковъ.»

Предоставивъ барону Гюйссену вѣдаться съ иностранными публицистами, Петръ заботился и о томъ, чтобы побивать внутри государства понятія и предразсудки, завѣщанные стариной и поднимавшіеся въ отпоръ его реформаціоннымъ стремленіямъ. Большую помощь оказывалъ ему, въ этомъ случаѣ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Оставляя въ сторонѣ личныя качества этого замѣчательнаго человѣка, его двоедушіе и склонность къ интригѣ, отчасти оправдываемыя духомъ времени и его шаткимъ положеніемъ въ средѣ духовенства, нельзя не признать, что онъ былъ способный и дѣльный пропагандистъ реформы, очень много послужившій Петру и своимъ краснорѣчіемъ, какъ проповѣдникъ, и своимъ перомъ, какъ авторъ «Регламента» синоду и «Перваго ученія отрокомъ». Живымъ словомъ, откликавшимся на всѣ важнѣйшіе современные вопросы, Прокоповичъ положительно замѣнялъ Петру правительственную газету, и не меньше Гюйссена, хотя въ иномъ духѣ, полемизировалъ съ врагами своего государя. Публика, слушавшая и читавшая Прокоповича (проповѣди его печатались вскорѣ по произнесе-

нiи), была не та, что у Гюйссена, и средства для ея вразумленiя употреблялись тоже другiя. Вмѣсто отвлеченнаго схоластическаго витiйства, Прокоповичъ, именемъ церкви, развивалъ въ своихъ проповѣдяхъ политическiя идеи и этимъ безконечно превосходилъ своихъ индифферентныхъ предшественниковъ. Такъ напр., по возвращенiи государя изъ чужихъ краевъ, Прокоповичъ произнесъ два слова, въ которыхъ доказывалъ законность и государственную пользу путешествiй, въ особенности для правителей царствъ; морская побѣда, одержанная надъ шведами кн. Голицынымъ, дала ему поводъ сказать похвальное слово нашему зарождавшемуся флоту и объяснить значенiе для Россiи морскихъ силъ. Возставая противъ замкнутаго нацiональнаго быта, подкрѣпляемаго азiатскими предразсудками, Прокоповичъ ссылался на Шестодневъ Василiя Великаго и доказывалъ, что самъ Богъ предписываетъ необходимость взаимнаго «другολюбiя человѣковъ». «Понеже — говоритъ онъ — невозможно было людемъ имѣть коммуникацiю земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ мiра сего, того ради промыслъ Божiй пролiялъ промежъ селенiя человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужить могущее». Въ «Словѣ о баталiи полтавской», сказанномъ въ годовщину этой битвы, въ 1717 г., Прокоповичъ говорилъ: «Нѣчто было (въ древней Россiи), чего не завидѣли намъ сосѣди, и было нѣчто, о чемъ боялися, дабы не было. Не была еще регула воинская (т. е. регулярная армiя), не были искусства инженерныя, не были обоего чина архитекторы, не былъ флотъ, не была сила на морѣ». Замѣчательно въ высшей степени его «Слово о власти и чести царской», вызванное участiемъ нѣкоторыхъ ду-

ховныхъ лицъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича. Слово это произнесено въ томъ же году (1718 г., 6 апрѣля), какъ начался судъ надъ царевичемъ; въ немъ Прокоповичъ говоритъ о «противствѣ верховной власти, открывшемся въ нынѣшнія времена», о «грѣхѣ, въ Россіи приключившемся». Противниковъ верховной власти ораторъ раздѣляетъ на нѣсколько группъ: одни изъ нихъ—«свободолюбцы, слышаще бо, яко свободу пріобрѣте намъ Христосъ»; другіе—поклонники папства и теократіи; третьи, наконецъ,—«нѣкіе мудрецы, кои тайнымъ образомъ льстиміи или меланхоліей помрачаеми», думаютъ, что все «якоже есть высоко въ человѣцѣхъ, мерзость есть передъ Богомъ». Затѣмъ авторъ «Слова», свидѣтельствомъ апостоловъ и примѣрами изъ св. исторіи, опровергаетъ такихъ мерзослововъ; онъ надѣется, что и всякій «чистосердечный человѣкъ поплюетъ ихъ мнѣніе о властехъ», какъ о явленіи, происшедшемъ «отъ промысла просто человѣческаго или отъ превозмогшей силы» *). Всего болѣе достается тутъ «невѣждамъ, кои богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ прузи (саранча), животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла, вздоймется полетѣть, да тотчасъ и на землю падаетъ: тако и они суще книгочіи, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубость мозга буесловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы божія». Не трудно понять, кого разумѣетъ Прокоповичъ подъ именемъ «невѣждъ»; но онъ устраняетъ всякое сомнѣніе и прямо называетъ ихъ духовными лицами и монахами. Оппозиція «невѣждъ» петровской реформѣ была

*) См. «Ѳеоф. Прокоп. слова и рѣчи», изд. 1760 г. ч. 1 стр. 149.

очень сильна, и противъ нихъ Прокоповичъ дѣйствовалъ ихъ же оружіемъ, т. е. богословскими аргументами и ссылками, причемъ извѣстный текстъ: «всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется» составлялъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ. Но между слушателями и читателями Прокоповича могли уже найтись и такіе, которые потребовали бы отъ писателя-проповѣдника не однихъ религіозныхъ, но и научныхъ доказательствъ. Для нихъ Прокоповичъ приводитъ историческія свидѣтельства о необходимости сильной власти въ народѣ; между прочимъ онъ упоминаетъ слова Вейдевута, перваго жмудскаго властелина, обращенныя къ народу, просившему его совѣтовъ: «вы глупшіи отъ пчелъ, яко пчелы, малыя и безсловесныя мухи, имѣютъ царя, вы же не имѣете». «Извѣстно убо имамы — говоритъ онъ далѣе — яко власть верховная отъ самаго естества начало и вину пріемлетъ, а еже отъ естества, то отъ самого Бога, создателя естества». Въ послѣднихъ строкахъ Прокоповичъ ссылается уже на естественное право, которое, по его мнѣнію, тожественно съ правомъ божественнымъ. Идея естественнаго права, развиваемая Пуфендорфомъ, была, повидимому, не чужда Прокоповичу и даже приняла у него религіозную санкцію. Нельзя сказать, чтобы всѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича были настолько же исполнены духомъ реформы и свободны отъ прежнихъ рутинныхъ формъ краснорѣчія, какъ «Слово о власти и чести царской». Во многихъ изъ его рѣчей мы замѣчаемъ, къ сожалѣнію, въ достаточномъ обиліи и риторизмъ, и символику, украшавшіе собой всѣ произведенія «кіевской школы»; но лучшія его проповѣди, дѣйствительно, отличаются какъ силой мысли, такъ и счастливой образностью выраженія. Если въ сво-

ихъ проповѣдяхъ Прокоповичъ являлся нерѣдко искуснымъ ораторомъ, умѣвшимъ дѣйствовать на умы слушателей и излагать съ церковной каѳедры политическую программу, то въ духовномъ «Регламентѣ» и въ «Первомъ ученіи отрокомъ» онъ также усердно служилъ реформѣ, какъ администраторъ и народный наставникъ. Въ предисловіи къ «Ученію отрокомъ» Прокоповичъ нападалъ такъ же, какъ и въ своихъ проповѣдяхъ, на тѣхъ «чтецовъ книгъ, которые обращаютъ свое искусство въ орудіе злобы и дерзаютъ вымышлять плевельныя, мнимо-богословскія ученія». Эти нападки вызвали даже противъ автора доносъ извѣстнаго въ свое время ревнителя благочестія, Маркелла Родышевскаго, который находилъ въ «Ученіи отрокомъ» несогласныя съ православіемъ «примрачныя мѣста». Въ «Регламентѣ» мы тоже встрѣчаемъ совершенно-полемическія тирады, касающіяся ханжества и религіознаго формализма «мнимыхъ мудрецовъ». Съ полнымъ самоотрицаніемъ нападалъ Прокоповичъ на недостатки и притязанія своего сословія, и въ «Розыскѣ историческомъ» снова подвергнулъ осужденію попытки духовенства создать теократическое государство въ государствѣ...

Изъ немногаго сказаннаго нами достаточно ясно, что печать петровскихъ временъ была только служебнымъ органомъ государственной власти и даже не изъявляла попытокъ уклониться отъ своего оффиціальнаго характера. Сила реформы и смѣлость преобразователя еще держали умы лучшихъ людей въ искренней зависимости отъ видовъ правительства. Случай съ Бужинскимъ, выкинувшимъ самое рѣзкое мѣсто въ своемъ переводѣ, доказываетъ, что Петръ Великій предоставлялъ печати больше свободы, чѣмъ даже

искали его литературные сотрудники. Объ иниціативѣ общества, даже объ отдѣльныхъ порывахъ далеко шагнувшей личной мысли, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ числѣ разныхъ европейскихъ изобрѣтеній, печать пригодилась у насъ для политической реформы—и кругъ ея дѣятельности былъ опредѣленъ самой этой задачею.

Не ограничиваясь изданіемъ книгъ и брошюръ съ ученò-политическимъ содержаніемъ, Петръ I положилъ начало и нашей періодической литературѣ. Еще за границей Петръ видѣлъ, какое значеніе имѣютъ періодическіе листки, сообщающіе публикѣ различныя извѣстія изъ жизни своего и чужихъ государствъ; онъ пожелалъ завести нѣчто подобное у себя, чтобы имѣть возможность распространять быстрѣйшимъ образомъ полезныя свѣдѣнія и знакомить всѣхъ интересующихся русскихъ съ ходомъ какъ нашихъ, такъ и западно-европейскихъ дѣлъ. Съ этой цѣлью онъ замѣнилъ газетами прежніе куранты. Что такое к у р а н т ы—слѣдуетъ объяснить. — И до Петра Великаго предки наши не оставались въ совершенномъ невѣжествѣ насчетъ того, что происходило за предѣлами ихъ собственнаго отечества. Великокняжескіе и царскіе гонцы отправлявшіеся по дѣламъ государства въ Грецію, Польшу, Германію и въ другія мѣста, привозили оттуда разныя свѣдѣнія о состояніи тамошнихъ дѣлъ. Съ послами отправлялись подьячіе, цѣловальники, крестовые попы и «люди» пословъ. Всѣ они, по возвращеніи своемъ въ Россію, въ кругу родныхъ и друзей, разсказывали о томъ, что они видѣли или слышали въ чужихъ земляхъ. Эти заграничныя вѣсти, изустно или письменно распространяемыя въ народѣ, гласили, напр. что «отъ Рима до Кольскаго острога

нѣтъ нигдѣ благочестія», что у королей и грандуковъ— «столы аспидные, писаны золотомъ травы», что «кирки или мечети зѣло стройны,» что «въ Амстердамѣ безъ мѣры людно, а трехъ вещей нѣтъ: хлѣба, воды и дровъ». Немного дошло до насъ образчиковъ подобныхъ вѣдомостей (въ «путешествіяхъ русскихъ людей въ чужія земли», изъ которыхъ одни изданы въ свѣтъ, другія же остаются въ рукописяхъ); но нельзя сомнѣваться, что эти домашнія записки нерѣдко велись и въ давнее время. Съ 1621 г. вѣдомости изъ-за границы становятся извѣстными подъ именемъ курантовъ *). Куранты содержали въ себѣ свѣдѣнія о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ. Составленіемъ этихъ курантовъ занимались въ Посольскомъ Приказѣ: тамъ, изъ донесеній отъ разныхъ заграничныхъ агентовъ, дѣлали нужныя извлеченія; а впослѣдствіи, когда стали появляться въ Россіи печатныя иностранныя вѣдомости (съ 1631 г.), то переводили изъ нихъ любопытнѣйшія статьи, текстъ переписывали на нѣсколькихъ листахъ склеенной бумаги (столбцами) и въ обычной формѣ свитковъ представляли эти куранты для прочтенія царю и нѣкоторымъ приближеннымъ людямъ. Посредствомъ этого рода вѣдомостей Посольскій Приказъ слѣдилъ изо дня въ день за ходомъ современной политики. Кильбургеръ говоритъ: «по приходѣ почтъ, газеты тотчасъ посылаются въ замокъ (Кремль), въ Посольскій Приказъ, и тамъ распечатываются, для того чтобъ ни одинъ

*) Отъ слова currens — текущій, бѣгущій. Слово это употреблялось для означенія передаваемыхъ вѣстей. Предполагали, что куранты введены въ употребленіе Ординымъ—Нащокинымъ. но этотъ послѣдній управлялъ посольскимъ приказомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, а куранты появились гораздо ранѣе.

частный человѣкъ не узналъ прежде двора того, что происходитъ внутри государства и заграницей, а болѣе для того, чтобы каждый остерегался писать что нибудь непозволительное и для государства вредное. Съ почтою еженедѣльно получаются всѣ голландскія, гамбургскія, кенигсбергскія и др., какъ печатныя, такъ и письменныя вѣдомости. Онѣ всегда переводятся на русскій языкъ и читаются царю». Это продолжалось до конца 1702 г., когда (16 декабря) послѣдовало именное повелѣніе Петра I-го, о печатаніи газетъ, слѣдующаго содержанія: «Великій Государь указалъ — по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія московскаго и окрестнаго государствъ людямъ, печатать куранты, а, для печатанія тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ». (Полн. Собр. Зак. IV, 1921).

Первый нумеръ этихъ «Вѣдомостей» появился въ Москвѣ 2 января 1703 г., но еще раньше указъ царя былъ исполненъ (27 декабря 1702 г.), напечатаніемъ Юрнала о Нотебургѣ *). Относительно появленія петровскихъ вѣдомостей было высказано много библіографическихъ неточностей и противорѣчій: академикъ Георги говорилъ, что онѣ «воспріяли свое начало въ 1708 г., Сопиковъ — что онѣ стали

*) Юрналъ, или поденная роспись, что̀ въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотебургомъ чинилось сентября съ 26 числа въ 1702 г.» Подробное же названіе петровскихъ «Вѣдомостей» было слѣдующее: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ».

издаваться съ 1728 г. [1]); г. Гречъ сбивался и указывалъ цѣлые три года—1705, 1708 и 1714-й. Теперь несомнѣнно, что русскія «Вѣдомости» стали выходить съ начала 1703 г., и съ того времени изданіе ихъ продолжалось безпрерывно до 1728 г. Онѣ печатались въ осьмую долю листа, церковными буквами, по 1711-й годъ въ одной Москвѣ, а съ этого года въ Москвѣ и Петербургѣ [2]) поочередно, гражданскими и церковными буквами. Съ 1717 г. церковный шрифтъ исчезаетъ и замѣняется навсегда гражданскимъ, но издаются вѣдомости по прежнему, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, до 1728 г. Выходили же онѣ не всегда въ опредѣленный срокъ (всѣхъ нумеровъ за 1703 г. вышло 39), съ экстраординарными по обстоятельствамъ прибавленіями, объемомъ отъ 2 до 7 листовъ въ каждомъ нумерѣ. Вѣдомости печатались въ количествѣ 1000 экземпляровъ и, повидимому, читались усердно; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣльные нумера вѣдомостей вошли цѣликомъ въ рукописные сборники того времени. Петръ имѣлъ, на этотъ разъ, болѣе удачи, чѣмъ въ распространеніи амстердамскихъ изданій, и ему удалось таки расшевелить любознательность своей публики. Содержаніе этихъ вѣдомостей было, по своему времени, разнообразно и занимательно. Свѣдѣнія, относившіяся до Россіи, помѣщались прежде извѣстій иностранныхъ, которыя заимствовались, вѣроятно, изъ двухъ газетъ, получавшихся тогда въ посольской канцеляріи: «Breslauer Nouvellen» и «Reichs-Post-Reiter». Кромѣ того, гр. Матвѣевъ, тогдашній посланникъ

---

[1]) Сопиковъ, очевидно, смѣшалъ ихъ съ «Петербургскими (академическими) вѣдомостями», которыя стали выходить съ 1728 г.

[2]) Первый № этихъ вѣдомостей въ Петербургѣ вышелъ 11 мая 1711 г.

нашъ въ Голландіи, присылалъ царю, какъ отдѣльные нумера газетъ, издававшихся въ этой странѣ, такъ и любопытныя выписки изъ газетъ, выходившихъ въ другихъ государствахъ. Все это, вполнѣ или въ экстрактѣ, помѣщалось въ вѣдомостяхъ, и въ нѣкоторыхъ нумерахъ, въ оглавленіи иностранныхъ извѣстій, напечатано крупнымъ шрифтомъ: «Вѣдомости изъ Гаги.» Кто занимался, ближайшимъ образомъ, редакціей «Вѣдомостей» — съ точностью неизвѣстно; думаютъ, что это былъ графъ Ѳ. А. Головинъ. Но Петръ I и самъ часто отмѣчалъ для перевода статьи изъ иностранныхъ газетъ и вообще пристально слѣдилъ за ходомъ этого дѣла, прочитывая даже корректуру перваго нумера. Можно сказать, поэтому, что великій преобразователь Россіи былъ также и ея первымъ журналистомъ.

Чтобы читатели могли наглядно познакомиться съ характеромъ и содержаніемъ петровскихъ вѣдомостей, мы приводимъ здѣсь, въ сокращеніи, первый ихъ нумеръ, состоявшій изъ двухъ листковъ. При этомъ, для удобства чтенія, мы нѣсколько измѣняемъ сбивчивую орѳографію подлинника:

«Вѣдомости.»

На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ, гоубицъ и мартировъ вылито 400. Тѣ пушки ядромъ по 24, по 18 и по 12 фунтовъ; гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые; мартиры бомбомъ девяти, трехъ и дву-пудовые и меньше. И еще много формъ готовыхъ, великихъ и среднихъ, къ литью пушекъ, гоубицъ и мартировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болѣе 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили.

Въ математической штюрманской школѣ болѣе 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ.

На Москвѣ, ноября съ 24 числа по 24 декабря, родилось мужскаго и женскаго полу 386 человѣкъ.

Изъ Персиды пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отчего чаютъ не малую быть прибыль московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: въ китайскомъ государствѣ езуитовъ весьма не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячю человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскіе—ругозенскую и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую заставы. А на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число... и соловскую мызу сжегъ, и около соловской многіе мызы и деревни, дворовъ съ тысячу, пожегъ же...

Изъ Львова пишутъ, декабря въ 14 день: силы казацкіе подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются; вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городкомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войски...

Изъ Ніена, въ ингерманландской землѣ, октября въ 16 день. Мы здѣсь живемъ въ бѣдномъ постановленіи, понеже Москва въ здѣшней землѣ не добро поступаетъ, и для того многіе люди отъ страха отселѣ выйбуркъ [1]) и въ ѳінляндскую землю уходятъ, взявъ лучшіе пожитки съ собою.

Крѣпость Орѣшекъ — высокая, кругомъ глубокою водою объятая,—въ 40 верстахъ отселѣ, крѣпко отъ московскихъ войскъ осажена, и уже болѣе 4000 выстрѣловъ изъ пушекъ, вдругъ по 20 выстрѣловъ, было, и уже болѣе 1500 бомбъ выбросано, но по сіе время не великій убытокъ учинили, а еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣстъ ту крѣпость овладѣютъ...

Изъ Амстердама, ноября въ 10 день. Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его Царское величество войска свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ и корабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15,000 человѣкъ солдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нарѣченной, ежедневно 600 человѣкъ работаютъ [2]).

На Москвѣ 1703 г., генваря во 2 день.»

Читатель видитъ, что содержаніе петровскихъ «Вѣдомостей» было, по преимуществу, фактическое; политическихъ взглядовъ, намековъ, даже выразительнаго подбора фактовъ мы почти не встрѣчаемъ. Только въ польскихъ дѣлахъ, которыя всегда сильно интересовали Петра, можно заподозрить этотъ

---

[1]) Т. е. въ Выборгъ.

[2]) Получивъ извѣстіе, что шведы готовятся напасть на Архангельскъ, Петръ укрѣпилъ устье Двины батареями, а на взморьѣ заложилъ новую крѣпость, назвавъ ее «Двинкою».

преднамѣренный выборъ извѣстій. Тутъ описывались довольно подробно стычки поляковъ съ саксонскими войсками, волненія на сеймахъ и пр. и пр. «Польша—говорится въ одномъ нумерѣ» Вѣдомостей—отъ шведовъ, саксонцевъ и польскихъ (т. е. своихъ собственныхъ) войскъ и казаковъ досажденіе пріемлетъ». Въ другомъ мѣстѣ находимъ: «на сеймѣ стали противность чинить, и паки всѣ разошлись, ничего не договорясь». Есть даже насмѣшливый каламбуръ: «указы о люблинскомъ сеймѣ объявлены здѣсь (въ Варшавѣ), но не всѣмъ любимы стали» *).

Въ «Вѣдомостяхъ» нѣтъ еще правильнаго раздѣленія извѣстій по рубрикамъ: политическія новости чередуются съ разными явленіями природы; ничтожное событіе стоитъ рядомъ съ крупнымъ и даже излагается подробнѣе его. Такъ напр., вслѣдъ за политическими извѣстіями изъ Парижа (Вѣдом. 1724 г.) попадается новость: «Одна бѣдная жонка родила дочь съ четырьмя руками, съ четырьмя ногами, съ двумя фундаментами и пр. Послѣ смерти потрошили ее и нашли въ тѣлѣ два сердца, два легкіе, два пузыря и четыре почки». Редакція «Вѣдомостей», желая распространить свое изданіе въ возможно большемъ кругу читателей, очевидно разсчитывала, что запасъ новыхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ею, расшевелитъ апатію грамотныхъ людей и возбудитъ въ нихъ интересъ къ тому, что совершалось за предѣлами ихъ домашняго очага. Для достиженія этой цѣли полезны были и курьезы, въ родѣ приведеннаго, весьма интересовавшіе тогдашнюю публи-

*) См. Вѣдомости 1703 г. № 18.

ку. Политическія разсужденія Петръ вполнѣ предоставлялъ книгамъ и брошюрамъ, а вѣдомости предназначалъ для скорѣйшаго распространенія извѣстій о европейскихъ дѣлахъ и о своихъ собственныхъ распоряженіяхъ.

Съ теченіемъ времени, измѣнялись и совершенствовались петровскія вѣдомости. Усовершенствованіе началось съ внѣшней стороны: гражданскій шрифтъ вытѣснилъ (съ 1717 г.) прежній церковнославянскій; въ 1711 г. появляется, въ первый разъ, на вѣдомостяхъ виньетка съ изображеніемъ Невы, а въ 1723 г. всѣ послѣдніе 19 нумеровъ вышли съ таковыми же виньетками, рѣзанными на деревѣ. Чтеніе вѣдомостей распространялось, мало по малу, въ разныхъ классахъ народа; но какъ географическія свѣдѣнія были у насъ очень скудны да и то заключались въ тѣсномъ кругу высшаго сословія или лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ,—то, чтобы сдѣлать газету доступнѣе разумѣнію каждаго читателя, редакція, съ конца 1723 г., стала помѣщать въ газетныхъ нумерахъ краткія свѣдѣнія о замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ разныхъ странахъ свѣта. Напр. «Версалія — село и забавный домъ короля французскаго, близко Парижа»; «Гага—въ Голландіи городъ или, лучше сказать, село самое хорошее, порядочно строенное и увеселительнѣйшее во всей Европѣ» и т. п. Въ 1725 г. пять послѣднихъ нумеровъ озаглавлены уже такъ: «Россійскія Вѣдомости»; нумера отмѣчаются цифрами, чего прежде не было. Послѣ смерти Петра I-го изданіе его вѣдомостей продолжалось по 1728-ой годъ. Въ этомъ же году, въ силу регламента, Академія наукъ стала издавать (со 2-го января) свою газету подъ названіемъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей»,

и печатать ее въ академической типографіи. Нелишнимъ будетъ замѣтить, что эти «академическія» вѣдомости не могутъ считаться въ журнальномъ смыслѣ (какъ хотѣлось нѣкоторымъ) продолженіемъ «Россійскихъ Вѣдомостей», ибо въ такомъ случаѣ и «Московскія Вѣдомости» могутъ претендовать (и дѣйствительно претендовали) на эту честь, — даже съ бо̀льшею основательностью, такъ какъ на нѣкоторыхъ нумерахъ петровской газеты (1703 г.) стоитъ почти тоже заглавіе: «вѣдомости московскіе». Но тогда,—чего добраго! — и «Русскія Вѣдомости», нынѣ издающіяся въ Москвѣ, потянутся за ними... Итакъ, москвичамъ полезно помнить, что ихъ университетская газета издается только съ 1756 г., а редакція «Петербургскихъ Вѣдомостей» тоже должна знать, что названіе, форматъ и, отчасти, характеръ этого изданія совершенно отличаютъ его отъ прежнихъ вѣдомостей, и слѣдовательно генеалогія его не восходитъ раньше 1728 г. Значитъ, напрасно обѣ почтенныя газеты стали бы гоняться за древностью лѣтъ и оспаривать другъ у друга пальму библіографическаго первенства...

II.

Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, какъ редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Историческихъ примѣчаній» къ нимъ. Борьба съ суевѣріемъ. Политическая сторона въ газетѣ. Вопросъ о правѣ частныхъ людей обсуждать политическія событія. Взглядъ Ломоносова на призваніе журналистики. «Ежемѣсячныя сочиненія». Характеръ тогдашней сатиры. Развитіе журналистики при императрицѣ Екатеринѣ II-й и репрессивныя мѣры противъ нея. «Политическій журналъ». Мѣры имп. Павла I.

С.-Петербургскія (академическія) вѣдомости выходили дважды въ недѣлю (дни выхода измѣнялись въ разные года) съ историческими, генеалогическими и географическими примѣчаніями *), тѣ и другія въ 4°, иногда съ чертежами предметовъ по части астрономіи, механики и пр. Редакторомъ С.-Петерб. Вѣдомостей (съ 1728 до половины 1730 г.) и «Историческихъ примѣчаній» къ нимъ сдѣлался извѣстный академикъ Миллеръ, о которомъ мы считаемъ себя вправѣ поговорить нѣсколько подробнѣе, какъ о первомъ русскомъ журналистѣ, чуждомъ исключительно—оффиціальнаго характера петровской прессы.

Герардъ-Фридрихъ Миллеръ родился 18 окт. 1705 г. въ Герфордѣ, маленькомъ вестфальскомъ городкѣ. Отецъ его занималъ должность директора въ Герфордской гимназіи.

*) Эти «примѣчанія» продолжались по 1742 г.

По словамъ Бюшинга (біографа Миллера), въ Герфордѣ сохранилось преданіе, что во время проѣзда Петра В. черезъ этотъ городъ, любопытный мальчикъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу безъ башмаковъ, которые спряталъ его отецъ, желая удержать его дома. Этотъ случай былъ растолкованъ друзьями его семейства, какъ предзнаменованіе предстоявшей ему поѣздки въ Россію. Въ 1722 г., семнадцати лѣтъ отъ роду, Миллеръ поступилъ уже въ Ринтельскій университетъ, изъ котораго черезъ годъ перешелъ въ Лейпцигскій. Здѣсь главными его наставниками были профессора Готшедъ и Менкенъ, изъ которыхъ послѣдній доставилъ ему мѣсто въ Россіи. Менкенъ былъ корреспондентомъ только что учрежденной въ то время С.-Петербургской Академіи Наукъ, и по просьбѣ Блюментроста (перваго президента Академіи), вызывавшаго ученыхъ изъ-за границы, рекомендовалъ ему Миллера на мѣсто адъюнкта по исторической каѳедрѣ. Такимъ образомъ Миллеръ, съ согласія своего отца, отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 5 ноября 1725 г. По первоначальному плану, Академія Наукъ была не только академіей, въ нынѣшнемъ ея значеніи, но и первымъ въ Россіи высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Миллеръ, немедленно по пріѣздѣ, сталъ преподавать въ высшихъ классахъ академической гимназіи латинскій языкъ, исторію и географію. Обязанность эту онъ исправлялъ постоянно въ теченіи 1726 и 1727 г. Трудолюбіе и добросовѣстность отличали собой всю ученую карьеру Миллера. Не смотря на разныя житейскія невзгоды, на разныя канцелярскія каверзы, которыми запутывалъ его (начиная съ 1739 г.) его недругъ Шумахеръ, этотъ честный человѣкъ

шелъ неуклонно по своей дорогѣ и обогатилъ нашу литературу огромною массою историческихъ, географическихъ и статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ имъ—какъ во время десятилѣтняго странствованія по Сибири (съ 1733 — до 1744 г.), вмѣстѣ съ Гмелинымъ и Делилемъ, такъ и во время управленія московскимъ архивомъ иностранной коллегіи (съ 1766 г. до самой смерти Миллера, въ 1793 г.). Нельзя сказать, чтобы Миллеръ равнялся, по природной даровитости, съ другимъ своимъ соотечественникомъ, Шлецеромъ, или съ нашимъ «поморцемъ» Ломоносовымъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, употребилъ свои способности самымъ полезнымъ образомъ и сдѣлалъ все, что можно было требовать отъ ученаго съ его размѣромъ умственныхъ силъ. Достойно сожалѣнія, что болѣе даровитый Ломоносовъ, по своему взгляду на разработку русской исторіи, стоялъ гораздо ниже этого ученаго нѣмца и ожесточенно преслѣдовалъ его за обидное будто бы для русскихъ мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи нашихъ первыхъ князей. При этомъ Ломоносовъ,—какъ гонитель Миллера,—оказывался даже въ одной фалангѣ съ ненавистнымъ Шумахеромъ, который насолилъ, кажется, въ равной степени обоимъ академикамъ...

Журнальная дѣятельность Миллера началась съ 1728 г., когда онъ принялъ на себя редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей и сталъ выдавать къ нимъ особое прибавленіе подъ вышеприведеннымъ названіемъ. Начиная это прибавленіе къ «Вѣдомостямъ», Миллеръ желалъ преимущественно испытать, какъ будетъ оно встрѣчено читателями. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія: публика съ охотою читала его листки, и многіе члены Академіи поддерживали его

своимъ сотрудничествомъ *). Въ 1729 г., въ «Письмѣ къ благосклонному читателю», Миллеръ самъ объявилъ, что до его примѣчаній «нашлись многіе охотники», и онъ, вслѣдствіе этого, нашелся вынужденнымъ участить срокъ ихъ выпуска. Съ этого времени «Примѣчанія» выходили не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ языкахъ, по полу-листу въ каждый почтовый день. Если попадались въ «Вѣдомостяхъ» фразы, непонятныя для читателей, то Миллеръ дѣлалъ на нихъ свои примѣчанія—сначала только историческаго и географическаго содержанія; но въ 1729 г. было уже извѣщено: «Мы (т. е. редакція) намѣрены такъ распространить примѣчанія, что не токмо, какъ въ прочемъ обыкновенно, новую политическую исторію, генеалогію и географію изъяснять, но и о всемъ прочемъ наше мнѣніе объявлять будемъ. Також де не оставимъ, при данномъ случаѣ, изъ разныхъ частей натуральной, церковной и ученой исторіи многое прибавлять». Эти примѣчанія, зародышъ которыхъ мы находимъ въ петровскихъ вѣдомостяхъ 1723 г., (въ объясненіи географическихъ именъ) Миллеръ почерпалъ, преимущественно изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, какъ напр. изъ англійскихъ—«Зрителя» и «Опекуна». Характеръ примѣчаній былъ чисто академическій: публикѣ, не имѣвшей въ рукахъ почти никакихъ учебныхъ пособій, но уже пріученной Петромъ къ чтенію вѣдомостей, Миллеръ предлагалъ свѣдѣнія по самымъ разнообразнымъ предметамъ и тѣмъ подготовлялъ ее къ сознательному воспринятію читаннаго. Въ «письмѣ къ благосклонному

*) Успѣхъ «примѣчаній» доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1765 г., въ Москвѣ, они были напечатаны вторымъ изданіемъ.

читателю», о которомъ мы сейчасъ упомянули (Примѣч. 1729 г. № 1), Миллеръ разсказалъ вкратцѣ исторію возникновенія вѣдомостей въ Европѣ, причемъ отдалъ «итальянцамъ первое благодареніе за вымышленіе такъ пріятнаго и полезнаго дѣла». Развиваясь въ Европѣ, — у французовъ, голландцевъ и нѣмцевъ,—«сія мода, напослѣдокъ, въ здѣшнія сѣверныя провинціи произошла». Строка «Вѣдомостей» о римскихъ кардиналахъ вызвала слѣдующее примѣчаніе: «Кардинальскій чинъ зѣло отъ древнихъ временъ въ римской церкви въ употребленіи былъ. Нынѣ разумѣются подъ симъ званіемъ знатнѣйшія папскаго духовнаго чина особы, которыхъ коллегіумъ въ 70-ти особахъ состоитъ, которое число не всегда въ комплектѣ... они требуютъ рангъ въ равенствѣ съ королями и князьями и имѣютъ совершенное первенство предъ ихъ посланниками и титулъ еминенціи (свѣтлости)». Далѣе разсказывается самый обрядъ избранія кардиналовъ. Въ примѣчаніяхъ видна забота и о насущной пользѣ читателей: въ статьѣ о «моровомъ повѣтріи» (примѣч. 1729 г. № X) объясняются причины, симптомы и врачеваніе этой болѣзни; говоря о камнѣ и з б е с т ѣ,—находимомъ у насъ въ Сибири, — изъ котораго выдѣлывалось несгораемое полотно, Миллеръ также имѣлъ въ виду возможность практическихъ результатовъ. Не забывалъ онъ нападать на суевѣрія, господствовавшія въ русскомъ обществѣ. Такъ напр. извѣстіе о появленіи кометы въ Анконѣ было имъ комментировано слѣдующимъ образомъ: «При семъ случаѣ намѣрены мы о кометахъ и протчихъ небесныхъ знакахъ нѣчто упомянуть, д а б ы ч р е з ъ т о б л а г о ч е с т н а г о ч и т а т е л я, к о т о р о м у т а к о в ы е б ы н е о б ы ч-

ные видѣнія соблазнію быть могли, изъ сомнѣнія вывести. Комета есть чрезвычайная звѣзда на небеси, которая свое собственное движеніе имѣетъ и токмо въ нѣкоторыя времена видима бываетъ. Она является, почитай всегда, или съ краткимъ, или съ долгимъ, свѣтлымъ хвостомъ, о чемъ слѣдующій резонъ дается: понеже кометы обыкновенно вкругъ мгловатымъ кругомъ окружены бываютъ, въ которомъ отъ онаго назадъ сіяющіе лучи солнечные на противу стоящей сторонѣ зѣло явно и ясно видѣть можно... Изъ сего описанія, которое въ примѣчаніяхъ знатнѣйшихъ астрономовъ подтверждается, выразумѣть можно, что кометы—натуральныя, отъ Бога сотворенныя, твари суть, которымъ, по учрежденіямъ ихъ движенія, въ нѣкоторыя времена, конечно, являтися надлежитъ, и тако оныя никоимъ образомъ за признаки несчастія сочтены быть не могутъ, хотя временемъ незапно учинилось, что какое несчастливое посѣщеніе на земли въ тое же время приключилось, какъ комета на небеси видима была.—Приключались часто злыя и нещастливыя времена безъ явленія кометъ, а напротивъ того примѣчено, что при явленіи разныхъ кометъ болѣе счастливыхъ, какъ нещастливыхъ случаевъ приключилось (?). И тако не надлежитъ о такихъ, хотя чрезвычайныхъ, звѣздахъ какіе сумнѣнія имѣть, нижѐ оный хвостъ, какъ простой народъ разсуждаетъ, за метлу какую признавать, яко бы Богъ оную при наказаніи какой земли употреблять хотѣлъ... Изъ Анконы увѣдомлено нынѣ, что пять дней по явленіи оной кометы, еще другая звѣзда въ образѣ креста видима была, и потомъ молодой чело-

вѣкъ, на лошади сидящій, на шляпѣ перо имѣя, усмотрѣнъ. И можетъ быть, что въ облакахъ или на небеси нѣкоторые ясные лучи разныхъ видовъ являлись, и тако онымъ (т. е. наблюдателямъ) отъ премѣненія оныхъ (лучей) такія фигуры въ мысли показались» [1]). Конечно, Миллеръ не былъ особенно бдителенъ въ преслѣдованіи разныхъ суевѣрій и нерѣдко печаталъ, безъ всякой оговорки, извѣстія въ такомъ родѣ, что «нѣкоторая дамская персона имѣла, на сихъ дняхъ, съ духомъ нѣкотораго кавалера особливый случай»... (т. е. свиданіе съ умершимъ) [2]). Нѣкоторыя иностранныя слова въ «Примѣчаніяхъ» объясняются: при словѣ фабула ставится въ скобкахъ—«басня», при словѣ матерія—вещество и т. п.

Что касается С.-Петерб. Вѣдомостей, издававшихся подъ редакціей Миллера, то онѣ въ одномъ только отношеніи измѣнились,—и прибавимъ, къ худшему,—противъ петровскихъ вѣдомостей: извѣстія о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ сообщались въ нихъ крайне скудныя, и, большею частію, припечатывались въ концѣ газетнаго нумера. (Такъ продолжалось вплоть до 1758 г.). Въ этихъ скудныхъ извѣстіяхъ говорилось только о разныхъ торжествахъ, смотрахъ и чинопроизводствахъ. Иногда появляются замѣтки о погодѣ, напр. «воздухъ въ здѣшнихъ околичностяхъ (въ окрестностяхъ Петербурга) уже такъ легокъ и пріятенъ сталъ, какъ только оный пожеланъ быть можетъ. 27 дня сего мѣсяца (марта) прошелъ ледъ рѣки Невы, и уже на оной на судахъ ѣздить

---

[1]) «Примѣч.» 1728 г. № 2.
[2]) «Примѣч.» 1728 г. № 5.

можно» [1]). Но иностранныя извѣстія были, по прежнему, обильны и разнообразны, хотя также слѣдовали одно за другимъ, безъ всякаго раздѣленія ихъ по родамъ и по степени важности. Приведемъ образчики подобныхъ извѣстій:

«Изъ Рима, ноября отъ 29 дня. Графъ фонъ-Ламбергъ имѣетъ, яко цесарскій посланникъ, сюды прибыть. Нѣкоторый церковный служитель здѣшняго собора Санктъ-Іоанна фонъ-Латерана взятъ подъ караулъ, понеже онъ кости звѣрей за мощи святыхъ продавалъ и чрезъ нѣкоторые вымышленные буллы другихъ обманывать вспомоществовалъ». (1728 г. № 1).

«Изъ Дублина, въ Ирландіи, отъ 9 дня декабря. Сего дня начался парламентъ, а нижній совѣтъ выбралъ господина Вильгельма Конолла въ ихъ шпрехеры (предлагатели о дѣлахъ [2]). Вицерой, Милордъ Картеретъ, былъ въ верховномъ совѣтѣ и говорилъ предъ обѣма Парламентами слѣдующую рѣчь» [3]). (Затѣмъ приводится самая рѣчь. Приводились также рѣчи англійскаго короля къ своему парламенту).

«Изъ Лондона, отъ 1 дня генваря. Здѣсь еще сумнѣваются о счастливомъ поспѣшествованіи трактатовъ между нашимъ и Гишпанскимъ дворами [4]), ибо хотя слухъ вездѣ разсѣянъ былъ, что король Гишпанскій прелиминарные артикулы къ предбудущему общему миру подтвердилъ, то однакожъ извѣстны мы здѣсь, что сіе токмо подъ нѣкоторыми кондиціями учинилось, которые нашему двору отъ Гишпаніи предложены». (id. № 6).

---

[1]) «Прим». 1768 г № 2.
[2]) Примѣчаніе редакціи Петерб. вѣдомостей.
[3]) «Прим». 1728 г. № 3.
[4]) Здѣсь говорится о Суассонскихъ конференціяхъ.

«Изъ Рима, отъ 14 дня февраля. Во вторникъ къ вечеру окончены карневальскія увеселенія, ко удовольствію всякаго, при пусканіи лошадей въ запуски въ Алкорзѣ. (Сія есть одна изъ красивѣйшихъ улицъ здѣсь, гдѣ варварскіе [1]) лошади въ запуски бѣгаютъ, и знатнѣйшіе особы въ Воскреные и праздничные дни гуляютъ»). [2]). (id. № 21).

«Изъ Штрасбурга пишутъ, что нѣкоторая особа женскаго полу, не бывъ за мужемъ, въ 60 году отъ рожденія ея, 23 дня прошлаго мѣсяца февраля умерла, у которой нижняя часть чрева отъ времени до времени великая стала, которая однакожъ весьма никакой болѣзни не чувствовала, и какъ тамошніе медики, хотя они при лѣченіи ея всякіе лѣкарства употребляли, ей никакую пользу учинить не могли, то стали они оную по смерти ея анатомировать, дабы имъ причину такой необыкновенной болѣзни открыть, и нашли внутри чрева ея великую змѣю». [3]) (id № 22).

При передачѣ политическихъ извѣстій, Миллеръ не позволялъ себѣ быть ихъ судьею и держался только фактовъ, которые почерпалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ иностранныхъ газетъ. Какъ смотрѣли въ то время на участіе «непризванныхъ лицъ» въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ—покажетъ намъ «копія съ письма изъ Амстердама», напечатанная въ № 88 С.-Петерб. Вѣдомостей за 1728 г. Здѣсь идетъ рѣчь объ одной юмористической статьѣ или брошюрѣ,—напечатанной, какъ видно, во Франціи,—гдѣ «мирныя дѣла,»

---

[1]) Т. е. варварійскія.

[2]) Миллеръ, и въ самомъ текстѣ С.-Петерб. Вѣдомостей, часто дѣлалъ подобныя объясненія.

[3]) Вѣроятно—солитеръ?

(т. е. конференціи въ Суассонѣ) «представлены, яко картеная (карточная) игра, и 20 и большее число персонъ въ одной квадриллѣ представляются». По словамъ корреспондента, это «безобразное ума разсужденіе принято у многихъ за благо», и онъ очень безпокоится, чтобы эта насмѣшка и въ Петербургѣ «не была такимъ же образомъ принята». Коснувшись вообще права частныхъ лицъ обсуждать политическія дѣла, корреспондентъ отзывается такъ: «Воинскихъ и мирныхъ дѣлъ основательно разсуждать суть, по моему мнѣнію, токмо тѣ достойны, которые случаи имѣютъ съ знатными министрами обходиться и которые о ихъ тайныхъ дѣлахъ извѣстны. Нѣкоторые принуждены скорлупами довольствоваться вмѣсто того, что сіи ядра находятъ; и когда такой, который сіе счастіе не имѣетъ, думаетъ, что онъ подлинно прицѣлилъ, то находится часто, что онъ въ средину цѣли не потрафилъ.»

«Что есть страннѣе—продолжаетъ нашъ авторъ—яко то, когда кто дѣйствительныя и важныя дѣла смѣшно изображаетъ? Что хуждшѣе, яко то, когда кто 20 и большее число персонъ въ одной квадриллѣ представляетъ? что есть обыкновеннымъ правиламъ въ разсужденіи противнѣе, яко то, когда кто склоненіямъ нрава (т. е. своей прихоти) надъ мудростью власть даетъ и въ самомъ началѣ измѣняетъ, къ какой партіи онъ склоняется? и что напослѣдокъ безразумнѣе, яко то, когда кто такіе персоны въ игру (т. е. въ игру картежную) вмѣняетъ, которые до оной весьма не касаются».

«Разсудите сами—заключаетъ корреспондентъ—ежели сіе жесточайшаго разсмотрѣнія не стоитъ. Я оное письмо того ради къ вамъ посылаю, дабы вы со мною о слабости изда-

теля сожалѣли... Воздержность издателя да защищается такъ, какъ можетъ; такъ именуемое благое разсужденіе, которымъ французскій народъ хвалится (статья появилась во Франціи) изъ него не узнавается, или, ежели оное отъ прежнихъ временъ такъ изъ порядка вышло, то-бъ хорошо было, когда-бъ особливое собраніе учредить, котораго члены постарались бы, чтобъ оное въ прежнее состояніе, чисто и безъ фальши, привести. Но находится мало таковыхъ людей въ свѣтѣ, которые основательнаго и добраго разсужденія суть».

Итакъ, по мнѣнію амстердамскаго корреспондента—лица, повидимому принадлежавшаго къ вліятельному кругу,—сообщеніе публикѣ политическихъ извѣстій лежитъ на обязанности свѣдущихъ людей, близкихъ къ министрамъ, и нужно даже учредить «особливое собраніе», которое бы имѣло своей спеціальной задачею: заботиться о приведеніи этихъ извѣстій «въ чистоту и безъ фальши»,—если ужь они разъ искажены несвѣдущею рукою.

Подобный же немудреный взглядъ на журналистику, какъ на оффиціальный отчетъ о дѣятельности оффиціальныхъ собраній, высказываетъ и Ломоносовъ, не возвысившійся въ этомъ случаѣ надъ уровнемъ обыденныхъ воззрѣній. Разница состоитъ только въ томъ, что Ломоносовъ совсѣмъ даже изгоняетъ современную политику изъ круга журнальныхъ обсужденій и ограничиваетъ этотъ кругъ одними резонированными выборками изъ академическихъ изданій и мемуаровъ. Взглядъ этотъ высказанъ былъ Ломоносовымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1754 г., въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ (Commentaria de rebus in scientia naturali et medicina gestis) по-

явилась очень злая рецензія на ученыя работы нашего знаменитаго академика, особенно нападавшая на его новыя теоріи о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и объ упругости воздуха. Рецензія эта принадлежала, кажется, лейпцигскому профессору Кестнеру, извѣстному въ то время математику и сатирику, который, по выраженію Эйлера—«не умѣлъ держать въ уздѣ своего сатирическаго духа», и своими колкими насмѣшками возстановилъ противъ себя почти всѣхъ своихъ ученыхъ современниковъ. Ломоносовъ,—крайне самолюбивый и всегда раздражительный, если дѣло касалось его ученой дѣятельности, — не оставилъ, конечно, безъ возраженія помянутую рецензію и отвѣтилъ противъ нея цѣлой диссертаціей, въ которой для насъ интересны: какъ предисловіе, заключающее въ себѣ разсужденіе «о должности журналистовъ» такъ и конечные выводы или совѣты автора *).

«Всякій знаетъ—говоритъ Ломоносовъ въ началѣ своего разсужденія—какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства, и мѣсто его заступила свобода сужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожь далеко не было бы такъ велико, еслибъ бòльшая часть пишущихъ не смотрѣли на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того, что-

*) Диссертація эта, написанная на латинскомъ языкѣ, была, по ходатайству Эйлера, переведена Формеемъ на французскій языкъ для журнала: «Bibliothèque Germanique» и тамъ напечатана въ 1755 г. Мы пользуемся русскимъ переводомъ ея, сдѣланнымъ г. Куникомъ въ «Сборникѣ матеріаловъ для исторіи имп. академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ». (Спб. 1865 г).

бы имѣть въ виду точное и основательное изслѣдованіе истины. Оттого-то происходитъ столько излишне-смѣлыхъ выводовъ, столько странныхъ системъ, столько противорѣчивыхъ мнѣній, столько заблужденій и нелѣпостей, что науки были бы давно подавлены этою грудою хлама, еслибъ ученыя общества не старались соединенными силами противодѣйствовать такому бѣдствію. Только что люди замѣтили, что въ потокѣ литературы смѣшаны истина съ ложью, вѣрное съ невѣрнымъ, и что наука подвергается опасности лишиться всякаго дѣйствія, если она не будетъ выведена изъ этого положенія, — образовались общества ученыхъ и учреждены были какъ бы литературныя судилища для оцѣнки сочиненій, съ тѣмъ, чтобы отдавать каждому автору справедливость на основаніи самыхъ точныхъ началъ естественнаго права. Таково (въ равной мѣрѣ) происхожденіе академій и обществъ, завѣдывающихъ изданіемъ журналовъ. Первыя наблюдаютъ, чтобы, до выхода въ свѣтъ, сочиненія ихъ членовъ подвергались строгому разсмотрѣнію, которое не допускало бы примѣси заблужденія къ истинѣ, не позволяло бы выдавать однѣхъ гипотезъ за достовѣрныя положенія и стараго за новое. Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій съ присоединеніемъ къ нимъ иногда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о какихъ нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполненію. Цѣль и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобъ быстрѣе распространять въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами».

Сблизивъ и даже отожествивъ такимъ образомъ задачи ученыхъ обществъ и журналистики, Ломоносовъ замѣчаетъ далѣе, что «излишне было бы указывать: сколько услугъ академіи оказали наукамъ своими прилежными трудами и учеными мемуарами, какъ усилился и распространился свѣтъ истины съ тѣхъ поръ, какъ возникли эти полезныя учрежденія.» Но гораздо менѣе доволенъ онъ результатами быстраго развитія журналистики. «Журналы—по его мнѣнію—также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, еслибъ издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля—вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ; воля,—чтобы, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ истины, нисколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположенія, не сдѣлали бы этого, еслибъ,—какъ было ужъ замѣчено,—ихъ не подстрекнулъ къ тому голодъ и не заставилъ ихъ судить и рядить о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ трудъ, его непремѣнно очернитъ и растерзаетъ какой нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ. Послѣ того, количество журналовъ такъ умножилось, что уже некогда было бы читать книги

полезныя и нужныя или самому думать и трудиться, еслибъ кто захотѣлъ собирать у себя и только перелистывать Эфемериды, Ученыя газеты, Литературныя записки, Библіотеки, Комментаріи и другія періодическія изданія этого рода. Потому разсудительные читатели и держатся только такихъ журналовъ, которые признаны за лучшіе, и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жалкія компиляціи, которыя только переписываютъ или искажаютъ сказанное другими, и которыхъ вся заслуга въ томъ, что онѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, расточаютъ желчь и ядъ. Журналистъ свѣдущій, проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ то въ родѣ феникса».

Выразивъ далѣе сожалѣніе о томъ, что журнальная критика «вредитъ репутаціи ученыхъ, уничтожаетъ истину» и угрожаетъ «погубить совершенно свободу разсужденія» (?)—Ломоносовъ, въ заключеніе своей диссертаціи, находитъ необходимымъ «предписать такимъ критикамъ точныя границы, въ которыхъ имъ слѣдуетъ оставаться», и тутъ же указываетъ эти границы въ семи пунктахъ, совѣтуя «затвердить ихъ хорошенько» какъ лейпцигскому журналисту, такъ и всѣмъ его собратьямъ:

«1. Кто берется сообщать публикѣ содержаніе новыхъ сочиненій, долженъ напередъ взвѣсить свои силы, ибо онъ предпринимаетъ трудъ тяжелый и весьма сложный, котораго цѣль не въ томъ, чтобы передавать вещи извѣстныя и истины общія; но чтобъ умѣть схватить новое и существенное въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ иногда людямъ самымъ геніальнымъ (кажется, скромный намекъ на самого автора диссертаціи). Говорить о нихъ невѣрно и неразсудительно, значитъ подвергать себя презрѣнію и по-

смѣянію, значитъ уподобляться карлу, который захотѣлъ бы поднять на своихъ плечахъ горы».

«2. Чтобъ быть въ состояніи произнести приговоръ искренній и справедливый, надобно освободить свой умъ отъ всякаго предразсудка, отъ всякаго предубѣжденія, и не требовать, чтобъ авторы, которыхъ мы беремся судить, рабски подчинялись идеямъ, господствующимъ надъ нами (soient servilement astreints aux idées qui nous dominent), считая и безъ того этихъ писателей нашими истинными врагами, съ которыми мы призваны вести открытую войну».

«3. Сочиненія, о которыхъ отдается отчетъ, должны быть раздѣлены на два разряда: къ первому принадлежатъ сочиненія одного автора, писавшаго ихъ, какъ частное лицо; ко второму—труды, издаваемые цѣлыми корпораціями съ общаго согласія, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи. И тѣ, и другіе заслуживаютъ, конечно, всякаго вниманія и уваженія со стороны критики: нѣтъ такого сочиненія, которое не требовало бы соблюденія естественныхъ законовъ справедливости и приличія. Нельзя однакожь не согласиться, что нужно вдвое болѣе осторожности, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ, уже носящихъ на себѣ печать уважительнаго одобренія (qui portent déjà le sceau d'une approbation respectable), просмотрѣнныхъ и признанныхъ достойными изданія отъ лицъ, которыхъ совокупныя знанія естественно превосходятъ свѣдѣнія журналиста, и прежде, нежели онъ рѣшится указывать недостатки и осуждать, онъ долженъ неоднократно взвѣсить то, что̀ намѣренъ сказать, для того чтобъ быть въ состояніи поддержать и оправдать свои слова, если въ томъ встрѣ-

тится надобность. Такъ какъ сочиненія этого рода бываютъ обыкновенно тщательно обработаны, и предметы въ нихъ разсматриваются систематически, то малѣйшіе пропуски или неточности могутъ подать поводъ къ опрометчивымъ сужденіямъ, которыя уже и сами по себѣ постыдны, но становятся такими еще болѣе, когда въ нихъ ясно высказываются небрежность, невѣжество, поспѣшность, духъ партій и недобросовѣстность».

«4. Журналистъ не долженъ торопиться порицать гипотезы. Онѣ позволительны въ предметахъ философскихъ, и это даже единственный путь, которымъ величайшіе люди успѣли открыть истины самыя важныя. Это какъ бы порывы, доставляющіе имъ возможность достигнуть знаній, до которыхъ умы низкіе и пресмыкающіеся въ пыли (les esprits objects et rampants dans la poussière) никогда добраться не могутъ».

«5. Особенно же пусть журналистъ запомнитъ, что всего безчестнѣе для него красть у кого либо изъ собратьевъ высказываемыя имъ мысли и сужденія и присвоивать ихъ себѣ, какъ будто бы онъ самъ придумалъ ихъ, тогда какъ ему извѣстны едва заглавія книгъ, которыя онъ уничтожаетъ. Такъ бываетъ часто съ наглымъ рецензентомъ, который отваживается дѣлать извлеченія изъ книгъ физическихъ и медицинскихъ».

«6. Журналисту позволяется опровергнуть то, что̀, по его мнѣнію, заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это вовсе не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе (quoique ce ne soit pas son objet direct et sa vocation proprement dite). Но кто уже разъ берется за

то, (тотъ) долженъ вполнѣ ознакомиться съ мыслями автора, разобрать всѣ его доказательства и противопоставить имъ дѣйствительныя возраженія и основательные доводы, прежде нежели онъ присвоитъ себѣ право осуждать другого. Одни сомнѣнія и произвольные вопросы не даютъ этого права, ибо нѣтъ такого невѣжды, который не могъ бы предложить гораздо болѣе вопросовъ, нежели сколько самый свѣдущій человѣкъ въ состояніи рѣшить. Журналистъ не долженъ особенно воображать, что непонятное и необъяснимое для него—таково же и для автора, который могъ имѣть свои причины (?) къ тому, чтобы сократить или опустить нѣкоторыя обстоятельства».

«7. Наконецъ, онъ никогда не долженъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ, о своемъ авторитетѣ и о достоинствѣ своихъ сужденій. Выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ (la fonction qu'il exerce étant déjà par elle-même désagréable à l'amour propre de ceux qui en sont objet): было бы, съ его стороны, очень неблагоразумно оскорблять ихъ намѣренно и вынуждать къ обнаруженію его безсилія (désobliger volontairement et de les forcer à mettre au grand jour son insuffisance)».

Нельзя не замѣтить, что, помимо добрыхъ совѣтовъ, полезныхъ въ равной мѣрѣ какъ для журналистовъ, такъ и для академиковъ (какъ напр. совѣтъ «не имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ и авторитетѣ»),—диссертація эта больше выражаетъ собой негодованіе уязвленнаго автора, чѣмъ достаточное пониманіе той «должно-

сти журналиста», о которой взялся разсуждать онъ. Недобросовѣстные и невѣжественные люди, — берущіеся не за свое дѣло и вносящіе въ него элементы разложенія,— встрѣчаются, конечно, во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности; но едва ли основательно было со стороны Ломоносова видѣть ихъ почти исключительно въ журналистикѣ, гдѣ, будто бы, нельзя и найти «свѣдущаго, проницательнаго и справедливаго» человѣка. Прямое опроверженіе этому взгляду представилось сейчасъ же въ лицѣ того журналиста, который отнесся вполнѣ уважительно къ претензіи Ломоносова и далъ ей возможность публично же высказаться, не смотря на то, что раздраженный ученый клеймилъ смаху все сословіе, къ которому принадлежалъ, между прочимъ, и этотъ «справедливый» журналистъ. Но независимо отъ вопроса о бо̀льшей или меньшей личной порядочности тогдашнихъ журнальныхъ дѣятелей,— самый взглядъ Ломоносова на задачу и характеръ журнальнаго дѣла никакъ не можетъ быть признанъ правильнымъ, ибо въ немъ упущена цѣликомъ изъ виду вся общественно-политическая роль журналистики. Учебная книга, академическій мемуаръ дѣлаютъ излишнимъ, по этому взгляду, всякое періодическое изданіе, а взрослая публика трактуется авторомъ диссертаціи, какъ учащееся юношество.

Ломоносовъ едва разрѣшаетъ журналисту «опровергать въ разбираемыхъ сочиненіяхъ то, что̀ заслуживаетъ опроверженія,» и обязываетъ его только передавать ихъ содержаніе, съ соблюденіемъ особой почтительности,—равняющейся подобострастію, — къ коллективнымъ трудамъ ученыхъ

корпорацій. Насколько журналисты вѣтрены, необразованы и корыстны, настолько же члены «ученыхъ корпорацій» солидны, свѣдущи и руководимы только одними высшими научными интересами. Такимъ образомъ, патентованная ученость, которая и безъ того наклонна застыть въ своемъ неподвижномъ величіи, являлась сама себѣ судьею и получала безраздѣльное право вязать и рѣшить всѣ научные и литературные вопросы. Совершенно аналогическая мысль,— только перенесенная въ область политики,—мысль о необходимости «особливыхъ собраній», соотвѣтствующихъ ученымъ корпораціямъ Ломоносова, была высказана и въ цитированномъ нами письмѣ амстердамскаго корреспондента С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

Успѣхъ «Примѣчаній» внушилъ Миллеру намѣреніе заняться изданіемъ ежемѣсячнаго учено-литературнаго журнала, съ цѣлью распространить въ русской публикѣ серьезныя научныя познанія, относящіяся главнымъ образомъ къ прошедшему и настоящему быту Россіи. Назначенный въ началѣ 1754 г. конференцъ-секретаремъ академіи, Миллеръ немедленно предложилъ ей приступить къ такому изданію, а вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ подробную программу журнала и принялъ на себя его редакцію подъ наблюденіемъ особаго академическаго комитета. Изданіе появилось въ 1755 г. подъ именемъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», но въ теченіе десятилѣтняго своего существованія оно три раза мѣняло это первоначальное названіе. На первомъ планѣ стояли здѣсь ученыя изысканія самого Миллера по русской исторіи; но въ журналъ были введены также и другого рода статьи, безъ раздѣленія ихъ на особыя рубрики (которыя появились, въ

первый разъ, въ карамзинскихъ журналахъ),—введены уже не для «пользы», а для «увеселенія» читателей. Въ предисловіи къ журналу говорилось: «Предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ и пр. къ поправленію чего нибудь поводъ подать могутъ... Для сохраненія благопристойности и для отвращенія противныхъ слѣдствій вноситься не будутъ сюда никакіе явные споры или чувствительныя возраженія на сочиненія другихъ, ниже̂ иное что съ обидою написанное на кого бы то ни было... Мы равномѣрно желаемъ, чтобъ и стихотворцы сочиненія свои намъ сообщали, между которыми могутъ быть и забавныя; то мы надѣемся, что сочинители оныхъ ни до кого персонально касаться не будутъ». Такимъ образомъ, въ журналѣ печатались нравоучительныя притчи, сны, повѣсти — оригинальныя и переводныя изъ англійскихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Характеръ этихъ нравоученій и сатиръ былъ еще не таковъ, какимъ онъ сталъ въ позднѣйшее время: Миллеръ очень опасался всякихъ «персональныхъ указаній» и «противныхъ слѣдствій» полемики, потому и въ сатирахъ его журнала развивались только однѣ общія идеи, въ самой отвлеченной и безобидной формѣ. Форма аллегоріи считалась самой удобной для такого кроткаго исправленія нравовъ; нравственныя идеи, пересыпанныя нападками на общечеловѣческіе пороки, излагались въ видѣ сновъ, разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ и т. п. Для пущаго обличенія зла, авторъ бралъ названіе какого

нибудь ходячаго порока и разсказывалъ его исторію, какъ-то: союзъ съ другими пороками и вражду съ добродѣтелью. Въ подобномъ родѣ есть, напримѣръ, одна «Аллегорія», въ которой разсказывается о гордости, что она «родилась отъ упрямства и презорства; ненависть и зависть были дѣдъ и бабка съ отцовской, а безуміе и самолюбіе—съ материнской стороны». Гордость вступаетъ потомъ въ бракъ съ честолюбіемъ, губитъ мужа и сама погибаетъ. Въ другихъ беллетристическихъ произведеніяхъ развивается мысль, что «благость и милосердіе потребны героямъ», что «монаршее имя любовью къ подданнымъ безсмертіе пріобрѣтаетъ» и т. п. По части серьезныхъ статей съ научнымъ характеромъ, Миллеръ переводилъ изслѣдованія Бюффона, Линнея, статьи медицинскаго содержанія и пр. и пр. Современныя извѣстія оставались въ окончательномъ пренебреженіи: они ограничивались, и то рѣдко, описаніемъ фейерверковъ, придворныхъ церемоній, пріема пословъ и т. п. Критика была еще въ зародышѣ и не считалась необходимой принадлежностью журнала. Поэтому «Ежемѣсячныя сочиненія» представили, за первыя 8 лѣтъ своего существованія, только двѣ критическія статьи, изъ которыхъ въ одной разбиралась трагедія Сумарокова: «Синавъ и Труворъ». Но за то съ 1763 г. появляется въ журналѣ постоянная библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

Съ 1756 г. стали выходить въ Москвѣ, при университетѣ, «Московскія Вѣдомости» (дважды въ недѣлю) по образцу Петербургскихъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ издавались при Миллерѣ. Первыми редакторами ихъ были Поповскій и Барсовъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ академическихъ вѣдомостяхъ,

печатались преимущественно иностранныя политическія извѣстія, безъ всякой тенденціи, а также новости собственно московскія: описаніе университетскихъ празднествъ, объявленія отъ университета и присутственныхъ мѣстъ.

Итакъ, кромѣ элементарно-поучительнаго характера, въ изданіяхъ Миллера впервые пробилась и сатирическая струя, скованная первоначально своей аллегорической формой. Но этой слабой струѣ предстояло скоро разростись въ довольно широкій потокъ. Въ 1759 г. одинъ изъ сотрудниковъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», сатирикъ и драматургъ Сумароковъ открылъ свой собственный журналъ, подъ названіемъ «Трудолюбивой Пчелы», въ которомъ сатирѣ отводилось уже болѣе мѣста и значенія, чѣмъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ». Сумароковъ осмѣивалъ не пороки вообще, а пороки русскаго общества въ частности. Еще полнѣе выразилось это сатирическое направленіе въ цѣломъ рядѣ журналовъ, возникшихъ при Екатеринѣ II. — Извѣстно, что въ первое время своего царствованія Екатерина II, торжественно осудивъ своего предшественника за «развращеніе всего того, что Петръ Великій въ Россіи установилъ», дала обѣщаніе заботиться единственно о благосостояніи своего государства, «дабы вывести усердныхъ сыновъ Россіи изъ унынія и оскорбленія». Императрица издала, одинъ за другимъ, нѣсколько указовъ, или облегчавшихъ народныя тягости, или осуждавшихъ, рѣзко и безпощадно, весь прежній порядокъ дѣлъ. Сюда относятся: указъ объ уничтоженіи ненавистной всѣмъ тайной канцеляріи и другой—о лихоимствѣ—гдѣ съ замѣчательной прямотою было раскрыто все зло, господствовавшее въ то время въ нашихъ судахъ. Либеральное настроеніе

императрицы, желавшей прослыть «россійской Минервой», отразилось и въ тогдашней литературѣ. Понимая, подобно Петру I, значеніе печати для успѣшнаго проведенія въ общество извѣстныхъ взглядовъ, Екатерина сама прибѣгала къ литературнымъ средствамъ и охотно дозволяла другимъ пользоваться свободой слова,—поскольку это не противорѣчило ея государственнымъ видамъ и тѣмъ особеннымъ, полузависимымъ отношеніямъ, въ которыя историческая судьба поставила ее къ правящимъ классамъ русскаго народа.

Вслѣдствіе этого, положеніе тогдашнихъ журналовъ было не очень завидное; при всей своей невинности, они получали право нападать только на то, что было уже и безъ нихъ осуждено высшею властью. Писатели, которые пробовали распространить свои критическія наблюденія нѣсколько дальше обычной мѣрки, встрѣтились съ самыми затруднительными препятствіями, которыхъ, конечно, они не могли преодолѣть. Исторія притѣсненій, которымъ подверглись въ это время наши сатирическіе журналы, достаточно знакома публикѣ, и мы только напомнимъ ее въ главныхъ чертахъ. Въ 1769 г. появился еженедѣльный сатирическій листокъ «Всякая Всячина», въ изданіи котораго принимала непосредственное участіе сама императрица (см. «Матеріалы для исторіи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II;» Зап. Ак. Н., прил. къ III т., № 6.) Направленіе этого листка было умѣренно-либеральное; въ немъ вліятельный кружокъ развивалъ инкогнито свои мысли по разнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогда общественное мнѣніе. Примѣръ «Всякой Всячины» увлекъ на это поприще и другихъ писателей: вслѣдъ за ней появился въ томъ же году рядъ

новыхъ изданій: «И то, и се», «Ни то, ни се» (Рубана), «Поденщина» (Тузова), «Смѣсь», «Трутень» (Новикова) и «Адская почта» (Эмина). Кромѣ того, полгода выходило «Полезное съ Пріятнымъ». Но всѣ эти изданія прекратились въ концѣ года; только два изъ нихъ: «Барышокъ Всякія Всячины» (т. е. остатокъ прошлогоднихъ статей) и «Трутень» перешли на слѣдующій 1770 годъ. Самымъ смѣлымъ изъ этихъ журналовъ былъ, конечно, «Трутень» Новикова. Въ первыхъ же листкахъ своего еженедѣльнаго изданія смѣлый писатель напалъ съ такимъ ожесточеніемъ на взяточниковъ и ихъ покровителей, что осторожная «Всякая Всячина» сочла нужнымъ тогда же напечатать отповѣдь, въ которой вина неправосудія слагалась съ чиновниковъ на общество, давно привыкшее къ ябедѣ и сутяжничеству. При этомъ «Всякая Всячина» удостовѣряла, что «можетъ быть, никогда и нигдѣ какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая монархиня», и что «ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива и желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея области». Вопросъ о взяточничествѣ ставился здѣсь такимъ образомъ, что излишняя горячность въ преслѣдованіи его могла быть растолкована, какъ обида для верховной власти. Подобная постановка вопроса повела къ тому, что въ началѣ 1770 г. «Трутень» всѣ свои нападки на взяточниковъ помѣчалъ заднимъ числомъ, т. е. относя ихъ къ неустройству прежняго управленія,—тогда какъ въ первый годъ изданія онъ смотрѣлъ далеко не такъ благодушно на процвѣтаніе правосудія въ нашемъ отечествѣ. «Скажи, пожа-

луй—спрашивалъ, во 2-мъ листѣ «Трутня», (1769 г.) взяточникъ-дядя своего племянника—для чего ты не хочешь идти въ приказную (службу)? Почему она тебѣ противна? Ежели ты думаешь, что она, по нынѣшнимъ указамъ, не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли; но со всѣмъ тѣмъ годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку». Только одни прокуроры (должность, только что учрежденная въ то время) мѣшаютъ воровству и, по пословицѣ: «новая метла чисто мететъ», стараются замѣнить закономъ—беззаконіе. «Нажилъ бы я еще и не то—сѣтуетъ взяточникъ—ежели бы прокуроръ со мною былъ посогласнѣе; но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ несговорчивымъ, что, какъ его не уговаривай, только онъ, какъ козьи рога, въ мѣхъ не лѣзетъ... Прокуроръ нашъ человѣкъ молодой и, сказываютъ, что ученый, только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ, накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я одинажды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ, котораго святаго въ тотъ день празднуется память,—такъ куда онѣ годятся? Я на всѣ его книги святцовъ своихъ не промѣняю». Но и эти неожиданные враги, по мнѣнію взяточника, ненадолго остановятъ разгулъ корысти. «Научился (прокуроръ) дѣлать вирши—иронически замѣчаетъ онъ—которыми думалъ насъ оплетать; только самъ онъ чаще попадается въ наши верши (т. е. сѣти). Мы его частехонько за носъ поваживаемъ. Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по

наукамъ, а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло, а судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію, въ чемъ и секретари много намъ помогаютъ». Изъ этихъ словъ выходитъ уже, что прокурорскій надзоръ—несмотря на то, что онъ досаждалъ по временамъ судьямъ,—не въ силахъ былъ улучшить дѣла, имѣвшаго глубокіе органическіе недостатки: въ отсутствіи гласности, въ «гибкости» закона, въ общемъ невѣжествѣ и т. п. Еще больше утѣшаетъ взяточника та пріятная надежда, что его племянникъ, благодаря протекціи «знатныхъ господъ», можетъ и самъ попасть въ прокуроры, а затѣмъ стакнуться съ дядюшкой и вдвоемъ обирать народъ такъ искусно, что на нихъ «и просить нельзя будетъ». Но такія зловѣщія пророчества, разумѣется, не нравились императрицѣ....

Еще рѣзче оборвали Новикова, когда онъ вздумалъ коснуться, въ прозрачныхъ обличеніяхъ, разныхъ высоко-поставленныхъ лицъ, или тѣхъ—по его словамъ—«большихъ бояръ, которые угнетаютъ истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество, и съ которыми хуже имѣть дѣло, чѣмъ съ лютымъ тигромъ». Вслѣдъ за появленіемъ подобныхъ статей, издатель «Трутня» получилъ письмо отъ одного изъ своихъ доброжелательныхъ читателей, въ которомъ его предостерегали, что статьи такого содержанія дурно принимаются при дворѣ. Между прочимъ, авторъ письма приводитъ весьма выразительныя слова одного «придворнаго господчика», сказанныя имъ про издателя «Трутня»: «Не

въ свои-де этотъ авторъ садится сани. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ («Трутень» помѣстилъ въ IV-мъ листѣ разсказъ о томъ, какъ одна знатная барыня украла изъ гостинаго двора два мотка золотыхъ и серебряныхъ сѣтокъ), на судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе. Полно-де его недавно отпряла «Всякая Всячина» очень хорошо; это еще ничего: въ старыя времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія (т. е. въ Сибирь, по объясненію г. Пекарскаго); но нынче-де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ, и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь-де знатный господинъ—не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга. Знать, что-де онъ не слыхивалъ, что были на Руси сатирики и не въ его пору, но и тѣмъ рога посломали. («Трутень», въ изданіи П. А. Ефремова, л. VIII, стр. 51). Письмо оканчивается благимъ совѣтомъ—«не наводить зеркала на лица знатныхъ бояръ и боярынь».

Нападки на «Трутень» со стороны «Всякой Всячины»,—которыми такъ восхищается «придворный господчикъ»,—дѣйствительно заслуживаютъ вниманія по своему принципіальному характеру. Война возгорѣлась по поводу того, что наши сатирическіе журналы увлеклись, по мнѣнію «Всякой Всячины», своими обличительными стремленіями и начали слишкомъ явственно «цѣлить на особъ» вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду одни лишь пороки. Словомъ, «Вся-

кая Всячина» выразила желаніе держаться въ предѣлахъ той отвлеченной, туманно-аллегорической сатиры, которую мы встрѣчаемъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера, и также опасалась всякихъ «персональныхъ указаній» и «чувствительныхъ возраженій», несовмѣстимыхъ съ кроткимъ, безобиднымъ характеромъ подобной сатиры. Не раздѣляя обличительной строгости своего «плодовитаго потомства», бабушка русской сатиры (какъ называла себя «Всякая Всячина») выставляла на видъ такую программу: 1) не называть слабостей пороками, 2) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе и 3) не думать, чтобъ кто могъ быть совершеннымъ. Но «Трутень» не рѣшился принять рекомендуемую программу и возразилъ на нее въ очень вѣской и сдержанной статьѣ. «Я самъ того мнѣнія—говоритъ Правдолюбовъ въ V-мъ листѣ «Трутня» за 1769 г.—что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, однакожь не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслью и душою госпожа ваша прабабка, давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе, слабой совѣсти, люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣческія обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ, но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе называть пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потакаетъ... Не понравилось мнѣ первое правило упомянутой гос-

пожи, то есть, чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Іоаннъ и Иванъ—не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ, ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да и я не знаю, что̀, по мнѣнію сей госпожи, значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостью называется: въ кого нибудь по уши влюбиться, т. е. въ чужую жену или дочь; а изъ сей мнимой слабости выходитъ — обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женою или отца съ дѣтьми; и это будто не порокъ?.. Любить деньги есть также слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различія».

Возраженія эти крайне не понравились «Всякой Всячинѣ», и она, назвавъ ихъ несправедливо «ругательствами», обвинила «Трутень» въ томъ, что онъ «исключаетъ снисхожденіе, истребляетъ милосердіе» и даже требуетъ будто бы «за все да про все кнутомъ сѣчь». Вообразивъ себѣ все это, «Всякая Всячина» не затруднилась уже дать «Трутню» человѣколюбивый совѣтъ полѣчиться,—«дабы черные пары и желчь не оказывалися даже и на бумагѣ, до коей онъ дотрогивается». Правдолюбовъ, однако, не смолчалъ. «Госпожа «Всякая Всячина»—пишетъ онъ въ отвѣтъ на гнѣвную реплику—на насъ прогнѣвалась, и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но те-

перь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ... Въ пятомъ листѣ «Трутня» ничего не писано, какъ думаетъ госпожа «Всякая Всячина», ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа «Всякая Всячина» такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ. Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная, но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся... Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце, потому что, по ея мнѣнію, исключаю моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется, я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изреченіе знающему россійскій языкъ и правду не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію. Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю—мнѣ ли больше приличенъ или сей госпожѣ? Она, сказавъ, что на пятый листъ «Трутня» отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ сдѣ-

лалась видна. Когда жь она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то, кажется, для очищенія ея мыслей и внутренности, небезполезно ей и полѣчиться».

Въ журнальной полемикѣ приняли участіе и другіе сатирическіе листки: «Смѣсь» и «Адская Почта» стали на сторону «Трутня»; журналъ «И то, и се» вступился за «Всякую Всячину» *). Съ особенной ѣдкостью отзывалась «Смѣсь» о литературныхъ претензіяхъ «Всякой Всячины» и открещивалась отъ всякаго родства съ нею. «Я вижу въ городѣ—читаемъ мы въ этомъ журналѣ — такую бабушку, которая всѣхъ писателей журналовъ включаетъ въ свое племя и всегда ворчитъ на нихъ сквозь зубы: изъ чего заключаю, что они не отъ нея происходятъ, а она сама на нихъ клеплетъ. Но почто же называться роднею? Или она уже выжила изъ ума? Сомнѣніе мое часъ отъ часу умножается. Я разсматривалъ ея труды и послѣ сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ ни малыхъ слѣдовъ, чтобъ она была способна къ такому дѣторожденію, ибо послѣдніе ея внучата поразум-

---

*) «Адская Почта» издавалась ежемѣсячно Ѳ. А. Эминымъ во второй половинѣ 1769 г., а издателемъ «И то, и се» (еженедѣльн. журналъ) былъ М. Д. Чулковъ; что же касается до «Смѣси», выходившей еженедѣльно съ 1 апр. 1769 г., то имя ея издателя осталось, до сихъ поръ, неизвѣстнымъ. Приписывали это изданіе Новикову,—вѣроятно, основываясь на бойкости сатиры и солидарности его направленія съ «Трутнемъ»,—но, по мнѣнію А. Н. Аѳанасьева, такое предположеніе «едва-ли справедливо». (См. «Русскіе сатирич. журналы», изслѣдов. Аѳанасьева, стр. 260—61). По прекращеніи журнала, издатель «Смѣси» обращался въ редакцію «Трутня» для объясненій съ своими прежними читателями. («Трутень» 1770 г. л. XI и XII).

нѣе бабушки; въ нихъ я не вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она запуталась. Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной—даетъ имъ послабленіе. Она говоритъ, что подьячихъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки, а это такъ на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое. Сія же старушка совѣтуетъ: чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно; всякій сіе знаетъ, и, конечно, по-пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, еслибъ всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ, и приказовъ, и подьячимъ бы не шло государево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей защищать подьячихъ? Знать, что они-то истинное ея поколѣніе». Подтрунивая далѣе надъ самохвальствомъ «Всякой Всячины», остроумный противникъ ея говорилъ: «Знаете ли, почему она увѣнчана толиками похвалами, въ листкахъ ея видными? Я вамъ скажу. Во-первыхъ скажу, потому что многія похвалы сама себѣ сплетаетъ; потомъ по причинѣ той, что разгласила, будто въ ея собраніи многіе знатные господа находятся; и такъ нѣкоторые, можетъ статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти въ ихъ милость, засыпали похвалами «Всякую Всячину».

Былъ ли прямой, личный умыселъ въ нѣкоторыхъ колкостяхъ, приведенныхъ нами—трудно рѣшить, хотя участіе, принимаемое императрицею въ изданіи «Всякой Всячины» и могло быть извѣстно въ тогдашнемъ литературномъ кругу; но нельзя не замѣтить, что иныя изъ этихъ колкихъ остротъ

должны были показаться Екатеринѣ направленными прямо по ея адресу (какъ напр. плохое знаніе русскаго языка), и что это обстоятельство, въ придатокъ къ другимъ, также могло отразиться на судьбѣ русской журналистики. И дѣйствительно «Трутень», въ скоромъ времени, весьма понизилъ свой тонъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ уже ясно видно, что перо сатирика удерживалось боязнью сказать больше, чѣмъ слѣдовало, попасть не въ тонъ вліятельнаго кружка и подвергнуться за то прямому или косвенному порицанію. Съ такою именно опасливостью затрогивался у Новикова крестьянскій вопросъ. Въ XIV листѣ «Трутня» за 1769 г. мы встрѣчаемъ характеристику помѣщика Безразсуда, который «боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы». Безразсудъ думаетъ, что крестьяне «для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять его волю исправнымъ платежемъ оброка»,—и этою крѣпостническою философіею вызываетъ слѣдующее внушеніе сатирика: «Вообрази рабовъ твоихъ состояніе; оно и безъ отягощенія тягостно; когда жь ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, они и не смѣютъ и мыслить, что они человѣки, но почитаютъ себя осужденными за грѣхи отецъ своихъ, видя, что прочая ихъ братія у помѣщиковъ-отцовъ наслаждаются вожделѣннымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ счастію (?) ради того, что они въ своемъ званіи благополучны» и пр. Этому помѣщику, для излѣченія болѣзни, авторъ совѣтуетъ: «всякій день по два раза разсматривать кости господскія и

крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господинцомъ и крестьяниномъ». Очевидно, у автора была на умѣ мысль о несправедливости крѣпостныхъ отношеній, и эту мысль онъ выставилъ довольно прозрачно подъ видомъ сравненія помѣщичьихъ и крестьянскихъ костей; но логическаго вывода, прямаго отрицанія крѣпостнаго права и тутъ нѣтъ,—потому ли, что Екатерина не находила удобнымъ отнимать у многихъ вельможъ только что пожалованныхъ имъ крестьянъ, за содѣйствіе къ возведенію ея на тронъ, или, можетъ быть, потому, что самъ Новиковъ стоялъ исключительно на филантропической точкѣ зрѣнія и, подобно многимъ образованнымъ людямъ того времени, хлопоталъ не объ уничтоженіи, а только о смягченіи крѣпостнаго ига. Тѣмъ не менѣе, и скромныя нападки на коренное зло тогдашней общественной жизни коробили ревностныхъ защитниковъ дворянскихъ правъ.

Вслѣдствіе внѣшняго давленія, «Трутень» постепенно падалъ въ 1770 г.; издатель боялся печатать самыя рѣзкія статьи, присылаемыя къ нему, или печаталъ ихъ съ уродливыми передѣлками; сотрудники и подписчики одинаково жаловались, что журналъ за этотъ годъ сталъ «нерадивѣе» прошлогодняго. По причинѣ вынужденныхъ редакторскихъ поправокъ, случалось, что

Въ смущеніи творецъ труды свои читалъ
И зря, что самъ писалъ, того не понималъ...

Въ оправданіе свое издатель говорилъ, что не знаетъ, какъ угодить публикѣ: что въ 1769 г. всѣ бранили «Трутень» за «ругательства и подлыя мысли, печатаемыя въ немъ»; а въ 1770 г. снова бранятъ, уже за то, что въ журналѣ ни-

чего такого нѣтъ, и онъ сталъ тише воды, ниже травы. Новиковъ, конечно, понималъ, что бранили его изданіе не одни и тѣ же лица...

Въ томъ же году прекратился «Трутень», не вызвавъ, по словамъ Новикова, соболѣзнованія въ читателяхъ, уже давно недовольныхъ имъ.

Въ 1772 г. Новиковъ опять выступаетъ на журнальное поприще съ новымъ еженедѣльникомъ—«Живописецъ». Къ этой дѣятельности вызвало его появленіе комедіи: «О, время!» авторъ которой — сама императрица — осмѣивалъ довольно рѣзко ханжество, роскошь и невѣжество современнаго общества. Новиковъ сталъ подъ защиту этой комедіи и свой журналъ посвятилъ «неизвѣстному сочинителю» ея, въ такихъ восторженныхъ словахъ: «Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ правахъ, вы первый съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе... Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію разумныхъ единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Мольеровымъ. Слѣдуйте его примѣру: взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось. Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равно

достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваемаго себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества». Съ тѣмъ вмѣстѣ Новиковъ сѣтовалъ, что авторъ комедіи скрываетъ свое имя, «достойное всеобщей благодарности», и не видѣлъ никакой достаточной къ тому причины. «Неужели—спрашивалъ онъ—оскорбя столь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли какая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда, ко счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ нами премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное въ представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чего жь осталось вамъ страшиться?» Но восторженныя похвалы не увлекли собой автора комедіи, и онъ, разглядѣвъ въ нихъ возбужденіе прежняго вопроса о преслѣдованіи порочныхъ людей, скромнымъ отвѣтомъ своимъ далъ понять, что онъ вовсе не стоитъ на одной точкѣ зрѣнія съ издателемъ «Живописца». «Никогда не думалъ я—писалъ авторъ комедіи къ своему хвалителю,—чтобъ сочиненная мною комедія: «О, время»! таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете, а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы,

приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ сдѣлали... При сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣдовательно, не выходя изъ дому своего, нашелъ въ ономъ одномъ, къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни желаній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы, и если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то тѣмъ я весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся, однако же выдавать ихъ болѣе не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедіи, что̀ для меня самого было бы комедіею, а прибыли въ томъ никому нѣтъ — Карпомъ ли, или Сидоромъ меня зовутъ». Такимъ образомъ, издатель «Живописца», видѣвшій въ появленіи комедіи новую эру для русскаго прогресса, новую, могущественную поддержку для смѣлой сатиры, долженъ былъ убѣдиться изъ отвѣта «сочинителя», что послѣдній далеко не раздѣляетъ его толкованій на свою пьесу, и что «собственная забава» и исканіе «увеселенія» отнюдь не совпадаютъ съ тѣми обличительными мотивами, которыхъ искалъ и желалъ найти Новиковъ въ замыслахъ автора. Но издатель «Живописца» не хотѣлъ замѣчать этого противорѣчія и продолжалъ въ своемъ журналѣ прежнія нападенія на «порочныхъ людей,» прикрываясь, одна-

ко, очень часто льстивыми одами, какъ напримѣръ «на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи», «на день коронованія» и т. п.

Въ V-мъ листѣ «Живописца» помѣщенъ замѣчательный «Отрывокъ изъ путешествія», въ которомъ мы снова встрѣчаемся съ картинами крѣпостнаго права.

«Бѣдность и рабство—пишетъ путешественникъ — повсюду встрѣчалися со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ: какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою, хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія одонья хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною». Затѣмъ слѣдуетъ весьма подробное описаніе деревни Раззоренной, гдѣ самый зажиточный мужикъ имѣлъ только одну корову, а несчастныя дѣти до-того были застращены именемъ барина, что боялись и подойти къ коляскѣ путешественника. Положеніе грудныхъ младенцевъ въ особенности растрогало автора. «Я вошелъ въ избу—пишетъ онъ— растворенными настежь дверями. Заразительный духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжанье безчисленнаго множества мухъ, оттуда меня выгоняли, а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ (деревня описывается въ лѣтнее время) удерживалъ въ оной. Я спѣшилъ подать по-

мощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицѣпленнымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ; я его поправилъ, и онъ успокоился. Другого нашелъ, обернувшагося лицомъ къ подущонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ и увидѣлъ, что безъ скорой помощи лишился бы онъ жизни, ибо онъ не только что посинѣлъ, но, и почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти; скоро и этотъ успокоился. Подошедъ къ третьему, увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лицо его и тѣло, и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и этому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожь сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ солому, которую онъ, барахтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и этотъ. Смотря на сихъ младенцевъ и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство,—посмотри, чего требуютъ сіи младенцы? У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ, онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ? Необходимо—нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари, сказалъ я, проливая слезы; произносите жалобы свои! наслаждай-

тесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ въ младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О, солнце!.. призри сихъ несчастныхъ!» *)

Но чтобы эта возмутительная картина не была слишкомъ обобщена и не подала повода къ новымъ нареканіямъ на журналъ, издатель «Живописца» счелъ необходимымъ, въ XIII-омъ листѣ, объяснить устами какого то «почтеннаго превосходительства», что подобныя описанія не имѣютъ въ виду оскорблять цѣлый «дворянскій корпусъ» и что они не только не «огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добродѣтелью и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ». Тѣмъ не менѣе, «превосходительство» предупреждаетъ издателя, что онъ уже нажилъ себѣ враговъ помѣщеніемъ такой статьи: «Бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго, что подлости одной (низшему классу) свойственно утопать въ порокахъ, и что, наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожь, будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны. Сіи гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о кре-

*) Не задолго до освобожденія крестьянъ, въ московскомъ журналѣ «Молва» появилось стихотвореніе, въ которомъ авторъ также соболѣзновалъ несчастнымъ младенцамъ, брошеннымъ на жнивьѣ въ страдный день. Но ожиданіе близкой реформы внушило уже и другое чувство автору:

Не плачьте горько такъ, невинные младенцы,
Юнѣйшіе земли родимой поселенцы:
Надъ вашей младостью не дремлетъ ночи тѣнь;
Вамъ брезжетъ вольный свѣтъ, вамъ всходитъ новый день!

стьянахъ: «накажу ихъ жезломъ беззаконія»—и подлинно они часто наказываются беззаконіемъ» *).

Подьячихъ и взяточниковъ-судей «Живописецъ» также не оставлялъ въ покоѣ, и на эту тему, въ V-мъ листѣ за 1772 г. (ч. II), помѣстилъ чрезвычайно-остроумное и ѣдкое письмо, будто бы полученное имъ отъ одного изъ такихъ лицъ:

«Слушай-ка, братъ Живописецъ! на шутку что ли я тебѣ достался! Не на такого ты наскочилъ. Развѣ ты не знаешь приказныхъ, такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ буди, что я передъ Владимірской поклялся, и снялъ ее матушку со стѣны въ томъ, что какъ скоро пріѣду я въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, молокососъ, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣвается признавать меня и почитать за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго совѣтника; вѣдаешь ли ты, что и въ подлости есть пословица: не поймань, не воръ, не поднята, не..... А ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня якобы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожъ не за воровство, а за взятки; а взятки—ничто иное, какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя дома, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ: правда, согрѣшилъ передъ Богомъ и передъ государемъ, многихъ пустилъ по міру, да это дѣло постороннее, и тебѣ до него

*) Далѣе слѣдуетъ фраза, прерванная у автора двумя рядами точекъ. (Изд. П. А. Ефремова, стр. 81).

нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? какъ царя не обмануть? какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана своего брата... Глупый человѣкъ, да это и указами за воровство не почитается, а называется «похищеніемъ казеннаго интереса». А похищеніе и воровство не одно: первое ничто иное, какъ утайка, а другое—преступленіе противъ законовъ и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ... Но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе и за реченную утайку сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. А прочихъ, которые приличаются въ утайкѣ большихъ суммъ, отпущаютъ жить въ свои деревни».

Никакая литературная тактика, никакіе пріемы восхваленія сильныхъ не помогли однако «Живописцу», и онъ едва дотянулъ свое существованіе до половины 1773 г. Въ 1774 г. выходилъ только одинъ «Кошелекъ», издаваемый тѣмъ же Новиковымъ, а въ слѣдующемъ 1775 г. сатирическая журналистика совсѣмъ замолкла.

Спустя нѣсколько лѣтъ, принявшись за изданіе «Утренняго свѣта» (1777—1780 г.) Новиковъ и самъ уже, подъ вліяніемъ масонства, пришелъ къ убѣжденію, нѣкогда высказанному «Всякою Всячиной», что «бичемъ сатиры» слѣдуетъ поражать не самихъ порочныхъ субъектовъ, а только отвлеченныя понятія пороковъ. «Порокъ и человѣкъ—говоритъ онъ въ «предувѣдомленіи» къ I-ой части изданія—подобны двумъ параллельнымъ линіямъ, которыя вѣчно одна другой прикоснуться не могутъ.» Нападки Новикова, въ это

время, направлялись исключительно на «французскую моду», подъ которой онъ сталъ подразумѣвать все цивилизующее вліяніе западно-европейской науки и общественной жизни, а взамѣнъ яркихъ указаній на наше домашнее зло, читатели «Утренняго свѣта» приглашались довольствоваться астрологическими соображеніями о вліяніи планетъ на землю, въ такомъ напр. родѣ: «Венера умѣренно холодна и влажна, а по своей натурѣ благопріятна»; «Сатурнъ холоденъ и влаженъ; вліяніе его почитается недобрымъ» и пр., и пр.

Сатирическое направленіе проявилось впослѣдствіи въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» (1783—1784 г.), въ которомъ главное участіе принадлежало княгинѣ Дашковой; но уже близко было время полицейскихъ преслѣдованій за непонравившееся императрицѣ «свободоязычіе». Въ 1785 г. наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ за напечатаніе книгъ, «наполненныхъ странными мудрствованіями». По поводу этихъ изданій императрица сама написала письмо московскому митрополиту Платону: «призовите помянутаго Новикова къ себѣ и прикажите испытать его въ законѣ (Божьемъ), равно и книги его типографіи освидѣтельствовать: не скрывается ли въ нихъ умствованій, несходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей». И митрополитъ Платонъ, дѣйствительно, произвелъ Новикову экзаменъ изъ православнаго катихизиса. Въ 1790 г., сентября 4, данъ былъ указъ о ссылкѣ въ Сибирь Радищева «за изданіе книги (Путешествіе изъ Петербурга въ Москву), наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремя-

щимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской».

Замѣчательно, что въ томъ же году проф. Сохацкій началъ издавать въ Москвѣ «Политическій журналъ съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей», въ которомъ описывались подробно всѣ политическія событія во Франціи и даже печатались рѣчи тогдашнихъ ораторовъ. Въ первомъ нумерѣ этого журнала (1790 г.) говорилось: «Въ 1789 г. весь свѣтъ потрясенъ былъ столь сильно, что вездѣ открылись чрезвычайныя движенія, и произошло въ Европѣ начало новой эпохи человѣческаго рода. (Курсивъ въ подлинникѣ). Послѣ многихъ столѣтій, 1789 годъ есть самый достопамятный. Со временъ крестовыхъ походовъ никогда еще не было такой эпохи, какъ сія, въ которой бы политическое мнѣніе распространилось и промчалось чрезъ всю Европу съ толикою живостью и соучаствованіемъ. Духъ свободы учинился воинственнымъ при концѣ XVIII, такъ какъ духъ религіи при концѣ XI вѣка. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, нынѣ святую свободу. Тогда ратовали противъ Саладиновъ, нынѣ противъ своихъ собственныхъ государей. Французы брали тогда крѣпости у невѣрныхъ королей, нынѣ брали они ихъ у христіаннѣйшаго. Какъ тогда, такъ и теперь энтузіазмъ превратился, во многихъ головахъ, въ круженіе и фанатизмъ. Отсѣкали людямъ головы, грабительствовали и разрушали дома и крѣпости, дабы показать права человѣчества... Но при сильныхъ превращеніяхъ невозможно избѣгнуть буйныхъ из-

лишествъ». Затѣмъ, исчисливъ всѣ политическія реформы въ разныхъ странахъ Европы, авторъ статьи продолжаетъ: «При всѣхъ оныхъ безпокойныхъ народныхъ движеніяхъ произошло, какъ выше замѣчено, начало новой эпохи человѣческаго рода, — эпоха поправленія судьбы такъ называемыхъ низкихъ состояній, — угнетеніе самопроизвольной власти, ограниченіе министерскаго и подминистерскаго деспотизма, владычества аристократовъ, или вельможъ, возлѣ престоловъ». Журналъ этотъ переводился съ нѣмецкаго и, вѣроятно, по малому числу подписчиковъ, не обратилъ на себя вниманія литературныхъ аргусовъ. Хотя въ немъ проводились взгляды умѣренной конституціонной партіи, но такая умѣренность у насъ принимала видъ непростительнаго вольнодумства, за которымъ, въ эту именно пору, уже начинали зорко смотрѣть.

Въ 1793 г. разразилась гроза надъ... прахомъ Княжнина за трагедію «Вадимъ Новгородскій», при чемъ даровитый авторъ только по случаю своей смерти не попалъ въ руки надежнаго сыщика Шешковскаго,—замѣнившаго въ «тайной экспедиціи» прежнихъ дѣятелей упраздненной «тайной канцеляріи». Наконецъ въ 1796 г. послѣдовалъ именной указъ сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій». Постановленія о предварительной цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла I, сдѣлавшаго, между прочимъ, слѣдующее распоряженіе: «Такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣва-

емъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку.» Музыкальныя ноты подвергались остракизму изъ опасенія революціонныхъ напѣвовъ, которые могли бы проникнуть къ намъ этимъ путемъ. (Полн. Собр. Зак. Т. XXVI, № 19,387).

Это распоряженіе было отмѣнено Александромъ I, ко времени котораго мы и переходимъ.

III.

Зависимое положеніе русской журналистики вообще. Характеръ первой половины царствованія Александра I-го. Мѣры и предположенія правительства. Comité du salut public. Взглядъ Новосильцева на свободу книгопечатанія. Цензурный уставъ 1804 г. Проектъ правительственнаго журнала, отвергнутый Завадовскимъ.

Мы видѣли, что происхожденіе русской журналистики относится къ тому времени, когда государственная власть, реформируя внутренній бытъ страны,—далеко отставшей въ своемъ развитіи отъ другихъ европейскихъ державъ,—прибѣгнула къ прессѣ, какъ къ удобному орудію для политической пропаганды въ извѣстномъ смыслѣ. Петръ Великій, суровый преобразователь Россіи, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея первымъ журналистомъ: подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ издавался въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, первый газетный листокъ, предназначенный возбуждать политическое любопытство русскихъ грамотѣевъ. Такое происхожденіе нашей журналистики обусловило, въ значитель-

ной степени, и всю ея дальнѣйшую судьбу: мѣнялась власть, заправлявшая такъ или иначе политическимъ бытомъ страны, мало того, мѣнялись только пріемы и отношенія этой власти къ разнымъ общественнымъ вопросамъ, какъ уже вся журналистика подчинялась волей-неволей новому камертону, выходившему изъ правительственныхъ сферъ. Такъ напр. въ началѣ царствованія Екатерины II-й журналистика наша, отражая на себѣ взгляды самой императрицы, настроилась-было въ очень гуманномъ тонѣ; но даже и въ это цвѣтущее время предѣлы литературнаго вліянія строго ограничивались правительственными видами, и новиковскій журналъ («Трутень»), перешагнувшій эти предѣлы, долженъ былъ замолчать на другой годъ своего существованія. «Не въ свои-де этотъ авторъ садится сани; онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, бояръ, дамъ; такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе»:—вотъ приговоръ, высказанный вліятельнымъ кружкомъ о журнальной дѣятельности Новикова. Въ слѣдующее затѣмъ царствованіе, при существованіи указа о невывозѣ «изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были», дѣятельность журналиста въ Россіи оказалась еще болѣе затруднительной. Обстоятельства снова измѣнились при восшествіи на престолъ Александра I-го. Юный монархъ получилъ весьма тщательное и раціональное воспитаніе подъ руководствомъ швейцарскаго гражданина Лагарпа, нимало не скрывавшаго свой либеральный образъ мыслей; въ его доброй, впечатлительной душѣ были возбуждены смолоду и благородныя чувства, и великодушныя стремленія. Находясь, по обязанностямъ своего сана, при самомъ, такъ сказать, источ-

никѣ правительственныхъ системъ, молодой внукъ Екатерины II-й не раздѣлялъ тревожныхъ опасеній, выразившихся въ цѣломъ рядѣ репрессивныхъ мѣръ; задушевныя симпатіи влекли его на сторону прогресса и истинно-человѣческаго развитія. Еще меньше онъ могъ быть доволенъ тѣми личностями, которыя выдвинулись впередъ въ концѣ царствованія Екатерины II-й. Это недовольство, какъ системой администраціи, такъ и личностями, приводившими ее въ исполненіе, долго накоплялось въ душѣ Александра и приводило его, по временамъ, къ тяжкому разочарованію, къ сознанію своего безсилія — исправить все зло, допущенное прежними блюстителями закона. «Мое положеніе—писалъ онъ, въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ моментовъ, князю Кочубею—меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана... Я каждый разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя лакеями... Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія: это выше силъ не

только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща, поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно, частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы». (См. Восшествіе на престолъ имп. Николая I, соч. барона Корфа). Идиллическое намѣреніе отказаться отъ власти не устояло, конечно, предъ обаяніями новаго блистательнаго поприща, и Александръ I-й вступилъ на престолъ къ радости всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей того времени. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было громадно, въ особенности благодаря тому контрасту, который представляла молва между характеромъ ближайшаго царствованія и направленіемъ новаго государя. «Для Россіи — говоритъ г. Ковалевскій — воцареніе императора Александра I-го было зарею пробужденія. Трудно представить себѣ государя и человѣка, такъ щедро одареннаго природой и съ такимъ блестящимъ образованіемъ, какъ Александръ I. Современники свидѣтельствуютъ, что при извѣстіи о его воцареніи, на улицахъ, люди, незнакомые между собою, другъ друга обнимали и поздравляли. Въ манифестѣ своемъ онъ объявилъ, что будетъ править Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и по сердцу премудрой бабки своей Екатерины II-й, и первымъ дѣйствіемъ его было освобожденіе всѣхъ содержащихся по дѣламъ тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ, и со-

сланныхъ въ Сибирь или въ отдаленные города и деревни Россіи подъ надзоръ мѣстныхъ властей, и уничтоженіе самой тайной экспедиціи. Разсказываютъ, будто Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, выходя изъ Петропавловской крѣпости, написалъ на стѣнѣ: «свободна отъ постоя», а государь, узнавши объ этомъ, сказалъ: «желаю, чтобъ навсегда». Во время коронаціи, по словамъ того же автора: «въ лицѣ государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости; онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ; не съ самонадѣянностью и гордымъ величіемъ шелъ онъ, не страхъ внушали его взгляды кроткіе, привѣтливые... Каждый мысленно ободрялъ его: «смѣлѣе, смѣлѣе! вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа также необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ» *).

Около престола группируются люди, извѣстные своей наклонностью къ конституціоннымъ учрежденіямъ Англіи — Чарторижскій, Новосильцевъ, Строгановъ;—учреждаются министерства, которыя должны были впослѣдствіи привести къ отвѣтственности исполнительной власти; открыты новые университеты въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ, заведены гимназіи и уѣздныя училища, съ цѣлью положить прочныя основы просвѣщенію страны. «Александръ I-й, по справедливому замѣчанію одного иностраннаго историка, зналъ другое честолюбіе, кромѣ военнаго, другое величіе, кромѣ величія воина, попирающаго трупы разбитой арміи; жизнь солдата не имѣла для него никакой прелести; въ противоположность своимъ

*) См. Графъ Блудовъ и его время. стр. 23—24.

предшественникамъ, онъ даже предпочиталъ простой гражданскій костюмъ блеску военнаго мундира». Въ публичной рѣчи, при открытіи харьковскаго университета, графъ Северинъ—Потоцкій прямо выразился, что это высшее учебное заведеніе основано «для совершеннѣйшаго образованія благородныхъ молодыхъ людей, приготовляющихся занимать нѣкогда первыя государственныя мѣста, на подобіе оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, въ кои сыны первыхъ англійскихъ лордовъ пріѣзжаютъ научаться защищать въ парламентѣ права своей страны». Почти въ то же время, въ засѣданіи академіи наукъ, президентъ ея, Н. Н. Новосильцевъ сказалъ: «чуждый пагубнаго мнѣнія, которое къ стыду прежнихъ временъ, заставляя мрачное невѣжество предпочитать успѣхамъ наукъ и художествъ, заграждало пути къ распространенію оныхъ, и увѣренъ будучи, что познаніе истинъ въ естественномъ ихъ порядкѣ и въ надлежащемъ между собою отношеніи, предметъ всѣхъ наукъ составляющее, обогащаетъ и украшаетъ разумъ, возвышаетъ духъ чувствованія и добродѣтели человѣка, и убѣжденіемъ въ собственной пользѣ побуждаетъ чтить законы, любить отечество, быть вѣрнымъ подданнымъ и добрымъ гражданиномъ — мудрый монархъ начерталъ правила народнаго просвѣщенія». (Сѣверн. Вѣстникъ 1804 г. № 1 и 10).

Но въ то время, когда развитые люди встрѣчали съ такимъ сочувствіемъ воцареніе новаго императора и первые шаги его на державномъ поприщѣ,—кружокъ отсталыхъ личностей, съ неменьшею горячностью, хотя и не такъ открыто, занимался порицаніемъ его привычекъ и образа мыслей

Г. Богдановичъ сообщаетъ въ своихъ любопытныхъ матеріалахъ, что нѣкоторыя похвальныя качества государя, включая сюда его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались самымъ превратнымъ толкамъ. Говорили, что русскій дворъ утратилъ все достодолжное величіе свое, что одна лишь вдовствующая императрица умѣетъ поддерживать старинныя дворцовыя преданія. Любители «форменныхъ отличекъ» находили предосудительнымъ, что государь ничѣмъ не отличался отъ своихъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни, что не приглашалъ дипломатическій корпусъ на большіе церемоніальные обѣды и пр. Осуждали также императора за то, что, въ одномъ изъ манифестовъ, онъ изъявилъ благодарность своимъ подданнымъ за услуги, оказанныя родинѣ, назвавъ ихъ сынами отечества и повторивъ нѣсколько разъ слово: «отечество». Удивлялись также пристрастію самодержавнаго владыки къ американцамъ, гражданамъ республики. Жозефъ де - Местръ, проповѣдовавшій молодому государю свою реакціонную мудрость, вначалѣ принятую очень холодно, удивлялся, что Александръ былъ ласковъ къ бостонскому негоціанту, Пуансѐ, который «не смѣлъ бы показаться ни въ какомъ изъ домовъ высшаго туринскаго общества». Графиня Шуазель-Гуфье отзывалась объ Александрѣ тономъ ироніи: «Въ немъ замѣтна преувеличенная простота обхожденія, выказывающая его отвращеніе къ державному церемоніалу; можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ хочетъ быть императоромъ какъ можно менѣе. Это придворный, какъ будто лишній при дворѣ». *).

*) Первая эпоха преобразованій имп. Александра I. Вѣстн. Евр. 1866 г., т. I.

Сочувствіе мыслящихъ людей, негодованіе ретроградовъ, своихъ и иноземныхъ, все предвѣщало прекрасный путь новому царствованію, и еслибы молодой монархъ отличался столько же энергіей и настойчивостью въ исполненіи своихъ мыслей, сколько благородствомъ своихъ намѣреній, то во внутреннемъ быту нашего отечества произошелъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, крутой и полезный переворотъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ энергіи и, кромѣ того, нѣкоторая шаткость и неопредѣленность преобразовательныхъ плановъ,—слѣдствіе плохаго знакомства съ государственной практикой,—произвели то, что на первыхъ же порахъ, въ ближайшемъ, интимномъ совѣтѣ государя, послышались весьма серьезныя разногласія по вопросамъ самой капитальной важности, и Александръ часто оставался въ нерѣшимости: чью сторону взять въ данномъ случаѣ? Интимный совѣтъ государя, прозванный имъ въ шутку Comité du salut public, состоялъ, какъ извѣстно, изъ четырехъ лицъ: кн. Чарторижскаго, Кочубея, Новосильцева и Строганова, и между ними-то обсуждались всѣ важнѣйшія внутреннія реформы. Изъ рукописныхъ протоколовъ этого комитета, (веденныхъ гр. Строгановымъ *), видно, что на разсмотрѣніе его вносились такіе крупные вопросы, какъ напр. о преобразованіи сената въ законодательный корпусъ, объ уничтоженіи крѣпостнаго права, о введеніи habeas corpus и т. п. Разсуждая о дворянской грамотѣ, государь выразился, что онъ подписываетъ эту грамоту противъ своей воли, «вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая ему была всегда противна». При этомъ Александръ отвергалъ однако всѣ мѣры, которыя мог-

*) См. статью г. Богдановича, стр. 172—194.

ли бы сразу покончить съ признаннымъ уже зломъ, и охотнѣе избиралъ пальятивныя средства, ведущія къ цѣли окольной дорогою. Такъ было въ комитетѣ съ крестьянскимъ вопросомъ. Напрасно энергическій Строгановъ убѣждалъ государя не слушать преувеличенныхъ опасеній, выходившихъ изъ противуположнаго лагеря и приступить къ немедленному освобожденію крестьянъ; дѣло кончилось тѣмъ, что запрещена была личная продажа крѣпостныхъ людей (безъ земли), а мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ дозволено пріобрѣтать недвижимую собственность. Доводы графа Строганова заслуживаютъ особеннаго вниманія; они были, повидимому, довольно распространены въ лучшей части тогдашняго общества и выражались прямо или косвенно въ печати.

Изъ историческаго факта крестьянскаго движенія во времена Стеньки Разина и Пугачева, гр. Строгановъ выводилъ заключеніе, что если съ чьей стороны опасно неудовольствіе, и затѣмъ вооруженное возстаніе, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, со стороны крестьянъ, а не дворянъ. Александръ Павловичъ не согласился, какъ уже сказано, съ этими доводами, но личное чувство всегда внушало ему отвращеніе къ рабству и, въ теченіи своего продолжительнаго царствованія, онъ не закрѣпостилъ, по крайней мѣрѣ, ни одного вольнаго человѣка, опередивъ въ этомъ случаѣ свою знаменитую бабку. На письмо одного государственнаго сановника, желавшаго получить въ награду населенное имѣніе, государь отвѣчалъ: «Русскіе крестьяне, большею частію, принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія. И потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ, и принялъ

за правило не давать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду вамъ и вашимъ наслѣдникамъ; слѣдовательно, вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы, подобно безсловеснымъ животнымъ». Не довольствуясь этимъ, Александръ поощрялъ добровольное освобожденіе крестьянъ помѣщиками, и нѣкоторыя знатныя лица, стоявшія близко ко двору, спѣшили исполнить задушевное желаніе императора. Такимъ образомъ появился у насъ новый разрядъ крестьянъ, названныхъ «свободными хлѣбопашцами».

Между разными вопросами, обсуждавшимися въ первую половину царствованія Александра Павловича, ближайшее отношеніе къ нашему предмету имѣетъ вопросъ о свободномъ книгопечатаніи. Заботясь, — подобно Екатеринѣ, въ эпоху ея дружбы съ французскими энциклопедистами,—объ успѣхахъ умственнаго развитія, молодой государь пожелалъ освободить литературную дѣятельность въ Россіи отъ тяжелыхъ оковъ, наложенныхъ на нее вслѣдствіе невѣжества и безразсудной боязливости, неоправдываемой никакими политическими соображеніями. Какъ только зашла рѣчь объ этой свободѣ, то на видъ представился выборъ между цензурою предупредительною и личной отвѣтственностью авторовъ за напечатанныя ими сочиненія. Одинъ изъ членовъ интимнаго комитета, а именно Н. Н. Новосильцевъ, плѣнился датскимъ уставомъ свободнаго книгопечатанія и предложилъ ввести его въ Россіи съ нѣкоторыми передѣлками, соотвѣтствующими нашему законодательству. Уставъ, на который ссылался Новосильцевъ, возникъ при знаменательныхъ

событіяхъ. Датскій король, Христіанъ VII (1766—1808), вступилъ на престолъ семнадцатилѣтнимъ юношей и въ первое время, подъ вліяніемъ графа Струэнзе, защитника либеральныхъ идей, уничтожилъ цензуру, находя ее «въ высшей степени вредной для безпристрастнаго изслѣдованія истины и открытія закоренѣлыхъ предразсудковъ и заблужденій». Съ паденіемъ Струэнзе, оклеветаннаго врагами, обнаружился поворотъ въ регрессивномъ смыслѣ—и результатомъ его было изгнаніе изъ государства многихъ писателей. Датское правительство пыталось даже возобновить предупредительную цензуру, забывъ прекрасные стихи Вольтера, обращенные нѣкогда къ королю Христіану:

Hélas! dans un état l'art de l'imprimerie
Ne fut en aucun temps fatal à la patrie...
Les romans de Scarron n'ont pas troublé le monde;
Chapelain ne fit point la guerre de la fronde...
Non, lorsqu'aux factions un peuple entier se livre,
Quand nous nous égorgeons, ce n'est pas pour un livre *).

Но свобода печатнаго слова настолько вошла уже въ привычки народа, что замѣнить ее прямо прежнимъ порядкомъ сочли неудобнымъ сами противники прессы. По этой причинѣ, не возстановляя цензуры, датское правительство ограничилось изданіемъ очень строгаго устава книгопечатанія, по которому, за иныя важныя преступленія, назначалась даже смертная казнь. Новосильцевъ находилъ полезнымъ сдѣлать въ датскомъ уставѣ нѣкоторыя измѣненія въ смыслѣ благопріятномъ для литературы. Такъ напр. онъ намѣревался предо-

*) Т. е. «книгопечатаніе никогда не было гибельно для отечества. Романы Скаррона не взволновали свѣта, и Шапленъ не былъ виновникомъ фронды... Когда народъ поднимаетъ мятежъ, и люди душатъ другъ друга—не книга бываетъ тому причиною».

ставить въ Россіи право конфискаціи подозрительныхъ книгъ не полиціи, а университетамъ и академіямъ, съ тѣмъ, чтобы они, увѣдомивъ мѣстное начальство, представляли мнѣнія свои, вмѣстѣ съ экземпляромъ книги, въ главное правленіе училищъ. Кромѣ того, обвиняемый въ изданіи предосудительной книги, долженъ былъ судиться не обыкновеннымъ судомъ, но особымъ трибуналомъ, составленнымъ изъ лицъ образованныхъ и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Требованіе датскаго правительства—печатать непремѣнно на книгѣ имя автора или переводчика—было также отмѣнено Новосильцевымъ изъ уваженія къ «скромности литераторовъ, впервые выступающихъ на поприще словесности». Постановленіе о свободномъ книгопечатаніи не должно было, впрочемъ, касаться цензуры книгъ духовныхъ, которая оставалась вполнѣ въ рукахъ св. синода. Въ то время, какъ въ главномъ правленіи училищъ шло обсужденіе столь близкаго для литературы вопроса, изъ среды общества раздавались голоса въ пользу полнаго простора для слова и мысли. Въ главное правленіе прислана была анонимнымъ авторомъ любопытная записка, доказывавшая необходимость скорѣйшаго освобожденія печати *).

Но наши первые цензурные законодатели были искренно убѣждены, что полная свобода печати, въ соединеніи съ строгой отвѣтственностью по суду, убьетъ русскую литературу въ самомъ зародышѣ, и многія личности совсѣмъ не рискнутъ выйти на литературную арену подъ такими тяжелыми, грозящими условіями. Проэктъ доклада о цензурѣ,

*) См. «Матер. для исторіи просвѣщенія,» стр. 18—19.

написанный рукой самого Фуса, показываетъ ясно, что этотъ почтенный академикъ не отвергалъ въ принципѣ свободной прессы, понималъ вредъ цензурныхъ стѣсненій, и только по особымъ обстоятельствамъ нашего литературнаго развитія рѣшился замѣнить правомѣрную строгость закона измѣнчивой опекой «либеральныхъ» цензоровъ.

Сдѣлавъ, въ своихъ заключеніяхъ, переходъ къ необходимости и пользѣ предварительной цензуры, Фусъ заканчиваетъ свой проэктъ слѣдующими словами: «Утверждая новый порядокъ цензуры, мы (т. е. верховная власть) желаемъ устранить отъ этой мѣры все то, что могло бы препятствовать невинному пользованію правомъ мыслить и писать. Мы объявляемъ, что только злоупотребленія свободной печати, возможныя со стороны писателей злонамѣренныхъ, безнравственныхъ и безобразныхъ, (?) будутъ нами предупреждаемы».

Послѣ всѣхъ толковъ и предположеній, частію одобренныхъ, частію отвергнутыхъ высшимъ правительствомъ, составленъ, наконецъ, цензурный уставъ 1804 г. Либеральный характеръ времени коснулся, въ значительной степени, этого законодательнаго акта: первый цензурный уставъ немногословенъ, и въ немъ незамѣтно желанія уловить и предупредить всякій порывъ свободной мысли; напротивъ того, нѣкоторые пункты его даютъ довольно простора для литературной критики. Послѣдствія показали однако, что самыя широкія и льготныя цензурныя правила легко съуживаются и даже совсѣмъ видоизмѣняются подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ: политическаго переворота въ западной Европѣ, личнаго взгляда главы министерства, претензій и жалобъ

частныхъ лицъ. — Въ то время, когда составлялся цензурный уставъ и нѣсколько лѣтъ спустя по введеніи его въ дѣйствіе, правительство молодаго государя не только не опасалось свободной мысли, но вызывало ее на обсужденіе разныхъ государственныхъ вопросовъ; задумывая рядъ послѣдовательныхъ политическихъ преобразованій, оно нуждалось въ сочувствіи и поддержкѣ мыслящихъ людей, которые могли бы растолковать обществу, путемъ печатнаго слова, все значеніе мѣръ, предпринимаемыхъ для обновленія внутренней жизни Россіи. Подъ защитой такого настроенія легко было развиваться литературѣ; реформаціонные планы зарождались сами собою въ пытливыхъ головахъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ, и если не могли появиться въ печати, то представляемы были, въ видѣ проэктовъ, правительству. Въ одномъ изъ такихъ проэктовъ проводится любопытная мысль о необходимости обширнаго періодическаго изданія, которое предполагалось назвать «Правительственнымъ журналомъ».

«Въ семъ «Правительственномъ журналѣ»—писалъ авторъ проэкта, Баккаревичъ, — помѣщаемы будутъ всѣ государственные акты и бумаги, каковые только благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародовать, какъ-то: высочайшіе манифесты, рескрипты, журналы всѣхъ высочайшихъ путешествій, бывшихъ или имѣющихъ быть; всѣ новыя узаконенія и уставы, если они не слишкомъ обширны; реляціи министровъ и полководцевъ, описанія военныхъ экспедицій, сраженій и побѣдъ, и разные трактаты съ иностранными дворами; примѣчательнѣйшія письма къ Имп. Величеству или къ знаменитымъ государственнымъ особамъ: голоса и

мнѣнія какъ г.г. сенаторовъ, такъ и другихъ верховныхъ чиновниковъ относительно къ важнымъ дѣламъ; примѣчательнѣйшія тяжбы, достопамятнѣйшія уголовныя дѣла, рѣшенныя или въ правительствующемъ сенатѣ, или въ палатахъ, или въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ теченія и производства. Далѣе помѣщаемы будутъ краткія описанія жизни и дѣяній великихъ россійскихъ патріотовъ и героевъ, прославившихъ или спасшихъ отечество. Помѣщаемы будутъ всѣ новые одобренные проэкты, писанные яснымъ и чистымъ слогомъ; всѣ новыя полезныя открытія, въ какомъ бы то родѣ ни было, всѣ основательныя разсужденія, относительныя къ общественной пользѣ: о законодательствѣ напр., о земледѣліи, торговлѣ, пчеловодствѣ (?), о воспитаніи юношества; также всякія патріотическія мысли, всякія характеристическія черты россійскаго народа, всякіе примѣры добродѣтели; словомъ, это будетъ хранилище всѣхъ домашнихъ, такъ сказать, важнѣйшихъ государственныхъ происшествій».

По мнѣнію Баккаревича, такое изданіе должно было сдѣлаться архивомъ необходимыхъ для отечественной исторіи матеріаловъ. «Родится—патетически восклицалъ онъ — россійскій Тацитъ, россійскій Робертсонъ и найдетъ въ семъ обширномъ хранилищѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, недостатокъ которыхъ и составляетъ существенную причину невозможности написать исторію Россіи». На этомъ основаніи авторъ проэкта полагалъ предоставить редактору «Правительственнаго журнала» званіе исторіографа россійской имперіи. Всѣ матеріалы, предна-

значенные для этого журнала, обязывались сообщать въ редакцію министры и главноуправляющіе отдѣльными вѣдомствами. Баккаревичъ представилъ свой проэктъ министру народнаго просвѣщенія чрезъ Н. Н. Новосельцова, подъ наблюденіемъ котораго должно было выходить въ свѣтъ новое изданіе.

Но графъ Завадовскій (министръ народнаго просвѣщенія) смотрѣлъ иначе, чѣмъ Новосильцевъ, на потребность гласности въ правительственныхъ дѣйствіяхъ и не особенно заботился о томъ, чтобы доставить «россійскимъ Робертсонамъ» должное количество историческихъ матеріаловъ. Онъ представилъ государю, что въ замышляемое изданіе войдутъ такія статьи, которыя «едва ли можно позволить издавать въ свѣтъ частному человѣку,» каковы манифесты, рескрипты и прочіе документы, которые, будучи напечатаны неисправно, могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Кромѣ того, министръ полагалъ, что слишкомъ трудно найти людей, довольно способныхъ и просвѣщенныхъ для составленія редакціи подобнаго изданія и что, наконецъ, еслибъ такіе люди и нашлись, то потребовали бы слишкомъ большаго вознагражденія за свой трудъ, а потому и самое изданіе едва ли могло бы окупиться. Эти причины, открыто приведенныя гр. Завадовскимъ противъ проэкта Баккаревича, очевидно несущественны и позволяютъ догадываться, что имъ же были представлены въ свое время другія, болѣе уважительныя, секретныя соображенія, рѣшившія дѣло не въ пользу проэктируемаго изданія. Повидимому, мысль о допущеніи гласности въ правительственныхъ дѣлахъ встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны многихъ, заинтересованныхъ въ

томъ, правительственныхъ лицъ: новое доказательство, какъ мало было единодушія и твердой, опредѣленной системы взглядовъ въ высшихъ сферахъ тогдашней администраціи. (См. «Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи,» стр. 12). Предположеніе о правительственномъ журналѣ осуществилось нѣсколько позже, и только отчасти, въ изданіи «Сѣверной почты», которая стала выходить съ 3-го ноября 1809 г. (два раза въ недѣлю) при почтовомъ департаментѣ, принадлежавшемъ тогда къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Газета издавалась подъ руководствомъ товарища министра (впослѣдствіи министра) внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева; въ ней печатались корреспонденціи изъ самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ городовъ, политическія извѣстія, литературные и общественные слухи, и цѣлыя разсужденія, посвященныя преимущественно торговымъ и промышленнымъ вопросамъ. Были также статьи историческаго и этнографическаго содержанія, какъ напр. объ устройствѣ почтъ, объ историческомъ прошломъ г. Өеодосіи, о рыбной ловлѣ на Уралѣ и пр. Время отъ времени, здѣсь сообщались, на особыхъ таблицахъ, продажныя цѣны на хлѣбъ во всѣхъ губернскихъ городахъ. Общественныя новости, сообщаемыя въ газетѣ, вызывали иногда въ публикѣ дополненія и опроверженія, которыя печатались въ самой газетѣ. Въ одномъ изъ нумеровъ «Сѣв. Почты» за 1810 г. есть интересное извѣстіе, что министерство внутреннихъ дѣлъ послало въ Липецкъ для пользы публики, гостившей на водахъ, библіотеку, составленную изъ тысячи томовъ разныхъ авторовъ: такъ заботливо относилось это вѣдомство къ интересамъ образованія.

Въ первое время, по введеніи устава, цензурные

комитеты дѣйствовали вообще въ либеральномъ духѣ и примѣняли часто къ литературѣ снисходительные пункты устава; но тогда уже обнаруживалось, насколько условно бываетъ, между разными лицами, пониманіе «свободы печати, возвышающей успѣхи просвѣщенія». Неопредѣленность правительственной программы въ цензурномъ вопросѣ, постоянное столкновеніе между требованіями правительственной опеки и свободой общественнаго развитія, уже заявлявшаго свои права; наконецъ неизбѣжное свойство предварительной цензуры, легко видоизмѣняющейся, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ стѣснительную преграду для свободы мысли—все это сказалось полно и наглядно въ прискорбномъ случаѣ съ книгой И. П. Пнина.

Мы разскажемъ, по возможности подробно, этотъ замѣчательный случай.

IV.

И. П. Пнинъ, какъ писатель и журнальный дѣятель. Его книга «Опытъ о просвѣщеніи». Печальная судьба этой книги. Общее настроеніе цензуры. Взглядъ Россійской Академіи на свободу мысли и слова. Мнѣніе Каченовскаго о новомъ цензурномъ уставѣ.

Иванъ Петровичъ Пнинъ (1773—1805 г.) принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ журнальныхъ дѣятелей конца XVIII-го и начала XIX вѣка. Его имя не блеститъ въ ряду славныхъ именъ, знакомыхъ намъ съ дѣтства изъ различныхъ христоматій и безцвѣтныхъ курсовъ русской литературы; его благородная дѣятельность на пользу просвѣщенія

и общественнаго развитія не влечетъ къ себѣ присяжныхъ панегиристовъ всяческаго успѣха... Но все это показываетъ только, что мы до сихъ поръ, въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности, нейдемъ дальше гуртовыхъ увлеченій массы, раздающей свои вѣнцы, всего чаще, за рутинность мысли и за «художественность» формы, т. е. за гладкую прилизанность рифмованныхъ и нерифмованныхъ строчекъ.—Біографическія свѣдѣнія объ этой выдающейся личности весьма неполны, такъ что мы, при всемъ желаніи сообщить объ ней больше нашимъ читателямъ, должны ограничиться лишь простымъ перечнемъ фактовъ.

И. П. Пнинъ обучался первоначально въ благородномъ пансіонѣ московскаго университета, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ. Во время шведской войны онъ былъ офицеромъ артиллеріи и служилъ во флотиліи. Въ 1801 г. вступилъ въ канцелярію вновь учрежденнаго государственнаго совѣта, а въ 1802 г., при основаніи министерствъ, опредѣленъ экспедиторомъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, директоромъ котораго былъ назначенъ, въ то же время, другой извѣстный журналистъ—И. И. Мартыновъ. *) Въ 1805 г., вслѣдствіе сильной простуды, онъ заболѣлъ чахоткой, которая быстро изнурила его силы и заставила выйти въ отставку съ пенсіей и чиномъ коллежскаго совѣтника. 17 сентября того же года онъ уже скончался на рукахъ многихъ

*) Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ похвальнаго слова въ честь Пнина, произнесеннаго въ Обществѣ любителей наукъ и словесности другомъ его Брусиловымъ, издателемъ Журнала Россійск. Словесности (1805 г. № 10). Въ похвальной рѣчи сказано, что Пнинъ «умеръ, едва достигнувъ тридцатилѣтняго возраста»; но въ Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія г. Сухомлинова находится болѣе точное указаніе его лѣтъ.

друзей,—членовъ «вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ,» которые собрали подписку на сооруженіе ему надгробнаго памятника. На этомъ памятникѣ, по предложенію Востокова, была вырѣзана краткая надпись: «Друзья—Пнину».

Вотъ все, что знаемъ мы о жизни Пнина.

Литературная дѣятельность его была непродолжительна, но зато отмѣчена характеромъ безупречной честности и послѣдовательности въ проведеніи своихъ мыслей. Онъ былъ сторонникомъ человѣколюбивой философіи XVIII-го вѣка, служилъ ей искренно, преданно, и притомъ не только въ литературѣ, но и въ жизни. «Будучи весьма небогатъ — говоритъ его біографъ—онъ любилъ помогать несчастнымъ. Съ жаромъ друга человѣчества, всякую скорбь угнетеннаго людьми или судьбою человѣка бралъ онъ близко къ сердцу своему и не щадилъ ни трудовъ, ни покоя, ни иждивенія для облегченія судьбы несчастныхъ». Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, въ оригинальныхъ статьяхъ, въ переводахъ, даже въ стихахъ — Пнинъ высказывалъ занимавшія его мысли о наилучшемъ политическомъ устройствѣ и, насколько позволяли внѣшнія препятствія, дѣлалъ болѣе или менѣе прозрачные намеки на современное ему положеніе Россіи. Въ періодическомъ изданіи Пнина, выходившемъ въ 1798 г., подъ названіемъ «Петербургскаго журнала,» печатались, вмѣстѣ со стихами и баснями, статьи политическаго и экономическаго содержанія, какъ напр. отрывки изъ Монтескье съ замѣчаніями на L'esprit des lois, извлеченіе изъ книги графа Верри, сотрудника Беккаріи: объ умноженіи и уменьшеніи государственнаго богатства, о глав-

ныхъ побужденіяхъ торговли и первоначальныхъ основаніхъ цѣнъ, о купеческихъ и художническихъ обществахъ; подробное изложеніе «политической экономіи» Жака Стюарта и т. п. На смерть Радищева Пнинъ написалъ очень трогательное и задушевное стихотвореніе, которое не будетъ лишнимъ привести цѣликомъ:

Итакъ Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ...
То сердце, что̀ добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ.
Уста, что̀ истину вѣщали,
Уста на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ...
Кто къ счастью велъ путемъ свободы
Навѣкъ, навѣкъ оставилъ насъ.
Оставилъ—и прешелъ къ покою...
Благословимъ его мы прахъ.
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался—
Я чаю, тотъ довольно жилъ!

Немногіе изъ русскихъ литераторовъ того времени относились такъ сочувственно къ несчастному страдальцу; извѣстно, что корифей тогдашней поэзіи, столь прославленный «потомокъ Багрима», не нашелъ для Радищева иныхъ словъ поощренія, кромѣ слѣдующаго четверостишія:

«Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Некстати лишь смѣла, дерзка и сумасбродна;
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь»!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь *).

*) См. Русск. Вѣстникъ 1858 г., 23. «Александръ Никол. Радищевъ», по воспоминаніямъ сына.

Весьма понятно, что съ восшествіемъ на престолъ Александра I, всѣ личности, подобныя Пнину, неутратившія въ тяжелую годину ни силы мысли, ни достоинства характера, должны были почувствовать себя какъ бы окрыленными и отдаться, со всѣмъ пыломъ неостывшей энергіи, на служеніе либеральнымъ идеямъ, моментально получившимъ у насъ достаточно широкое право гражданства. Дѣйствительно, Пнинъ оживился духомъ въ это счастливое время, и мы видимъ его въ самомъ разгарѣ литературной производительности. Онъ предполагаетъ издавать по очень обширной программѣ новый журналъ: «Народный Вѣстникъ», пишетъ «Опытъ о просвѣщеніи», «Вопль невинности, отвергаемой закономъ», «О возбужденіи патріотизма», оканчиваетъ первое дѣйствіе исторической драмы «Велизарій» и задумываетъ собрать свои стихотворенія подъ названіемъ: «Моя лира». Ранняя смерть его не дала осуществиться всѣмъ этимъ предпріятіямъ: планъ журнала остался невыполненнымъ, драма не кончена, стихотворенія не собраны. Но «склонясь на просьбы журналистовъ» (по выраженію Брусилова), печаталъ онъ свои стихи въ ихъ журналахъ: такъ напр. нѣсколько его стихотвореній помѣщено въ «Журналѣ Россійской Словесности». Избранный президентомъ Общества любителей наукъ и словесности, 15 іюля 1805 г., онъ намѣревался произвести въ немъ какія-то реформы «для чести общества и для пользы словесности»; но и это не удалось ему.

Изъ сочиненій Пнина, перечисленныхъ выше, одно,—а именно: «Опытъ о просвѣщеніи»—надѣлало много шума и послужило поводомъ къ преслѣдованію со стороны вновь

образовавшагося петербургскаго цензурнаго комитета. Книга эта вышла въ свѣтъ въ 1804 г., по дозволенію петербургскаго гражданскаго губернатора (цензурные комитеты не начинали еще тогда своего дѣйствія), съ двумя эпиграфами; одинъ на первой страницѣ — «l'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple» [1]), а другой на оборотѣ: «блаженны тѣ государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное». Изъ этихъ эпиграфовъ, которыми авторъ прикрывалъ, какъ щитомъ, свое разсужденіе, видно уже, что онъ не только не думалъ переступать границъ дозволенной закономъ свободы слова, «возвышающей успѣхи просвѣщенія», но еще надѣялся принести пользу обществу, высказывая печатно свои мысли, не противорѣчившія ни основному характеру правленія, ни гласно заявленнымъ желаніямъ верховной власти. Руководствуясь отчасти «предварительными правилами народнаго просвѣщенія», опубликованными во всеобщее свѣдѣніе самимъ правительствомъ, Пнинъ изложилъ свои взгляды на то: въ чемъ должно состоять просвѣщеніе, что̀ можетъ наиболѣе ему способствовать, и въ одинаковой ли степени оно должно быть распространяемо между всѣми слоями русскаго общества. [2]) Признавая тѣснѣйшую связь просвѣщенія народа съ его политическимъ состояніемъ (какъ это можно усмотрѣть изъ перваго эпиграфа къ

---

[1]) Т. е. «просвѣщеніе должно сообразоваться съ характеромъ власти, господствующей въ народѣ».

[2]) См. «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ царствованіе Александра I». Журн. Мин. Нар. Просв. 1866 г.

книгѣ) авторъ полагаетъ, что успѣхи образованности нельзя измѣрять числомъ ученыхъ и литераторовъ: — по его понятію, истинное просвѣщеніе состоитъ въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ непреложномъ исполненіи долга, лежащаго на каждомъ членѣ государственнаго организма. Но какъ ни различны законы, управляющіе государствомъ, они должны стремиться къ одной цѣли—охраненію правъ собственности и личной безопасности гражданъ. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ всѣ законы существуютъ только на бумагѣ. «Собственность—говоритъ авторъ—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ». Право собственности даетъ твердую опору законамъ; законы же произошли отъ гражданскихъ обществъ, а общества явились вслѣдствіе неравенства силъ человѣческихъ. Этимъ неравенствомъ опредѣляется различіе сословій и различіе потребностей каждаго изъ сословій. Допуская законность и неизбѣжность такого раздѣленія общества, авторъ предлагаетъ свой планъ образованія для четырехъ сословій: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго. Въ этомъ планѣ исчислены подробно всѣ науки, которыя могутъ быть достояніемъ извѣстнаго класса общества: земледѣльцевъ надлежитъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ (?), скотоводству, обработкѣ полей и проч. Мѣщане могутъ уже взять въ толкъ грамматику, географію, введеніе во всеобщую исторію и главныя

эпохи русской исторіи, геометрію и даже тригонометрію, естественную исторію, технологію, физику и практическія знанія, полезныя для промышленности. Въ купеческомъ сословіи, къ этимъ предметамъ присоединяются нѣкоторые другіе, какъ напримѣръ, англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія коммерціи, товаровѣдѣніе и проч., но вся роскошь познанія приберегается для дворянскаго класса, которому, сверхъ многихъ названныхъ предметовъ, дозволительно изощрять свои умственныя способности изученіемъ юридическихъ наукъ. Читатель видитъ, что въ этомъ случаѣ Пнинъ отдалъ полную дань сословнымъ предразсудкамъ своего времени и остался позади правительства, которое и не думало дѣлать такого спеціальнаго различія, въ пріобрѣтеніи познаній, между мѣщаниномъ, купцомъ и дворяниномъ, отворяя для всѣхъ одинаково двери общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Но въ одномъ пунктѣ авторъ высказался энергичнѣе и послѣдовательнѣе правительства, не дожидаясь, покуда оно, смущенное разнорѣчивыми взглядами либераловъ и зловѣщими запугиваньями консерваторовъ, рѣшится, наконецъ, дѣйствовать въ какомъ нибудь опредѣленномъ смыслѣ. Этотъ пунктъ — фатальный крестьянскій вопросъ, разрѣшеніе котораго представлялось столь сложнымъ и затрогивающимъ основные вопросы государственнаго устройства, что Александръ I-й, не смотря на свою хорошо извѣстную антипатію къ рабству, недоумѣвалъ и колебался вырвать это зло съ корнемъ.

Назвавъ русскія сословія, Пнинъ замѣчаетъ, что одно изъ нихъ, именно земледѣльческое, находится въ страдательномъ состояніи, будучи отдано во власть рабовладѣльцевъ,

поступающихъ съ подвластными людьми хуже, чѣмъ со скотомъ. Важнѣйшая забота законодателя должна состоять, по его мнѣнію, въ огражденіи правъ собственности земледѣльческаго класса: только этимъ путемъ можно распространить истинное просвѣщеніе въ народѣ. Рисуя печальную картину крестьянскаго быта, авторъ порицаетъ многія явленія въ жизни другихъ сословій, не щадитъ и системы управленія во всѣхъ ея отросляхъ. О купцахъ говорится, что они не поддерживаютъ другъ друга въ несчастныхъ случаяхъ: богатый купецъ, видя неудачу и гибель своего собрата, не только не подаетъ ему руку помощи, но еще спѣшитъ притѣснить его, чтобы воспользоваться его несчастіемъ. Въ службу гражданскую, по словамъ автора, опредѣляютъ безъ всякаго разбора; чины и мѣста раздаютъ людямъ, едва умѣющимъ читать и подписывать свое имя; люди же достойные избѣгаютъ службы, опасаясь попасть подъ начальство господъ, заслуживающихъ не почета, а презрѣнія и т. д.

Книга Пнина, изданная въ 1804 г., имѣла такой успѣхъ въ публикѣ, что въ томъ же году понадобилось новое ея изданіе, и она была представлена въ цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными,—какъ объясняетъ авторъ,—по волѣ монарха. Но не всѣ читатели прочли «Опытъ о просвѣщеніи» съ одинаковымъ удовольствіемъ: нашелся между ними одинъ благонамѣренный гражданинъ, который, предвидя отъ этой книги ущербъ для славы отечества, донесъ на нее, какъ на крайне вредную и исполненную разрушительныхъ правилъ *). Аматеръ-доносчикъ

*) См. Русск. Вѣстн. 1858 г. № 23.

былъ нѣкто Гавріилъ Гераковъ, извѣстный уже въ то время своими патріотическими произведеніями въ родѣ: «Герои русскіе за 400 лѣтъ», «Твердость духа нѣкоторыхъ Россіянъ» и т. п., и еще болѣе прославившійся впослѣдствіи изданіемъ «Россійскихъ историческихъ отрывковъ», не принятыхъ ни Жуковскимъ, ни Каченовскимъ въ »Вѣстникъ Европы» *). На этого же Геракова написана была Маринымъ слѣдующая эпиграмма:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ,
Будешь корпусный учитель,
Будешь вѣчный капитанъ.
Будешь—такъ судьбы гласили—
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ,
Будешь, греки подтвердили,
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Въ объясненіе предпослѣдняго стиха нужно замѣтить, что Гераковъ былъ родомъ грекъ и проникнулся русскимъ патріотизмомъ, подобно Булгарину, въ чаяніи поправить нѣсколько свои запутанныя дѣлишки. Доносъ жалкаго писаки былъ услышанъ цензурными властями: новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры перваго изданія, еще оставшіеся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Вмѣстѣ съ книгою были отвергнуты цензурнымъ комитетомъ и рукописныя къ ней дополненія, причемъ комитетъ постарался мотивировать свой отказъ. Приведя слова автора: «насильство и невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго, губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ», цензоръ прибавляетъ отъ себя: «хочу вѣрить, что эту мрачную

*) См. по каталогу Смирдина №№ 2709, 2943 и 2924.

картину списалъ авторъ съ Турціи, а не съ Россіи, какъ то иному легко показаться можетъ; но и для турецкаго правленія это язвительная клевета, будто народъ сей не имѣетъ для себя ничего священнаго и губитъ себя взаимно, не разбирая жертвъ». Главный доводъ, приводимый противъ книги Пнина, заключается въ томъ, что «авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находится въ рукахъ какого нибудь капризнаго паши.» «Хотя бы то и справедливо было, разсуждаетъ оффиціальный рецензентъ, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые наши монархи усмотрѣли его давно; но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь чрезъ то еще большаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу; мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе предполагаемой имъ цѣли, т. е. истребленія рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу». Приговоръ цензуры вызвалъ протестъ со стороны автора. Въ объясненіи своемъ, пред-

ставленномъ въ главное правленіе училищъ, Пнинъ говоритъ: «Всякій писатель, пишущій о предметахъ государственныхъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы оно ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ предусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ. Онъ долженъ въ семъ случаѣ послѣдовать искусному живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе бываетъ, чѣмъ краски, имъ употребляемыя, соотвѣтственнѣе предметамъ, имъ изображаемымъ. Впрочемъ все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе. Рукописное дополненіе, сдѣланное мною по волѣ монарха, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности, примѣненное мною къ настоящему положенію вещей».

Изъ этого столкновенія видно уже, какъ тѣсны оказались цензурныя рамки для начинавшагося развитія свободной мысли. Пнинъ выставляетъ на видъ идеалъ европейскаго писателя; онъ отстаиваетъ право свободнаго мыслителя касаться всѣхъ «государственныхъ предметовъ», отъ которыхъ зависитъ будущее страны; онъ пробуетъ также примкнуть къ либеральному направленію, поскольку проявлялось оно въ дѣйствіяхъ самого правительства, и на все это получаетъ одинъ холодный отвѣтъ, что «х о т я крестьянской

собственности нѣтъ, **однако** зло сіе вѣками укоренено» (какъ будто въ этой фразѣ есть какая нибудь логика, и зло долговременное перестаетъ уже быть зломъ), что свободная мысль можетъ быть полезна государству, но не въ печати, не гласно высказанная, а въ формѣ проэкта, поданнаго куда слѣдуетъ. Либеральная цензура сочувствуетъ даже «истребленію рабства въ Россіи»; но выразить это сочувствіе пропускомъ статьи не рѣшается, потому что правительство, сознавая зло въ принципѣ, начало дѣйствовать противъ него «мѣрами кроткими и медленными». Мы не хотимъ сказать, чтобы судъ надъ печатью, организованный въ прежнее время, отнесся снисходительнѣе къ свободной мысли; ничего нѣтъ мудренаго, что этотъ судъ, составленный изъ лицъ, столько же зависимыхъ по своему положенію, какъ были зависимы и чиновники-цензоры, присудилъ бы книгу къ запрещенію, а сочинителя, кромѣ того, къ уголовному заточенію, и вторая бѣда была бы горше первой: — трудно утверждать чтó нибудь въ пользу тогдашняго суда, т. е. иной системы наблюденія за печатью; — но намъ необходимо указать ту границу, которая, даже въ самый либеральный моментъ, была поставлена неумѣреннымъ порывамъ критической мысли.

Случай, разсказанный нами, объясняетъ, въ какую сторону могло измѣниться направленіе предварительной цензуры. Осуждая книгу Пнина, цензоръ говоритъ, что не желалъ бы узнавать Россію подъ именемъ Турціи; конечно, онъ руководствовался при этомъ снисходительнымъ пунктомъ устава, по которому «мѣсто, подверженное сомнѣнію и имѣющее двоякій смыслъ, **лучше истолковать выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ**, нежели

его преслѣдовать». Но съ теченіемъ времени произволъ цензуры въ толкованіи этихъ сомнительныхъ мѣстъ расширялся все болѣе и болѣе, такъ что въ 1825 году, при министрѣ народнаго просвѣщенія, Шишковѣ, запрещено было выставлять въ печатныхъ книгахъ таинственныя точки, подъ которыми многіе проницательные читатели усматривали прерванную мысль заманчиваго свойства. Съ тѣмъ вмѣстѣ съуживалось пониманіе второго, пятнадцатаго и осьмнадцатаго параграфовъ устава, изъ которыхъ—въ первомъ требовалось удалять книги и сочиненія, не ведущія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, а двумя другими запрещались произведенія «противныя правительству (т. е. политическому устройству страны), нравственности, благопристойности, закону Божію и личной чести гражданъ». При боязливомъ примѣненіи этихъ послѣднихъ пунктовъ оказалось возможнымъ запретить даже такую невинную вещь, какъ «Смальгольмскій баронъ» Вальтеръ-Скотта въ переводѣ Жуковскаго.

Тѣмъ не менѣе, общее настроеніе правительства, отъ котораго такъ много зависитъ характеръ предварительной цензуры,—было, въ то время, благопріятнѣе, чѣмъ когда либо, для успѣшнаго развитія литературы.

Если въ высшемъ правительствѣ встрѣчались лица (большею частію завѣщанныя новому времени прежнимъ поколѣніемъ государственныхъ дѣятелей), которыя косо смотрѣли на свободу прессы, то въ немъ же находимъ мы и другихъ людей, нежелавшихъ стѣснять успѣхи русскаго просвѣщенія. Самъ государь часто держалъ сторону своихъ молодыхъ и либеральныхъ совѣтниковъ, и его личныя симпатіи отража-

лись выгоднымъ образомъ на дѣйствіяхъ предварительной цензуры. Такъ напр., еще до учрежденія цензурныхъ комитетовъ, московскій военный генералъ-губернаторъ, гр. Салтыковъ, опечаталъ сочиненіе «Кумъ Матвѣй», переведенное съ французскаго и дозволенное для продажи московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ оно продавалось, арестовалъ. Это распоряженіе слишкомъ ревностнаго начальника не было одобрено въ Петербургѣ; арестованныхъ книгопродавцевъ государь приказалъ освободить, а министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, увѣдомилъ о томъ одного изъ нихъ вѣжливымъ письмомъ; впослѣдствіи и убытки, понесенные частными лицами отъ распоряженія графа Салтыкова, были вознаграждены изъ суммъ кабинета. Въ то же время, по ходатайству Н. Н. Новосильцева, печаталось сочиненіе объ англійской конституціи. Вообще цензурныхъ дѣлъ за періодъ времени отъ 1804 — 1811 г. сохранилось немного, и тѣ, которыя сохранились, почти исключительно касаются конфискаціи политическихъ книгъ, переведенныхъ съ иностраннаго языка. Въ сентябрѣ 1807 г. было отобрано болѣе 5000 экземпляровъ сочиненія: «Тайная исторія новаго французскаго двора», переведеннаго съ нѣмецкаго, съ дозволенія петербургскаго цензурнаго комитета. Все изданіе было «истреблено огнемъ» по предписанію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, но издатель былъ удовлетворенъ за убытки, и притомъ крупною суммою въ 6500 р., изъ кабинета его величества *). Общій духъ

*) «Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», стр. 13—19.

перваго цензурнаго устава почти не стѣснялъ литературной дѣятельности, какъ можно судить по количеству и по содержанію книгъ, вышедшихъ въ это время; исполнителями же устава выбирались люди просвѣщенные и, насколько возможно, либеральные. Дѣла по книгопечатанію, до своего окончательнаго рѣшенія, переходили три инстанціи, и рѣдко случалось, чтобы сочиненіе или переводъ отвергаемы были всѣми тремя степенями цензурнаго вѣдомства, т. е. цензоромъ, читавшимъ рукопись, цензурнымъ комитетомъ и наконецъ главнымъ правленіемъ училищъ. «Обыкновенно бывало,—говоритъ г. Сухомлиновъ, имѣвшій возможность пересмотрѣть много старыхъ цензурныхъ дѣлъ — что или сами цензоры давали ходъ книгѣ на основаніи благопріятныхъ для литературы постановленій устава, или же цензурные комитеты, и еще чаще главное управленіе училищъ, разрѣшали сомнѣнія цензуры въ смыслѣ наиболѣе выгодномъ для авторовъ и переводчиковъ». Что цензоры далеко не всегда относились придирчиво къ свободной мысли, но напротивъ больше склонялись дѣйствовать въ либеральномъ духѣ — можно доказать двумя, очень разительными примѣрами. Въ 1807 г. была переведена на русскій языкъ книга: «De la souveraineté ou connaissance des vrais principes du gouvernement des peuples» которую многіе осуждали за новыя правила, противныя основаніямъ доброй нравственности, вѣры и политики. Но вотъ резолюція цензурнаго комитета: «Въ книгѣ хотя и содержатся многія смѣлыя и оригинальныя мысли, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ показаться предосудительными; но соображая ихъ съ общимъ духомъ книги, нельзя не признать, что авторъ, разру-

шая, повидимому, общепринятыя мнѣнія о добродѣтели, нравственности, религіи и правахъ человѣчества, тѣмъ не менѣе утверждаетъ ихъ на новомъ основаніи. Въ такомъ вѣкѣ, когда потрясены всѣ древнія опоры алтарей и троновъ, небезполезно противопоставить опытъ Маккіавелева ученія, смягченнаго и приноровленнаго къ духу настоящаго времени. Будучи наполнена отвлеченными и глубокомысленными изысканіями, книга «De la souveraineté» обратитъ на себя вниманіе только людей ученыхъ и просвѣщенныхъ, которые, безъ сомнѣнія, прочтутъ ее съ пользою, и если не согласятся съ мнѣніемъ автора, то, по крайней мѣрѣ, доведены будутъ до разысканія многихъ полезныхъ истинъ, хотя бы то было и къ опроверженію самого автора. Что же касается до читателей недальновидныхъ, для которыхъ книга эта могла бы послужить соблазномъ, то, кажется, утвердительно можно сказать, что они не захотятъ принять на себя трудъ входить въ лабиринтъ глубокомысленныхъ изслѣдованій автора».

Мотивы, приведенные здѣсь, не мѣшаютъ свободной критикѣ обращаться на самые важные вопросы человѣческаго общежитія: польза, которая проистекаетъ изъ этого, превосходитъ, по мнѣнію цензурнаго комитета, случайный соблазнъ и недоразумѣнія «недальновидныхъ» читателей. Такую-же просвѣщенную терпимость къ мнѣніямъ писателей обнаружилъ въ 1819 г. цензоръ Яценковъ (онъ же редакторъ «Духа журналовъ»), допуская къ печати, въ «Журналѣ древней и новой словесности», извѣстное письмо Ломоносова: «О размноженіи

и сохраненіи русскаго народа». Письмо это не понравилось однако двумъ министрамъ (народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ), которые нашли въ немъ «мысли предосудительныя, несправедливыя, противныя православной церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства». Отъ цензора потребовали объясненія, и онъ не замедлилъ его представить. «Не входя въ изслѣдованіе о томъ — пишетъ Яценковъ — справедливы-ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семъ изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только слѣдующее. Статья сія имѣетъ совсѣмъ другую цѣну и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она есть ни богословская:—ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшенія богословскихъ вопросовъ?— ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семъ дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные мужи отдадутъ Ломоносову справедливость. Она есть ничто иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова, какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика, астронома, химика; отнынѣ будемъ знать и почитать его еще и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества. Онъ могъ ошибаться въ мнѣніяхъ своихъ о предметахъ богословскихъ и политико-экономическихъ; но одно усердіе его къ споспѣшествованію общей пользѣ даетъ уже ему право на всеобщую признательность. Будущій историкъ жизни Ломоносова не пропуститъ

и сей черты, вмѣстѣ со многими другими, изображающими величественный образъ сего необыкновеннаго человѣка. И сія есть одна истинная точка, съ которой цензоръ считалъ себя въ обязанности разсматривать статью сію. Запретивши оную, онъ бы выкинулъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ похвальномъ словѣ Ломоносову». Взглядъ многихъ цензоровъ на свободу мнѣній оказывался даже гораздо просвѣщеннѣе и дѣльнѣе, чѣмъ взглядъ на тотъ же предметъ Россійской Академіи. По поводу рецензіи на академическую грамматику, напечатанную въ «Сынѣ Отечества» въ 1819 г., эта почтенная академія пришла въ такой азартъ, что ходатайствовала особою запиской о преслѣдованіи цензора и автора. Въ засѣданіи академіи былъ поднятъ вопросъ: «имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими о нихъ сужденіями и оцѣнкою»,—и академики отвѣчали на него отрицательно. «Цѣлая академія—говорится въ академической жалобѣ—не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякій можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается болѣе знаній, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ, по здравому разсудку (!!) нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія, были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ

имъ угодно. Посему ясно (?), что издатель журнала, подъ названіемъ «Сынъ Отечества», присвоилъ самъ себѣ это право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, но суду правительства». Жалобы академіи и претензія ея на авторитетъ папской непогрѣшимости не были уважены главнымъ правленіемъ училищъ, которое нашло, что «дѣланіе замѣчаній на всякую издаваемую книгу, а тѣмъ болѣе на грамматику, не можетъ быть никому возбранено, и, въ случаѣ неосновательности замѣчаній, критикъ подвергается стыду передъ публикою и опроверженію своихъ мыслей тѣмъ же способомъ, какимъ доведены они до всеобщаго свѣдѣнія»; но самая возможность появленія такой жалобы составляетъ уже грустный и назидательный фактъ: отсюда ясно, какъ мало наклонны были даже ученыя собранія, прикрытыя хоть кончикомъ оффиціальнаго плаща, подвергать свои дѣйствія суду публики, и какъ ревниво отстаивали они свои чрезмѣрныя притязанія....

Желаніе полной свободы печати, высказанное немногими передовыми личностями александровскаго времени, далеко обгоняло развитіе русскаго общества, непривыкшаго видѣть въ литературномъ мнѣніи самостоятельную, независимую силу; большинство же образованныхъ людей, не исключая литераторовъ и журналистовъ, вполнѣ удовольствовалось тою долей свободы, какую предоставлялъ русской литературѣ новый цензурный уставъ. Это мнѣніе большинства было выражено Каченовскимъ въ «Вѣстникѣ Европы», вскорѣ по выходѣ устава. Мы приведемъ его цѣликомъ,— тѣмъ болѣе, что оно, по своей краткости, не утомитъ нашихъ читателей. «Критика ученая и безпристрастная—пи-

шетъ Каченовскій въ статьѣ подъ названіемъ: «О книжной цензурѣ въ Россіи»—выставляя погрѣшности сочиненій,—удерживаетъ неопытныхъ людей отъ смѣлыхъ предпріятій; цензура, налагая узду на дерзость и буйство, искореняетъ зло при самомъ его началѣ. Истинный талантъ не боится критики; писатель благонамѣренный уважаетъ постановленія мудраго правительства и благоговѣетъ въ душѣ своей предъ спасительными узаконеніями, которыми нимало не стѣсняется свобода мыслить и писать (курсивъ въ подлинникѣ) и которыя суть ничто иное, какъ только необходимыя мѣры, принятыя противъ злоупотребленій сей свободы. Для чего нужны книги? Умъ и дарованія образуются подъ руководствомъ содержащихся въ нихъ полезныхъ правилъ и наставленій; сынъ церкви и отечества почерпаетъ изъ книгъ понятія о своихъ обязанностяхъ; гражданинъ узнаетъ изъ нихъ права свои; человѣка онѣ научаютъ чувствовать цѣну его достоинства и иногда, въ часы свободные, доставляютъ ему пріятное занятіе. Но всякая ли книга соотвѣтствуетъ симъ важнымъ назначеніямъ? Вольтеръ хотѣлъ, чтобы дозволено было писать все безъ изъятія, утверждая, что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги. Постыдный для человѣчества примѣръ неистовыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольтерова мнѣнія. Появленіе дерзкихъ сочиненій, сопровождаемое всеобщимъ одобреніемъ, означаетъ послѣднюю степень развращенія и необузданности, до которой государство достигаетъ. Еслибъ всѣ верховныя власти заблаговременно пеклись о доставленіи обществу книгъ, способствующихъ къ истинному

просвѣщенію ума и къ образованію нравовъ, еслибъ онѣ удаляли сочиненія противныя сему намѣренію, то французы не посрамили бы своего имени предъ лицемъ свѣта и потомства, не обагрили бы рукъ своихъ кровію законнаго своего государя, не пресмыкались бы у ногъ хитраго чужестранца. Нынѣшніе законодатели французскаго Парнасса (аббатъ Жоффруа, издатели французскаго Меркурія и пр.), устрашенные плачевными слѣдствіями легкомыслія своихъ соотечественниковъ, принимаютъ крайнія мѣры, совершенно противоположныя первымъ, т. е. выбравшись изъ одной пропасти, низвергаются въ другую; они теперь выхваляютъ блаженное состояніе невѣжества и скорыми шагами обратно отступаютъ къ четырнадцатому вѣку. Южная Германія и всѣ итальянскія государства, по долгу зависимости отъ Франціи и соображаясь съ модою лицемѣрной набожности, господствующей при дворѣ Наполеоновомъ, шествуютъ по слѣдамъ своей путеводительницы. Въ Испаніи пламенники святой инквизиціи истребляютъ творенія великихъ геніевъ, писанныя для безсмертія, для пользы и славы человѣческаго рода. Въ Австріи запрещенъ ввозъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій. Въ то время, когда въ южной Европѣ воздвигаютъ алтари невѣжеству, въ любезномъ отечествѣ нашемъ законы всячески ободряютъ успѣхи просвѣщенія, охраняя вѣру, святость власти, нравственность и личную честь гражданина. И кто не чувствуетъ, сколь драгоцѣнны сіи залоги благоденствія общественнаго и частнаго? Какой здравомыслящій гражданинъ предпочтетъ имъ произведенія ума буйнаго и строптиваго, прикрашеннаго ложнымъ блескомъ мнимаго

краснорѣчія, мгновенно исчезающимъ при свѣтильникѣ здравой логики»?

«Никогда не были взяты мѣры лучшія и надежнѣйшія для успѣховъ народнаго просвѣщенія; никогда правительство столько не пеклось о томъ, чтобы волю свою сдѣлать извѣстною всѣмъ гражданамъ. «Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя, по какимъ либо мнимымъ причинамъ, кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать». Какое поощреніе для зрѣющаго таланта! какая твердая подпора для писателя опытнаго, который предпринимаетъ подвигъ отважный и многотрудный! Екатерина Великая начертала вѣрное средство осчастливить людей. Если хотите сдѣлать народъ благополучнымъ, говоритъ безсмертная законодательница къ органамъ народа, распространите просвѣщеніе въ государствѣ. Человѣколюбивый Александръ, довершающій великія предпріятія своей прародительницы, желаетъ и требуетъ, чтобы скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, «не только не подлежало и самой умѣренной строгости цензуры, но пользовалось бы совершенною свободою тисненія, возвышающей успѣхи просвѣщенія». Если всѣ члены общества будутъ исполнять съ та-

кою правотою и ревностью священный долгъ свой, съ какою мудростью августѣйшій обладатель сѣвера предписываетъ спасительныя средства для истиннаго счастья своего народа; то еще нѣсколько лѣтъ--и поле россійской словесности обогатится памятниками изящнаго вкуса и учености». (См. Вѣстн. Евр. 1805 г. № 3).

На этой благоразумной серединѣ примирялись всѣ, кто не желалъ «дерзостей» и излишествъ печати, осуждалъ «умы буйные и строптивые», но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ вредными крайнія репрессивныя мѣры, отодвигающія общество «къ четырнадцатому столѣтію».

V.

Отличительный характеръ русскаго масонства и вліяніе его на Карамзина. — Освобожденіе Карамзина отъ этого вліянія. — Изданіе «Московскаго Журнала» и литературныхъ сборниковъ.—Политическіе взгляды и симпатіи Карамзина. — Отдѣлъ критики въ «Московскомъ Журналѣ»

Поворотъ въ нашей государственной жизни отразился благопріятно на журналистикѣ. Первымъ представителемъ этого новаго движенія въ нашей литературѣ, по всей справедливости, считается Карамзинъ. Но такъ какъ дѣятельность этого писателя началась еще въ концѣ царствованія Екатерины II-й, то мы должны будемъ обратиться нѣсколько назадъ.

Въ философскомъ движеніи XVIII-го вѣка опредѣлились довольно ясно двѣ струи, два различныя міровоззрѣнія: — раціо-

нально-деистическое и собственно матеріалистическое, или сенсуализмъ. Первое примыкало къ англійской школѣ Локка, другое нашло своихъ представителей во французскихъ энциклопедистахъ. **Масонство**, зашедшее въ XVIII в. и къ намъ, приближалось въ основныхъ началахъ своихъ къ школѣ деистическихъ философовъ, т. е. масоны старались перенести въ практическую жизнь ту «религію разума», или «естественную религію», которая требовала отъ человѣка высокой нравственности, полезной дѣятельности, отвергая всякій догматизмъ и фанатическую нетерпимость. Скоро оно вступило въ борьбу съ распространявшимся атеизмомъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи въ Европѣ, масонство соприкасалось одной своей стороной—съ политической сектой иллюминатовъ, другой — съ мистической теософіей Бема, Штиллинга и др. Въ русскомъ масонствѣ не было политическаго оппозиціоннаго оттѣнка, который встрѣчался въ западныхъ масонскихъ ложахъ; все лучшее, что было въ немъ, уходило только на филантропическую дѣятельность, чуждую какого бы то ни было политическаго новаторства. Лопухинъ, одинъ изъ лучшихъ людей «Дружескаго общества», говоря о различіи между западнымъ и русскимъ масонствомъ, чистосердечно признается: «нашего общества предметъ былъ — добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ—начало и конецъ всякаго блаженства». Тайныя же политическія общества, по мнѣнію Лопухина, основаны на томъ, «чтобы отвергать Христа, а обществъ оныхъ предметъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству». Въ сво-

емъ масонскомъ катихизисѣ Лопухинъ прямо говоритъ, что «масонъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому». Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Лабзина, масонство утратило и свой филантропическій характеръ, обратившись въ одно отвлеченное, мистико-религіозное созерцаніе. Карамзинъ, какъ извѣстно, вышелъ изъ масонскаго кружка и сохранилъ на себѣ отпечатокъ его вліянія *). Уваженіе къ человѣческой личности, независимо отъ ея общественнаго положенія и вѣса, отсутствіе религіознаго фанатизма — вотъ хорошія черты этого вліянія; но были также и дурныя. Живя въ Москвѣ, Карамзинъ занимался переводами книгъ въ мистическомъ духѣ для новиковскихъ изданій, мечталъ о потерянномъ золотомъ вѣкѣ и, несовсѣмъ отрезвившись отъ этого настроенія, отправился путешествовать по Европѣ. Возвратясь изъ путешествія, Карамзинъ принялся за изданіе ежемѣсячнаго «Московскаго Журнала» (1791—1792 г.). Появленіе этого журнала было очень важно для своего времени: послѣ сатирическихъ листковъ Новикова, это было первое живое слово въ тогдашнемъ литературномъ затишьѣ. Въ предувѣдомленіи къ журналу Карамзинъ говорилъ: «Вотъ начало. Издатель упортебитъ всѣ силы свои, чтобъ продолженіе было лучше и лучше. Журналъ выдавать не шутка—я это знаю,—однако жь чего не дѣлаетъ охота и прилежность? Множество иностранныхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами; ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». И въ самомъ дѣлѣ издатель искусно выби-

*) Объ этомъ вліяніи см. въ 1-мъ томѣ, въ статьѣ: «Русскіе классики въ характеристикахъ г. Галахова», стр. 205—218.

ралъ статьи для своей публики: тутъ были «Письма русскаго путешественника», знакомившія, хотя поверхностно, съ умственною жизнью Европы, съ личностями ея знаменитыхъ мыслителей, свѣдѣнія объ иностранныхъ и русскихъ книгахъ, переводныя и оригинальныя повѣсти, и статьи о театрахъ. Строгаго, опредѣленнаго направленія здѣсь не было, да его и не могло быть въ то время; публикѣ нужны были хоть какія нибудь, не то чтобы систематическія познанія, хоть какое нибудь чтеніе, которое бы пріучало ее размышлять объ окружающемъ, видѣть въ книгѣ пріятнаго собесѣдника, а не кошмаръ, созданный для устрашенія школьниковъ. Успѣху журнала немало способствовалъ и легкій литературный языкъ, которымъ писалъ Карамзинъ; доступность его изложенія значительно раздвинула кругъ дѣйствія періодической печати. Утомившись изданіемъ журнала, который приходилось вести почти одному (послѣдняя книжка «Московскаго Журнала» сильно запоздала, а въ 1791 г., вслѣдствіе двукратной отлучки издателя изъ Москвы, даже нѣсколько нумеровъ журнала вышли не въ свое время), Карамзинъ предпочелъ дѣйствовать на публику посредствомъ литературныхъ сборниковъ: Аглая (1794 г., двѣ книжки) и Аониды (1796 — 1799 г., три книжки). По своему составу «Аглая» есть какъ бы продолженіе «Московскаго Журнала»; «Аониды» же представляютъ сборникъ стихотвореній самого Карамзина и другихъ современныхъ поэтовъ. Мы не будемъ распространяться о значеніи сантиментальности, впервые внесенной къ намъ карамзинскою беллетристикой; скажемъ только, что, по сравненію съ ходульными произведеніями прежнихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ битвы, барскія

милости, иллюминаціи и фейерверки, переходъ къ простымъ сюжетамъ, заимствованнымъ изъ близкой и всѣмъ знакомой жизни, былъ самъ по себѣ признакомъ развитія литературы. «Поэзія,—говорилъ Карамзинъ въ предисловіи ко 2-й книжкѣ «Аонидъ» (1797 г.), — состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу, если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями... то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ поэтическую сторону». Насъ больше интересуетъ взглядъ Карамзина на общественный и политическій строй Европы, его отношеніе къ различнымъ философскимъ системамъ, господствующій характеръ его изданій.

Въ «Московскомъ Журналѣ» еще очень замѣтно соединялись отголоски прежняго масонскаго вліянія и новыя впечатлѣнія, навѣянныя на Карамзина путешествіемъ по Европѣ. Филантропическое благодушіе сказывается во многихъ мѣстахъ знаменитыхъ «Писемъ»; но оно далеко отъ того, чтобы рѣзко осуждать несовмѣстный съ гуманизмомъ порядокъ вещей. «Я вездѣ видѣлъ — пишетъ Карамзинъ изъ Мейссена—благоденствіе, счастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, казались мнѣ блаженными тварями.... въ каждомъ поселянинѣ, идущемъ по лугу, видѣлъ я благополучнаго смерт-

наго, имѣющаго съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами, думалъ я, веселъ и счастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ своимъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены и смотря на играющихъ дѣтей своихъ». Но радуясь этому благоденствію, Карамзинъ не забывалъ сѣтовать, что «въ Лифляндіи или въ Эстляндіи мужикъ приноситъ господину вчетверо болѣе нашего казанскаго или симбирскаго». Лопухинъ, какъ извѣстно, тоже отстаивалъ въ принципѣ крѣпостное право, нужное, по его мнѣнію, «для обузданія народа», хотя и желалъ видѣть крестьянъ благоденствующими. Мечты о золотомъ вѣкѣ, оставшемся назади, — соединеніе Руссо съ Юнгомъ Штиллингомъ, — также замѣтны въ «Письмахъ». «Ахъ, милые друзья мои! восклицалъ нашъ путешественникъ, выпивая воду, поданную ему пастухомъ,—для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобъ возвратиться въ первобытное состояніе человѣка». Сюда же относятся идиллическія пожеланія автора: «построить себѣ хижину на голубой Юрѣ» и удалиться отъ суетнаго человѣческаго общества. На вопросъ Виланда, къ которому нашъ туристъ ворвался почти насильно и былъ встрѣченъ сначала весьма сухо,—на вопросъ этого поэта: «скажите, потому что я начинаю вами интересоваться, что̀ у васъ въ виду?» Карамзинъ отвѣчалъ: «тихая жизнь!» Но рядомъ съ остатками піэтистическаго взгляда на вещи, мы замѣчаемъ въ Карамзинѣ и новыя стремленія, уже не укладывавшіяся въ рамки масонскихъ требованій. Любовь

къ европейскому просвѣщенію, вѣра въ мысль и почти страстное ея обожаніе въ лицѣ тогдашнихъ представителей науки и поэтическаго творчества—это черта новая, которую Карамзинъ не могъ заимствовать изъ общества масоновъ, невѣжественно отвергавшихъ всѣ новѣйшія открытія въ химіи и астрономіи. Съ точки зрѣнія масона было бы предосудительно хвалить переводъ естественной исторіи Бюффона и рекомендовать вообще строгое изученіе законовъ природы, какъ это дѣлалъ Карамзинъ въ своемъ журналѣ. Правда, что въ то же время онъ печаталъ статьи изъ «Психологическаго магазина» Морица въ родѣ «Чуднаго Сна» и т. п., но эта непослѣдовательность показываетъ только, что человѣку не легко отказаться отъ прежнихъ убѣжденій, привитыхъ въ молодости. Скоро послѣ того Карамзинъ отрекся и отъ своей утопіи о золотомъ вѣкѣ, который обходился, будто бы, безъ науки и развитой общественной жизни. Противъ религіознаго фанатизма Карамзинъ высказываетъ мысль, что главная заслуга Вольтера въ томъ и состоитъ, что «онъ распространилъ взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ XVIII-го вѣка приносились кровавыя жертвы въ Европѣ». Но въ политическихъ вопросахъ Карамзинъ мало отошелъ отъ мнѣній масонскаго кружка, хотя и тутъ прорывались у него новые взгляды или, лучше сказать, новыя симпатіи, весьма отличныя отъ прежнихъ.

Когда въ «Московскомъ Журналѣ» приходилось высказывать прямыя политическія мнѣнія, то издатель, не задумываясь, предпочиталъ всему абсолютную форму правленія, какъ

это видно изъ разбора повѣсти Хераскова: «Кадмъ и Гармонія» (№1). Въ этой повѣсти замѣчательна въ политическомъ отношеніи рѣчь Кадма къ ѳессалійскому народу о лучшемъ образѣ правленія. Кадмъ одинаково осуждаетъ и аристократію, и демократію въ управленіи государствомъ: «Вы предпріемлете,—говоритъ онъ,—составить единый ликъ царя изъ разныхъ членовъ нашего общества; уничтожая царя, — царскую силу и мощь изъ разныхъ частицъ слѣпить покушаетесь: трудное и едва ли возможное предпріятіе. Сліяніе разныхъ веществъ въ единую груду рѣдко твердымъ и прочнымъ тѣломъ бываетъ... Вы многихъ мучителей, а не единодушныхъ отцовъ и защитниковъ народныхъ устроите»... Ежели немногое число избранныхъ вельможей вашихъ, о Ѳессалійцы, отечеству вредно, то какимъ злосчастіемъ угрожается ваше царство, всѣмъ народомъ управляемое... Кто ваше благоденствіе устроивать будетъ? Вы сами! Какому суду поработиться чаете? Собственному своему! Кто вами будетъ начальствовать и кто начальникамъ вашимъ покоряться? Вы сами и начальниками, и повинующимися быть долженствуете! Странный образъ правительства. Но я изъясню мои мысли простыми ради васъ изреченіями. Вообразите, ежели бы земля наша, отвергнувъ солнечное сіяніе, сама себя освѣщать восхотѣла: въ какой бы мракъ она погрузилась? Еслибы члены наши, отрекшись отъ назначеннаго природой имъ долга, всѣ купно господствовать восхотѣли: долго ли бы тѣло наше въ цѣлости пребыть могло? Скоро бы оно разрушилось, а съ нимъ и члены его купно бы погибли. Каждое царство есть цѣлое тѣло, главу для управленія и прочіе члены для служенія имѣть долженствующее... Сія-то глава есть царь, са-

модержавствующій подданными. О, Θессалійцы! почто не избираете царя самодержавнаго?» Къ этой тирадѣ рецензентомъ сдѣлано примѣчаніе: «кто не почувствуетъ убѣдительности сихъ разсужденій?» Но въ другихъ случаяхъ Карамзинъ увлекался юношескою впечатлительностью и нѣсколько бравировалъ установившіяся у насъ понятія о политической жизни. Къ Швейцаріи онъ чувствовалъ особенное пристрастіе. «Счастливые швейцары! — восклицалъ онъ торжественно—всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе? При всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живя въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и предъ однимъ Богомъ наклоняя гордую выю свою? Вся жизнь ваша есть пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла (т. е. стрѣла смерти) должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую тиранскими стремленіями *). Къ числу либеральныхъ бутадъ принадлежитъ и слѣдующая эпитафія «Истинѣ», напечатанная въ № 5 «Московск. Журнала» за 1791 г. «Здѣсь лежитъ истина, дщерь царя царей, суевѣріемъ, соблазномъ и чувственностью, злоупотребленіемъ власти, лѣностью жрецовъ и хитростью политиковъ, легкомысліемъ историковъ, педантствомъ ученыхъ и глупостью народа умерщвленная, и здѣсь, въ нечистотѣ лжей, погребенная». Мы называемъ это бутадами, потому что платоническая любовь къ свободѣ, выраженная здѣсь, скоро улетучи-

*) Впослѣдствіи, при отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій, Карамзинъ замѣнилъ эту фразу другою, болѣе мягкою: «роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую свирѣпыми страстями».

лась въ авторѣ, да и въ самое это время не простиралась далѣе словъ. Нельзя забыть, что на глазахъ Карамзина разыгрывалась во Франціи революціонная драма; онъ видѣлъ даже участниковъ этой драмы, но нисколько не понималъ ея основныхъ мотивовъ. Въ одномъ и томъ же письмѣ (изъ Франкфурта, 29 іюля) онъ выхвалялъ республиканскій героизмъ Фіэски, главнаго дѣйствующаго лица въ трагедіи Шиллера, и отзывался съ пренебреженіемъ о «парижскихъ сценахъ». Сущность переворота: недовольство народа, порывъ къ свободѣ цивилизованныхъ классовъ были непонятны для любознательнаго путешественника, который о бархатной шапочкѣ Лафатера говорилъ съ бо̀льшею охотой и подробностью, чѣмъ о событіи міровой важности, совершавшемся, такъ сказать, у него на глазахъ. «Вездѣ въ Эльзасѣ, пишетъ Карамзинъ, примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, почтальоны, бабы говорятъ о революціи. А въ Стразбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ прелата и принудила его пить пиво изъ одной кружки съ его кучеромъ за здоровье націи. Прелатъ поблѣднѣлъ отъ страха и трепещущимъ голосомъ повторялъ: mes amis, mes amis!—Oui, nous sommes vos amis, кричали солдаты: пей же съ нами! Крикъ на улицахъ продолжается почти безпрерывно. Но жители затыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла». Однажды случилось ему наткнуться на одного

эмигранта, кавалера св. Людовика, выгнаннаго изъ помѣстья «бунтующими поселянами»;—не заботясь составить себѣ понятіе о цѣломъ ходѣ событій и о томъ, что такое были тогда французскіе «поселяне», онъ находитъ здѣсь только случай для сантиментальныхъ изліяній о «кавалерѣ»... Но проѣзжая изъ Берна въ Лозанну, недалеко отъ городка Муртена, Карамзинъ увидѣлъ памятникъ побѣды швейцарцевъ надъ Карломъ Смѣлымъ. Сочувствуя угнетеннымъ, онъ разсказываетъ историческое событіе, какъ «кровожаждущій тиранъ вознамѣрился покорить жителей Гельвеціи и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранства», и выражаетъ сожалѣніе лишь о томъ, что трофей побѣды такъ дорого обошелся человѣчеству *). «Сокройте, сокройте, говорилъ нашъ туристъ, сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени—имени человѣка».

Человѣческое достоинство, независимо отъ случайностей происхожденія, общественнаго положенія, даже національности, само по себѣ имѣло цѣну для Карамзина; создавъ себѣ космополитическій идеалъ человѣка, просвѣщеннаго единою, общею всѣмъ наукою, онъ оправдывалъ европеизмъ петровской реформы и написалъ даже слѣдующую замѣчательную филиппику противъ невѣжества древней Руси: «Мы не таковы, какъ брадатые предки наши—тѣмъ лучше. Грубость наружная и внутренняя, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ че-

*) Этотъ памятникъ состоялъ изъ костей убитыхъ воиновъ, обнесенныхъ желѣзною рѣшеткою.

ловѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что̀ англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Извѣстно, какъ далеко Карамзинъ отступилъ отъ этого взгляда впослѣдствіи, въ своей статьѣ: «О древней и новой Россіи», и какъ строго осудилъ онъ Петра за крутость реформы, будто бы лишившей Россію самобытности національнаго развитія.

Отдѣлъ критики, хотя онъ и былъ въ «Московскомъ Журналѣ», и въ немъ попадались статьи, рѣзко выдѣлявшіяся своимъ здравымъ взглядомъ на искусство (какъ напр. статья о драмѣ Лессинга: «Эмилія Галотти»), въ сущности не имѣлъ однако того значенія, какое онъ пріобрѣлъ позднѣе, при болѣе послѣдовательныхъ и выдержанныхъ направленіяхъ журналистики. Самое существованіе такого отдѣла было до нѣкоторой степени контрабандою, ибо, по взгляду того времени, критическія статьи «по правиламъ чести (!) должны быть сообщаемы писателямъ прежде изданія въ свѣтъ ихъ сочиненій, а не тогда уже, когда правительство терпитъ ихъ печатаніе» (см. проектъ Богдановича о «заведеніи общества россійскихъ писателей»). Занимательное столкновеніе произошло по поводу разбора книги Ѳ. Туманскаго: «Палефатовы сказанія». Этотъ Туманскій, самъ писатель и журналистъ (въ 1792 г. онъ издавалъ «Россійскій магазинъ», а прежде того «Зеркало свѣта» и «Лѣкарство отъ скуки и заботъ»), перевелъ Палефатовы комментаріи къ миѳамъ классической древности и присовокупилъ къ нимъ свои собственныя примѣчанія въ такомъ родѣ: «волокита Юпитеръ, онъ же и божекъ, прошелъ сквозь пото-

локъ золотымъ дождемъ — ай деньги! не божеской ли вы крови?» и т. п. Безтолковыя прибавки, тяжелый слогъ, испещренный славянскими словами, были ему указаны рецензентомъ, скрывшимся подъ буквами В. П. (кажется, Подшиваловъ). Туманскій обидѣлся этою рецензіей и въ своей антикритикѣ говоритъ: «Судей есть два рода: отъ властей опредѣляемые или избираемые (авторъ былъ избранъ депутатомъ отъ петербургскаго дворянства при составленіи родословной книги). Не принадлежащіе къ симъ двумъ суть самозванцы. Не судите, да не судими будете. Въ разсужденіи выдаваемыхъ сочиненій и переводовъ, въ разныхъ государствахъ нѣкоторыя ученыя общества согласились объявлять публикѣ свои мнѣнія. Собраніе ученыхъ, конечно, здравѣе судить можетъ, нежели одинъ человѣкъ, обуреваемый страстію гордости, самомнѣнія, зависти и пр. Но и самыя сіи общества весьма часто ошибаются въ ихъ сужденіяхъ, какъ то опытъ разныхъ вѣковъ доказалъ. Частныхъ людей сужденія, въ газетахъ, журналахъ и пр. сообщаемыя, никогда отъ людей умныхъ уважаемы не были; извѣстно, что они за подарки истощеваютъ хвалы; по пристрастію, самолюбію, личной ссорѣ или зависти выискиваютъ всѣ способы унизить труды чуждые... Умные, не для самолюбія, но для пользы наукъ трудящіеся (люди) чтутъ сотрудниковъ товарищами и стараются ихъ погрѣшности исправлять или сообщеніемъ своихъ примѣчаній въ письмахъ, или въ сочиненіяхъ печатныхъ, о которыхъ они увѣрены, что будутъ въ рукахъ того, чьего они желаютъ исправленія, или съ кѣмъ въ недоумѣніяхъ объясниться хотятъ, и все сіе дѣлаютъ съ наблюденіемъ учтивости». Съ мнѣніемъ Туманскаго, —

которое сильно напоминаетъ мнѣніе Ломоносова «о должности журналистовъ»,—Карамзинъ, конечно, не согласился, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этой антикритикѣ доказываетъ, что не всѣ же рецензенты «за подарки истощеваютъ хвалы», что Лессингъ и Мендельсонъ, безспорно замѣчательные люди, честно судили о книгахъ, что критика много содѣйствовала развитію нѣмецкой литературы, что, наконецъ, никакой неучтивости нѣтъ въ рецензіи «Московскаго Журнала». Но всѣ эти доводы врядъ ли убѣдили раздраженнаго переводчика, осуждавшаго съ такимъ апломбомъ самую возможность литературной критики.

VI.

Карамзинъ, какъ издатель «Вѣстника Европы». — Политическіе взгляды этого журнала: осужденіе французской революціи, похвалы Бонапарту и т. п. — Отношеніе Карамзина къ Швейцаріи, Англіи и Америкѣ. — Оцѣнка внутреннихъ событій. — Взглядъ на обязанности критики. — Значеніе «Вѣстника Европы» въ исторіи русской журналистики.

Издавъ послѣднюю книжку «Аонидъ», Карамзинъ оставался нѣкоторое время въ бездѣйствіи, пока измѣнившіяся обстоятельства не расширили опять въ Россіи круга литературной дѣятельности. Мудрено было бы ему, въ самомъ дѣлѣ, издавать журналъ или даже литературный сборникъ въ то время, когда дѣйствовалъ указъ 18 апрѣля 1800 г. о невывозѣ изъ-за границы не только книгъ, но даже и нотъ. Но въ 1802 г. Карамзинъ увлекся потокомъ новыхъ событій, давшихъ сильный толчокъ русской мысли, и снова вступилъ

на журнальное поприще съ «Вѣстникомъ Европы» (выход. въ Москвѣ 2 раза въ мѣсяцъ). Въ этомъ журналѣ появился впервые правильный «политическій отдѣлъ», въ которомъ издатель разсказывалъ связно и подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія внѣшнія политическія событія, а также иногда касался, въ подробныхъ статьяхъ, происходившихъ внутри государства перемѣнъ. Кромѣ политическаго отдѣла, въ журналѣ помѣщались беллетристическія произведенія съ прежнимъ сантиментальнымъ оттѣнкомъ, къ которому примѣшивается частица назидательности (какъ напр. въ повѣсти: «Вольнодумство и набожность»), разные анекдоты, почерпнутые изъ иностранныхъ журналовъ, преимущественно политическаго содержанія, біографическія статьи о Вольтерѣ, Дидро и пр. Чтобы уяснить себѣ политические взгляды «Вѣстника Европы», припомнимъ нѣсколько строй европейскихъ событій того времени. Франція, подчинившись игу военнаго деспотизма, начала понемногу и въ другой формѣ воскрешать то, что было убито въ ней широко развившейся революціонною пропагандой: возстановленіе католической религіи, пожизненное консульство Бонапарта и новая конституція, о которой Неккеръ въ своей брошюрѣ сказалъ, что она скоро замѣнится другою, новѣйшей; стѣсненіе свободной печати, начинавшаяся полицейская карьера Фуше—вотъ новые факты, внесенные въ европейскій политическій міръ возникавшимъ господствомъ Наполеона. Политическія событія внѣ Франціи, о которыхъ приходилось говорить Карамзину, были очень разнообразны: устройство цизальпинской республики, междоусобія швейцарскихъ кантоновъ, возстаніе Туссенъ-Лувертюра въ Сенъ-Доминго (по этому случаю разсказана біографія знаме-

нитаго негра), паденіе Венеціанской республики и пр. и пр. На всѣ эти событія Карамзинъ проводитъ взглядъ, который можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: издатель «Вѣстника Европы» цѣнилъ выше всего сохраненіе statu quo, покорную преданность закону и власти; онъ допускаетъ общественный прогрессъ, развитіе мысли, только въ этихъ опредѣленныхъ рамкахъ, не одобряя никакихъ радикальныхъ перемѣнъ. «Революція—говоритъ Карамзинъ въ статьѣ «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» — объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти... Съ половины XVIII вѣка всѣ необыкновенные умы страстно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были въ нѣкоторомъ смыслѣ врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствіе; люди скучали и жаловались отъ скуки; видѣли одно зло и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностью; громъ грянулъ изъ Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ. Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ. Никогда со-

гласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ. Съ другой стороны правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Почти на всѣхъ тронахъ Европы видимъ юныхъ государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы; правительства, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ общества. Революція обѣщала равенство состояній; государи, вмѣсто сей химеры, стараются, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи былъ доволенъ, чтобы ни которое не было презрительнымъ или угнетеннымъ. Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый человѣкъ не можетъ наслаждаться безопасностью? Свирѣпствуетъ ли гдѣ нибудь тиранство въ Европѣ, если исключимъ Турцію? Не вездѣ ли обѣщаютъ наукамъ покровительство? Не вездѣ ли начальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности, которое образуетъ мудрыхъ министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, рождая чувства патріотизма, чести, народной гордости, и безъ котораго люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону». Въ другой статьѣ читаемъ: «Уже прошли тѣ блаженныя и вѣчной памяти достойныя времена, когда чтеніе книгъ было исключительнымъ правомъ нѣкоторыхъ людей; уже дѣятельный разумъ во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ земляхъ чувствуетъ нужду въ позна-

ніяхъ и **требуетъ новыхъ, лучшихъ идей**; уже всѣ монархи въ Европѣ считаютъ за долгъ и славу быть покровителями ученія. Министры стараются слогомъ своимъ угождать вкусу просвѣщенныхъ людей. Придворный хочетъ слыть любителемъ литературы; судья читаетъ и стыдится прежняго непонятнаго языка Ѳемиды; молодой свѣтскій человѣкъ желаетъ имѣть знанія, чтобы говорить съ пріятностью въ обществѣ и даже при случаѣ философствовать» («Письмо къ издателю», № 1). Тутъ Карамзинъ, съ одной стороны, осуждаетъ революцію, а съ другой—признаетъ косвенную пользу отъ нея въ созданіи того «общаго мнѣнія», которому подчиняются даже государи, въ выработкѣ тѣхъ «новыхъ, лучшихъ идей», которыя пущены ею въ общественный оборотъ. Но эта косвенная польза признается имъ неохотно и болѣе вытекаетъ изъ его словъ по соображенію упомянутыхъ обстоятельствъ, нежели выставляется имъ на видъ; въ прямыхъ же выраженіяхъ Карамзинъ только осуждаетъ, и притомъ очень строго, всѣ рѣзкія общественныя движенія и слишкомъ уже преувеличиваетъ достоинства «порядка», каковъ бы онъ ни былъ. «Бонапарте—говоритъ онъ напр.—заслуживаетъ признательность французовъ и почтеніе всѣхъ людей, умѣющихъ цѣнить чрезвычайныя дѣйствія геройства и разума. Его внѣшняя политика и внутреннее управленіе достойны удивленія не менѣе маренгской побѣды. Франція, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своихъ жителей, конечно, скоро загладитъ бѣдственные слѣды революціи, наслаждаясь тишиною подъ эгидою дѣятельнаго и благоразумнаго правленія, которое печется о мудрой системѣ гражданскихъ за-

коновъ, о воспитаніи, объ успѣхѣ наукъ, художествъ, торговли, слѣдовательно о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго благополучія. Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастливыми; теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ, отличивъ достойнѣйшихъ гражданъ важнымъ правомъ избранія въ республиканскія должности (par les listes de notabilité) и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ-консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія».

Въ первой же книжкѣ «Вѣстника Европы» напечатаны были, съ цѣлью порицанія народныхъ движеній и восхваленія порядка, — двѣ переводныя статьи: «Письмо Альцибіада къ Периклу» и «Исторія французской революціи, избранная изъ латинскихъ писателей». Въ первой статьѣ Алкивіадъ, въ письмѣ къ своему родственнику Периклу, описываетъ свой сонъ: «Дорога раздѣлилась... Тамъ нѣсколько человѣкъ съ великимъ трудомъ всходили на крутую гору; тутъ безчисленное множество людей бѣжало по гладкому и широкому пути. «Куда»? спросилъ я у заднихъ. «Не знаемъ», отвѣчали они: «мы бѣжимъ за передними; другіе побѣгутъ за нами». Какое-то тайное движеніе сердца заставило меня идти вслѣдъ за ними. Вдругъ раздался голосъ: «здѣсь путь истины и свѣта!» Я бросился въ ту сторону; но неизвѣстный человѣкъ схватилъ меня за руку, сказалъ повелительнымъ голосомъ: «поди за мною»! и мы очутились въ дремучемъ лѣсу. Дорога исчезла. На каждомъ шагу встрѣчались намъ бѣдные

странники, подобно намъ незнающіе пути. У нихъ также были вожатые, которые, не зная куда вести, съ горя дрались между собою. Изъ ихъ факеловъ сыпались искры; но онѣ болѣе ослѣпляли, нежели освѣщали насъ. Я слѣдовалъ то за однимъ, то за другимъ, и всякимъ былъ обманутъ. Одинъ говорилъ: «нашъ путь ведетъ къ безсмертію!» и мы, черезъ минуту, оба падали въ яму. Другой кричалъ: «со мной пройдешь всюду», и мы ударялись лбомъ въ мѣдную стѣну. Одинъ безпрестанно славилъ мнѣ пріятности златаго вѣка и совершеннаго равенства между людьми въ то самое время, когда я умиралъ отъ усталости, жажды и голода. Другой восклицалъ: «какъ блаженна независимость!» и требовалъ отъ меня слѣпаго повиновенія. Я лишился терпѣнія, отчаяніе овладѣло мною... Но Сократъ явился, и душа моя воскресла. «Ты видѣлъ часть нашихъ софистовъ», сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою: «они не любятъ меня, ибо я люблю правду». Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе различій между софистами и философами: «Имѣя умъ ограниченный, софисты говорятъ, что безконечное есть одна мечта. Не разумѣя таинствъ природы, дерзостно отвергаютъ бытіе творца ея. Родясь въ недостаткѣ и бѣдности, проповѣдуютъ общественность имѣній... Философъ любитъ человѣчество и добродѣтель. Софистъ только хвалитъ добродѣтель и человѣчество. Философъ полагаетъ счастіе въ томъ, чтобы служить отечеству, друзьямъ и родственникамъ; софистъ жертвуетъ родственниками, друзьями и отечествомъ для утвержденія мнѣній своихъ. Философъ думаетъ, что религіи благодѣтельны и что въ Индіи должно обожать Браму, въ Эк-

батанѣ—Оромацеса, въ Финикіи—Адоная, въ Греціи—Зевса; софистъ говоритъ, что религіи вредны, и забывая, въ чемъ онѣ состоятъ, доказываетъ только вредъ грубаго суевѣрія. Философъ думаетъ, что быть хорошимъ гражданиномъ есть быть хорошимъ отцомъ, супругомъ, сыномъ. Софистъ утверждаетъ, что патріотизмъ долженъ истребить всѣ природныя склонности. Часто кричатъ софисты: «погибни міръ, но торжествуй система!» Философъ говоритъ: «еслибы всѣ истины были у меня въ рукѣ, то я побоялся бы разжать ее.» Надобно угождать народу, безпрестанно твердятъ софисты; надобно сдѣлать его благополучнымъ—говорятъ философы. Послушай софистовъ: Периклъ—тиранъ своего отечества. Послушай философовъ: Периклъ есть герой-благодѣтель народа своего. Послушай софистовъ: нѣтъ вольности безъ демократіи; послушай философовъ: нѣтъ демократіи безъ смятеній». Сократъ предупреждаетъ своего ученика, что слѣдуетъ «отличать людей отъ словъ ихъ, а софистовъ отъ философовъ, дабы возвратить философіи ту честь и славу, которую ложные мудрецы хотѣли у нея навѣкъ похитить». Въ «Исторіи французской революціи», написанной нѣсколькими французскими учеными, событія французской революціи описывались фразами, заимствованными изъ Тита Ливія, Патеркула и другихъ латинскихъ писателей. Въ этой странной мозаикѣ событія представлены въ самомъ мрачномъ и отталкивающемъ видѣ. Приступъ народа къ Тюльери описывается слѣдующимъ образомъ: «Всѣ ознаменованные безчестіемъ и стыдомъ; всѣ расточители отцовскаго наслѣдія; всѣ, выгнанные за гнусные пороки изъ отечества, стекались въ безпокойную столицу. Они произвели

мятежъ и, не имѣя начальника, устремились ко дворцу монарха. Вездѣ слышны были угрозы и стукъ оружія. Мятежники ворвались во дворецъ и умертвили внѣшнюю стражу. Между тѣмъ другіе хотятъ защитить царское жилище и съ новою ревностью сражаются; хотятъ подкрѣпить слабыхъ числомъ, но сильныхъ мужествомъ. Народъ остается свидѣтелемъ битвы и, какъ будто веселясь театральнымъ позорищемъ, ободряетъ то однихъ, то другихъ своими восклицаніями. Видя побѣжденныхъ, онъ съ великимъ крикомъ требовалъ, чтобы бѣгущіе преданы были смерти, и присвоивалъ себѣ добычу, оставляемую воинами, которые съ яростью занимались убійствомъ. Столица представляла ужасное зрѣлище» и т. д.

Въ своихъ взглядахъ на политическое значеніе французскаго переворота Карамзинъ видѣлъ не дальше другихъ рутинныхъ политиковъ своего времени. Подобные же взгляды высказывались въ то время и въ «Политическомъ журналѣ» Сохацкаго и Гаврилова. Тонъ этого изданія значительно измѣнился противъ первыхъ книжекъ 1790 года: прежде революція разсматривалась, какъ «крестовый походъ за свободу», теперь говорилось (1802 г. № 1): «Защитники французскаго переворота, при самомъ началѣ мнимой республики, обѣщались распространить свои анархическія правила по всѣмъ государствамъ. Ихъ приверженцы наводнили цѣлый свѣтъ, даже до Индіи, новымъ фанатизмомъ и магическими словами: вольность и равенство. Противъ сей пагубы рода человѣческаго вооружились европейскія державы, и не прежде заключенъ первый миръ, какъ по ниспроверженіи чудовища» и т. д. Статьи этого рода заимствовались преи-

мущественно, какъ въ «Вѣстникѣ Европы», такъ и въ «Политическомъ журналѣ»,—изъ Архенгольцовой Минервы.

Восхваляя Наполеона за рѣшительность, съ которой онъ подавилъ зачатки народной свободы, Вѣстникъ Европы не благоволилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни къ свободной Америкѣ, ни къ Швейцаріи и Англіи. «Гордые британцы, въ чувствѣ своего величія, употребляютъ во зло превосходство своихъ силъ»; «сей деспотизмъ оскорблялъ всѣ народы въ теченіи послѣдней войны»—такія фразы часто мелькаютъ въ политическихъ приговорахъ объ Англіи. Въ № 15 Вѣстника Европы 1802 г., къ статьѣ: «Выборъ парламентскихъ членовъ въ Лондонѣ», сдѣлано примѣчаніе, что она «даетъ идею о порядкѣ избранія и забавныхъ сценахъ, которыя бываютъ при семъ случаѣ». Забавность состояла въ томъ, что у лорда Гарднера и Фокса оказался соперникомъ на выборахъ въ Вестминстерѣ—обойщикъ Граамъ. Этотъ Граамъ произнесъ очень неглупую рѣчь, надъ которой и насмѣялись вдоволь приверженцы Фокса. При описаніи швейцарскихъ смутъ, возникшихъ изъ нежеланія мелкихъ кантоновъ подчиниться конституціи, предписанной Наполеономъ, сказано: «Сія несчастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, корая есть дѣйствіе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезаютъ народныя добродѣтели! Онѣ, подобно людямъ, отживаютъ свой вѣкъ въ государствахъ, а безъ высокой народной добродѣтели республика стоять не можетъ. Вотъ почему монархическое правленіе гораздо счастливѣе и надежнѣе; оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падаютъ». Упадокъ Швей-

ріи объясняется двумя причинами: 1) швейцарцы стали за деньги служить другимъ державамъ; 2) духъ торговли истощилъ въ нихъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Въ № 24 (1802 г.) «Вѣстникъ» отчасти вступился за свободу Швейцаріи по поводу ареста Рединга, президента швейцарскаго сейма, но и при этомъ онъ отстаивалъ право Бонапарта вводить войско въ гельветическую республику «для сохраненія порядка и обузданія черни». Что касается американцевъ, то «Вѣстникъ Европы» упрекаетъ ихъ за духъ торговли (уже погубившій, по его мнѣнію, швейцарскую свободу), за страсть къ наживательству, за обманчивыя ласки, эгоистически оказываемыя полезнымъ людямъ, и еще за неумѣніе вести жизнь пріятно и весело. «Главное удовольствіе американцевъ—читаемъ здѣсь (1802 г. № 24)—есть сидѣть долго за столомъ по англійскому обычаю, ѣсть и не говорить ни слова до самой той минуты, какъ принесутъ на столъ бутылки. Женщины удаляются, и важные республиканцы, краснѣя отъ вина, дѣлаются краснорѣчивыми». О Вашингтонѣ говорится, что онъ «не умѣлъ (будучи президентомъ) пріятнымъ образомъ занимать людей, былъ сухъ и холоденъ, и походилъ своею важностью на какого нибудь азіатскаго царя». Въ повѣсти «Мароа Посадница» (1803 г. № 1) Карамзинъ задумалъ опоэтизировать судьбу новгородцевъ, но и тутъ остановился на полъ-дорогѣ, придѣлавъ къ повѣсти,—(кромѣ знаменитой рѣчи князя Холмскаго, въ которой говорится, что «народы дикіе любятъ необузданность, народы образованные—порядокъ»),—еще и такое предисловіе: «Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область новгородскую къ своей дер-

жавѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе новгородцевъ не есть бунтъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, напр. Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новгороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ охотной жертвы». Такой оговоркой авторъ отнялъ у своей повѣсти всякій оппозиціонный оттѣнокъ и обратилъ ее въ идиллическое мечтаніе о свободѣ,— совершенно пустое и безсодержательное.

Событія изъ внутренней жизни Россіи Карамзинъ разсматривалъ съ точки зрѣнія патріотической, выдвигая на видъ наиболѣе утѣшительныя изъ нихъ и стушевывая или совсѣмъ опуская изъ виду тѣ, которыя могли бы дать менѣе розовыя понятія о дѣйствительности. «Наши гражданскія учрежденія — читаемъ въ статьѣ: «о любви къ отечеству и народной гордости» (1802 г. № 4)—мудростью своею равняются учрежденіямъ другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ». «Россія сильна въ политическомъ отношеніи, писалъ Карамзинъ въ другой статьѣ (№ 11); ея внутреннее состояніе тоже удовлетворительно. Свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; разсудокъ утверждаетъ права свои, и духъ россіянъ возвышается. Не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ находимъ между благородными (т. е. между дворянами) достойныхъ членовъ государства, знающихъ его

потребности, судящихъ справедливо о людяхъ и дѣйствіяхъ. Наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли; но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дворянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ. Кто изъ насъ не имѣлъ случая удивляться ихъ любопытству, здравому разсудку и патріотическимъ идеямъ». Переходя къ положенію крестьянскаго класса, Карамзинъ, не запинаясь, говоритъ: «Сельское трудолюбіе награждается нынѣ щедрѣе прежняго въ Россіи, и чужестранные писатели, которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ несчастливы, удивились бы, еслибъ они могли видѣть такъ называемыхъ рабовъ, входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его права!» Далѣе Карамзинъ, чтобы не заслужить, по его собственнымъ словамъ, упрека въ преувеличиваніи хорошаго, указываетъ и на то, что̀ должно еще сдѣлать мудрое правительство: 1) издать полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ; 2) позаботиться о воспитаніи юношества. То и другое было уже въ виду у правительства, и «Вѣстникъ Европы» съ восторженнымъ чувствомъ встрѣтилъ указъ о заведеніи гимназій и народныхъ училищъ. Восхваляя новый уставъ народнаго об-

разованія, Карамзинъ высказывалъ, между прочимъ, вѣрную мысль, что учрежденіе сельскихъ школъ для низшаго класса народа несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ и послужитъ «истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія». При этомъ онъ забывалъ только или не хотѣлъ понять, въ какомъ противорѣчіи находится столь желаемое имъ просвѣщеніе народа съ принципомъ крѣпостнаго права. По случаю заведенія благородныхъ пансіоновъ въ Россіи, въ «Вѣстникѣ Европы» (1802 г. № 8) напечатано было письмо изъ Т., въ которомъ говорилось: «Душа правленія нигдѣ такъ быстро не дѣйствуетъ, нигдѣ благотворныя его намѣренія такъ скоро не исполняются, какъ въ монархіяхъ. Едва Александръ I объявилъ желаніе, достойное прекрасной души его, желаніе способствовать просвѣщенію въ Россіи и спасительнымъ успѣхамъ воспитанія, — уже во всѣхъ главныхъ городахъ нашихъ видимъ заводимыя благородныя училища съ тою ревностью, которая всегда отличала счастливыхъ подданныхъ добродѣтельнаго государя». Здѣсь же разсказывается характерный случай, какъ бѣдная мать-дворянка, одѣтая въ крестьянское платье, явилась къ губернатору, прося принять въ училище двухъ дѣтей ея. Губернаторъ «плакалъ отъ чувствительности», и мальчики были приняты. Затѣмъ «благородныя дѣти (которыя до открытія училища жили у губернатора) окружили своихъ новыхъ товарищей и смотрѣли на нихъ дико; но услышавъ, что они, подобно имъ, дворяне, и несчастливы своею бѣдностію, бросились цаловать ихъ и непремѣнно хотѣли раздѣлить съ ними все, что имѣли». Въ этой же статьѣ изыскиваются мѣры, какъ бы замѣнить иностранныхъ учителей мѣщанскими дѣтьми,

воспитанными (по плану Екатерины II) въ кадетскихъ корпусахъ, ибо порядочныхъ иностранцевъ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ легитимистовъ, которые «выброшены къ намъ волнами революціи»; всѣ же остальные—предатели и, уѣхавъ изъ Россіи, бранятъ ее. Авторъ хотѣлъ было даже сдѣлать выписку изъ одного сочиненія, въ которомъ русскіе обруганы заѣзжимъ иностранцемъ; но вспомнивъ вѣроятно, что чтеніе запрещенныхъ книгъ недозволительно само по себѣ, добавляетъ: «мнѣ совѣстно, что я имѣлъ любопытство читать такую книгу, и не хочу въ нее снова заглядывать».

Манифестъ объ образованіи министерствъ и указъ «о правахъ и должностяхъ сената» были встрѣчены въ «Вѣстникѣ» съ неменьшимъ сочувствіемъ. «Кто не увѣренъ—говорилось при этомъ — въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ министровъ Россіи, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ?.. Славный путь дѣятельности открывается для всякаго изъ нихъ! Способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святаго правосудія внутри имперіи, благоустройству во всѣхъ частяхъ ея, мирнымъ искусствамъ гражданственности и народному просвѣщенію, котораго одно имя столь любезно душѣ благородной и безъ котораго нѣтъ ни славы, ни величія, ни морали въ государствахъ—какія обязанности! Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсдорфовъ — министровъ, которые считали свои кабинеты за преддверіе храма славы и, подписывая бумаги, думали, что они подписываютъ обществен-

ный приговоръ въ судилищѣ исторіи: ибо мудрые и ревностные министры раздѣляютъ безсмертіе съ великими государями. Здѣсь любовь и почтеніе согражданъ, а тамъ славное имя. Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II, и россіяне чувствуютъ достоинство знаменитыхъ патріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и монарху, цѣну чистой добродѣтели; теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостью государя, и любовь просвѣщенныхъ россіянъ. Читая указъ о правахъ и должностяхъ сената, россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ своей предъ симъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величіи, будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей указъ напоминаетъ намъ славное начало сената, когда первый императоръ Россіи, побѣдивъ Швецію и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его, какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства, и съ торжественными обрядами самъ повелъ сенаторовъ къ алтарю Всевышняго клясться предъ лицомъ Россіи, что они будутъ вѣрными государю и государству, правдѣ и совѣсти «до послѣдняго издыханія силы, памятуя будущій престолъ и на немъ сидящаго въ день страшнаго испытанія»:—клятва великая и святая, которою сенаторъ навсегда обрекается быть живымъ органомъ государственной добродѣтели и дѣлается въ глазахъ каждаго россіянина истинно-знаменитымъ сыномъ

отечества, ибо великія обязанности дѣлаютъ человѣка знаменитымъ, предполагая въ немъ особенную силу или добродѣтель для ихъ выполненія».

Вѣроятно не безъ задней мысли, черезъ нѣсколько книжекъ по напечатаніи статьи о министерствахъ, появилась въ «Вѣстникѣ Европы» слѣдующая басенка (И. И. Дмитріева). Одинъ царь размышлялъ о трудности правленія, о препятствіяхъ, отовсюду поставляемыхъ его благимъ цѣлямъ:

Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое:
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля, чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ —
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю (свидѣтели въ томъ боги!)
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду — всѣ мнѣ лгутъ!
Бояре лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь — никакъ не успѣваю!
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!

Въ такихъ размышленіяхъ встрѣчаетъ онъ пастуха, который выбивается изъ силъ, чтобы охранить свое стадо отъ волковъ, тогда какъ сытые псы спокойно лежатъ подъ тѣнью.

Вотъ точный образъ мой! сказалъ самовластитель.
Итакъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такими жь, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ царь, порабощенъ.

Увидавъ другое стадо, охраняемое вѣрными собаками, царь спрашиваетъ у пастуха: какъ могъ онъ уберечь свое стадо, когда лѣса полны волковъ? и получаетъ въ отвѣтъ: «тутъ хитрости не надо:—я выбралъ добрыхъ псовъ» (Вѣстн. Евр. 1802 г., № 23).

Сочувствуя уничтоженію «тайной экспедиціи», прославлен-

ной подвигами Шешковскаго, Карамзинъ напечаталъ,—тоже не безъ умысла,—въ № 6 «Вѣстника Европы» 1803 г. статью о тайной канцеляріи, въ которой опровергается мнѣніе Татищева и Шлецера, что такая канцелярія (въ смыслѣ инквизиціонномъ) была впервые устроена при Алексѣѣ Михайловичѣ. Секретная канцелярія дѣйствительно существовала но это была частная (privée) канцелярія, управлявшая имѣньями царя. При этомъ авторъ доказываетъ, что Алексѣй Михайловичъ и не нуждался въ инквизиціи: «Какъ! царь Алексѣй Михайловичъ, добрый и человѣколюбивый, основалъ страшное судилище? и для чего? какія чрезвычайныя опасности и заговоры могли оправдать сіе учрежденіе? Въ царствованіе славное и кроткое подняло голову чудовище? при государѣ, котораго бояре русскіе окружали съ любовью и почтеніемъ, ибо онъ не казнилъ и не душилъ ихъ, подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ, подобно Годунову?» По мнѣнію автора, тайная канцелярія, какъ пыточный застѣнокъ, устроена была Петромъ I, котораго «жестокія обстоятельства (именно противодѣйствіе заговорщиковъ) заставили прибѣгнуть къ жестокому средству». «Я видѣлъ, продолжаетъ авторъ, глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ. Воспоминаніе, конечно, горестное; но въ ту же самую минуту вы произносите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ! Еслибы кто нибудь въ царствованіе Александра могъ быть еще недоволенъ (но мы для одной риторической фигуры предполагаемъ сію возможность),—то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское».

Критическаго отдѣла совсѣмъ не было въ «Вѣстникѣ Европы»: кажется, что, наученный опытомъ «Московскаго Журнала», Карамзинъ исключилъ рецензіи, какъ слишкомъ хлопотливое и неблагодарное дѣло. Кромѣ того, онъ могъ имѣть въ виду, что отсутствіе подобныхъ статей не будетъ потерей для большинства читателей, смотрѣвшихъ на критику, какъ на пустое пересмѣиванье и зубоскальство. Въ «Письмѣ къ издателю» (№ 1) и въ статьѣ «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи» (№ 9) проводится даже мысль, что нечего осуждать и плохую книгу при ограниченномъ количествѣ всѣхъ выходящихъ книгъ, что бездарная книга—ничтожное зло, и что нужно поощрять у насъ литературную дѣятельность, а не запугивать писателей жесткими приговорами. «Кто плѣняется Никаноромъ, злосчастнымъ дворяниномъ,—говорится во второй изъ этихъ статей,—тотъ на лѣстницѣ умственнаго и моральнаго образованія стоитъ еще ниже его автора и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, чему нибудь научится или въ мысляхъ, или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между авторомъ и читателемъ великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Ж. Ж. Руссо, другому — Никанора. Какъ вкусъ физическій увѣдомляетъ о согласіи пищи съ нашею потребностью, такъ вкусъ моральный открываетъ человѣку аналогію предмета съ его душою».

Журналы Карамзина, преимущественно «Вѣстникъ Европы», играли важную роль въ исторіи русской журналистики.

Объ этой роли нельзя судить съ точки зрѣнія настоящаго: тѣ непослѣдовательности и невѣрные взгляды, которые такъ бросаются намъ теперь въ глаза, не были сознаны и отжиты; многое, что̀ теперь кажется уже отсталостью, полвѣка тому назадъ было значительнымъ прогрессомъ. До Карамзина у насъ, вмѣсто настоящей журналистики, въ принятомъ смыслѣ этого слова, были: оффиціальныя изданія, академическіе сборники, имѣвшіе характеръ скорѣе учебниковъ, чѣмъ общественныхъ органовъ; наконецъ, болѣе или менѣе выдающіеся сатирическіе листки, возстававшіе, — и то случайно и мелковато,—на отдѣльные недостатки русской жизни. Карамзинъ же былъ первымъ журналистомъ, подводившимъ какъ русскія, такъ и иностранныя событія подъ мѣрило одного общаго воззрѣнія, первымъ частнымъ человѣкомъ, который пріобрѣлъ этимъ путемъ извѣстное вліяніе на публику, безъ оффиціальной поддержки и какого бы то ни было казеннаго штемпеля. Собираясь писать русскую исторію, Карамзинъ съ твердостью указывалъ на свои журнальныя заслуги тогдашнему товарищу министра народнаго просвѣщенія, и изъ цифры его годоваго дохода (6 тысячъ рублей) видно, что публика оказывала ему не только нравственную, но и матеріальную поддержку—вопросъ тоже немаловажный въ исторіи развитія журналистики *). Нѣтъ спора, что взгляды Карамзина были довольно дюжинные, а его отзывы гораздо скромнѣе иныхъ рѣзкихъ обличеній литературы екатерининскаго періода; но не надо забывать,

*) Въ первый годъ «Московскаго Журнала» у него было только 300 подписчиковъ, и врядъ ли даже онъ приносилъ барышъ издателю. У «Вѣстника Европы» подписчиковъ было уже гораздо больше.

что эти взгляды ближе подходили къ умственному уровню публики. Его піэтизмъ былъ несравненно искреннѣе того задорнаго, но пустаго кощунства, образчикъ котораго мы находимъ въ разсказѣ Фонъ-Визина о двухъ унтеръ-офицерахъ гвардіи, споримшихъ въ гостинномъ дворѣ о бытіи Божіемъ (см. «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»). Можно прямо сказать, что въ журналахъ Карамзина тогдашніе образованные люди находили не только тѣ факты, которые ихъ интересовали, но и тѣ воззрѣнія, которыя были имъ всего больше по вкусу. Все это излагалось притомъ легкимъ, простымъ языкомъ, понятнымъ для каждаго безъ особенныхъ усилій. Эта доступность воззрѣній Карамзина, эта золотая умѣренность, при всѣхъ своихъ теоретическихъ недостаткахъ, способствовала тому, что всѣ читатели невольно мирились на его журналѣ, и ни одного изъ нихъ не отталкивалъ онъ отъ себя суровымъ словомъ или крайнимъ, строго выработаннымъ міросозерцаніемъ. «Какъ скоро между авторомъ и читателемъ—справедливо говорится въ статьѣ о книжной торговлѣ—великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго». Между Карамзинымъ и его читателями не было такой разъединяющей пропасти, а потому его изданія пошли хорошо и повлекли за собою цѣлую плеяду журналовъ съ различными направленіями и оттѣнками. Мнѣнія Карамзина, добавимъ это, не были крайнія и рѣзкія, но ихъ далеко нельзя было назвать въ ту пору ретроградными: по своей эластичности они не становились еще въ разрѣзъ съ умственнымъ движеніемъ эпохи, даже, наоборотъ, способствовали этому движенію, поддерживая любовь къ наукѣ и уваженіе

къ человѣческой личности. Хотя и уклончиво, но издатель «Вѣстника» осмѣливался высказывать «свое сужденіе» о вопросахъ, занимавшихъ публику, о важнѣйшихъ правительственныхъ мѣрахъ, и тѣмъ способствовалъ развитію общественнаго мнѣнія. Уваженіе къ наукѣ и къ правамъ личности, всегда выражаемое Карамзинымъ, сильно не нравилось литературнымъ его врагамъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный адмиралъ Шишковъ, написавшій книгу: «О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Въ возникшей отсюда полемикѣ, между Шишковымъ и карамзинской школой, филологическій интересъ былъ далеко не главнымъ: къ нему замѣтно примѣшивалась борьба разнородныхъ политическихъ тенденцій, различныхъ нравственныхъ идеаловъ. Шишкову съ союзниками столько же не нравилось примѣшиванье французскихъ словъ къ нашему языку, сколько и примѣшиваніе французскихъ понятій: посредствомъ стараго слога имъ хотѣлось вернуть общество и къ старымъ понятіямъ. Объ этомъ противодѣйствіи новымъ идеямъ со стороны закоренѣлыхъ ретроградовъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же поговоримъ о вліяніи карамзинскихъ журналовъ на печать.

VII.

Довѣрчивое отношеніе писателей къ видамъ правительства.—Развитіе журналистики подъ вліяніемъ «Вѣстника Европы» —«Патріотическій журналъ» В. Измайлова.—Взглядъ его на значеніе воспитанія.—Плеяда сантиментальныхъ журналовъ.—Служеніе женщинѣ въ «Московскомъ Меркуріи».—Эротическія шалости «Журнала для милыхъ».—Жалоба дворянина на «чудную перемѣну» въ мысляхъ.—Упадокъ сатиры.

Не одинъ Карамзинъ находилъ, что «теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей». Вся наша литература, всѣ журналы наперерывъ, одинъ за другимъ, воздавали хвалу правительству за льготы, оказываемыя имъ печатному слову, и не отставали въ этомъ случаѣ отъ изданій оффиціальныхъ. «Мы не имѣемъ нужды—говорится въ «Новостяхъ русской литературы» за 1804 г.—читать похвалу нашего монарха во всѣхъ иностранныхъ журналахъ, чтобы чувствовать цѣну его благотворительности и своего счастія. Александръ даетъ умамъ свободу, необходимо нужную для просвѣщенія и моральнаго достоинства человѣка. Скоро откроется величіе русскихъ къ радости патріотовъ; скоро поле учености не будетъ горестною пустынею, мертвымъ уединеніемъ, но оживится соревнованіемъ блестящихъ талантовъ. Слава и хвала распространителю просвѣщенія!.. Падемъ на колѣна съ сердечнымъ умиленіемъ, возблагодаримъ управляющаго судьбою царей и народовъ» и пр. и пр. Въ томъ же журналѣ (изд. въ Москвѣ съ 1802 г. по іюль 1805 г.) неизвѣстный піитъ восклицаетъ:

Чтó взоръ мой восхищенный зритъ?—
Тамъ зрю изъ праха вознесенный
Градовъ и селъ несчетный рядъ,
Разцвѣтшій, вновь обогащенный
Наукъ священный вертоградъ...
Вездѣ мнѣ зрится совершенство,
Все веселитъ собою духъ;
Всякъ чувствуетъ свое блаженство —
Вельможа, воинъ и пастухъ.
Но передъ кѣмъ все оживаетъ?
Кто общей радости виной?
Чье имя всякъ благословляетъ?
Кто вѣкъ даритъ всѣмъ золотой?—
Се ты, о Александръ нашъ славный!
Се ты, краса земныхъ царей! и пр.

Почти тѣже похвалы, но съ бóльшимъ тактомъ и умѣренностью, высказывались въ «Періодическомъ изданіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія»,—журналѣ, издававшемся при главномъ правленіи училищъ, съ 1803 по 1818 г., подъ редакціей Озерецковскаго и Фуса. «Ты сопрягаешь съ самодержавною властью—читаемъ мы здѣсь, въ латинскомъ гимнѣ императору — скромный образъ добраго гражданина, и съ царскимъ вѣнцомъ сближаешь гражданскія обязанности. Ктожъ паче возлюбитъ благомыслящихъ гражданъ? Кто болѣе можетъ защищать градскія права, промышленность и художества? Кто? кромѣ самого тебя, монархъ-патріотъ? Кто жь, неправо судящій о простомъ народѣ, презритъ земледѣльца, къ которому ты обращаешь кроткій взоръ, котораго ты, монархъ, одобряешь своимъ привѣтствіемъ? Обременяемый жестокостью рока, истаявающій отъ глада въ болѣзни, въ нищетѣ—побуждаютъ тебя неусыпно бдѣть о содѣланіи ихъ благополучными» (1803 г. № 3). Словомъ, надеждамъ и ликованіямъ не было конца...

Любовь къ наукамъ появилась чрезвычайная. «Благоденствіе государствъ — восклицалъ директоръ Захарьинъ при открытіи пензенской гимназіи — зависитъ отъ просвѣщенія. По мѣрѣ распространенія наукъ возрастаетъ общественное благо; торговля цвѣтетъ, а съ нею и богатства льются рѣкою; художества и рукодѣлія приходятъ въ совершенство; истина открывается и образуетъ законы; добродѣтель, воцаряяся въ сердцахъ, сѣетъ благонравіе и подавляетъ пороки. Сколько заблужденій представляетъ намъ исторія тѣхъ мрачныхъ временъ, въ которыя невѣжество владычествовало надъ умомъ и сердцемъ человѣка! Нелѣпыя мнѣнія, производя предразсужденія, были пріемлемы за истину; зло почиталось благомъ, человѣкъ обманывалъ самого себя; словомъ, смертные были сами себѣ врагами» (См. Періодич. изд. 1804 г. № 4). Даже гимназисты, въ той же гимназіи, распѣвали такіе, не очень складные, канты:

Кто какъ грубымъ ни родится,
Мракъ исчезнетъ, будетъ свѣтъ:
Въ храмъ наукъ лишь водворится,
Чувства, разумъ разцвѣтетъ и пр.

Понятно, что, въ соотвѣтствіе такому довѣрчивому настроенію общества и благимъ намѣреніямъ власти, наиболѣе развитые люди охотно выступали на литературное поприще, надѣясь этимъ путемъ содѣйствовать «преуспѣянію» отечества. Вслѣдъ за появленіемъ «Вѣстника Европы», — впервые указавшаго на новый, заманчивый путь,—русская журналистика стала быстро развиваться, и въ ней обнаруживаются тѣ же литературныя свойства, какими отличались изданія Карамзина: — и его преувеличенная сентиментальность, и ревнивый патріотизмъ, и попытки, или по крайней

мѣрѣ поползновенія къ европейскому взгляду на вещи. Вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ себѣ приверженцевъ и заступниковъ старый псевдоклассицизмъ, съ которымъ соединилось впослѣдствіи и всякое другое старовѣрство. Къ журналамъ, особенно отличавшимся сантиментальнымъ характеромъ, принадлежатъ: «Московскій Меркурій» (1803 г.), «Журналъ для милыхъ» (1804 г.), «Московскій Зритель» (1806 г.) «Журналъ для сердца и ума» (1810 г.) и др.—«Русскій Вѣстникъ» (1808 г.), «Сынъ Отечества» (1812 г.), «Пантеонъ славныхъ россійскихъ мужей» (1816 г.) и др. были извѣстны своими особенно патріотическими наклонностями, о которыхъ свидѣтельствовали самыя заглавія этихъ изданій. Другіе, наиболѣе извѣстные журналы того времени,—между прочимъ, защитники псевдо-классической теоріи,—были: «Сѣверный Вѣстникъ» (1804 г.), «Цвѣтникъ» (1809 г.), «Амфіонъ» (1815 г.) и «Вѣстникъ Европы» подъ редакціею Каченовскаго. Въ сторонѣ отъ этихъ главныхъ изданій стояли: «Патріотъ», В. Измайлова, возникшій изъ педагогическихъ тенденцій «Вѣстника Европы», и «Сатирическій театръ» (1808 г.) — бездарное продолженіе литературныхъ пріемовъ временъ Екатерины. «Патріотъ» Измайлова (бывшаго сотрудника «Вѣстника Европы») выходилъ въ Москвѣ ежемѣсячно и раздѣлялся на три отдѣла: первый, для воспитателей, заключалъ въ себѣ общія правила воспитанія и практическіе способы преподаванія разныхъ предметовъ; во второмъ печатались дѣтскія повѣсти и разсказы; третій отдѣлъ, предназначавшійся для взрослыхъ молодыхъ людей, состоялъ изъ общепонятнаго изложенія моральныхъ и философскихъ вопросовъ въ примѣненіи къ общественной жизни (см.

«Патріотъ» 1804 г. № 1). Журналъ стремился — основать воспитаніе на началахъ «раціональной философіи», и для этого переводилъ статьи изъ Ж. Ж. Руссо, Песталоцци, Бернардена де-Сенъ-Пьера и неизбѣжной г-жи Жанлисъ. О Карамзинѣ, по выходѣ его сочиненій, «Патріотъ» отзывался, какъ объ «авторѣ съ отличнымъ талантомъ, обогащенномъ геніемъ науки и вкусомъ свѣта». Взглядъ Измайлова на воспитаніе вообще, насколько онъ высказывается въ выборѣ переводныхъ статей для журнала, отличался значительной по тому времени широтою и смѣлостью. «Многіе—говорилось въ одной статьѣ «Патріота»—обвиняютъ новую методу (воспитанія) въ томъ, что она образуетъ младенца, во первыхъ, для состоянія человѣка, а потомъ для состоянія гражданина. Сіе обвиненіе есть лучшая похвала нашего педагогическаго вѣка. Гораздо опаснѣе были покушенія нѣкоторыхъ деспотовъ, завоевателей, понтифовъ, даже философовъ отнять у одной части людей ихъ естественныя права. Чрезъ то самое видѣли мы человѣчество, иногда погруженное въ бездну варварства, иногда доведенное притѣсненіемъ до крайности отчаянія, котораго жертвою сдѣлалась тьма невинныхъ. Итакъ, когда воспитаніе дастъ почувствовать истинное равенство людей, вселивъ въ состоянія вышнія уваженіе къ человѣчеству, а въ нижніе классы чувство ихъ благороднаго существа: тогда не только просвѣщеніе распространится, но всѣ правительства сдѣлаются гораздо кротче, и всѣ состоянія гораздо счастливѣе» (№ 10). Воспитаніе дѣлится на умственное, эстетическое и нравственное, и для каждой стороны въ воспита-

нія сообщаются особыя правила. Въ первомъ возрастѣ воспитаніе принадлежитъ матерямъ. «Нѣтъ и не будетъ надежды къ счастію нравовъ—говорится въ I № «Патріота»—пока женщины не возвратятся къ домашней жизни, пока не позволятъ имъ слѣдовать сердцу въ выборѣ друга. Какъ много ни писали сатиръ на ихъ счетъ, онѣ не такъ виноваты, какъ мы. Ихъ пороки произошли отъ насъ... Женщины! спасите человѣчество, обративъ насъ къ добронравію! Цѣлое общество людей возвратится къ должностямъ своимъ, если вы возвратите одного человѣка къ порядку естественному».

Самымъ замѣтнымъ журналомъ сантиментальнаго стиля былъ «Московскій Меркурій» П. Макарова, выходившій ежемѣсячно, съ модами. Журналъ этотъ возникъ подъ прямымъ вліяніемъ карамзинскихъ изданій, но ближе подходилъ къ «Московскому Журналу», чѣмъ къ «Вѣстнику Европы». Его цѣль—развитіе гуманныхъ идей въ духѣ первоначальной дѣятельности Карамзина, безъ той приторной чувствительности, какой прославился извѣстный князь Шаликовъ. Критическій отдѣлъ въ журналѣ былъ веденъ хорошо; въ особенности бездарныя книжонки «въ Радклифиномъ вкусѣ», съ убійствами, пытками, похищеніями и пр., наводнявшія нашу литературу, предавались тутъ посмѣянію *). Какъ сто-

*) Какъ строгій критикъ, Макаровъ былъ такъ страшенъ авторамъ, что, на эту тему, въ «Московскомъ Зрителѣ» была напечатана (№ 1) слѣдующая эпиграмма:

Когда услышалъ нашъ Бездаровъ,
Что умеръ журналистъ Макаровъ,
«Ну, слава Богу, онъ сказалъ:
Могу печатать все, что прежде ни писалъ»!

ронникъ реформы въ языкѣ, произведенной Карамзинымъ, «Московскій Меркурій» защищалъ новый слогъ отъ нападеній Шишкова (№ 12) и при разборѣ книгъ, написанныхъ тяжелымъ полу-славянскимъ, полурусскимъ нарѣчіемъ, глумился надъ литературнымъ старовѣрствомъ. Но въ противоположность Карамзину, въ юный періодъ его дѣятельности, Макаровъ не увлекался мечтами Руссо, что «лучше скитаться нагому по лѣсамъ и горамъ во всякую дурную погоду, нежели сидѣть зимою въ теплой, а лѣтомъ — въ прохладной комнатѣ съ добрыми пріятелями, и что лучше жить одному, въ безпрестанномъ страхѣ быть умерщвлену первымъ, кто посильнѣе, нежели находиться подъ защитою общества, котораго единственная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы успокоить, обезопасить всякаго члена своего» (№ 8). Въ «Московскомъ Меркуріи» была одна сторона, которая придавала ему отчасти своеобразный характеръ—это именно служеніе женщинамъ, которое потомъ было доведено до крайняго комизма въ «Журналѣ для милыхъ». Въ передовой статьѣ своего журнала (№ 1) Макаровъ высказываетъ свой взглядъ на общественное значеніе женщины и требуетъ отъ нея ума, познаній и благодѣтельнаго вліянія на мужчину. Желая сдѣлать знанія «необходимой потребностью въ обществѣ» авторъ припоминаетъ, что во Франціи салоны дамъ привлекали къ себѣ первоклассныхъ ученыхъ и служили лучшими школами просвѣщенія. «Еслибы, продолжаетъ онъ, наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, онѣ заставили бы всякаго учиться. Сколько предметовъ открылось бы для ихъ честолюбія! сколько пищи для желанія блистать! Мы знаемъ жен-

щинъ: умѣренность не ихъ порокъ; чего онѣ захотятъ, къ тому онѣ стремятся всѣми силами. Овладѣвъ однажды полемъ литературы, онѣ пошли бы самыми скорыми шагами, повлекли бы всѣхъ за собою и въ короткое время сдѣлались бы нашими учительницами. Перенеся тронъ философіи въ свои будуары, создавъ себѣ новое удовольствіе, украсясь новыми пріятностями, употребляя науку на пользу забавъ, а забавы на пользу наукъ, онѣ пріобрѣли бы для себя очень много; а соотечественникамъ оказали бы истинное благодѣяніе. Тогда-то доподлинно воздвигли бы имъ алтари, тогда-то слово обожать получило бы естественный свой смыслъ и, можетъ быть, къ счастію человѣчества, возвратились бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцалуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, эгоистъ—любовникъ ли онъ или мужъ,—тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): я тебя умнѣе! Имперія красоты не имѣетъ предѣловъ: но красота скоро вянетъ, молодость летитъ, и когда хладная рука времени обезобразитъ ангельскія, милыя черты: что будетъ съ женщиной, привыкшей видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинкѣ лица своего, если не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость? И почему бы ей не быть столько же ученою, сколько и мужчинѣ... Что подумать о людяхъ, которые дѣйствительно увѣрены, что женщина не иначе пріобрѣтаетъ знанія, какъ те-

ряя всѣ пріятности пола своего, и которые, вслѣдствіе такого мнѣнія, желаютъ, чтобы цѣлая (и лучшая) половина рода человѣческаго ничему не училась? Читали ли они когда нибудь исторію? помнятъ ли имена великихъ женщинъ, которыми древняя Грецiя почти столько же гордилась, сколько и Сократами, Платонами» и пр. и пр. Дальше говорится о значеніи женщинъ въ эпоху рыцарства и въ новѣйшія времена, когда «блистаютъ имена Ментенонъ, Гортензіи, Манчини и единственной Нинонъ Ланкло (?) съ которою ни одна женщина не сравняется любезностью, но которую правила ея, нѣсколько свободныя, дѣлаютъ опаснымъ образцомъ для подражанія». Въ Меркуріи помѣщена была и біографія Ланкло. Печатая разборъ книги Сегюра о женщинахъ, Макаровъ дѣлаетъ между прочимъ такое примѣчаніе: «прекрасная женщина видитъ міръ у ногъ своихъ! мужчина всегда будетъ рабомъ ея! и тотъ не знаетъ полнаго блаженства, кто не понимаетъ сладости жить подъ властію столь милою»!

Какъ лицо человѣческое отражается въ кривомъ зеркалѣ, такъ карамзинскій сентиментализмъ и макаровское «служеніе женщинамъ» отразились въ изданіи другого Макарова (М. Н.): «Журналъ для милыхъ». Журналъ этотъ издавался въ Москвѣ въ 1804 г. ежемѣсячно, съ эпиграфомъ: «прелести нашихъ милыхъ читательницъ защитятъ (насъ) отъ злыхъ насмѣшекъ критики» и съ шарадами въ такомъ родѣ: «jour et nuit je pense à vous», «въ разлукѣ сердце стонетъ» и т. п. Шарады эти сопровождались рисунками. Милыми назывались собственно дамы, читательницы журнала; ихъ желанія были закономъ для издателя; такъ письмо од-

ной дамы (№ 4) оканчивается словами: «Помѣстите, милостивый государь мой, это письмо мое. Я женщина, ваша читательница,—и вы обязаны мнѣ повиноваться». Иногда стихи, ради галломаніи милыхъ, печатались на французскомъ языкѣ. Сантиментальность, введенная въ моду Карамзинымъ, развилась въ «Журналѣ для милыхъ» до уродливости: имя Лизы сдѣлалось нарицательнымъ и упоминается на каждомъ шагу; къ этому имени писались и стихи, и прозаическіе диѳирамбы. Стихи писались даже къ цвѣточку, который авторъ видѣлъ въ покоѣ Лизы (№ 3). «Чувствованія» выражались только по поводу мотылька, розы, пѣночки, ключика къ сердцу милой и т. п. Въ № 7 журнала напечатаны стихи къ г-жѣ А. Х., «пославши ей букашку изъ сургуча». Посылка сдѣлана съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы букашка

... тебѣ въ ушко всегда жужжала,
Что я люблю, горю, томлюсь,
Чтобъ ты черезъ нее узнала
То—самъ сказать чего боюсь.

Не всегда впрочемъ сантиментальные авторы были такъ скромны въ своихъ сюжетахъ. Такъ напр. въ одномъ стихотвореніи читаемъ:

Однажды я Лизету,
Зефирами раздѣту,
Забвенну сномъ, зрѣлъ здѣсь.
На ту красу взирая,
Я таялъ, обмирая,
И....—еслибы не честь....

Рядъ точекъ прерывалъ эротическія изліянія стихоплета.

Въ томъ же журналѣ напечатана была сельская повѣсть «Аннушка», въ которой дочь довольно богатаго дворянина, «тринадцатилѣтняя, но уже полногрудая милушка», начитавшись Фоблаза и др. книгъ, бывшихъ въ библіотекѣ ея отца,

прельстилась шестнадцатилѣтнимъ юношей, Англантиномъ, «зараженнымъ моднымъ воздухомъ и испытавшимъ важнѣйшее въ свѣтѣ блаженство». Разъ Аннушка, взявъ въ руки Philosophie de Thérèse, сидѣла на берегу Москвы рѣки (дѣйствіе происходитъ въ подмосковной деревнѣ) и увидѣла купающагося бога-амура. «Онъ купался, плавалъ, нырялъ и не видалъ Аннушки, которая при семъ случаѣ легла въ густую траву и свѣряла со вниманіемъ его прелести съ написанными въ книжкѣ. Нашла въ натурѣ ихъ лучше, восхитительнѣй, такъ что у бѣдной дѣвушки хотѣло вылетѣть сердце. Молодой человѣкъ вышелъ на ея берегъ, и дѣвушка познала въ немъ истиннаго Англантина. Онъ въ восхищеніи сказалъ: «Ахъ, кабы мнѣ теперь представилась моя любезная Аннушка!» Невинная дѣвушка не дышала; молодой купидонъ вспрыгнулъ, повернулся, хотѣлъ плыть, броситься въ рѣку; но нечаянно зацѣпился за дѣвушку и упалъ: «Фи! что за диковинка... Это Психея. Это вы, сударыня?» «Я... я... отвѣчала дѣвушка: вы давно были для меня милы, а нынѣ я удостоилась видѣть». «Такъ, мой ангелъ, не угодно ли закрѣпить явною печатью наше сверхъестественное свиданіе?» «Воля ваша»! сказала поблѣднѣвшая дѣвушка, и.... рѣзвый Адонисъ и несравненная Венера скинули съ себя одежду, закрывающую прелести отъ глазъ смертныхъ. Они купались въ струистой рѣчкѣ, ныряли, плескались; можетъ быть, что̀ и еще происходило; но романисты закрываютъ такія приключенія на пять минутъ тонкою дымкою и молчатъ *)... Аннушка одѣ-

*) У Карамзина, въ повѣсти «Рыцарь нашего времени» («Вѣстн. Евр.» 1803 г. № 14) описывается подобное же приключеніе, а именно: Леонъ подсматриваетъ у него купающуюся графиню Эмилію, но сдержанный

лась, сердце въ ней сильно билось, щеки пламенѣли, и дѣвушка говорила: «милый Англантинъ! какъ несправедливы люди, что находятъ различіе между двумя полами; оба они созданы на то, чтобы совершенствовать взаимно себя». «Такъ, это правда!» отвѣтствовалъ онъ, далъ ей пламенный поцалуй и скрылся. Аннушка поклялась имѣть подобныя свиданія, благословляла свою любезную книжку и не могла ее оцѣнить». Хотя повѣсть кончается законнымъ бракомъ, потому что Англантинъ боялся «худой славы»; но выписанный эпизодъ очень не понравился многимъ, и «Сѣверный Вѣстникъ» отозвался такъ: «Мы не совѣтуемъ брать этотъ журналъ милымъ, ибо онъ оскорбляетъ ихъ стыдливость, первое украшеніе милыхъ... Его не надо брать, потому что въ немъ напечатаны: «Побѣда надъ нимфами *)», «Аннушка»—повѣсти неблагопристойныя». Оправдываясь отъ этихъ обвиненій (особ. прибавл. къ № 12), издатель говоритъ: «Кажется, при такомъ благоустройствѣ, каковое сохраняется въ нынѣшнія времена въ нашей имперіи, неблагопристойность совсѣмъ истреблена, особливо въ литературѣ: на это учреждена въ Москвѣ цензура, которая строго разсматриваетъ все и вѣрно въ публику ничего неблагопристойнаго не выпуститъ. P. S. Аннушка можетъ быть хорошимъ примѣромъ.

писатель не входилъ въ такія пикантныя подробности. «Читатель—говоритъ онъ — ожидаетъ отъ меня картины во вкусѣ золотаго вѣка? ошибается! лѣта научаютъ скромности; пусть одни молодые авторы сказываютъ публикѣ за новость, что у женщинъ есть руки и ноги. Мы, старики, все знаемъ, что можно видѣть, но должны молчать».

*) Въ «Побѣдѣ надъ нимфами» разсказываются на чистоту, подъ миѳологическими образами, всѣ подробности любви. Подобныя произведенія показываютъ, сколько дряблаго, старческаго сластолюбія скрывалось иногда за приличными сантиментальностями.

Читая слѣдствія развратности, видя сущность оныхъ злую,— не есть ли это лучшая картина для молодыхъ людей? Вѣрно никто не будетъ Аннушкой, прочитавъ «Аннушку», но постарается избѣгать порокъ ея».

Не лучше «Журнала для милыхъ» былъ и «Московскій Зритель» (1806 г.) князя Шаликова. Въ «Письмѣ къ издателю журнала», помѣщенномъ въ первой книжкѣ (выход. ежемѣсячно), говорится: «Мнѣ хотѣлось бы видѣть въ вашемъ журналѣ болѣе подлинниковъ, чѣмъ переводовъ, болѣе мѣстнаго; хотѣлось бы, чтобъ издатель его, какъ ревностный патріотъ, съ пламеннымъ сердцемъ и смѣлою рукой принялся за перо — единственно для пользы земляковъ своихъ... Вы живете въ столицѣ, гдѣ болѣе разнообразія, болѣе игры страстей, болѣе условныхъ законовъ, болѣе предубѣжденій и слѣдственно болѣе случаевъ къ замѣчаніямъ. Здѣсь одно слово старика или молодой женщины подадутъ поводъ къ сочиненію цѣлаго моральнаго трактата. Часто разговоры двухъ простолюдиновъ на улицѣ откроютъ наблюдателю черту народнаго характера или степень нынѣшней нравственности. Пускай журналъ вашъ будетъ хранилищемъ таковыхъ наблюденій. Дайте знать молодымъ умникамъ, что гражданину отнюдь не предосудительно, какъ они думаютъ, носить знакъ отличія, полученный за службу; что пріятнѣе щеголять имъ, нежели шелковымъ черезъ плечо шнуркомъ съ прицѣпленнымъ къ нему лорнетомъ... скажите вашу мысль и о новыхъ русскихъ эмигрантахъ: я говорю о тѣхъ, которые отъѣзжаютъ на житье въ чужіе краи подъ предлогомъ, что тамъ жить дешевле... Можете иногда сказать слова два и о состояніи въ отечествѣ

нашемъ художествъ. Статья эта была бы не безполезна: сколько мы видимъ здѣсь колоннъ, которыя ничего не подпираютъ, или полукруглыхъ оконъ и въ верхнемъ, и въ нижнемъ жильѣ, или разрисованныхъ деревянныхъ домовъ и заборовъ!.. Что скажетъ просвѣщенный иностранецъ о нашемъ вкусѣ?.. Я желаю, чтобы критика была непремѣнно въ вашемъ журналѣ: старайтесь только быть истиннымъ критикомъ, будьте судьею безпристрастнымъ».

Этой программѣ Шаликовъ былъ вѣренъ: патріотизмъ, весьма мелкій, и чувствительность были отличительными чертами его журнала. Патріотизмъ выражался напр. въ описаніи торжественнаго обѣда въ московскомъ клубѣ, и драки двухъ простолюдиновъ-атлетовъ, которые, поколотивъ другъ друга, поцаловались: доказательство славянскаго добродушія. Чувствительность—преобладающее свойство журнала—господствовала въ беллетристикѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ «Журналѣ для милыхъ», печатались стишки къ Лизетамъ, Эльвирамъ, къ резедѣ, голубку и ошейнику эльвириной собачки. Эротическій элементъ свирѣпствовалъ здѣсь меньше, чѣмъ въ «Журналѣ для милыхъ», а стихи къ женщинамъ и къ амуру были уже гораздо сдержаннѣе и скромнѣе. Въ «Зрителѣ,» напротивъ, есть даже повѣсть: «Злоупотребленіе свободы въ молодости» (№ 5), въ которой разсказывается, какъ «сластолюбіе сдѣлалось цѣлью юноши, и истощеніе силъ послѣдовало за расточеніемъ жизненныхъ соковъ». Истощеніе было такъ велико, что юношѣ пришлось пользоваться кавказскими водами. Воспитаніе также занимало кн. Шаликова: въ статьѣ объ этомъ предметѣ (№ 11) говорится, что родители должны наставлять смолоду дѣтей своихъ въ

добродѣтели и притомъ въ національномъ духѣ, не допуская «наемщиковъ-чужестранцевъ внушать имъ презрѣніе къ русскому языку и къ русской націи». Слѣдя за успѣхами воспитанія, Шаликовъ восхвалялъ московскій екатерининскій институтъ (№ 7), гдѣ воспитываются «любезнѣйшія существа природы»—и притомъ воспитываются прекрасно. Все плѣняло князя: и рѣчь, сказанная священникомъ, «наставляющая воспитанницъ въ законѣ и добродѣтеляхъ», и здоровая пища въ столовой, и порядокъ и чистота въ дортуарахъ.

Любопытно во многихъ отношеніяхъ «Письмо сельскаго дворянина къ издателю» (№ 4). «Удостойте выслушать—пишетъ этотъ огорченный дворянинъ — отъ отца жалобу, которую нельзя принести ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ, и будьте посредникомъ между мною и обществомъ, единственнымъ судьею въ подобныхъ случаяхъ. Съ нѣкотораго времени у дворянъ нашей губерніи произошла чудная перемѣна въ мысляхъ и правилахъ. Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на бывшихъ своихъ челядинкахъ и наемницахъ. Одинъ вводитъ крестьянку въ сообщество благовоспитанныхъ сестеръ своихъ; другой заставляетъ дѣтей цаловать руки у рабыни покойной ихъ матери. Тутъ слезы дочери, тамъ упреки сына—и гремитъ отцовское проклятіе! Раздоры въ семействахъ, ссоры и тяжбы между родственниками, соблазнъ и пересуды въ бесѣдахъ, и грусть, тяжкая грусть нашему брату, привязанному еще къ дворянскимъ предразсудкамъ своего дѣда. Къ чему я теперь буду воспитывать дочь мою, если крестьянская или горничная дѣвка предпоч-

тется ей? Чѣмъ вознаградятся попеченія мои объ украшеніи ума ея и сердца, ежели она должна остаться навсегда въ одиночествѣ? Не щадя ничего на образованіе моей дочери, я думалъ, что готовлю ее для мужа, который будетъ цѣнить ея достоинства, составитъ счастіе жены и ея родителей: отправляя на службу отечества сына, я думалъ, что зять мой заступитъ мѣсто его; будетъ подпорой старости моей и утѣшеніемъ семейства; думалъ, что существо мое возобновится въ малыхъ внучатахъ, которые возрастутъ на моихъ колѣняхъ и примутъ послѣдній вздохъ мой. Такія пріятныя мысли, такія утѣшительныя надежды служатъ истинною наградою за труды и жертвы родительскія. Ахъ, не горестно ли обмануться въ счастливѣйшей предувѣренности? Не имѣетъ ли права сердце отцовское жаловаться на то, что̀ лишаетъ его лучшихъ радостей въ жизни. Не растерзаетъ ли душу нѣжной матери взоръ на унылые дни ея дочери? Съ другой стороны, не прискорбно ли отцу, матери, брату и сестрѣ благовоспитаннымъ видѣть въ семействѣ своемъ грубую, необразованную крестьянку или смѣшную обезьяну бывшей госпожи своей,—то есть горничную дѣвку?» и т. д.

Изъ этого письма видно, что чувствительные авторы, плакавшіе о судьбѣ бѣдной Лизы, сильно порицали mésaillance, когда эти Лизы выходили замужъ за своихъ соблазнителей. Замѣчательно также сопоставленіе журнала съ присутственнымъ мѣстомъ: оно показываетъ, что журналистика расширилась въ такой степени, что разстроенные граждане, въ родѣ сейчасъ упомянутаго, считали уже книжку журнала удобнымъ средствомъ выражать свои печали и на-

дѣялись даже этимъ путемъ—оказать сопротивленіе «чудной перемѣнѣ въ мысляхъ» у другихъ согражданъ.

Сантиментальное настроеніе господствуетъ и въ «Журналѣ для сердца и ума», издававшемся ежемѣсячно въ Петербургѣ И. Шелеховымъ (1810 г.), и выражалось опять посланіями къ Лилѣ, Нинѣ, Лаурѣ и т. п.

При томъ направленіи, какое распространилось въ журналистикѣ подъ вліяніемъ Карамзина, весьма понятенъ упадокъ сатиры, которая всего менѣе должна была сходиться съ сантиментально-патріотическимъ настроеніемъ умовъ. Конечно, находились еще сатирики, переводившіе Геллерта, Рабенера и т. п., «находя въ оныхъ истину, во всемъ ея величествѣ созерцаемую», но едва ли въ этой истинѣ могло таиться много смысла для русскихъ читателей. Переводы перелагались впрочемъ и на русскіе нравы, и въ переводную сатиру вставлялись обличенія пьянства помѣщиковъ и псовой охоты; но сатира становилась оттого еще нелѣпѣе; она не повторила съ прежней силой даже сатирическихъ мотивовъ екатерининскаго времени.

Въ «Демокритѣ» (1815 г.) характеръ этой сатиры становится даже довольно гнуснымъ, какъ это напр. обнаруживается въ «пѣснѣ Демокрита». Смѣяться надъ всѣмъ: надъ трудомъ ученаго, потому что это «сухая матерія», надъ суетливой дѣятельностью другихъ людей, надъ кровавыми битвами—вотъ девизъ Демокрита. Но что всего лучше:

Пусть несчастные томятся,
Коль судьба для нихъ строга;
Моя участь—лишь смѣяться:
Ха-ха-ха! ха-ха-ха! (№ 2).

Въ другомъ стихотвореніи (№ 4) осмѣивается поэтъ,

мерзнущій въ своей комнатѣ и «бьющій тактъ зубами». Этотъ поэтъ жалуется на своего сосѣда, «валдайскаго боярина», который открываетъ заслонку въ печкѣ и выпускаетъ все тепло, благо у него есть и тулупъ, и шуба. Однажды сатирикъ заикнулся было о неправедныхъ судіяхъ (№ 4); но тутъ же остановился, сказавъ самому себѣ: «не все ври, что знаешь».

VIII.

«Другъ просвѣщенія» и его сбивчивый тонъ.—«Журналъ Россійской словесности».—Либеральныя оды И. П. Пнина.—Бесѣда «сочинителя съ цензоромъ».—«Островъ подлецовъ».—«Сѣверный Вѣстникъ».—Вопросъ о развитіи просвѣщенія и о свободѣ преподаванія.—Политическія и общественныя идеи въ «Сѣв. Вѣстникѣ».—Проектъ преобразованія на англійскій ладъ.—Литературная критика въ «Сѣв. Вѣстникѣ» и «Лицеѣ».

Изъ новыхъ журналовъ, возникшихъ вслѣдъ за «Вѣстникомъ Европы» Карамзина, наибольшаго вниманія заслуживаютъ петербургскіе журналы, наименьшаго — московскіе, которые разработывали только одну сантиментально-патріотическую сторону своего первообраза. Политическая струйка зашла, впрочемъ, и въ нихъ изъ «Вѣстника Европы». Такъ напр. въ «Другѣ просвѣщенія» (1801 — 1806 г.) мы находимъ «Письмо Людовика XVI-го къ одному аббату и нѣсколько мыслей, писанныхъ имъ собственноручно». Въ этомъ письмѣ французскій король говоритъ о воспитаніи дофина въ духѣ кротости, религіи и любви къ народу; онъ не желаетъ, чтобы воинская слава кружила ему голову, а ласкательство при-

дворныхъ производило въ немъ своенравіе. «Первый долгъ государя, говоритъ король, есть тотъ, чтобы сдѣлать народъ счастливымъ. Законы суть столпы трона: если государь ихъ нарушитъ, то и народъ сочтетъ себя свободнымъ отъ ихъ обязательствъ». Изъ мыслей Людовика, набросанныхъ имъ собственноручно, замѣчательны слѣдующія: «Королю, царствующему правосудіемъ, вся земля служитъ храмомъ. Дѣлать добро и терпѣливо слушать злословіе о себѣ — вотъ добродѣтели царскія. Сочиненіе, написанное безъ свободы, должно быть посредственно и худо» и пр. Все это могло имѣть нѣкоторое примѣненіе къ тогдашней русской жизни. Въ стихотвореніи П. Кутузова: «Ода на правосудіе» также высказывается надежда, что на престолѣ русскомъ вмѣстѣ съ Александромъ «возсядутъ милость и правый, нелицепріятный судъ *)». Но рядомъ съ блѣднымъ отраженіемъ новыхъ идей, въ этомъ невыдержанномъ изданіи печатались вирши на старый ладъ, въ родѣ «Колесницы» Державина и стиховъ А. С. Шишкова. Въ «Колесницѣ», написанной по поводу французской революціи, авторъ рекомендуетъ правительству ежовыя рукавицы въ политикѣ, чтобы «раздраженные буцефалы», воспользовавшись дремотою властей, не столкнули ихъ въ ровъ. Обращаясь къ Франціи, Державинъ говоритъ:

От философовъ просвѣщенья,
 Отъ лишней царской доброты,
Ты пала въ хаосъ развращенья
 И въ бездну вѣчной срамоты.

Къ счастію, эти поклонники ежовыхъ рукавицъ не могли

*) Эта надежда не мѣшала, однако, Кутузову писать негласные доносы на Карамзина и въ нихъ совѣтовать — запереть его куда-то безъ суда и слѣдствія (См. I томъ, стр. 194).

остановить развитія новыхъ идей, покуда лица повыше ихъ, не смущаясь прямыми и косвенными намеками «на излишнюю доброту», сами способствовали прогрессу своимъ сочувствіемъ и поддержкою.

Гораздо замѣчательнѣе были петербургскіе журналы, въ которыхъ либеральное направленіе нашло себѣ усердныхъ проводниковъ и защитниковъ. Сюда относится «Журналъ Россійской Словесности», изданный Н. Брусиловымъ (1805 г.) при участіи И. П. Пнина. Въ первой же книжкѣ своего изданія Брусиловъ напечаталъ оду Пнина: «Человѣкъ»—довольно смѣлый гимнъ свободѣ, въ отпоръ унизительнымъ взглядамъ на права мыслящей личности. Авторъ говоритъ, обращаясь къ человѣку:

Какой умъ слабый, униженный
Тебѣ дать имя червя смѣлъ?
То рабъ несчастный, заключенный,
Который чувства не имѣлъ;
Въ оковахъ тяжкихъ пресмыкаясь,
И съ червемъ подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Сначала въ горести признался,
Потомъ въ сихъ мысляхъ вѣкъ остался,
Что человѣкъ есть червь земной.
Прочь мысль презрѣнная! ты сродна
Душамъ преподлыхъ лишь рабовъ,
У коихъ вѣкъ мысль благородна
Не озаряла мракъ умовъ.
. . . .
Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ человѣка я:
Одинъ, какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой такъ мраченъ, какъ земля.
Одинъ есть все, другой—ничтожность.
Когда бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:

Кто бѣдствій всѣхъ его виною?
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что̀ надѣлъ.

Желая, повидимому, ограничить эту свободу,—чтобы она не переходила въ анархію и открытое возстаніе, пугавшія умы,—издатель, вслѣдъ затѣмъ (№ 2 и 4), напечаталъ оду: «На безначаліе» и басню: «Зябликъ», въ которыхъ представляются въ дурномъ свѣтѣ своевольство и крайнее вольнодумство. Это вольнодумство ведетъ къ тому, что народъ (французскій), низвергши царя, создаетъ себѣ другого — «изъ праха», а зябликъ попадается въ когти къ коршуну. Вообще беллетристическія произведенія,—если исключить изъ нихъ сантиментальныя, служившія прямой связью журнала съ карамзинскими изданіями,—выбирались Брусиловымъ не безъ цѣли, и каждое изъ нихъ служило какъ бы дополченіемъ и разъясненіемъ къ другому. Въ баснѣ: «Истина во дворцѣ» (соч. А. Измайлова) разсказывается, какъ истина вошла во дворецъ и была приговорена къ ссылкѣ въ рудники; но потомъ, перерядившись въ вымыселъ, сказала шуткою все, что было нужно, и ее выслушали съ благосклонностью. Конецъ басни таковъ:

Счастлива та страна, въ которой кроткій царь
Правдиво говорить себѣ не запрещаетъ!
Счастливѣй мы стократъ: нашъ ангелъ-государь
Не только истину въ чертогъ къ себѣ впускаетъ,
Но даже ищетъ самъ ее.

Въ № 5-омъ помѣщена также басня, въ которой хозяинъ, за вѣрную службу дворняшки, даритъ ей ошейникъ, и ничего больше; въ № 7 другая — «Царь и придворный», гдѣ проводится мысль, что «блескъ царскаго величія» ничто безъ поддержки народа. Въ повѣстяхъ изъ восточной жизни

(эти повѣсти часто попадаются въ тогдашнихъ журналахъ), какъ напр. «Истина» и «Перстень», доказывается, что правда, хотя она и не нравится придворнымъ щеголямъ, щеголихамъ, судьямъ и пр., должна быть не только терпима въ государствѣ, но и поставлена выше «угожденія царю». Въ первой изъ этихъ повѣстей багдадскій кади «въ ярости разбиваетъ чубукомъ зеркало истины», и вотъ на всемъ пространствѣ багдадскихъ владѣній царедворцы льстятъ, кади грабятъ, слезы несчастныхъ льются рѣкою; во второй — мудрый персидскій шахъ рѣшаетъ, что истина всего нужнѣе ему, и Персія при немъ «была счастлива и наслаждалась тишиною». Далѣе Пнинъ воспѣвалъ «правосудіе» (№ 10), которое одинаково караетъ «рабовъ и вельможъ».

Гдѣ ты — тамъ вопль не раздается
Несчастныхъ, брошенныхъ сиротъ:
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобы насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ;
Любуется, смотря на ниву,
Въ ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляетъ твой покровъ:..
Гдѣ ты — тамъ геній просвѣщенья,
Лучами мудростей своей,
Открывъ зловредны заблужденья,
Ведетъ на путь прямой людей.
Науки храмы тамъ имѣютъ,
Художества, искусства зрѣютъ,
Торговля богатитъ народъ,
Тамъ духъ зиждительной свободы,
Проникнувъ таинства природы,
Сторичный собираетъ плодъ.
. . . .

Гдѣ нѣтъ тебя - тамъ всѣ несчастны,
От земледѣльца до царя;
Законы дремлютъ и безгласны,
Тамъ всякъ живетъ лишь для себя.
Нѣтъ ни родства, союза, вѣры;
Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры;
Шипятъ пороки и язвятъ;
Тамъ выгодъ нѣтъ быть добрымъ, честнымъ,
Быть другомъ искреннимъ, нелестнымъ,
Тамъ чашу смерти пьетъ Сократъ и пр.

Между разными общественными явленіями, препятствующими строгому дѣйствію правосудія, Пнинъ указывалъ, по горькому опыту, и предварительную цензуру, въ которой произволъ административнаго лица могъ лишить человѣка его собственности и его нравственныхъ правъ. Эту мысль Пнинъ выразилъ въ видѣ сцены между сочинителемъ и цензоромъ, сцены, будто бы переведенной съ манчжурскаго языка. Мы приведемъ ее цѣликомъ для ознакомленія читателей съ тою формою, въ которую приходилось, уже и тогда, облекать подобныя идеи.

Сочинитель и цензоръ.

(Переводъ съ манчжурскаго).

Сочинитель. Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.

Цензоръ. Его должно напередъ разсмотрѣть. А подъ какимъ оно названіемъ?

Сочинитель. Истина, государь мой.

Цензоръ. Истина? о! ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.

Сочинитель. Вы, мнѣ кажется, излишній берете на себя трудъ. Разсматривать истину? что это значитъ? Я вамъ

скажу, государь мой, что она не моя и что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Божественный Кунъ (Конфуцій) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: «смертные! любите другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу, ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и, слѣдовательно, необходима для вашего благополучія». Вотъ содержаніе сего сочиненія.

Ц е н з о р ъ. «Не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу!»... Государь мой, сочиненіе ваше непремѣнно разсмотрѣть должно. (Съ живостью.) Покажите мнѣ его скорѣе.

С о ч и н и т е л ь. Вотъ оно.

Ц е н з о р ъ. (Развертывая тетрадь и пробѣгая глазами листы.) Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого никакъ пропустить нельзя (указывая на мѣсто въ книгѣ).

С о ч и н и т е л ь. Для чего же, смѣю спросить.

Ц е н з о р ъ. Для того, что я н е п о з в о л я ю—и, слѣдовательно, это непозволительно.

С о ч и н и т е л ь. Да развѣ вы больше, г. цензоръ, имѣете права не позволить печатать мою «Истину», нежели я предлагать оную?

Ц е н з о р ъ. Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

С о ч и н и т е л ь. Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ самъ не могу отвѣчать за мою «Истину». Вы присвоиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ

мыслей моихъ, ни за дѣла мои. Я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Цензоръ. Но вы можете заблуждаться.

Сочинитель. А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Цензоръ. Нѣтъ, ибо я знаю, что̀ должно и чего не должно позволить.

Сочинитель. А намъ развѣ знать это запрещается? Развѣ это какая нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Цензоръ. Если вы согласитесь (показывая на книгу) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

Сочинитель. Вы, отнимая душу у моей «Истины», лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ, г. цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ ли я, что истина моя вамъ не нравится, и вы не понимаете ее?

Цензоръ. Не всякая истина должна быть напечатана.

Сочинитель. Почему же? Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ, препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ, лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобъ ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали.

Ц е н з о р ъ. Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша, безъ моего засвидѣтельствованія, е с т ь и б у д е т ъ н и ч т о, потому что безъ онаго не можетъ она быть напечатана.

С о ч и н и т е л ь. Г. цензоръ! позвольте сказать вамъ, что истина моя стоила мнѣ величайшихъ трудовъ; я не щадилъ для нея моего здоровья, просиживалъ для нея дни и ночи: словомъ, книга моя есть моя собственность. А стѣснять собственность, какъ говоритъ премудрый Кунъ, никогда не должно, ибо чрезъ сіе нарушается справедливость и порядокъ. Впрочемъ, вѣрнѣе, засвидѣтельствованіе ваше можно назвать ничего не значущимъ, ибо опытъ показываетъ, что оно нисколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя. Притомъ, г. цензоръ, вы изъясняетесь слишкомъ непозволительно.

Ц е н з о р ъ (гордо). Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ.

С о ч и н и т е л ь (съ благороднымъ чувствомъ). А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Ц е н з о р ъ. Какая дерзость!

С о ч и н и т е л ь. О Кунъ, благодѣтельный Кунъ! Еслибы ты услышалъ разговоръ сей, еслибы ты видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; еслибы ты видѣлъ, какъ наблюдаютъ справедливость, еслибы ты видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ, тогда бы... тогда бы справедливый гнѣвъ твой... Но прощайте, г. цензоръ, я такъ съ вами заговорился, что потерялъ уже охоту печатать свою книгу. Знайте однакожь, что «Истина» моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви

къ человѣчеству, и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ собственной моей совѣсти. «(См. Журн. Рос. Сл. № 12).

Отстаивая истину, право и свободу мысли отъ покушеній на нихъ со стороны судей, придворныхъ и цензоровъ, Брусиловъ осмѣивалъ не безъ ѣдкости,—хотя, по старому преданію, въ аллегорической формѣ,—враждебный ему лагерь, бравшій подъ свою защиту всѣ ненормальныя условія общественной жизни. Въ образчикъ подобнаго осмѣянія, мы возьмемъ отрывокъ изъ «Путешествія на островъ подлецовъ», принадлежащаго перу самого издателя журнала. Авторъ разсказываетъ, что будто онъ, возвращаясь изъ Америки, попалъ совсѣмъ въ другую сторону, по причинѣ бури, и очутился недалеко отъ острова подлецовъ. Любопытство видѣть эту неизвѣстную страну побудило его отпроситься у капитана, въ шлюпкѣ, на островъ, съ условіемъ вернуться вечеромъ же на корабль. «Островъ подлецовъ есть наибогатѣйшій въ мірѣ. Онъ лежитъ подъ самымъ почти полюсомъ и окруженъ океаномъ коварства, весьма опаснымъ для мореплавателей. Земля неплодородна и производитъ только плоды хитрости и пронырства, весьма вкусные для жителей, но впрочемъ горькіе для всякаго честнаго человѣка. Я спѣшилъ скорѣе въ главный городъ сего острова. Онъ называется Лесть, весьма пріятенъ по своему мѣстоположенію и стоитъ на рѣкѣ низкихъ поклоновъ, которая течетъ иногда тихо, иногда быстро, смотря по обстоятельствамъ. Жителей на семъ островѣ много, и сказываютъ, что въ годъ родится въ десять разъ болѣе, нежели умираетъ. Жители всѣ блѣдны, худы, но въ богатыхъ кафтанахъ, и живутъ хорошо, ибо мно-

го добываютъ чрезъ подлость. Они столь низки духомъ, что даже и въ дурную погоду ходятъ по улицамъ безъ шляпъ и кланяются всякому богачу, а особливо путешественникамъ, отъ которыхъ надѣются поживиться. Передъ тѣми же, кто мало значитъ въ свѣтѣ или бѣденъ, честенъ и добръ—передъ тѣми они горды, и вотъ одинъ только случай, когда они надѣваютъ шляпы... Я остановился въ лучшемъ трактирѣ. Трактирщикъ выбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ уже нѣсколько дней меня ожидалъ и очистилъ для меня лучшіе покои. «Мой другъ, сказалъ я съ удивленіемъ,—я пріѣхалъ сюда нечаянно и не думаю, чтобъ ты могъ знать прежде о моемъ пріѣздѣ».—«Милостивый государь, отвѣчалъ онъ, мы люди малые и единственнымъ счастіемъ нашимъ поставляемъ предупреждать намѣренія и волю людей вашихъ достоинствъ». Въ самое время нашего разговора подошелъ къ нему бѣднякъ и просилъ дать уголокъ въ его домѣ; но трактирщикъ оттолкнулъ его съ гордостью и, показавъ всю мѣру презрѣнія богатаго гордеца къ бѣдному, велѣлъ ему удалиться. Я удивился такой скорой перемѣнѣ. «Милюстивый государь! сказалъ трактирщикъ, принявъ опять униженный видъ; чтожь было бы въ нашей жизни, еслибъ, ползая весь вѣкъ передъ богачами, не имѣли мы удовольствія гордиться предъ бѣдными.» Тутъ узналъ я великую истину, что подлецъ есть самое горделивое твореніе въ мірѣ. Не успѣлъ я отдохнуть послѣ трудной дороги, какъ вдругъ явилась ко мнѣ толпа жителей сей страны. Всякій кланялся мнѣ въ поясъ; иной называлъ меня своимъ благодѣтелемъ, хотя я отъ роду въ первый разъ его видѣлъ, иной подносилъ

мнѣ стихи на день моего рожденія; иной—эпиталаму на мой пріѣздъ. Въ сихъ стихахъ уподобляли меня Сенекѣ въ мудрости, Ѳемистоклу въ храбрости, Лукуллу въ благотворительности; иной просилъ позволенія списать мой портретъ и поставить его рядомъ съ Адонисомъ; иной говорилъ, что добродѣтель Аристида ничто передъ моею; иной, узнавъ, что я люблю словесность, увѣрялъ меня, что Платонъ, Виргилій, Демосѳенъ не могутъ равняться со мной въ краснорѣчіи; тотъ читалъ мнѣ съ восхищеніемъ наизусть оду, которой я отъ роду не писывалъ; иной, повалясь мнѣ въ ноги, лизалъ пыль съ моихъ сапоговъ; словомъ, всѣ прилагали стараніе выманить у меня по нѣскольку копѣекъ, — обыкновенное желаніе подлыхъ душъ! Послѣ сихъ учтивостей пошелъ я обѣдать. За столомъ сидѣло человѣкъ пятьдесятъ. Всѣ они сидѣли смирно, говорили шепотомъ и, браня тѣхъ, предъ которыми за четверть часа предъ тѣмъ ползали и которыхъ, превознося до небесъ, называли своими благодѣтелями,—поминутно оглядывались то на ту, то на другую сторону, боясь, чтобы ихъ не подслушали. Въ сей залѣ нашелъ я одного англичанина, который въ городѣ Лести живетъ уже нѣсколько недѣль. «Я пріѣхалъ сюда, сказалъ мнѣ прямодушный британецъ, нарочно за тѣмъ, чтобы увидѣть разницу между человѣкомъ и подлецомъ». Онъ мнѣ много разсказывалъ о семъ чудномъ островѣ. «Здѣсь деньги есть всемогущій металлъ, говорилъ онъ, и человѣкъ безъ денегъ есть жалкая тварь. Здѣсь почти ежедневно бываютъ тому слишкомъ ясныя доказательства».

Еще замѣчательнѣе были журналы И. И. Мартынова —

одного изъ честнѣйшихъ оффиціальныхъ дѣятелей первой половины царствованія Александра Павловича *). Въ 1791 г. Мартыновъ издавалъ литературный журналъ «Муза» и по прекращеніи его (въ томъ же году) занимался переводами и преподаваніемъ исторіи и словесности въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1802 г. вышелъ указъ о министерствахъ, и незначительный чиновникъ, уже пріобрѣвшій извѣстность въ литературномъ мірѣ, сдѣлался сразу, благодаря ей, директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Небольшой чинъ его не послужилъ, какъ видно, препятствіемъ къ занятію важнаго административнаго поста. Въ 1804—5 г.г. Мартыновъ, управляя департаментомъ, находилъ время и для изданія журнала «Сѣверный Вѣстникъ» (выход. помѣсячно), при ежегодномъ пособіи отъ казны въ три тысячи рублей. Прекративъ изданіе «Сѣв. Вѣстника», онъ въ 1806 г. началъ издавать «Лицей» почти по той же программѣ и въ томъ же духѣ, какъ предъидущій журналъ. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ Мартыновъ высказывалъ тѣ мысли, которыя были въ ходу въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ, и разработывалъ вопросы, занимавшіе всѣ лучшіе умы, не только не тормозя при этомъ общественнаго сознанія, но во многомъ даже опережая его. Такимъ образомъ, интересъ его журналовъ увеличивается по связи ихъ съ идеями самого правительства, довѣрчиво относившагося къ развитію народнаго смысла. Хотя «Сѣверный Вѣстникъ» не имѣлъ собственно—полити-

*) Служба Мартынова продолжалась и позже, но его успѣхи въ ней относятся именно къ началу царствованія Александра I. Въ 1817 г. онъ уже сошелъ съ видной сцены, оставаясь впрочемъ до самой смерти (въ 1833 г.) членомъ главнаго правленія училищъ. (См. о немъ статью въ Современникѣ 1856 г. №№ 3 и 4).

ческой рубрики, но въ отдѣлѣ науки и критики онъ часто затрогивалъ политическіе вопросы и рѣшалъ ихъ въ смыслѣ достаточно свободномъ для своего времени. Онъ защищалъ не только новый слогъ противъ нападеній Шишкова, но и новыя понятія о наукѣ, воспитаніи и государственномъ устройствѣ.

Двѣ главныя задачи выставлялись на видъ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ»: 1) усовершенствованіе воспитанія и 2) начертаніе новаго уложенія законовъ. По первому вопросу Мартыновъ сходился съ Пнинымъ, т. е. требовалъ, чтобы воспитаніе и обученіе сообразовались съ потребностями различныхъ классовъ народа. Крестьянину, по его мнѣнію, нужно было давать въ общественныхъ училищахъ только такія познанія, которыя сопряжены съ его отношеніями и нуждами его состоянія: «поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ есть для него неоцѣненное пріобрѣтеніе». «Но—продолжаетъ авторъ—поселянинъ долженъ пользоваться только практическимъ приведеніемъ въ дѣйствіе и выгодою изобрѣтенія: изученіе же ведущихъ къ тому математическихъ истинъ, сопряженное съ многочисленными предварительными свѣдѣніями, не должно лишать его времени, столь нужнаго для воздѣлыванія земли. Вообще, всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелой работой, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ». «Сѣверный Вѣстникъ» хвалилъ книгу Гельмана, въ которой границы народнаго образованія опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «Не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Науки, такъ называемыя, свободныя художества и всѣ тѣ наставленія, кото-

рыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ. Но крайне несправедливо было бы отказать народу въ пособіяхъ начальнаго образованія». Читатель спроситъ, можетъ быть, съ недоумѣніемъ: въ чемъ же заключается заслуга Мартынова, отстаивавшаго подобныя мысли о народномъ просвѣщеніи? Чтобы понять и эту заслугу, и относительный либерализмъ «Сѣвернаго Вѣстника», нужно вспомнить, что̀ говорила въ то время противная сторона; иначе, по сравненію съ современнымъ взглядомъ на тотъ же предметъ, идеи Мартынова покажутся чистѣйшимъ обскурантизмомъ. Самъ Гельманъ говоритъ, что не всѣ писатели согласны съ его мнѣніями, и что многіе изъ нихъ «смотрятъ на просвѣщеніе, какъ на опасное орудіе въ рукахъ народа». Эти злонамѣренные писатели (какъ напр. Жозефъ де Местръ и др.) нападали на первый базисъ науки—на тотъ скептицизмъ и критическое отношеніе къ дѣйствительности, отъ которыхъ рождаются, по ихъ словамъ, гордость и самомнѣніе въ человѣкѣ, и стремятся «вредить обществу», т. е. сословнымъ привилегіямъ, религіознымъ предразсудкамъ, политическому застою. Обскуранты предлагали держать, что называется, въ чѐрномъ тѣлѣ не только рабочій, трудящійся классъ народа, но и все среднее сословіе: не давать имъ ни одной крупицы просвѣщенія, какъ бы ни была эта крупица мала и ничтожна сама по себѣ. Важно то, что, разъ выступивъ на эту дорогу, дозволивъ народу отвѣдать «древа познанія», пра-

вительство, по ихъ мнѣнію, не будетъ уже въ силахъ остановиться, когда захочетъ, и естественное стремленіе освобожденныхъ умовъ повлечетъ его дальше и дальше. Политическая реакція въ Европѣ составила настоящій заговоръ противъ успѣховъ человѣческаго ума и не отступала ни передъ какими гнусными и іезуитскими средствами къ достиженію своей цѣли. На революцію указывали, какъ на неизбѣжный результатъ умственнаго развитія народа; чтобы избѣжать ея, совѣтовали, прежде всего, видѣть въ народѣ естественнаго врага своихъ правительствъ. Для правителя, слѣдовательно, сочинялась такая дилемма: или будь обскурантомъ и наслаждайся мирно всѣми выгодами своего положенія, или заботься о просвѣщеніи, но сиди на вулканѣ. Подобные взгляды проникали уже къ намъ раньше и, безъ отпора со стороны самого безгласнаго общества, гнули и тѣснили его по произволу, приписывая ему такіе вредные, революціонные замыслы, о которыхъ оно и помыслить не смѣло. Вспомнимъ, какой переполохъ произвели у насъ весьма невинныя по мысли масонскія изданія Новикова; вспомнимъ, что Радищевъ уподоблялся, по своей вредности, Пугачеву... Александра I также запугивали перспективой разврата, разливающагося изъ заведенныхъ имъ университетовъ и гимназій. Въ приведенныхъ нами стихахъ Державинъ говорилъ, что просвѣщеніе и лишняя доброта царя повели во Франціи къ взрыву буйныхъ страстей; Шишковъ, въ свою очередь, напиралъ на упадокъ нравственности и религіознаго благочестія, какъ на слѣдствіе школьнаго обученія и вредныхъ книгъ. Рядомъ съ этими мнѣніями поставимъ другое, нашедшее себѣ пріютъ и защиту въ журналѣ Мартынова: «Привыкли уже

мы слышать нареканіе, что просвѣщеніе въ наши времена произвело на западѣ страшныя неустройства. Не оно, а невниманіе къ нему. Сто лѣтъ уже, какъ оно, развиваясь естественно въ народахъ, просило тамъ правителей пожалѣть о человѣчествѣ и примѣняться постепенно къ духу вѣка своего; оно просило, ему не внимали, его презирали, тѣснили, терзали; симъ самымъ оно укрѣпилось, сорвало личину съ предразсудковъ, злоупотребленій и лести, и умоляло; но неправды и своенравіе въ закоренѣлости своей торжествовали надъ народомъ безпечно и безстыдно. Оно издали предвѣщало громовыя тучи и нимало уже не виновно въ томъ злѣ, которое учинено буйствомъ ожесточеннымъ. Но какъ можно любить науки? всякій захочетъ быть уменъ и съ достоинствами, и чѣмъ избранные только отличались, то будетъ не въ рѣдкости; онѣ не позволяютъ обманывать и обольщать людей: обманъ легко вскроется; не даютъ обидѣть сосѣда: сосѣдъ умѣетъ защитить свое право! мѣшаютъ жить на счетъ общаго добра: всѣ за него вступятся! Онѣ смѣлы и страшны, преслѣдуютъ злодѣя въ самую его душу—какъ можно не сердиться на нихъ? Онѣ обличаютъ тунеядца празднаго, который жнетъ, гдѣ не сѣетъ,—и смѣются, если величается родомъ отъ знатныхъ предковъ и пустотою поведенія, и богатствомъ, которое скоро разсыплется. Жестокія, онѣ такъ язвительно смѣются и такъ самонадежны и довольны! Подлинно, въ самолюбіи человѣческомъ столь много есть причинъ, побуждающихъ чуждаться наукъ, не признавать добра, отъ нихъ получаемаго, и не желать ихъ распространенія. Однако, просвѣщенія ни-

какою силою остановить невозможно, когда оно воспріяло ходъ свой; оно, какъ Протей, въ разныхъ видахъ повсюду возникаетъ. Остается заблаговременно усматривать необходимость и важность ученія по мѣрѣ надобностей вѣка: дабы правительство не оставалось позади успѣховъ народнаго смысла и всегда имѣло достаточное число людей всякаго званія для своихъ дѣйствій во благо народа». (См. Сѣв. Вѣстн. 1805 г. № XII; рѣчь при открытіи гимназіи въ землѣ Войска Донскаго).

Сблизивъ между собою два эти мнѣнія, мы поймемъ безъ труда заслугу Мартынова. Рядомъ съ защитою просвѣщенія, въ первыхъ же нумерахъ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1804 г. открылась горячая полемика между двумя противоположными взглядами на систему школьнаго обученія. Враги умственнаго развитія народа, примиряясь съ наукой, какъ съ необходимымъ зломъ, желали обезсилить ее, по крайней мѣрѣ, учебною формалистикой, строгою регламентаціей, которая не допустила бы въ школу ни одной свободной мысли, неподходящей подъ рубрики установленной программы.

Съ этою мыслью нѣкто Б. С. прислалъ въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» свой проэктъ школьнаго преподаванія, въ которомъ важны и любопытны слѣдующіе пункты: «1) Для очищенія всякаго рода ученія, тѣмъ болѣе нравоучительнаго, отъ злоупотребленій, для достиженія надежнѣйшихъ успѣховъ въ ученіи — предложить награжденія за сочиненіе на разныхъ языкахъ плановъ, заключающихъ въ себѣ удобнѣйшій порядокъ обученія всякой той наукѣ, которой можно обучать единообразно, и всякому языку, сколько то возможно, съ раздѣленіемъ ученія на ежедневные уроки; 2)

полученныя пособія, разсмотрѣнныя ученѣйшими и искуснѣйшими (людьми), кому поручено будетъ отъ главнаго правленія училищъ, и представленныя съ мнѣніями о каждомъ, подали бы случай одобрить и удостоить награжденія только одинъ (?) для всякаго ученія лучшій. 3) Какъ удивляютъ всѣхъ зрителей скорые и хорошіе успѣхи въ военныхъ экзерциціяхъ отъ того, что всякому обучающемуся солдату предписана единообразная и непремѣнная метода, такъ равномѣрно можно ожидать скорыхъ и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ и языкахъ, единообразно преподаваемыхъ. 4) Надзираніе за учителями потребнѣе, нежели за учениками, дабы они не теряли времени, на обученіе опредѣленнаго. Для надежнѣйшихъ успѣховъ потребно еженедѣльное испытаніе учениковъ чрезъ опредѣленнаго на то посторонняго воспитателя. 5) Посредствомъ печатныхъ методъ всякій отецъ или воспитатель и всякій посторонній можетъ испытывать всякаго ученика: знаетъ ли то, что долженъ узнать. 6) Сей способъ удобнѣе можетъ избавить Россію нетокмо отъ ненужнаго и безполезнаго ученія разныхъ предметовъ, на которые теряютъ драгоцѣнное время, но и отъ многоразличныхъ въ наукахъ заблужденій, коими зараженные въ разныхъ государствахъ отъ обучающихъ по своей волѣ, вовлекаемы сами, и другихъ вовлекаютъ въ развратнѣйшія мысли и дѣянія, даже въ самоубійство. Во многихъ сочиненіяхъ славнѣйшихъ древнихъ и новыхъ учителей можно найти опасныя заблужденія, которыя весьма нужно предупреждать предписанными методами и ученіями, дабы не было въ Россіи такого постыднаго

въ наукахъ разномыслія, каковое посрамляетъ ученѣйшихъ въ другихъ европейскихъ областяхъ, гдѣ позволено учить отроковъ и юношей какъ кто хочетъ. 7) Споры между учеными происходятъ отъ несогласія съ одинакою для всѣхъ правдою. 8) Отчего въ англійскомъ парламентѣ бо̀льшая часть узаконеній всегда почти бываетъ оспариваема? Отчего между судьями объ одномъ дѣлѣ и по однимъ законамъ бываютъ разныя мнѣнія? Отчего между учеными объ одной наукѣ разныя утвержденія? Главная сему причина—недостатокъ единообразнаго обученія отъ разномысленныхъ учителей».—Печатая этотъ скалозубовскій проэктъ, предлагавшій, задолго до Грибоѣдова, «фельдфебеля въ Вольтеры»,—издатель, въ примѣчаніи къ нему, оставилъ за собой право сдѣлать на него возраженія. Возраженія появились въ слѣдующей книжкѣ. (См. № 2 Сѣв. Вѣст. 1804 г.). Здѣсь отдается честь автору за его «желаніе быть полезнымъ отечеству», но самый проэктъ рѣшительно отвергается. Издатель говоритъ, что, въ силу этого проэкта, «умы людей должны дѣйствовать не иначе, какъ по флигельману», и вооружается противъ него мнѣніемъ Шапталя, высказаннымъ по поводу однороднаго предложенія — завести во Франціи учебники, обязательные для всѣхъ профессоровъ и учителей. «Свобода въ способахъ ученія—говоритъ Шапталь,—столько же естественна и полезна, какъ и свобода самаго ученія. Ограничить оное общими методами и заключить въ предѣлахъ, предписанныхъ властью, значило бы истребить наилучшее свойство онаго—независимость. Когда хотятъ все предвидѣть, все предписывать уставами, то препятствуютъ тѣмъ счастливымъ развитіямъ, тѣмъ

неисчерпаемымъ пособіямъ, которыя служатъ плодомъ воображенія и отличныхъ талантовъ, свободныхъ отъ всякаго принужденія.... Способъ обученія долженъ перемѣняться не только по разнымъ способностямъ учителей, но и учениковъ. Назначить каждому учителю родъ науки, которой онъ долженъ обучать, опредѣлить ему время для преподаванія оной есть долгъ правительства; но предписать ходъ идеямъ, положить предѣлы мысли и средствамъ къ раскрытію оной есть самый несноснѣйшій родъ тиранства».

Взглядъ на политику и государственное устройство выражается, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ тенденціозныхъ переводахъ изъ Тацита, Гиббона, Монтескье, Гольбаха и др. писателей. Изъ Тацита брались обыкновенно рѣзкія филиппики противъ тирановъ; изъ Гольбаха переведена почти цѣликомъ «La politique naturelle». Цѣль этой книги — поставить политическія науки на здравыя начала, откинувъ «отвлеченныя и метафизическія понятія». Источникомъ общественной жизни полагается въ ней чувство общежитія, свойственное каждому человѣку, укрѣпляемое привычкою и совершенствуемое разумомъ. Изъ чувства общежитія возникаетъ любовь къ обществу. «Для собственныхъ своихъ выгодъ люди вступаютъ въ общество, и общество обязано доставить человѣку благосостояніе или содержать такой порядокъ, чтобъ каждый членъ общества пользовался всѣми выгодами, какія совмѣстны съ намѣреніемъ общежитія». Человѣкъ даромъ, безъ замѣны, никогда не налагаетъ на себя ига зависимости. Когда же общество, или управляющіе имъ, вмѣсто того, чтобы доставить членамъ его всѣ

возможныя блага, угнетаютъ ихъ волю, принуждаютъ дѣлать «безполезныя и горестныя пожертвованія», стѣсняютъ ихъ трудолюбіе и промышленность, не доставляя даже простой безопасности — тогда человѣкъ не имѣетъ никакой нужды въ общежитіи; онъ бѣжитъ отъ него: привязанность его къ обществу умираетъ. Онъ отдѣляется отъ общества, дѣлается ему врагомъ и ищетъ своего благополучія средствами, вредными его сочленамъ. Въ обществѣ, худо управляемомъ, почти всѣ люди бываютъ другъ другу врагами. Тогда человѣкъ для человѣка дѣлается звѣремъ. Нормальная власть основывается единственно на своей способности творить добро, покровительствовать, руководствовать и доставлять благополучіе. Неравенство же природныхъ способностей не можетъ быть причиною зла; оно, напротивъ, есть истинное основаніе благополучія. Каждый приноситъ обществу свою долю пользы, смотря по силамъ, и то, чего недостаетъ ему, требуетъ и получаетъ отъ другихъ. Изъ этихъ коренныхъ понятій Гольбахъ выводилъ всѣ дальнѣйшія политическія функціи. Такъ какъ потребности общества измѣняются, смотря по степени его развитія, то отсюда слѣдуетъ, что «законы гражданственные», примѣненные къ обстоятельствамъ и нуждамъ общества, долженствуютъ измѣняться вмѣстѣ съ ними. «Общества человѣческія, подобно тѣламъ естественнымъ, подвержены перемѣнамъ; слѣдовательно, одни и тѣ же законы не могутъ приличествовать имъ въ разныхъ обстоятельствахъ». Но законы гражданскіе не слѣдуетъ смѣшивать съ «законами естественными», т. е. съ естественнымъ правомъ человѣка на свободу и благополучіе, которое не можетъ быть отмѣнено никакими законами

и, по существу своему, должно оставаться неизмѣннымъ. Тому же естественному регулятиву подчиняются и права человѣческихъ массъ, т. е. народовъ; ихъ взаимными отношеніями также долженъ руководить принципъ пользы, извлекаемой изъ мирнаго общежитія. Тѣмъ не менѣе цѣлому народу дозволяется, по ошибочному взгляду, грубое насиліе, потому что «одна сила рѣшаетъ всѣ ихъ распри: самовольныя ихъ дѣянія смѣшали съ правомъ и изъ того заключили, что существа, которымъ ничто не можетъ противиться, долженствуютъ имѣть особое произвольное уложеніе».

Объ этихъ военныхъ распряхъ народовъ, рѣшаемыхъ силой, говорится въ разборѣ книги: «Разсужденіе о мирѣ и войнѣ», вышедшей въ Петербургѣ въ 1803 г. и составленной по сочиненію Б. Сенъ-Пьера: «Projet de paix perpetuelle». Рецензентъ «Сѣвернаго Вѣстника» начинаетъ свой разборъ сожалѣніемъ, что у насъ «очень рѣдко заглядываютъ въ такія книги; предубѣжденіе, или собственно недоразумѣніе, причиною того, что всякій навѣрно полагаетъ: если книга философическая, то она скучна и къ тому же невнятно и тяжелымъ слогомъ писана». Рецензентъ дѣлаетъ изъ этой книги пространныя извлеченія и добавляетъ къ нимъ свои собственныя примѣчанія, по большей части, въ хвалебномъ тонѣ. Но иногда онъ рѣшается и возражать.

Такъ напр. авторъ «Разсужденія» говоритъ: «Привычка дѣлаетъ насъ ко всему равнодушными. Ослѣплены онѳю, мы не чувствуемъ всей лютости войны... Время намъ оставить сіе заблужденіе и истребить зло, подкрѣпленное всего болѣе невѣжествомъ». «Если мы къ чему нибудь привыкли, — замѣчаетъ рецензентъ, — то отъ онаго можемъ современемъ

отвыкнуть. Привыкли мы къ войнѣ отъ невѣжества, отвыкнуть отъ нея должны съ истиннымъ просвѣщеніемъ».

Затѣмъ авторъ книги опровергаетъ разные доводы въ пользу войны и исчисляетъ происходящія отъ нея бѣдствія. Его рѣзкія осужденія всѣ выписаны рецензентомъ. «Войны, говорится въ книгѣ, начались въ тѣ несчастныя времена, когда родъ человѣческій сталъ развращенъ, когда люди оставили природную невинность, когда они пришли въ то несчастнѣйшее природы состояніе, въ коемъ, не довольствуясь малымъ, захотѣли имѣть всего и не знали другого права, кромѣ права гибельнѣйшаго,—права, лишающаго человѣка всѣхъ правъ — права разбойниковъ и грабителей... Праздныя толпы монаховъ, которыхъ благоденствіе зависѣло отъ невѣжества народовъ, питали оное, и бо̀льшая часть людей воздавали нелѣпое почтеніе тѣмъ роскошнѣйшимъ и богатѣйшимъ монахамъ (т. е. папамъ), которые сдѣлали бога мира богомъ войны и обратили священный его законъ въ орудіе своихъ страстей». Что касается бѣдствій войны, то авторъ обращаетъ особенное вниманіе на экономическую ихъ сторону: «Правленія думаютъ, что довольно для бѣдныхъ завести милостинныя учрежденія, но онѣ суть слабыя вспомоществованія умножающейся бѣдности. Сіи учрежденія сдѣланы для нищихъ; но не одни тѣ нищіе, которые просятъ; цѣлыя провинціи и знатная часть жителей большихъ городовъ страждутъ отъ бѣдности... Если люди преданы пьянству, если они грабятъ и убиваютъ, то не поношенія, а сожалѣнія и слезъ они достойны; крайность ихъ побуждаетъ къ злодѣйству, бѣдность и нужда приводятъ ихъ въ отчаяніе и искореняютъ въ нихъ человѣколюбіе и стыдъ».

Но отъ такого радикализма отказывается уже, однако, и самъ рецензентъ, которому почудилась, на этотъ разъ, чуть ли не пропаганда разбоя и грабежа. Онъ наставительно замѣчаетъ: «однако же, не взирая на сожалѣніе и слезы состраждущихъ о такихъ людяхъ, они должны, для спокойствія общественнаго, быть наказываемы или удержаны въ своихъ распутствахъ попеченіемъ правительства; вотъ что слѣдовало бы г. сочинителю тутъ прибавить». Впрочемъ, вся книга, въ главныхъ своихъ чертахъ, признана въ высшей степени полезною для русской публики, которая, на самомъ дѣлѣ, была очень склонна увлекаться подвигами «екатерининскихъ орловъ» и считать военный успѣхъ—верхомъ государственнаго величія.

Свобода печати была также предметомъ симпатіи «Сѣвернаго Вѣстника».

Въ № 8-мъ 1804 г. напечатано, съ одобрительною замѣткою, «Мнѣніе короля шведскаго Густава III-го». Король говорилъ: «Чтобы не попасть опять въ прежнія, ужасныя времена, должно, чтобъ подкрѣпляемая и покровительствуемая свобода книгопечатанія употреблена была для показанія всему обществу истиннаго его блага и для открытія государю мнѣнія народа. Еслибы таковая свобода позволена была въ предъидущихъ вѣкахъ, чтобъ дать познать государю истинныя его пользы, находящіяся въ благосостояніи его подданныхъ, то король Карлъ XI вѣроятно не издалъ бы повелѣній насчетъ всеобщаго благосостоянія. Сіи указы привели въ омерзѣніе королевскую власть и приготовили слѣды къ тому раздору, который похитилъ у королевства

области въ царствованіе Карла XII-го,—къ раздору, коего горькими плодами были всѣ недавно прекращенные безпорядки. Еслибы свобода книгопечатанія могла научить Карла XII, въ чемъ состояла его истинная слава, то сей великодушный государь предпочелъ бы управлять счастливымъ народомъ и не пожелалъ бы царствовать въ пространномъ, но безлюдномъ государствѣ. Въ Англіи свобода книгопечатанія запрещена была, когда Карлъ I былъ обезглавленъ, и когда укрывающійся Яковъ II оставилъ престолъ предковъ своему любочестивому зятю. Сей народъ законно пользовался такимъ правомъ при концѣ царствованія Вильгельма III, или въ началѣ царствованія ганноверскаго дома, который владѣетъ теперь англійскимъ престоломъ съ бо̀льшею славою и безопасностью, нежели всѣ предшествовавшіе ему. Хотя Вилькесъ и произвелъ нѣкоторыя мятежныя движенія, но ихъ должно приписать болѣе неблагоразумному вниманію, оказанному правительствомъ его твореніямъ, нежели происшедшему отъ нихъ минутному чувствованію, которое оставило впечатлѣніе непродолжительнѣе того, которое оставляютъ и другія сего рода сочиненія... З н а н і е в с е г о п р о и з в о д с т в а д ѣ л ъ в ъ п р и с у т с т в е н н ы х ъ м ѣ с т а х ъ, в с ѣ х ъ п р и г о в о р о в ъ и т о г о, ч т о̀ о т н о с и т с я в о о б щ е к ъ с у д ь я м ъ, д о л ж н о б ы т ь н е о т ъ е м л е м о п о з в о л е н о п у б л и к ѣ».

Эту рѣчь шведскаго короля, произнесенную въ засѣданіи сената (18 апрѣля 1774 г.), переводчикъ называетъ «достопримѣчательной» (*). Насчетъ печатанія судебныхъ рѣшеній

*) Бо̀льшая часть переводовъ и важнѣйшія изъ оригинальныхъ

переводчикъ говоритъ въ выноскѣ, что и у насъ положено тому начало указомъ 8 сентября 1802 г., повелѣвшимъ, чтобы въ вѣдомостяхъ кратко объявлялись рѣшенныя въ Сенатѣ дѣла. Но онъ находитъ это недостаточнымъ и предлагаетъ печатать всѣ судебные приговоры; а такъ какъ для этого не нашлось бы мѣста въ вѣдомостяхъ, то переводчикъ проэктируетъ особое изданіе подъ именемъ: «Памятникъ россійскаго правосудія».

«Судья—говоритъ онъ,—подписывающій рѣшеніе судьбы равнаго, а часто высшаго его степенью согражданина, подвергнувшагося суду, съ трепетомъ и съ чистою совѣстью принимался бы за перо, зная, что дѣло его, вмѣсто того, чтобъ быть въ забвеніи въ архивѣ, извѣстно будетъ свѣту и потомству».

Къ Великобританіи и ея государственному устройству «Сѣверный Вѣстникъ» чувствовалъ гораздо больше уваженія, чѣмъ «Вѣстникъ Европы». Онъ даже напечаталъ проэктъ преобразованія (присланный въ редакцію постороннимъ лицомъ), по которому на русскую почву могли быть пересажены англійскія общественныя учрежденія. «Никакой народъ—говоритъ авторъ проекта — въ наше время не заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, какъ народъ великобританскій. Въ составъ правленія его введены всѣ благотворныя слѣдствія замѣчаній тысячи вѣковъ: введено положительное знаніе о человѣкѣ. Великобританія есть монархія, но не видимъ мы въ ней вредныхъ неудобствъ

статей въ журналѣ принадлежатъ, вѣроятно, самому Мартынову: въ то время, въ редакціяхъ было мало постоянныхъ сотрудниковъ, и редакторъ (онъ же, обыкновенно, издатель) былъ заваленъ работою, часто не по силамъ. На эту тяжесть журнальнаго труда печатно указывалъ Карамзинъ.

власти цесарей; Великобританія есть аристократія, но не видимъ мы въ ней угнетательной гордости патриціевъ; Великобританія есть въ тоже время и демократія, но не потрясается она буйствомъ наимноголюднѣйшаго отдѣленія народа». Патріотизмъ возвысилъ, по мнѣнію автора, эту страну на высокую степень развитія — патріотизмъ, который проистекаетъ изъ любви къ свободнымъ учрежденіямъ, гарантирующимъ человѣку его естественныя права.

«Британецъ привязанъ къ государю своему, потому что онъ участвуетъ съ нимъ въ постановленіи законовъ... Британецъ любитъ своихъ перовъ, или преимущественныхъ главъ дворянскихъ семействъ, потому что они раздѣляютъ съ нимъ трудъ въ народныхъ постановленіяхъ, потому что существуетъ одинъ законъ для всѣхъ состояній, и потому что перъ благороднымъ своимъ имуществомъ отлично роскошествуетъ въ ободреніи ремеслъ и, слѣдовательно, питаетъ многихъ полезныхъ сограждanъ». Но если патріотизмъ такъ силенъ и плодотворенъ въ Англіи, то отчего же не приносить ему подобной же пользы и въ Россіи?

Для этого авторъ проэкта даетъ совѣтъ: «Чтобъ какое либо государство могло возвести себя на нѣкоторую степень сравненія съ Великобританіей, — правленію надлежитъ принимать не робкія, но дальновидныя и великодушныя мѣры; преимущественно дворянское отдѣленіе народа да содѣлается имущимъ и чрезъ то значащимъ и могущимъ заслуживать уваженіе всѣхъ прочихъ состояній. Для сего правленіе должно положить преграды пагубному размноженію дворянства... Постановивъ дворянское до-

переводчикъ говоритъ въ в [illegible] ю или весьма долго-
тому начало указомъ [illegible] ится нѣкоторая преграда
чтобы въ вѣдомостях [illegible] валъ бы, что необходимо
натѣ дѣла. Но он [illegible] преграды размноженію дворянъ
гаетъ печатать в [illegible] ихъ (подразумѣвается маіоратъ),
этого не наш [illegible] чрезвычайныхъ, для приведенія сего
проэктирует [illegible] трудностей. Между симъ постановленіемъ
сійскаго г [illegible] нѣкоторое пространство времени. Чрезъ
«Сул [illegible] государство увеличитъ свое среднее со-
равнаг [illegible] теленно клонящееся къ принятію какого
верг [illegible] ремесла... Дѣти всякаго чиновника, не
пр [illegible] напитаться дворянскимъ сословіемъ, не нашли
[illegible] средства отличить себя отъ простолюдиновъ,
[illegible] чрезъ науки, изящныя искусства и художества... Дво-
рянство само чрезъ большую исключительность правъ сво-
ихъ, начало бы уважать свое состояніе и пещись ра-
чительнѣе о собственности семействъ своихъ. Слѣдова-
тельно невѣжливая (sic) роскошь уменьшилась бы; бла-
городныя имущества остепенились бы» и пр. и пр. И
такъ первая мѣра должна коснуться дворянства, посте-
пенно вводя его въ рамки англійской аристократіи. Да-
лѣе, авторъ проэкта требуетъ законовъ, равныхъ для всѣхъ
сословій. Объ уничтоженіи крѣпостнаго права говорится
намеками: «рогатый скотъ, овцы, лошади и прочіе (кур-
сивъ въ подлинникѣ), находясь въ чьемъ либо исключитель-
номъ владѣніи, препятствуютъ свободному употребленію и
размноженію произведеній». Чтобы уничтожить эти препятствія
къ размноженію народнаго богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ не
нарушить привилегій, «злоупотребленіемъ постановленныхъ,

·енемъ утвержденныхъ», авторъ предлагаетъ вознагра-за потерю ихъ казенными землями, которыя остаются обработанными и не приносятъ никому пользы.

«Пусть правленіе—говоритъ онъ—по справедливости соблюдая сокровища государственныя, щедро раздаетъ тѣ безполезныя ему земли въ промѣнъ за вышеупомянутые предметы (выше упоминаются привилегированные торги, заводы и крѣпостные люди), которые оно, пріобрѣвъ, по свойству каждаго изъ нихъ, или присвоитъ въ особенности себѣ (здѣсь разумѣются крестьяне), или снабдитъ оными прилежныхъ, но скудныхъ землевладѣльцевъ». (См. Сѣв. Вѣстн. 1805 г. №№ 2 и 3).

Во всемъ этомъ проектѣ ярко выразилось то самое либеральное направленіе съ англоманскимъ оттѣнкомъ, котораго держался Новосильцевъ и другіе приближенные молодаго императора; можно думать даже, что проэктъ и былъ написанъ кѣмъ нибудь изъ вліятельныхъ лицъ. На это указываетъ, между прочимъ, поползновеніе къ аристократизму, желаніе учредить на Руси нѣчто въ родѣ англійскаго пэрства, которому приписывалась волшебная сила—создавать разомъ политическую свободу въ странѣ. Стоитъ только завести пэровъ—и «дворянскія имущества остепенятся», среднее сословіе устремится къ наукѣ, патріотизмъ разовьется въ Россіи; словомъ, господняя весь слетитъ на землю. Несмотря на свою явную несостоятельность и противорѣчіе основному духу русской исторіи, подобная попытка пересадить къ намъ типическую форму англійскаго быта гнѣздилась долго въ извѣстныхъ кружкахъ и до сихъ поръ составляетъ предметъ тайныхъ воздыханій нѣкоторыхъ нашихъ крѣпостниковъ.

Но въ оны дни это англоманство вязалось еще со многими хорошими стремленіями и не противорѣчило въ такой степени, какъ нынѣ, общественному развитію.

Впрочемъ, не всѣ литературные дѣятели—какъ мы увидимъ ниже—раздѣляли эту мысль о совершенномъ изолированіи дворянства, о вознесеніи его надъ всѣми остальными классами народа.

По части литературной критики, «Сѣверный Вѣстникъ» ввелъ окончательно въ моду ссылки на Франсуà-Лагарпа, съ которымъ русская публика познакомилась, кажется, впервые изъ «Вѣстника Европы» (См. Вѣстн. Евр. 1803 г. №№ 3 и 6). Въ то время, къ сожалѣнію, не привилась въ Россіи другая, стройно-созданная критическая система—Лессинга,—и Мартыновъ, какъ въ своемъ журналѣ, такъ и въ профессорскихъ лекціяхъ въ педагогическомъ институтѣ, руководствовался правилами тщедушной эстетики, возросшей во французскомъ псевдо-классицизмѣ. Впрочемъ въ его рукахъ псевдоклассическая теорія не сдѣлалась еще орудіемъ литературнаго застоя: не каждую мысль Лагарпа *) бралъ онъ съ безусловною вѣрою, а въ своемъ «Лицеѣ» даже прямо нападъ на него за безцеремонное обращеніе съ литературой XVIII-го столѣтія. «Смерть—сказано въ этомъ журналѣ — воспрепятствовала Лагарпу обругать Вольтера, Ж. Ж. Руссо и Кондорсе, а любопытно было бы видѣть, какъ бы онъ сталъ управ-

*) Этого Лагарпа (1754—1803), драматическаго писателя и представителя ложно—классической теоріи, не слѣдуетъ смѣшивать съ Фредерикомъ—Сезàромъ Лагарпомъ (1754—1838), воспитателемъ имп. Александра Павловича.

ляться на поединкѣ съ сими тремя колоссами. Въ томъ, что̀ время дозволило ему докончить, онъ весьма часто говоритъ объ нихъ; это рядъ ошибокъ передъ большимъ сраженіемъ. По легкимъ войскамъ, впередъ имъ высланнымъ, можно заключить, каковъ бы былъ главный корпусъ: одни кривыя толкованія, недоразумѣнія и оскорбленія». Возраженія противъ Гельвеція слѣдовало писать, по мнѣнію «Лицея», другимъ слогомъ, т. е. съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ философской мысли; насчетъ же пріемовъ Лагарпа въ восхваленіи Кондильяка рецензентъ выражается такъ: «метода Лагарпа состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться Локкомъ для удержанія Кондильяка всякій разъ, когда онъ пойдетъ далѣе его, и Кондильякомъ для удержанія философовъ, его учениковъ и продолжателей его открытій, какъ скоро они, хотя на шагъ, пойдутъ далѣе своего учителя. Сомнительно, чтобы сія система была очень благопріятна для успѣховъ ума человѣческаго». Намъ извѣстно также, что и позднѣе, при болѣе живомъ направленіи русской поэзіи, Мартыновъ не становился ему поперекъ дороги и сочувствовалъ дѣятельности Пушкина. При этомъ онъ говорилъ, что не принадлежитъ къ тѣмъ «сухимъ педантамъ» которые «въ смѣлыхъ порывахъ зрятъ дерзкое стремленье», и которымъ «новый блескъ» омрачаетъ глаза. Это не то, что Каченовскій, нападавшій до изступленія на пушкинскаго «Руслана» за его литературный либерализмъ.—Въ программѣ «Лицея» 1806 г. мы видимъ новый отдѣлъ—политику, которая ограничивалась впрочемъ краткимъ перечнемъ текущихъ событій.

IX.

«Періодическое изданіе Общества любителей словесности».—Теорія общественнаго воспитанія, изложенная въ немъ.—Политическія статьи въ «Геніи временъ».—Перемѣна въ отзывахъ русской прессы о Наполеонѣ.—«С.-Петербургскій Вѣстникъ».—Толки объ освобожденіи крестьянъ въ правительственныхъ сферахъ и въ печати.—Осужденіе трансцендентальной философіи.—Воинственный отголосокъ 1812 года.—

Англоманская попытка обособить дворянство въ средѣ другихъ сословій, снабдивъ его новыми привилегіями, представляла только извѣстную струю, но не господствующее направленіе въ русской журналистикѣ. Одновременно съ нею мы встрѣчаемъ другое, болѣе раціональное стремленіе — объединить, путемъ воспитанія, интересы различныхъ классовъ народа, уничтожить вредный эгоизмъ, семейный или сословный, идущій въ разрѣзъ съ требованіями общенародной пользы. Въ такомъ духѣ написана статья В. Попугаева, занимающая видное мѣсто въ «Періодическомъ изданіи общества любителей словесности» на 1804 годъ. Статья состоитъ изъ пяти главъ, подъ особыми названіями, въ которыхъ говорится о политическомъ развитіи вообще, о необходимости политическаго воспитанія и объ «ученыхъ предметахъ», могущихъ служить къ развитію общественнаго духа въ воспитанникахъ. Авторъ, прежде всего, отстаиваетъ общественное воспитаніе въ противоположность семейному. «Правда—говоритъ онъ—общественное воспитаніе, въ дѣтствѣ, сколько внѣдряетъ въ сердце наше изящныхъ добро-

дѣтелей, сколько способствуетъ къ развитію силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, столько часто,—если пренебреженъ будетъ строгій присмотръ за нравами,—даетъ сильно распространяться порокамъ, кои, подобно пламени, находящему богатую пищу между дѣтями юными и пылкими, вдругъ пожираютъ множество поколѣній и распространяютъ оное еще на многія. Сія точка есть одна изъ важнѣйшихъ, гдѣ око законодателя и его исполнителей должно быть наиболѣе предвидящее. Добрые нравы въ гражданахъ необходимѣе самого просвѣщенія, но безъ просвѣщенія добрые нравы рѣдки; по крайней мѣрѣ, оные не имѣютъ полезнаго направленія. Многіе утверждаютъ, что семейственное воспитаніе сохраняетъ чистоту нравовъ и непорочность юныхъ сердецъ: — нѣтъ ничего истиннѣе, но токмо тогда, когда дѣти имѣютъ добродѣтельныхъ, просвѣщенныхъ родителей, а сіе столь рѣдко, что когда дѣло идетъ о цѣлости народа (т. е. о цѣломъ народѣ)—въ основное положеніе не пріемлется. Но положимъ, еслибъ сему было и противное, то самыя семейственныя предубѣжденія достаточны исказить самую благоразумную нравственность. Даже и тогда, когда бы просвѣщеніе было удѣломъ цѣлости народовъ, семейственное воспитаніе можетъ научить токмо людей быть добрыми отцами, супругами, родственниками, но никогда совершенными гражданами. Эгоизмъ, удѣлъ всѣхъ людей, и, можетъ, не токмо необходимый, но и полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, будетъ ихъ всегда отдалять отъ чувства общественности. Ибо люди, воспитанные въ семействахъ, почитаютъ себя обществу ничѣмъ не одолжен-

ными; привычка къ выгодамъ общественнымъ дѣлаетъ имъ непримѣтнымъ благо, неоцѣненной связью гражданскихъ выгодъ на нихъ изливаемое; они видятъ во всемъ одни условія *) и нимало не думаютъ: сколько вѣковъ и сколь напряженія геніевъ стоило природѣ, дабы образовать связь благодѣтельную сообщества и потому, какимъ пожертвованіемъ сіе каждаго обязываетъ къ пользѣ онаго. Одно общественное воспитаніе, одно такое воспитаніе, направленное къ моральной цѣли, даетъ гражданину чувствовать, съ самаго его младенчества, что государственное общество печется о его благѣ, что оно ему не менѣе благодѣтельствуетъ, но еще болѣе, какъ самые родители, ибо первые показываютъ ему токмо выгоды семейственныя, кои сами оснуются на выгодахъ общественныхъ,—въ то время, когда такое воспитаніе показываетъ ему все назначеніе, коимъ онъ обязанъ къ согражданамъ за тѣ блага, кои соединеніе ихъ (т. е. гражданъ) на него изливаетъ». Это общественное воспитаніе, кромѣ элемента моральнаго, требуетъ еще направленія политическаго, которое состоитъ въ томъ, чтобы объяснить каждому воспитаннику причину его обязанностей къ обществу, указать благо, соединенное съ исполненіемъ этихъ обязанностей, и научить средствамъ служить обществу съ наибольшею выгодою для гражданъ и себя самого. Такое направленіе можетъ существовать, по понятію автора, только въ томъ случаѣ, когда государство возьметъ на себя обязанность просвѣтить весь народъ, безъ различія, въ духѣ одинаковыхъ правилъ общежитія. Про-

*) Т. е. условія, уже данныя временемъ, въ которое они живутъ.

тивъ односторонности воспитанія, приноровленнаго исключительно къ потребностямъ высшаго класса, авторъ возстаетъ очень сильно и призываетъ себѣ на помощь наказъ Екатерины II. «Сіе влечетъ за собою—говорится во второй главѣ статьи — предубѣжденіе знатности, гордость породы и презрѣніе къ низкимъ классамъ. Оныя образуютъ духъ дворянства и сѣютъ въ гражданскихъ классахъ взаимную, такъ сказать, антипатію. Во Франціи, въ старомъ правленіи, презрѣніе дворянства къ простолюдинамъ возросло до удивительной степени; дворянинъ почиталъ за самый великій стыдъ не токмо входить въ какія либо связи съ простымъ гражданиномъ, но даже быть въ одномъ мѣстѣ; въ Германіи, во время Іосифа II, дворянство требовало имѣть даже особыя гульбища отъ народа. Въ Англіи одинъ знаменитый писатель находилъ, что безсмертный авторскій талантъ и его творенія были предосудительны его знатности. Великая Екатерина, вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, столько содѣйствовавшая къ утвержденію въ Россіи смѣшаннаго монархическаго правленія, мудро предвидѣла и долженствующее необходимо укорениться въ ономъ раздѣленіе состоянія гражданъ, на основаніи безсмертнаго Монтескье необходимаго; предвидѣла и предубѣжденія, впослѣдствіи содѣйствовавшія къ разрушенію сильной монархіи Бурбоновъ и предупредила то: безсмертный законъ,—лишающій дворянина всѣхъ правъ на почтеніе и даже голоса въ дворянскомъ обществѣ, если онъ не заслужилъ дворянское состояніе въ государственной гражданской или военной службѣ,—направилъ умы дворянства

не къ чести породы, но къ службѣ отечеству; а какъ сей путь не загражденъ ни которому состоянію, то дворянство, научась уважать службу, научилось уважать вмѣстѣ и достоинства во всѣхъ состояніяхъ. Нынѣ уже не спрашиваютъ, въ обществахъ нашихъ, дворянинъ ли онъ, простираются ли его предки до праотца Ноя и проч., но спрашиваютъ, какимъ достоинствомъ уважило отечество его заслуги. Одни провинціалы наши, въ своихъ степныхъ изгородяхъ, гордятся своимъ дворянствомъ передъ крестьянами. Всѣ образованные, достойные дворяне стыдятся это одно поставить себѣ въ достоинство. Слава Екатеринѣ, безсмертіе ея имени... (Тутъ въ подлинникѣ стоятъ въ нѣсколько рядовъ точки, означающія, вѣроятно, руку цензора). Итакъ, когда столь счастливое вліяніе геній Екатерины имѣлъ на наши нравы мудрыми своими уставами, монархи, ея наслѣдники, сохранятъ ея законы и особенно тотъ, о коемъ говорится, какъ святыню. Но гдѣ средства храненію?—Въ общественномъ воспитаніи. Правда, невозможно всѣхъ воспитать въ такой обширной имперіи въ единомъ обществѣ и особенно содержать; ибо положимъ, что просвѣщеніе дворянства, нынѣ столь распространившееся, попуститъ, чтобъ благородное юношество обучалось вмѣстѣ съ мѣщанскимъ, но богачъ никогда не согласится, чтобъ сынъ его довольствовался тою же умѣренною пищею, которою довольствуется сынъ обыкновеннаго гражданина, а государство для всѣхъ иногда дать не можетъ; но есть предубѣжденія въ народахъ и классахъ оныхъ, которыя законодателямъ уважать должно, особенно тогда, когда оныя

такого рода, что нарушеніе оныхъ можетъ имѣть худыя слѣдствія, а оставленіе не влечетъ за собою примѣтнаго вреда. Сіе послѣднее есть одно изъ подобныхъ. Слѣдственно, не коснувшись онаго, верховная власть мудро сдѣлаетъ, если, учинивъ просвѣщеніе необходимымъ, заставитъ всѣхъ гражданъ жить, какъ имъ угодно, но просвѣщаться въ однихъ, правленіемъ признанныхъ и утвержденныхъ, мѣстахъ».

Авторъ считаетъ необходимой строгую постепенность въ учебныхъ курсахъ казенныхъ училищъ — высшихъ и низшихъ — но эта постепенность опредѣляется у него не сословными соображеніями, а степенью развитія и потребностями самихъ воспитанниковъ; онъ очень заботится о томъ, чтобы «умы чрезвычайные», которые могутъ встрѣтиться во всякомъ сословіи, на всякой ступени общественной лѣстницы, имѣли свободный доступъ къ высокимъ гражданскимъ должностямъ. «Несчастіе—восклицаетъ онъ — если государство, отечество сихъ геніевъ, стоитъ на такой ногѣ, что кругъ ихъ дѣйствій (на пользу общества) опредѣленъ состояніями, и гдѣ чрезвычайный умъ, со всѣмъ своимъ напряженіемъ, дѣлаетъ тщетныя усилія, дабы взойти на мѣсто, ему самою природою предназначенное; тогда самый порывъ сей, самый чрезвычайный умъ сей совращается съ пути, ему назначеннаго, и внушаетъ ему желаніе опроверженія того, что̀ препятствуетъ ему въ ходѣ. Если оный таковъ, что силы его достаточны и обстоятельства благоуспѣшны, то онъ побѣждаетъ препоны и преобразуетъ погрѣшности. Но если противное, то тщетныя покушенія возбуждаютъ мятежъ и безпокойства въ государствѣ, и служатъ къ гибели или перваго, или послѣдняго». На этомъ

основаніи, чтобы не закрывать ни для кого дороги къ государственной дѣятельности, авторъ считаетъ нужнымъ ввести во всѣ училища преподаваніе исторіи и законовѣдѣнія. «Надлежитъ—по его мнѣнію—чтобы курсъ законовъ, къ степени училища и нуждъ обучающихся приноровленный, былъ важнѣйшимъ предметомъ, поелику каждому гражданину необходимо знать свои права въ гражданскомъ кругу. Тамъ, гдѣ сіе покрыто неизвѣстностью, гражданинъ не можетъ наслаждаться гражданскою свободою и спокойствіемъ, не зная: гдѣ, когда и какъ надлежитъ ему дѣйствовать. Онъ живетъ всегда между страхомъ и надеждою, и потому состояніе его есть состояніе мучительное; онъ всегда трепещетъ, когда дѣйствуетъ, не зная, сообразны ли дѣйствія его съ волею законовъ. Самое имя законовъ, которое во всякомъ благоустроенномъ обществѣ должно быть произносимо гражданами съ сердечнымъ умиленіемъ и гордостью, дѣлается ему ужасно и произносится имъ съ внутреннимъ содроганіемъ, будучи для него покрыто таинственною завѣсою неизвѣстности. Самыя мѣста правительства, коимъ поручается храненіе законовъ, дѣлаются для него мѣстомъ, въ которое онъ вступаетъ всегда неохотно и робкимъ шагомъ, ибо ему представляется мысль, что, можетъ быть, въ невѣдѣніи онъ преступилъ законы, за кои въ оныхъ готовится ему наказаніе. Тогда граждане въ правленіи не видятъ болѣе благодѣтельства, но строгаго судью, котораго мечъ всегда обнаженъ и разитъ прибѣгнувшихъ къ его справедливости неожидаемо и прежде, нежели ему извѣстна причина. Въ такомъ гражданскомъ кругу, между такими гражданами, судья, если къ несчастію сіе мѣсто занято будетъ злодѣемъ, легко

можетъ свирѣпствовать и угнетать сограждань, легко можетъ содѣлать самое правосудіе продажнымъ, и въ то время— гдѣ искать гражданскаго благосостоянія и безопасности? Въ благоустроенномъ правленіи надлежитъ, чтобъ законы всѣмъ извѣстны были, чтобъ всякій гражданинъ, впадая въ преступленіе, зналъ, противу какого закона онъ преступилъ, прежде нежели то возвѣстится ему судьею; чтобъ дѣло судьи было ему доказать, что онъ преступилъ законъ, уже ему извѣстный, и чтобъ самая сентенція виновному гражданину была извѣстна прежде, нежели онъ услышитъ гласъ исполнителя законовъ, его осуждающаго».

Преподаваніе исторіи должно быть ведено наиболѣе развивающимъ способомъ, и историческіе факты должны быть сгруппированы такъ, чтобы по нимъ можно было прослѣдить постепенное созрѣваніе общественной мысли и измѣненіе къ лучшему политическихъ формъ. «Исторія—такъ развиваетъ авторъ свою мысль—написанная въ философическомъ духѣ и не какъ лѣтописи, кои показываютъ только рядъ происшествій и поколѣній, но предлагающая не токмо чрезвычайные случаи и измѣненія народовъ, но вмѣстѣ причины всѣхъ, примѣчанія заслуживающихъ, происшествій и побужденія, заставляющія стремиться необыкновенныхъ мужей къ цѣли ихъ дѣйствій—есть истинно наука, долженствующая въ общественномъ воспитаніи, во всѣхъ онаго отдѣленіяхъ, быть необходимою: не для того, чтобы оная дѣйствительно была необходима всѣмъ гражданамъ. Нѣтъ! если брать вообще, то она полезна для гражданъ единою нравственностью, кою всегда лучше, съ нарочно извлеченными правилами, преподавать особенно (?). Гражданину, который не назна-

чаетъ себя служить въ правленіи отечеству, оная ненужна: обыкновенный человѣкъ всегда входитъ въ кругъ, уже предуготовленный, онъ никогда не думаетъ объ измѣненіи онаго, онъ пользуется только его выгодами, дабы посредствомъ оныхъ обезпечить свое состояніе и доставить то дѣтямъ. Но оная нужна людямъ чрезвычайнымъ, дабы умѣрить безпокойный порывъ ихъ, за предѣлъ возможнаго дѣйствія стремящійся, который часто губитъ или ихъ самихъ, или народъ, между которымъ они родились, дабы показать имъ примѣрами самаго дѣла, что одинъ великій умъ всего совершить не можетъ, что весь родъ человѣческій шествуетъ по однимъ законамъ къ извѣстной точкѣ, и что все, что природою отъ него требуется, есть давать общему дѣйствію природы извѣстное, нужное напряженіе. Оная научитъ его терпѣливости съ Фабіемъ, мудрой дѣятельности и вмѣстѣ покоренію необходимости съ Сократомъ и Катономъ, пожертвованію благу общему съ Деціемъ и проч. Вотъ для кого нужна и даже необходима исторія; но поелику ученію посвящаются лѣта дѣтства—то время, когда самые геніи весьма мало отъ обыкновенныхъ людей отличаются, — то требуется необходимо, чтобы сіи пренебрежены не были, содѣлать науку сію общею всѣмъ гражданамъ». Переходя къ вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ писать подобные учебники, пригодные для политическаго развитія юношей, авторъ говоритъ, что къ исторіи не относятся пышныя генеалогіи, обычаи дворовъ и придворныя сплетни, безпрерывные ряды государственныхъ наслѣдованій и пр. и пр., но исторія должна показать: почему и какимъ образомъ процвѣтали государства, какъ дѣйствовали правительства и

законы на благо общественное, какіе именно законы и какое правительство устроивали благоденствіе людей, какъ распространялось въ государствахъ просвѣщеніе, какое направленіе давало оно народу и само получало подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій? «Обыкновенный образъ писать исторію—прибавляетъ онъ—весьма недостаточенъ и для преподаванія въ общественныхъ училищахъ совсѣмъ неспособенъ. Всѣ наши исторіи или писаны весьма обширно, или весьма кратко; въ нихъ много выпущено чертъ сильныхъ, много есть такого, что къ воспитанію нимало не служитъ, и, наконецъ, много даже такого, что можетъ дать юношеству или худой примѣръ, или совратить съ истиннаго пути. Исторія требуетъ для начертанія пера великаго, а, можетъ быть, и героя. Надобно непремѣнно, чтобъ историкъ чувствовалъ совершенно всю цѣну великаго дѣла, надобно, чтобъ перо его пылало сердечнымъ жаромъ, когда онъ описываетъ то, что служило къ возвышенію благоденствія народовъ, чтобъ онъ проливалъ слезы, описывая бѣдствія человѣческія. Нѣсколько образцовъ для исторіи видимъ мы, въ концѣ древнихъ народовъ, у Тацита и у нѣкоторыхъ изъ греческихъ писателей. Изъ новѣйшихъ писателей можетъ быть упомянутъ едва-ли не одинъ Гиббонъ». Курсъ исторіи долженъ сообразоваться съ тѣмъ родомъ занятій, которому намѣрены посвятить себя ученики, но во всякомъ такомъ курсѣ, по словамъ автора, «не должно быть забыто общее очертаніе всей цѣлости исторіи, ибо легко можетъ случиться, что тотъ, кто назначаетъ себя быть купцомъ, впослѣдствіи дѣлается воиномъ, министромъ, что тотъ, кто назначаетъ себя воиномъ, вступаетъ впослѣдствіи въ состояніе ку-

пца, и для сего воспитаніе должно его ко всему приготовить».

Не смотря на свой запутанный слогъ и нѣсколько странную аргументацію (какъ напр., «изученіе исторіи полезно для гражданъ единою нравственностью» и притомъ полезно только для «умовъ чрезвычайныхъ»), не смотря даже на шаткость надеждъ, возложенныхъ на изученіе законодательства въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствовало въ нашей странѣ, статья эта, по своей основной идеѣ—сдѣлать политическое развитіе общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ народа, — заслуживаетъ особеннаго вниманія и выгодно отличается не только отъ англоманскихъ затѣй русскихъ реформаторовъ, но даже и отъ книги Пнина, въ которой авторъ удѣляетъ политическое образованіе одному высшему сословію въ государствѣ.

Нерасположеніе къ рабству выражается въ «Періодическомъ изданіи» косвеннымъ образомъ—въ переводномъ очеркѣ того же В. Попугаева подъ названіемъ: «Негръ». Здѣсь авторъ обращается къ торгашамъ-неграмъ съ такимъ увѣщаніемъ: «Что дѣлаете вы, продавая собратій вашихъ? увы! сіе путь къ вашему уничтоженію. Скоро загремятъ оковы во всемъ отечествѣ вашемъ, въ сей славной обители праотцевъ вашихъ, въ землѣ независимости... Кто позволилъ вамъ дѣлать невольниками собратій вашихъ? Негръ не можетъ принадлежать бѣлому ни по какимъ правамъ. Воля не есть продажная; цѣна золота всего свѣта не въ силахъ оной заплатить, и никакой тиранъ ею располагать не долженъ». Замѣчательно также стихотвореніе А. Измайлова: «Сонетъ одного Ирокойца» (т. е. ирокеза), въ которомъ, подъ ви-

домъ Канады, представлена, очевидно, другая, болѣе знакомая намъ сторонка.

Чтобы усилить намекъ, авторъ (назвавшій себя переводчикомъ съ ирокезскаго) придѣлалъ къ своимъ стихамъ пояснительное примѣчаніе: «Можетъ быть, карточная игра «бостонъ» получила свое названіе отъ города сего же имени, который находится вь сѣверной Америкѣ, гдѣ и Канада; такъ мудрено-ли, что она тамъ имѣетъ великое уваженіе, когда и здѣсь безъ нея жить не могутъ».

Почтеніе къ наукѣ, двинутой впередъ трудами Галилея, Ньютона, Лавуазье и др., высказано въ стихотвореніи Востокова: «Къ строителямъ храма познаній», въ которомъ благодушный писатель относился весьма патетически къ успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи и воодушевлялъ нашихъ научныхъ дѣятелей, рисуя имъ въ заманчивой картинѣ результаты ихъ добросовѣстныхъ трудовъ:

Вы, коихъ дивный умъ, художнически руки
    Полезнымъ на землѣ посвящены трудамъ,
Чтобъ оный воздвигать великолѣпный храмъ,
Который начали отцы, достроятъ внуки.
    До половины днесь уже воздвигнутъ онъ,
Обширенъ и богатъ, и свѣтлъ со всѣхъ сторонъ.
    И вы взираете веселыми очами
На то, что̀ удалось къ концу вамъ привести;
    Основа твердая положена подъ вами,
Вершину зданія осталось лишь взнести.
    О сколь счастливы тѣ, которы довершенный,
И преукрашенный святить сей будутъ храмъ!
    И мы, живущи днесь, и мы стократъ блаженны,
Что столько удалось столповъ поставить намъ;
    Въ два вѣка столько въ немъ переработать камней,
Всему удобную, простую форму дать! и пр.

Политическое направленіе господствовало, какъ мы ска-

сказали, въ тогдашней журналистикѣ и пробивалось во всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ журнальныхъ статьяхъ, хотя бы онѣ помѣщены были подъ рубриками науки, критики или беллестрики. Но многіе журналы занимались, кромѣ того, и текущей политикой. Въ 1807 г. основалась въ Петербургѣ исключительно-политическая частная газета: «Геній временъ», выходившая два раза въ недѣлю, сначала подъ редакціей Ѳ. Шредера и Ив. Делакроа, а въ 1808 и 1809 г. г. подъ редакціей того же Шредера и Н. Греча, впервые выступившаго на журнальное поприще. Въ этой газетѣ печатались связныя политическія обозрѣнія и сообщались разныя историческія свѣдѣнія о тѣхъ странахъ, которыя выдвигались, по ходу дѣлъ, въ политическомъ отношеніи и, слѣдовательно, могли возбуждать интересъ—какъ прошлымъ, такъ и настоящимъ своимъ государственнымъ устройствомъ. Стоитъ замѣтить первое политическое обозрѣніе въ «Геніи временъ», въ которомъ доказывается, что французскій королевскій домъ палъ оттого, что не умѣлъ согласовать своихъ законодательныхъ мѣръ съ духомъ времени, съ требованіями общества. «Вся конституція французскаго королевства — разсуждаетъ авторъ — состояла, наконецъ, изъ такихъ узаконеній, которыя почитались священными и ненарушимыми, но которыя, бывъ изданы для предковъ, угнетали потомство. Человѣколюбивый и благодѣтельный король Людвигъ XVI старался сіе зло отвратить, ибо онъ въ самомъ дѣлѣ желалъ блаженства своему народу; но, поддерживая одну сторону, онъ оскорблялъ чрезъ то чувствительнѣйшимъ образомъ другую». Возникаетъ затѣмъ революція, произведенная нѣкоторыми злодѣями; изъ нея рождается власть Наполеона,

который, «поработивъ народъ, сдѣлался самовластнымъ его деспотомъ» и устремилъ силы Франціи на завоеваніе разныхъ государствъ. Успѣху его завоеваній способствовала застарѣлость учрежденій, которою страдали сосѣднія державы. «Ни одно министерство оныхъ не было одушевляемо дѣятельностью или, такъ сказать, новою жизнью; ни одна изъ сихъ державъ не старалась преобразовать свое правленіе сообразно духу столѣтія... Лава революціи, далѣе и далѣе разливаясь, срѣтала на пути своемъ токмо ветхія стѣны, повсюду сокрушала оныя, но вдругъ достигла она подошвы того истаго гранитнаго утеса, на которомъ покоится орелъ Россіи; здѣсь она, огустѣвъ, превратилась въ мертвую окалину. Если кто желаетъ на сіе доказательствъ, тотъ пусть обратитъ взоръ свой на поступки, сдѣланные Наполеономъ. Въ Швейцаріи возмутилъ онъ поселянъ Цюриха возстать противъ гражданъ, ихъ угнетавшихъ, онъ напомнилъ имъ давно уже забытыя распри нѣкоторыхъ кантоновъ; въ Германіи старался онъ возбудить мятежъ въ мелкихъ княжествахъ, обольщая ихъ тѣмъ, что собственная ихъ выгода требуетъ противостать своимъ сосѣдямъ; онъ приказалъ объявить себя мессіею жидовъ, дабы повсюду имѣть своихъ лазутчиковъ; онъ возмутилъ въ южной Пруссіи поляковъ, а чтобы въ Берлинѣ возжечь пагубный пламенникъ междуусобія и представить жителямъ сей столицы правосуднаго и человѣколюбиваго ихъ монарха въ ненавистномъ видѣ, онъ составилъ изъ мѣщанъ сего города національную гвардію и чрезъ то внушилъ имъ, что они до сего времени лишены были способовъ къ пріобрѣтенію военныхъ чиновъ. Такимъ обра-

зомъ, онъ обращаетъ въ свою пользу малые и большіе недостатки государственныхъ постановленій, чтобы разсѣять повсюду сѣмена раздора и возмутить мирныхъ подданныхъ противъ законныхъ своихъ монарховъ. Наконецъ, встрѣченъ онъ былъ такимъ народомъ, который славится духомъ національнаго единомыслія, который, воодушевляясь твердымъ и геройскимъ мужествомъ, начинаетъ шествовать на вышнюю степень совершенства и, слѣдовательно, не томится еще зломъ, происходящимъ отъ застарѣлости». Высказывая мысль, что законы государствъ должны видоизмѣняться съ развитіемъ политической жизни и не доходить до застарѣлости, — авторъ приближался ко взгляду Гольбаха, уже приведенному нами.

Что касается личности Наполеона и отношенія къ ней русской прессы, то мы замѣтимъ кстати, что тонъ нашихъ печатныхъ отзывовъ о знаменитомъ императорѣ часто измѣнялся, смотря потому, находилась ли Россія въ дружбѣ или во враждѣ съ Франціей. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1805 г. (№ 3), въ отдѣлѣ политики, высказывалась мысль, что «власть Наполеона не утверждена на прочномъ основаніи, и низверженіе его многія государства сочли бы однимъ изъ счастливѣйшихъ происшествій». Въ томъ же журналѣ, и въ томъ же году (№ 5), рѣчь французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенная въ законодательномъ корпусѣ, удостоилась въ выноскѣ слѣдующаго примѣчанія: «Рѣчь сія, конечно, никого не введетъ въ заблужденіе: опыты доказали, благоденствуетъ ли государство, управляемое одними солдатами. У кого виситъ

надъ головою обнаженный мечъ, къ волоску привязанный, тотъ не можетъ искренно радоваться.» Въ № 7 «Генія времень» 1807 года напечатана даже цѣлая статья: «Тамерланъ и Бонапарте,» въ которой Тамерланъ, по своему человѣколюбію, ставится выше Наполеона. Похвалы Наполеону считались даже, въ то время, предосудительными въ цензурномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1807 года, во время войны съ Франціей, запрещена была цензурнымъ комитетомъ книга: «Histoire de Bonaparte», и запрещена именно за то, что «сочинитель ея отъ начала до конца превозноситъ Бонапарте, какъ нѣкое божество, расточаетъ ему самыя подлыя ласкательства, представляетъ его властолюбивыя дѣянія въ самомъ благовидномъ видѣ и вообще обнаруживаетъ себя попеременно то почитателемъ революціи и всѣхъ ея ужасовъ, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона». Кажется, мудрено было энергичнѣе заклеймить всякую попытку восхваленія Бонапарта. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ по заключеніи тильзитскаго мира, отъ нашей печати потребовалось полнѣйшее уваженіе къ особѣ Наполеона, и журналы, не догадавшіеся своевременно измѣнить сердитый тонъ на другой, прямо противоположный, немедленно получали внушеніе отъ цензурнаго комитета. Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1808 г. сказано было: «Впродолженіе прошедшаго похода, Наполеонъ всегда былъ близокъ къ погибели, и чѣмъ далѣе заходилъ, тѣмъ опасность его становилась ужаснѣе, неизбѣжнѣе... Еслибы миролюбивый Александръ не пожертвовалъ невѣрною союзницей благоденствію своей имперіи, то по сихъ поръ Богъ знаетъ, гдѣ бы былъ непобѣдимый Наполеонъ и великая ар-

мія великой націи... Теперь поднялась завѣса, и всѣ узнали, что прусскимъ кабинетомъ управлялъ Талейранъ, что прусскими силами располагалъ Талейранъ, что онъ нарочно поссорилъ сіе королевство со всѣми державами: съ Австріей, Россіей, Швеціей, Англіей; такъ усыпилъ Фридриха Вильгельма надеждою на миръ, что онъ вступилъ въ сраженіе въ твердомъ увѣреніи, что все кончится дружелюбно. Теперь извѣстно, что измѣна генераловъ и комендантовъ,— чего, благодаря Бога, въ Россіи еще не случалось и долго не случится,—не менѣе геройскаго мужества и быстроты Наполеона способствовала завоеванію Пруссіи». Этотъ отзывъ вызвалъ со стороны министерства просвѣщенія рѣзкое замѣчаніе: «Таковыя выраженія неприличны и предосудительны настоящему положенію, въ какомъ находится Россія съ Франціей. Почему строжайшимъ образомъ предписать цензурному комитету, дабы воздержался позволять въ періодическихъ и другихъ сочиненіяхъ оскорбительныя разсужденія и проходилъ бы изданія съ наибольшею строгостью по матеріямъ политическимъ, которыхъ близко видѣть не могутъ сочинители, и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ». Всѣмъ учебнымъ округамъ предписано было, чтобы цензура не пропускала «никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія».

Журналисты не заставили долго ждать своего исправленія: подъ вліяніемъ «обстоятельствъ, отъ редакцій независящихъ», они мгновенно убѣдились въ величіи Наполеона и запѣли ему самые трогательные диѳирамбы. Въ 1809 г., мы

читаемъ уже въ «Геніи временъ» такой отзывъ о Франціи: «Исполинскими шагами приближается сіе государство къ неожиданной степени величія и силы. Руководимая благоразуміемъ великаго мужа, имѣющаго во власти своей судьбу многихъ милліоновъ людей, она перерождается и вводитъ совершенно новый порядокъ вещей» и пр. и пр.— Въ числѣ журналовъ либеральнаго направленія не послѣднее мѣсто занимаетъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ», изданный на 1812 г. Обществомъ любителей словесности. Журналъ этотъ состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) словесность, 2) наука и художество и 3) критика. Литературный отдѣлъ не отличается въ немъ нисколько преднамѣренною группировкою статей, но въ отдѣлахъ науки и критики замѣтенъ однообразный подборъ предметовъ и мнѣній. За текущей политикой «Санктпетербургскій Вѣстникъ» не слѣдилъ вовсе, но въ статьяхъ историческихъ, которыхъ было довольно много, онъ высказывалъ стремленіе къ свободѣ и къ расширенію народныхъ правъ. Въ № 4 этого журнала помѣщенъ отрывокъ изъ «Историческихъ уроковъ Кондильяка герцогу пармскому», въ которыхъ проводится взглядъ на исторію, какъ на хранительницу полезныхъ уроковъ, какъ на политическій кодексъ, откуда мыслящій человѣкъ можетъ почерпнуть для себя мудрыя правила и образцы для подражанія. Замѣчателенъ совѣтъ, данный Кондильякомъ своему царственному ученику: «Читайте чаще плутарховы житія великихъ людей. Плутарховы герои были большею частію простые граждане; но и самые сильные государи тогда только велики предъ судомъ истины и разума, когда они имѣли для себя образцами сихъ

гражданъ. Изберите себѣ и вы кого нибудь изъ нихъ для подражанія». Кондильякъ совѣтовалъ также правителямъ не стѣснять народной свободы, дабы не вызвать революціи, которая «не должна быть почитаема игрою слѣпаго случая». Въ той же книжкѣ «Спб. Вѣстника» приведена глава изъ книги Лабрюйера (Les caractères): «О личномъ достоинствѣ», гдѣ много говорится о правахъ личности, независимо отъ богатства и знатности, которыя часто достаются въ удѣлъ лишь негоднымъ и мелкимъ людямъ. Въ статьѣ о римскомъ краснорѣчіи (№ 6) доказывается, что краснорѣчіе процвѣтаетъ только въ свободныхъ странахъ, и что оно упало въ Римѣ при водвореніи деспотизма. Римляне были сначала—«вмѣстѣ подданные и великіе правители; они повиновались начальникамъ и судили ихъ, или лучше: они были природные судьи правителей и повиновались только законамъ...» Какъ бы въ дополненіе къ этой статьѣ, появилась въ слѣдующей книжкѣ другая — о Юліи Цезарѣ, гдѣ мы находимъ такую мысль: «онъ погибъ и заслужилъ погибель; въ правленіи свободномъ тотъ есть величайшій изъ злодѣевъ, кто покушается даже на остатки свободы». Подобныя мысли объ отношеніяхъ правителей къ народамъ не казались тогдашней цензурѣ особенно рѣзкими или зловредными; безъ сомнѣнія, онѣ не показались бы такими, еслибы стали извѣстны самому императору Александру I. Въ юности своей государь привыкъ слышать отъ Лагарпа весьма строгую оцѣнку своихъ общественныхъ обязанностей. «Весьма было бы желательно для Рима» — писалъ великій князь въ одной учебной тетради, подъ диктовку своего учителя,— «чтобы Помпей отличался столько же гражданскими добле-

стями, сколько въ качествѣ великаго полководца и правителя. Объяснимъ подробнѣе нами сказанное. Хорошій гражданинъ уважаетъ законы и управленіе своей страны... чѣмъ болѣе онъ преисполняется чувствами обязанностей, связывающихъ его съ родною страною, тѣмъ болѣе онъ достоинъ уваженія. Простительно дикому, неимѣющему никакой пищи, кромѣ гнилой рыбы, выброшенной волнами на ужасные берега, имъ обитаемые, равнодушіе къ своей родинѣ и къ своимъ соплеменникамъ; но тотъ, кто имѣлъ счастіе родиться въ средѣ образованнаго народа, чье дѣтство сопровождалось заботами его близкихъ, у кого подъ рукою были всѣ средства образовать умъ, усовершенствовать разсудокъ, тотъ, кого судьба покровительствуетъ законами и гражданскими учрежденіями, тотъ, кто осыпанъ дарами фортуны, не будетъ ли неблагодарнѣйшимъ изъ людей, если не возлюбитъ страны, давшей ему всѣ эти блага? Но недовольно того, чтобы любить свою страну; недовольно того, чтобы предпочитать ее всякой другой: необходимо дать тому доказательства. Хорошій гражданинъ не щадитъ ни своего времени, ни своихъ трудовъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ сыномъ отечеству. То самое чувство, повинуясь которому великодушный человѣкъ жертвуетъ всѣмъ для спасенія уважаемой, любимой имъ особы, то самое чувство побуждаетъ патріота жертвовать охотно имуществомъ, жизнью и даже самолюбіемъ, какъ только идетъ дѣло о спасеніи его родины, либо о благѣ человѣчества. Какъ цѣлью всякаго добраго гражданина должно быть благоденствіе общества, къ которому онъ принадлежитъ, то люди себялюби-

вые, малодушные, либо увлекаемые тщеславіемъ за предѣлы благоразумія, никогда не могутъ ее достигнуть. Себялюбцемъ называютъ того, кто любитъ одного себя, кто считаетъ всѣхъ прочихъ людей созданными для него одного, кто смотритъ равнодушно на счастье и несчастье другихъ людей. Желательно было бы для образумленія себялюбцевъ, чтобы общество лишило ихъ своего покровительства; тогда они вполнѣ почувствовали бы необходимость трудиться въ его пользу; тогда выраженіе: отечество, общественное благо для нихъ уже не были бы пустыми словами. Малодушіе, не менѣе себялюбія, противно любви къ отечеству. Малодушный не можетъ ни на что рѣшиться, ни что либо привести въ исполненіе. Такой человѣкъ не посмѣетъ, предпочитая общую пользу своей собственной, рѣшиться на поступокъ, указываемый ему долгомъ и честью, какъ только это угрожаетъ ему гибелью; не онъ осмѣлится сказать истину своему государю, либо министрамъ его; не онъ подвергнетъ опасности свою жизнь, подобно Горацію Коклесу, въ защиту отечества; не онъ уклонится отъ участія въ беззаконіи и скажетъ кровожадному тирану то, что сказалъ Папиніанъ Каракаллѣ: «гораздо легче совершить братоубійство, нежели оправдать его». Малодушный пожертвуетъ своей безопасности всѣмъ: истиною, долгомъ, справедливостью, честью, отечествомъ и—прежде всего—своимъ государемъ, какъ только онъ можетъ это сдѣлать безнаказанно. И потому остерегайтесь себялюбцевъ и малодушныхъ, которые будутъ окружать васъ. Они вамъ могутъ сказать, что государи имѣютъ происхожденіе, отличное отъ другихъ людей,

что вы свободны отъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ изъ людей въ отношеніи къ человѣчеству и къ родинѣ, и если вы поддадитесь такимъ внушеніямъ, то станете избѣгать труда столько же охотно, сколько теперь находите удовольствія въ часы вашего отдыха». Въ другой тетради, куда вносились, подъ диктовку Лагарпа, и переписывались по нѣскольку разъ самимъ великимъ княземъ замѣтки на счетъ его прилежанія и поведенія, попадается такая выразительная страница: «Я лѣнивецъ»—писалъ самъ о себѣ великій князь — «преданный безпечности, неспособный думать, говорить, дѣйствовать. Каждый день на меня жалуются; каждый день я обѣщаю исправиться и нарушаю данное мною слово. Какъ во мнѣ нѣтъ соревнованія и усердія, ни доброй воли,—то изъ меня едва-ли можно что либо сдѣлать. Я ничтоженъ (je suis nul), и еслибъ можно было спуститься ниже нуля, то я послужилъ бы тому примѣромъ. Впрочемъ зачѣмъ же мнѣ трудиться? Зачѣмъ безпокоиться? Зачѣмъ выходить изъ блаженной лѣни, которая мнѣ такъ нравится? Готтентоты проводятъ цѣлые дни, сидя на мѣстѣ; почему же и мнѣ не дѣлать того же, и въ особенности будучи принцемъ? Зачѣмъ мнѣ отличаться отъ множества подобныхъ мнѣ? Я никогда не буду терпѣть недостатка ни въ чемъ; у меня будутъ великолѣпные экипажи, много денегъ и толпа наушниковъ (flagorneurs), которые ежеминутно станутъ повторять мнѣ, какъ я достоинъ любви, какъ я выше всѣхъ прочихъ людей. И кто посмѣетъ сомнѣваться въ томъ? Какая мнѣ нужда въ общемъ мнѣніи? Я сдѣлаю, какъ страусъ, который, какъ говорятъ, спрятавъ свою голову, считаетъ себя совершенно

безопаснымъ отъ преслѣдующаго его охотника» *). Этою безпощадною строгостью въ сужденіи о нравственныхъ качествахъ великаго князя Лагарпъ хотѣлъ внушить ему, что и онъ, не смотря на свое высокое общественное положеніе, долженъ носить въ своей душѣ сознаніе гражданскаго долга и моральной отвѣтственности передъ судомъ современниковъ и потомства. И Александръ цѣнилъ и понималъ заботливость честнаго воспитателя: прекрасныя мысли, усвоенныя имъ смолоду, долго служили для него теоретическимъ критеріемъ государственной дѣятельности, и хотя заглушались нашею практикою, но никогда не пропадали окончательно подъ наплывомъ противоположныхъ вліяній.

О нашихъ внутреннихъ вопросахъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» не говорилъ прямо, но въ 7 № есть большое извлеченіе изъ книги англичанина Вильсона, рекомендованной редакціи А. Н. Оленинымъ: «Краткія замѣчанія о свойствѣ и составѣ русской арміи». Въ этой книгѣ авторъ защищаетъ русское правительство отъ обвиненій въ деспотизмѣ и удостовѣряетъ, что оно «далеко отъ того, чтобы налагать новыя цѣпи рабства; но что, напротивъ того, оно всѣми мѣрами старается распространить благоразумную свободу». О русской арміи сказано, что офицеры «обходятся съ солдатами весьма ласково и не такъ, какъ съ машинами, а какъ съ разумными существами», что солдаты «хотя родились въ рабствѣ, но духъ ихъ не униженъ». Самое рабство (т. е. крѣпостное

*) См. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. I, ст. г. Богдановича: «Учебныя книги и тетради в. к. Александра Павловича».

право), по мнѣнію автора, можно было бы и уничтожить, но только съ соблюденіемъ нѣкоторой осторожной постепенности. «Съ чувствами и съ правилами, совсѣмъ противными продавцу невольниковъ,—пишетъ онъ—я утверждаю, что самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію (!) было бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права; никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ бѣдствій и столь великаго негодованія. Чтò бы сдѣлалось съ хворыми и престарѣлыми, еслибъ они вдругъ лишились прокормленія (примѣч. переводчика: прокормленія, которое имъ нынѣ обязаны давать помѣщики)? Чтò бы сдѣлалось съ дворовымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла? Защитники революціи не устрашатся всѣхъ сихъ затрудненій; нô человѣкъ государственный, добрый гражданинъ, разсматривая оныя, уважитъ послѣдствія прежде, нежели приметъ всѣ сіи умствованія. Отъ многихъ знатныхъ особъ въ Россіи можно удостовѣриться, сколько людей, отпущенныхъ на волю и пришедшихъ въ старость, проситъ убѣжища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ».

Подобныя возраженія противъ окончательной и быстрой развязки крестьянскаго вопроса часто приводились въ то время—и притомъ не только людьми, завѣдомо враждебными всѣмъ либеральнымъ реформамъ, но даже ближайшими совѣтниками государя, которые раздѣляли, повидимому, его образъ мыслей и выражали готовность работать въ указанномъ имъ направленіи. Въ числѣ препятствій къ скорѣйшему освобожденію крестьянъ особенно выставлялись на видъ: во-первыхъ, опасность революціи, которую могутъ

произвести злонамѣренные люди, пользуясь всеобщимъ возбужденіемъ умовъ; во-вторыхъ, неудобство при выкупѣ дворовыхъ людей, которые, по общему мнѣнію, никакъ не могли даромъ получить свои отпускныя свидѣтельства, а въ казнѣ не находилось достаточныхъ средствъ для такой огромной финансовой операціи. Возраженія эти раздавались въ «интимномъ комитетѣ» 1801 г. и добросовѣстно записаны гр. Строгановымъ въ недавно опубликованныхъ протоколахъ. Но въ томъ же комитетѣ нашлись люди, не желавшіе откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и такимъ образомъ, въ нашемъ образованномъ обществѣ, возникла интересная борьба мнѣній, изъ которой только слабые отголоски попадали въ печать. Мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы познакомить читателей съ главными аргументами обѣихъ сторонъ.

«Съ нѣкотораго времени»—сообщаетъ гр. Строгановъ въ своихъ запискахъ—«многія лица, и въ особенности гг. Лагарпъ и Мордвиновъ, а особенно послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго состоянія, не имѣя никакого гражданскаго существованія. Все это не могло быть сдѣлано иначе, какъ постепенно, нечувствительно, и первый шагъ, который предлагалъ Мордвиновъ, состоялъ въ томъ, чтобы позволить тѣмъ, которые не были крѣпостными, покупать земли. Императоръ былъ согласенъ съ ними, но онъ желалъ, чтобы эти люди, которые будутъ имѣть право покупать только однѣ земли, могли бы въ тоже время покупать и крестьянъ; и крестьяне, которыми будутъ владѣть не-дворяне, могутъ подчиняться правиламъ, болѣе умѣреннымъ, и не считаться ихъ рабами

(esclaves), какъ у дворянъ:—все это будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію. Такимъ образомъ, императоръ опережалъ (?) г. Мордвинова, дозволяя также мѣщанамъ покупать крестьянъ. Вотъ какія замѣчанія сдѣлали мы ему на все это. Прежде всего намъ казалось, что нововведеніе будетъ слишкомъ велико—позволить вдругъ покупать и земли, и крестьянъ; съ другой стороны, крестьяне, купленные мѣщанами съ меньшею властью надъ ними, для новыхъ покупателей представятъ естественно меньше выгодъ, и потому такія продажи будутъ рѣдки, особенно со стороны продавцовъ: послѣдніе не захотятъ никогда продавать по пониженной цѣнѣ, когда у нихъ будетъ надежда продать крестьянъ полноправнымъ лицамъ (т. е. дворянамъ) за лучшую цѣну, а потому вся эта мѣра останется призрачною. Мало этого, масса людей, сдѣлавшись поземельными собственниками безъ населенія, увеличитъ цѣну на землю и направитъ дѣятельность свою такимъ образомъ, что будетъ стараться извлекать выгоды изъ земли независимо отъ крѣпостныхъ, что̀ будетъ очень хорошо для промышленности и возвыситъ много цѣну на землю. Повидимому, его величество довольно сочувствовалъ этимъ соображеніямъ; заговорили затѣмъ о личной продажѣ и о предстоящей необходимости уничтожить этотъ варварскій обычай. Императоръ обратился къ проекту Зубова по этому предмету и прочелъ его въ цѣлости. Въ этомъ проектѣ Зубовъ отличаетъ дворовыхъ отъ настоящихъ крестьянъ и запрещаетъ продавать крестьянъ безъ земли (дворовыхъ онъ предлагалъ записать въ гильдіи и сдѣлать имъ расчисленіе); онъ предлагалъ, если собственникамъ угодно, чтобы казна выкупила

ихъ (т. е. дворовыхъ), опредѣлять цѣну выкупа и способъ, которому должно слѣдовать при раздачѣ наслѣдства, чтобы не раздѣлять членовъ одной и той же семьи. Казалось, что для выкупа Зубовъ указалъ не слишкомъ достаточныя средства; такія средства потребовали бы со стороны казны огромнаго расхода, котораго она не могла бы сдѣлать безъ большаго стѣсненія для себя. Мѣра приписки въ гильдію показалась намъ столь же неудобною и несогласною съ духомъ народа, который вслѣдствіе того получилъ бы слишкомъ ложныя идеи о повиновеніи, которымъ они обязаны своимъ господамъ; подумаютъ, что они ничѣмъ не обязаны, и это повлечетъ за собою, съ одной стороны, весьма опасныя крайности, а въ собственникахъ — слишкомъ большое неудовольствіе для перваго раза. Тѣмъ не менѣе, его величество принялъ начало запрещенія личной продажи и дозволенія мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность. Вообще онъ приказалъ графу Кочубею, на основаніи принциповъ проекта Зубова, за исключеніемъ неудобствъ, представляемыхъ имъ, составить проектъ указа на тѣ два предмета». Слѣдующее засѣданіе комитета было посвящено вопросу о выкупѣ дворовыхъ. Пренія сосредоточивались на одномъ пунктѣ: что дѣлать съ выкупленными дворовыми людьми, если даже дѣло не остановится за деньгами? не увеличатъ ли они толпы бродягъ? На предложеніе выселить ихъ отвѣчали: «такое переселеніе требуетъ слишкомъ большихъ средствъ, а, какъ извѣстно, въ нашей имперіи переселенія совершаются весьма дурно по причинѣ худыхъ чиновниковъ, которымъ вынуждены ввѣрять такого рода предпріятія». Выслушавъ эти

замѣчанія, государь выразилъ желаніе, чтобы Новосильцевъ посовѣтовался съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ: слѣдуетъ ли объявить разомъ двѣ эти мѣры—выкупъ крестьянъ и дозволеніе мѣщанамъ пріобрѣтать земли—или раздѣлить ихъ приличнымъ промежуткомъ времени? Лагарпъ и Мордвиновъ—оба нашли необходимымъ отдѣлить эти двѣ мѣры и послѣднюю выполнить сейчасъ же, а выкупъ крестьянъ отложить на неопредѣленное время во избѣжаніе неудовольствій дворянства и слишкомъ большихъ надеждъ со стороны крестьянъ. Императоръ согласился на это, но графъ Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были противоположнаго мнѣнія. Первый изъ нихъ доказывалъ, что было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя права свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ, и ничего не сдѣлать въ пользу крѣпостныхъ, которые живутъ бокъ о бокъ съ государственными крестьянами и, видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе почувствуютъ тягость своего положенія. «Дворяне, говорилъ Кочубей, будутъ также недовольны; убѣдившись, что всѣ отдѣльныя мѣры клонятся къ освобожденію крестьянъ, они будутъ находиться въ постоянномъ опасеніи новыхъ мѣръ, а потому лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ». Князь Чарторижскій замѣтилъ только, что право помѣщиковъ на крестьянъ такъ ужасно (si horrible), что не должно ничего опасаться при нарушеніи его. Горячѣе всѣхъ отстаивалъ свое мнѣніе графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, ревностный почитатель Мирабо, защитникъ конституціонныхъ началъ, назначенный, по учрежденіи министерствъ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Доводы графа Строга-

нова противъ медленности и нерѣшительности преобразованія распадались на двѣ части: сначала онъ опровергалъ возможность опасныхъ волненій со стороны дворянства, потомъ перешелъ къ крестьянамъ и охарактеризовалъ ихъ отношенія къ правительству:

«Чтò можетъ причинить опасное волненіе?» спрашивалъ онъ:—или партіи, или недовольныя лица. Какіе у насъ къ тому элементы? Народъ и дворянство. Что такое это дворянство, изъ какихъ элементовъ оно составлено, каковъ его духъ? Дворянство составилось у насъ изъ множества людей, которые сдѣлались дворянами только по службѣ, которые не получили никакого воспитанія... ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи; это классъ самый невѣжественный, самый ничтожный и въ своемъ духѣ болѣе всего неподвижный—вотъ приблизительная картина дворянства, населяющаго деревни. Получившіе воспитаніе, нѣсколько болѣе тщательное—во первыхъ, они въ весьма небольшомъ числѣ и по большей части проникнуты духомъ, который ни малѣйше не склоненъ противодѣйствовать ни одной мѣрѣ правительства. Тѣ же изъ дворянъ, которые имѣютъ настоящую идею о справедливости, должны рукоплескать подобной мѣрѣ; прочіе же, хотя они и въ большинствѣ, не подумаютъ ни о чемъ другомъ, какъ только поболтаютъ. Бòльшая часть дворянства, состоящаго на службѣ, настроена въ одну сторону, и къ несчастью настроена такъ, чтобы видѣть въ исполненіи распоряженій прави-

тельства свои личныя выгоды... Вотъ приблизительная картин'а нашего дворянства: одна часть живетъ по деревнямъ и пребываетъ въ непроницаемомъ невѣжествѣ; а другая—наслужбѣ и проникнута духомъ вовсе неопаснымъ. Значительныхъ собственниковъ нечего бояться». Устранивъ первое возраженіе насчетъ опасныхъ элементовъ, таящихся будто бы въ русскомъ дворянствѣ, графъ Строгановъ изслѣдуетъ дальше и другую сторону вопроса.

«Эта другая сторона—по его мнѣнію—можетъ быть предполагаема въ числѣ девяти милліоновъ людей, размѣщенныхъ въ разныхъ концахъ имперіи. По необходимости они слѣдуютъ различнымъ обычаямъ и проникнуты въ различныхъ мѣстахъ различнымъ духомъ. А потому нельзя сказать, чтобы преобладающій духъ этого класса людей былъ повсюду одинъ и тотъ же. Тѣмъ не менѣе, они повсюду и одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства; повсюду мысль объ отсутствіи собственности давитъ ихъ способности и производитъ то, что промышленная дѣятельность этихъ 9 милліоновъ равняется, для народнаго благоденствія, нулю. Различіе одно: — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти люди болѣе мягки, въ другихъ болѣе грубы, менѣе чувствуютъ потребности къ промышленности; въ иныхъ дѣятельность ихъ духа не позволяетъ имъ остановиться, но имъ приходится на каждомъ шагу встрѣчать препятствія, и ихъ способности не получаютъ того развитія, къ какому они рождены; они остаются подавленными и тѣмъ болѣе чувствуютъ свое положеніе. Всѣ они обладаютъ здравымъ смысломъ, который поражаетъ тѣхъ, которые

видѣли ихъ вблизи. Они рано исполняются величайшею ненавистью къ классу помѣщиковъ, своихъ притѣснителей; между этими классами господствуетъ ненависть. Народъ всегда склоненъ къ правительству, ибо онъ вѣритъ, что императоръ постоянно стремится къ его защитѣ, такъ что, если является стѣснительная мѣра, ее никогда не приписываютъ императору, но его министрамъ, которые, по словамъ народа, злоупотребляютъ волею государя, потому что они изъ дворянъ и тянутъ въ пользу ихъ личныхъ интересовъ. Еслибы кто вздумалъ сдѣлать малѣйшее покушеніе на преимущества императорской власти, то они первые станутъ за нее, ибо видятъ въ этомъ увеличеніе власти, противной ихъ естественнымъ врагамъ. Во всѣ времена у насъ именно классъ крестьянъ принималъ участіе во всѣхъ волненіяхъ, и никогда дворянство». Изъ послѣдняго факта графъ Строгановъ дѣлалъ правильный выводъ, что если можно бояться чьего нибудь неудовольствія, а затѣмъ возстанія, то, конечно, со стороны крестьянъ, а не дворянъ; что же касается до опасенія, что могутъ найтись предпріимчивые люди, которые злоупотребятъ милостями правительства и будутъ подталкивать народъ, чтобы произвести смуты, то ораторъ сослался на ближайшее время, которое доказало, что нѣтъ возможности вооружить народъ противъ правительства. Рѣчь гр. Строганова заключилась обстоятельнымъ развитіемъ мысли,—прямо противоположной его оппонентамъ (т. е. Новосильцеву, Лагарпу и Мордвинову),—что если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается никакъ не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія. «Таково было мое мнѣ-

ніе»—кончаетъ гр. Строгановъ. «Но тѣмъ не менѣе всѣ господа остались при своемъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, перешли къ другому предмету: мнѣ показалось, что императоръ уже рѣшился раздѣлить тѣ двѣ мѣры» *). Доводы гр. Строганова, основательно соображенные и горячо высказанные, разбились о боязливость партіи, къ которой примыкали даже личности, передовыя во многихъ другихъ отношеніяхъ. Это осторожное мнѣніе тогдашнихъ умѣренныхъ либераловъ выражено мимоходомъ и въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ».

Въ критическомъ отдѣлѣ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» отстаивалъ реальный взглядъ на вещи и преслѣдовалъ «трансцендентальнаго богослова» Эккартсгаузена, котораго сочиненія и, главнымъ образомъ, «Ключъ къ таинствамъ природы» считались, по словамъ рецензента (№ 8), какимъ то оракуломъ просвѣщенія. За этотъ «ключъ», отпиравшій двери развѣ только въ сумасшедшій домъ, охотники платили даже по сту рублей. «Истинно жаль, — скорбитъ по этому случаю рецензентъ,—что сей писатель, по какому-то непонятному предубѣжденію, уважается многими соотечественниками нашими, не смотря на нелѣпости и даже на вредъ вздорныхъ сочиненій его, которыя, вмѣсто того, чтобы служить къ просвѣщенію читателей, подъ маскою какого-то таинственнаго откровенія, водятъ только отъ заблужденія къ заблужденію и совращаютъ съ пути истины умъ, нетвердый въ критикѣ». «С.-Петербургскій Вѣстникъ» не одобрялъ вообще умозрительнаго метода въ философіи, хотя бы этотъ

*) Вѣстн. Европы. 1866 г. Т. I; ст. г. Богдановича.

методъ и не приводилъ къ такимъ очевиднымъ нелѣпостямъ, какъ болтовня Эккартсгаузена. Разбирая книгу Велланскаго: «Біологическое изслѣдованіе природы», написанное по умозрительной философской системѣ Шеллинга, рецензентъ замѣчаетъ: «Мы посовѣтуемъ нѣкоторымъ молодымъ людямъ, обыкновенно плѣняющимся умозрѣніями, никогда и ни для кого не отвергать правилъ здравой логики, всегда помнить способъ пріобрѣтенія познаній, чтобы умѣть отличить правильное умозрѣніе отъ пустыхъ мечтаній. Посовѣтуемъ имъ читать и знать исторію наукъ, особливо исторію философіи. Тамъ увидятъ они, что умозрительная философія не въ первый уже разъ является на земномъ шарѣ, что науки и самыя художества, сколько получили они отъ наукъ, обязаны нынѣшнимъ состояніемъ ихъ способу опыта. Предположенія, пустыя умозрѣнія, водя умъ человѣческій, чрезъ нѣсколько вѣковъ, отъ однихъ заблужденій къ другимъ, не привели его ни къ одной истинѣ. Они, если принесли какую пользу, то развѣ только ту, что умъ человѣческій, предавшись имъ, узналъ, кажется, всѣ пути заблужденія. Это несчастная дань, какъ говоритъ одинъ философъ, которую предки наши невольно платили за драгоцѣнную истину». Но роль умозрительной философіи, несмотря на эти нападки, уже начиналась въ русской литературѣ, и подъ ея знаменемъ пришлось стоять не одному мыслящему человѣку въ Россіи. Вспомнимъ Веневитинова, Станкевича, Бѣлинскаго, которые съумѣли примѣнить эту философію къ потребностямъ нашей умственной жизни и извлечь изъ нея всю ту пользу, какую могла принести она, пріучая людей къ систематическому мышленію и къ кри-

тикѣ фактовъ подъ однимъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Самый матеріализмъ, какъ отрицаніе прежнихъ умозрительныхъ пріемовъ философствованія, занесенъ къ намъ, такъ называемой, лѣвой фракціей гегелевской школы. Гегелевская діалектика обратилась, наконецъ, на себя самоё и разрушила величавое зданіе, построенное на воздухѣ....

Въ томъ же журналѣ мы встрѣчаемъ одинъ изъ первыхъ воинственныхъ отголосковъ 1812 г. По поводу высочайшаго манифеста о повсемѣстномъ вооруженіи противъ французовъ въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» напечатано было стихотвореніе Милонова «Къ патріотамъ», въ которомъ авторъ восклицаетъ:

Цари въ плѣну, въ цѣпяхъ народы!
Часъ рабства, гибели присиѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы, сыны свободы?
Иль нѣтъ мечей и острыхъ стрѣлъ?
. . . .
Воспрянь, героевъ русскихъ сила!
Кого и гдѣ, въ какихъ бояхъ,
Твоя десница не разила?
Днесь ратуешь въ родныхъ краяхъ *) и пр.

*) С.-Петерб. Вѣстникъ, 1812 г. №№ 4 и 6.

X.

Противодѣйствіе либеральнымъ идеямъ. — Шишковъ, какъ представитель реакціи подъ видомъ «стараго слога» и любви къ отечеству.—Насмѣшки «Демокрита» надъ «философическими системами» новаго времени.—«Русскій Вѣстникъ» и его борьба за старинные русскіе идеалы.—Характеристика С. Глинки. — «Пантеонъ славныхъ россійскихъ мужей». — «Сынъ Отечества» и его усердіе въ преслѣдованіи французскихъ идей.—Насмѣшки надъ Наполеономъ.—Русско-польскій патріотизмъ.—

Мы представили читателямъ, въ подробномъ очеркѣ, характеристику либеральнаго движенія, овладѣвшаго русской прессой въ первую половину александровскаго царствованія. Нетрудно замѣтить, что этотъ либерализмъ былъ весьма легальный и благонамѣренный: ничего похожаго на серьезную, организованную оппозицію не пробивалось въ немъ, и если надежды тогдашнихъ либераловъ превышали иногда мѣру правительственныхъ обѣщаній, то онѣ, во всякомъ случаѣ, были очень скромны и опирались единственно на благія побужденія самого правительства. Ни къ какой другой поддержкѣ не взывали наши либералы, никакихъ опасныхъ и неосуществимыхъ замысловъ не питали они. Уничтоженіе цензуры, освобожденіе крестьянъ со всѣми гарантіями порядка и общественнаго спокойствія, гласный судъ съ печатаніемъ судебныхъ рѣшеній, наконецъ, желаніе регулировать по-европейски отправленія административной власти:—вотъ все, что высказывали и къ чему стремились наши передовые писатели въ сферѣ политической жизни. Большинство же образованныхъ людей довольствовалось и менѣе существенными реформами. Въ

своихъ философскихъ взглядахъ журналисты наши тоже не доходили до крайнихъ предѣловъ логическаго развитія мысли, и, относясь съ уваженіемъ къ французскимъ писателямъ XVIII-го столѣтія, постоянно съуживали и умѣряли ихъ воззрѣнія. Тотъ же «Сѣверный Вѣстникъ,» который печаталъ цѣликомъ «La politique naturelle,» обличалъ по временамъ «заблужденія» Кондорсе, писателя одной школы съ Гольбахомъ, и находилъ непристойнымъ высокоуміе Дельфины,—героини романа г-жи Сталь,—проникнутой матеріалистическими понятіями французской философіи. Въ одномъ изъ нумеровъ этого журнала за 1805 г. (№ 4) помѣщено даже стихотвореніе Н. Арцыбашева противъ матеріализма, гдѣ авторъ энергически вопрошаетъ: «ужель я тварь слѣпаго рока? ужели случая я сынъ?» Другіе журналы (какъ это, безъ сомнѣнія, замѣтили наши читатели) еще чаще ограничивали свои воззрѣнія и робко оговаривались даже при самыхъ невинныхъ размышленіяхъ. Но и этотъ сдержанный либерализмъ не нравился нашимъ близорукимъ консерваторамъ, которые, по своему всегдашнему обычаю, не погнушались ни косвенными намеками, ни прямыми доносами на политическую неблагонадежность своихъ литературныхъ противниковъ. Въ числѣ первыхъ лицъ, возставшихъ противъ новаго духа времени, мы находимъ знаменитаго поэта Державина, который, по словамъ барона Корфа, «очевидно увлекался старыми повѣрьями и идеями, ненавидѣлъ новизну и ея вводителей, и нерѣдко, со всею суровостью и строптивостью человѣка, избалованнаго почестями и славою, совершенно несправедливо клеймилъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе затронуть его самолюбіе». (Жизнь гр. Сперанскаго,

т. I, стр. 103). Видя въ каждой новой мысли отраженіе ненавистнаго ему «польскаго и французскаго конституціоннаго духа» (Ibid стр. 93), пѣвецъ Фелицы и словесно, и письменно предостерегалъ начальство отъ ужасныхъ послѣдствій либеральнаго направленія. Но начальство долгое время пребывало глухо къ печатнымъ и устнымъ внушеніямъ сановнаго лирика, растерявшаго, въ хвалебныхъ потугахъ, весь свой замѣчательный литературный талантъ. Въ этой же фалангѣ стоялъ и другой вліятельный литераторъ Шишковъ.

Прежде всего, полемика противъ новыхъ нравственныхъ и политическихъ взглядовъ завязалась въ формѣ спора о языкѣ. Что полемика Шишкова имѣла преимущественно этотъ смыслъ и только пряталась подъ личину филологическихъ разсужденій—это видно изъ рѣзкихъ выходокъ, разбросанныхъ въ его отвѣтѣ на критическія статьи «Сѣвернаго Вѣстника» и «Московскаго Меркурія«. (См. Прибавленіе къ сочиненію: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», 1804 г.) Шишковъ называетъ своихъ враговъ шайкою писателей, составившихъ заговоръ противъ славянскихъ книгъ въ пользу французскихъ, въ которыхъ можно, какъ «въ преисполненномъ опасностью морѣ, чистоту нравовъ преткнуть о камень». Онъ злобно нападаетъ на «развратные нравы, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ толикаго проліянія крови, и понынѣ еще во Франціи гнѣздятся». По его мнѣнію, «первая искра стихотворческаго огня загорѣлась въ душѣ Ломоносова отъ чтенія псалтыри», и если онъ не утверждаетъ прямо, что библіотека нравственнаго человѣка должна состоять только изъ псалтыря и четьи — минеи, то весьма

близко подходитъ къ этой мысли. О повѣсти Карамзина: «Наталья, боярская дочь» Шишковъ говоритъ, что онъ «вырвалъ бы ее изъ рукъ своей дочери, ибо тлятъ обычаи благи бесѣды злы». «Московскій Меркурій» замѣтилъ Шишкову: «Неужели сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ къ обычаямъ и понятіямъ стариннымъ? Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли...» Но Шишковъ отвѣчаетъ на это съ полнѣйшей откровенностью: «Государь мой! Если вы не смѣете, такъ я смѣю остановиться здѣсь и разсмотрѣть вашу мысль. Почему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете подумать объ нихъ безъ крайняго отвращенія? Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали царей и законы (при этомъ подразумѣвалось, само собою, что защитники новаго слога не тверды въ вѣрѣ и не «почитаютъ» царей и законовъ); свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе и пр. и пр. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная связь, вѣрность, гостепріимство и иныя многія достоинства ихъ украшали». Тѣ же мысли, но еще съ бо́льшею опредѣлительностью высказываетъ Шишковъ въ своей рѣчи: «О любви къ отечеству». Вѣра, воспитаніе въ реакціонномъ духѣ, славянскій языкъ — вотъ, по его словамъ, самыя сильныя средства для возбужденія любви къ отечеству. Тутъ не говорится ни о научной сторонѣ воспитанія, какъ напр. въ журналѣ В. Измайлова «Патріотъ», ни о томъ преобразованіи оте-

чественныхъ учрежденій въ духѣ времени, которое могло бы, по мнѣнію «Сѣвернаго Вѣстника», вдохнуть въ русскихъ сознательный и честный патріотизмъ. О политическомъ значеніи языка Шишковъ говоритъ: «Языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный проповѣдникъ дѣлъ. Возвышается народъ, возвышается языкъ; благонравенъ народъ, благонравенъ и языкъ. Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида: слава небесъ не открывается ползающему въ землѣ червю. Никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона; свѣтъ мудрости не озаряетъ утопающаго въ страстяхъ и порокахъ... Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія; гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованія, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ, языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ». Съ трудомъ вѣрится нынѣ, что все это нелѣпое, злобное разглагольствованіе о чувствахъ отечественныхъ, объ упадкѣ вѣры, о развратѣ и лжи новой литературы, — расточалось по поводу «Бѣдной Лизы,» «Натальи, боярской дочери» и другихъ произведеній сантиментальной школы. Что касается нравственнаго и политическаго состоянія Россіи того времени, то Шишковъ считалъ вредными въ немъ какія бы то ни было измѣненія. «Эпоха послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ» — говоритъ онъ — «слишкомъ ясно насъ вразумляетъ, что Франція въ тысячу разъ болѣе имѣетъ надобности въ нравственныхъ лекціяхъ, нежели мы, русскіе,

всегда готовые отдать отчетъ въ сердечныхъ чувствованіяхъ Богу, вселюбезнѣйшему нашему государю и великой отчизнѣ. Правда, есть у насъ и свои слабости; но въ послѣдніе два года россіяне доказали, что самый модный русскій повѣса, даже никогда не бывшій въ военной службѣ, точно съ тѣмъ же духомъ маршируетъ на бранномъ полѣ, съ какимъ, за три передъ тѣмъ дня, вальсировалъ въ бальной залѣ. Мышца его столь же крѣпка и ужасна для враговъ, сколько объятія его пріятны и обольстительны для женщины! Не стыдно ли вамъ не чувствовать высокихъ вашихъ достоинствъ? Взгляните на торжествующую нынѣ Европу; благородный гласъ ея взываетъ къ вамъ: «Спасители наши, русскіе! Вамъ ли, обезьянствуя, подражать французамъ, которыхъ низложила рука ваша; вамъ ли, которые во всѣхъ вѣкахъ и между всѣми народами славились доброю вашею нравственностью? На французскомъ ли языкѣ должно вспоминать и славить великіе ваши подвиги? Пусть бульварные повѣсы, вѣтреныя головы Лаисамъ своимъ гнусятъ на французскомъ языкѣ комплименты, но вы, именитые юноши, которыхъ природа почтила высокими именами благородства, а заслуги обязали общество питать къ вамъ уваженіе, не мѣняйте русское слово: здравствуй, братъ! на французское: бонъ-журъ, монсье! не унижайте природнаго вашего языка, на которомъ потомство будетъ славить дѣла ваши». Наивный старецъ полагалъ, что стоитъ только внушить именитымъ юношамъ всю зазорность употребленія французскаго языка, какъ русская литература внезапно процвѣтетъ, и всѣ кинутся читать «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ». Увы! не одинмъ

обезьянствомъ объяснялось, въ тѣ дни, господство иностранныхъ языковъ и литературъ, — а сравнительной бѣдностью нашей собственной литературы и несовершенствомъ нашего книжнаго языка. Обезьянство, безъ сомнѣнія, существовало, какъ мода, какъ повѣтріе: но самая-то мода возникла потому, что, со временъ Петра I, изъ западной Европы шли къ намъ всѣ новыя, лучшія идеи. Чтобы уничтожить это господство, намъ нужно было обработать нашъ книжный языкъ, приблизивъ его къ разговорному (что и сдѣлалъ Карамзинъ) и выразить на немъ все богатство западныхъ идей,—о чемъ хлопотали умные и честные журналисты. Но противъ той и другой половины этой задачи всего болѣе возставалъ Шишковъ съ компаніей, совершенно не понимая, къ какому противоположному результату направляется ихъ quasi-патріотическая дѣятельность... Чтобы докончить характеристику этой консервативно-филологической партіи, мы прибавимъ, что журналъ, взявшій подъ свою особенную защиту разсужденіе Шишкова: «О любви къ отечеству», отличался самъ всѣми качествами ретрограднаго изданія. Этотъ журналъ—Демокритъ (1815 г.), о которомъ намъ случалось уже упоминать. Патріотизмъ этого журнала выражался единственно въ брани на Европу и въ особенности на французовъ; его беззубая сатира, между разными пустяками, пробовала осмѣивать и всѣ либеральныя идеи, заносимыя къ намъ съ запада. Разсужденіе Шишкова «Демокритъ» считалъ «твореніемъ, увѣковѣчивающимъ имя сочинителя, поселяющимъ въ душѣ нашей тѣ же благороднѣйшія чувствованія, каковыми вдохновенъ великій геній его творца»; онъ нападалъ на всѣхъ «старыхъ и молодыхъ повѣсъ,

въ очкахъ и безъ очковъ, въ парикахъ и безъ париковъ», которые не читаютъ этого творенія, а гнусятъ по французски и наслаждаются французскими книгами. Взамѣнъ всѣхъ иностранныхъ бредней, «Демокритъ» рекомендовалъ своимъ читателямъ, — въ статьѣ подъ названіемъ: «Надгробная рѣчь моей собакѣ, Балабаю» (Демокр. № 2),—слѣдующій, такъ сказать, домашній кодексъ понятій:

«Итакъ, я лишился тебя, вѣрный другъ мой Балабай! Завистливый рокъ, ревнуя маленькому моему утѣшенію, похитилъ тебя навсегда. Смѣйтесь, мудрецы просвѣщеннаго и вмѣстѣ развратнаго вѣка, порицайте привязанность мою къ собакѣ. Тщетно въ философіи вашей, блестящей мишурнымъ слогомъ, искалъ я истины; давно, съ душевною грустью, среди толпы безчувственныхъ людей, скитаюся одинъ. О вѣрный Балабай! сколько разъ ласки твои — знаки сердечной привязанности — давали мнѣ чувствовать превосходство твое передъ разумными, такъ называемыми, существами, стремящимися ежечасно на пагубу ближняго! Ты, въ воспитаніи котораго ни одинъ университетъ не принималъ никакого участія,—понятія твои машинально образовала мать всещедрая природа. Ты, который никогда не читалъ ни влюбленнаго Петрарка, ни отчаяннаго Вертера, ни сантиментальнаго р—го Стерна (т. е. русскаго Стерна—Карамзина), ни политическаго журнала—ты, безъ всѣхъ сихъ, столь необходимыхъ познаній, умѣлъ чувствовать мое къ тебѣ расположеніе и платить истинною, чистою, непритворною признательностью. Ты, при врожденной тихости и умѣренности въ желаніяхъ твоихъ, никогда не хотѣлъ быть ни эгоистомъ, ни софи-

умственной жизни нашихъ предковъ, былъ «Русскій Вѣстникъ», выходившій ежемѣсячно въ Москвѣ съ 1808 г. Правда, патріотическій оттѣнокъ, въ томъ же смыслѣ, замѣтенъ былъ и въ «Московскомъ Зрителѣ» кн. Шаликова, но тамъ онъ былъ еще очень мягокъ и уступчивъ, и не входилъ въ открытую борьбу съ новымъ европейскимъ вліяніемъ.—Вотъ какъ объяснялъ издатель «Русскаго Вѣстника», С. Н. Глинка, цѣль изданія своего журнала: «Издавая Русскій Вѣстникъ, намѣренъ я предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ русскимъ. Всѣ наши упражненія, дѣянія, чувства и мысли должны имѣть цѣлью отечество; на семъ единодушномъ стремленіи основано общее благо. Подражая иноземнымъ модамъ и обыкновеніямъ, для чего не перенимать у нихъ полезнаго и похвальнаго... Истинная добродѣтель не требуетъ похвалъ; но нужно напоминать о ней въ наставленіе другимъ. Издатель и участвующіе въ «Вѣстникѣ» его весьма будутъ признательны за извѣстія о благодѣяніяхъ, полезныхъ заведеніяхъ, словомъ, о всемъ томъ, что можетъ услаждать сердца русскія; увѣдомленія сіи составятъ новую отечественную исторію: исторію о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ и благотворныхъ заведеніяхъ. Отцы и матери, напечатлѣвая въ сердцахъ дѣтей своихъ сохраненныя въ ней преданія, будутъ одушевлять ихъ рвеніемъ къ добродѣтели и къ общему благу. Въ сихъ листахъ найдутъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи. Бесѣда съ праотцами, бесѣда съ героями и друзьями отечества питаетъ душу и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше; настоящее объясняется прошедшимъ, будущее настоящимъ. Но быстрота мыслей человѣческихъ рѣдко на одной вещи останавливается; и

такъ отъ древности будемъ возвращаться къ нашимъ временамъ... Одинъ иностранный писатель, обозрѣвая европейскія государства, говоритъ: «въ Австріи мнѣнія противорѣчатъ законамъ, въ Пруссіи чувства и мысли народныя несогласны съ чувствами и мыслями правительства, въ Россіи лучшіе умы заняты новизною или нововведеніями». Не объяснивъ, какую онъ примѣтилъ въ Россіи новизну, можно ли укорять (?) лучшіе умы?.. Философы XVIII столѣтія никогда не заботились о доказательствахъ: они писали политическіе, историческіе, нравоучительные, метафизическіе, физическіе (?) романы; порицали все, все опровергали, обѣщали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу (курсивъ въ подлин.), не говоря, что̀ такое-то и другое, не показывая къ нимъ никакого слѣда; словомъ, они желали преобразить все по своему. Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія! Итакъ, замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч., мы будемъ противополагать имъ—не вымыслы романическіе, но нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ... Богъ поможетъ русскимъ! Все истинно полезное, пріобрѣтенное ими въ теченіи цѣлаго столѣтія, присовокупятъ они къ полезнымъ и похвальнымъ качествамъ предковъ, и не чужимъ, не заимствованнымъ, но своимъ роднымъ добромъ будутъ богаты... Въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Русскаго Вѣстника» добрые и попечительные отцы семействъ найдутъ способы ученія для семейственнаго воспитанія, основанные на опытѣ и утвержденные друзьями блага общаго» (№ 1). Выполняя свою программу, Глинка печаталъ статьи по русской исторіи: о бояринѣ Матвѣевѣ, Александрѣ

Невскомъ, Сусанинѣ и друг. (иногда съ приложеніемъ портретовъ), приводилъ мнѣнія русскихъ и иностранныхъ писателей о воспитаніи, и ревностно защищалъ Россію отъ обидныхъ отзывовъ европейской литературы. Воспитаніемъ въ патріотическомъ духѣ Глинка особенно дорожилъ, и въ 1816 г.,— удовлетворяя разомъ какъ этой потребности, такъ и желанію своихъ читателей слѣдить за политическими новостями,— открылъ въ своемъ журналѣ два постоянные отдѣла: 1) «Русскій Вѣстникъ», или отечественныя вѣдомости о достопамятныхъ европейскихъ происшествіяхъ и 2) «Русскій Вѣстникъ» въ пользу семейственнаго воспитанія. Случаи изъ современной жизни, долженствовавшіе составить, по мнѣнію Глинки, «исторію о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ», были въ такомъ родѣ: «рѣшительность Россіянъ», «наслѣдственное мужество русскихъ», «братская любовь» и пр. За нравственностью издатель наблюдалъ строго и сдѣлалъ замѣчаніе Москвѣ за то, что въ ней умножается число кабаковъ. Охотно помѣщалъ онъ разсказы о военной храбрости, и къ одному изъ нихъ добавилъ примѣчаніе: «мечта о вѣчномъ мирѣ всегда будетъ мечтою, ибо страсти человѣческія всегда одинаково дѣйствуютъ» (1809 г. № 7). Журналъ съ такимъ направленіемъ встрѣтилъ много препятствій во вкусахъ и настроеніи тогдашней образованной публики; но у «Русскаго Вѣстника» нашлись съ перваго же разу и сторонники, которые поддерживали его своимъ сочувствіемъ и давали различные совѣты. Одинъ изъ этихъ сторонниковъ *) писалъ къ издателю: «Хотя я имѣлъ, и самъ, человѣкъ съ десятокъ заморскихъ учителей, зѣвалъ

*) Подъ именемъ этого сторонника скрывался извѣстный гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

на чужой землѣ и говорю на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но со всѣмъ тѣмъ Богъ охранилъ меня отъ заразы. И я, узнавъ свою отчизну, помня примѣры предковъ, поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался до сихъ поръ совершенно русскимъ... Увидѣлъ я обнародованіе ваше о Россійскомъ Вѣстникѣ: хвалю столько же благое намѣреніе, сколько дивлюся смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея исцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ; позабыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть—колоть глаза и приводить въ изступленіе. Конечно, васъ читать будутъ многіе: всѣ благомыслящіе и любящіе законы, отечество и государя, отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для сихъ прошедшее не нужно; ибо они сами настоящимъ служатъ примѣромъ. А какъ заставить любить по русски отечество тѣхъ, кои его презираютъ, не знаютъ своего языка и по необходимости русскіе? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранные? Какъ сдѣлаться терпимымъ у разодѣтыхъ по модѣ барынь и барышень? Упрашивайте, убѣждайте, стыдите—ничто не подѣйствуетъ. Для сихъ, отпадшихъ отъ своихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранные, за наше гостепріимство, терпѣніе и деньги, ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и русскіе къ нимъ пристаютъ. Я не удивлюсь, если со временемъ найдется какойнибудь безстыдный враль, который станетъ намъ доказывать, что мы не люди, и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными (т. е. иностран-

цами) по ихъ благоусмотрѣнію... Мы съ перваго раза вытверживаемъ имя всякаго иностраннаго искидка (sic), а они до сихъ поръ не могутъ правильно писать: Суворовъ, а что еще лучше, что симъ великимъ именемъ называютъ въ Лондонѣ бѣлаго медвѣдя; а въ Парижѣ, въ 1785 г., показывали за деньги француза, одѣтаго въ звѣриную кожу, подъ вывѣской: «здѣсь можно видѣть страшное чудовище, которое говоритъ природнымъ своимъ московскимъ языкомъ». Принимая живое участіе въ успѣхѣ вашего сочиненія (т. е. изданія), совѣтую пріучать слегка къ забытой русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за-границей; совѣтую называть подлинныя сочиненія наши переводами, разжаловать всѣхъ нашихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англійскимъ эпиграфомъ и картинкой, представляющей невинную въ новомъ вкусѣ насмѣшку. Напримѣръ: представьте парикмахера, стригущаго русскаго съ надписью: подстриженный сѣверный Самсонъ; или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцовать, съ надписью: сержусь, но поклонюсь; или бѣса, раздѣвающаго русскаго съ надписью: облегчится и просвѣтится (курсивъ въ подлин.). Вотъ совѣты, кои русскій старикъ почитаетъ нужными для васъ». Другой поклонникъ сообщалъ Глинкѣ изъ Казани, что его журналъ читается многими съ большимъ удовольствіемъ. «Старики русскіе»—говоритъ онъ—«благодарятъ васъ, да и раскольники русскіе хвалятъ... только нѣкоторые молодые повѣсы читаютъ его со скукою, не находя картинокъ заграничныхъ модъ, маленькаго пустаго романа, для траты имъ несноснаго времени, и острыхъ эпи-

граммъ и эпитафій для насмѣшекъ... Недавно съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ видѣлъ я, какъ одинъ старинный русскій маіоръ, читая о бояринѣ Матвѣевѣ (Р. В. № 1), омочилъ слезами страницы «Русскаго Вѣстника»; я самъ плакалъ съ нимъ. Не повѣрите, какъ онъ благодаритъ васъ! Слава Богу, говорилъ онъ, что еще вспоминаютъ старину, а то дѣти съ французскимъ воспитаніемъ стали умнѣе отцовъ». Дѣти бранятъ отцовъ по французски, а батюшки, зѣвая на нихъ, удивляются; дѣти пренебрегаютъ родителей, кои не смѣютъ сказать имъ слова. Ахъ! смѣлъ ли бы сперва сынъ непослушаться родителя? смѣлъ ли быть его мудрѣе? Тогда во всемъ домѣ былъ порядокъ (по Домострою?) и во всемъ царствѣ. Царь былъ всѣхъ мудрѣе; а нынѣ молокососы не успѣютъ выучиться подписывать свое имя, то, зная уже давно болтать по французски и читать Вольтера, думаютъ быть мудрѣе... Нѣтъ, все пошло вверхъ дномъ съ заморскими учителями».

Но издатель «Русскаго Вѣстника», какъ человѣкъ честный, образованный и даже увлекавшійся сочиненіями Руссо,—по педагогической системѣ котораго онъ самъ былъ воспитанъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ,—неспособенъ былъ къ назойливому, мелочному гоненію противъ всякой свѣжей мысли; у него замѣчалась нерѣдко наклонность къ оппозиціи, и произволъ, господствовавшій въ нашей жизни, находилъ въ немъ подъ часъ несговорчиваго и горячаго противника. Въ древней русской исторіи онъ видѣлъ скорѣе идиллическую картину, чѣмъ суровый, дисциплинарный бытъ, и стремился, отчасти, примирить требованія старины съ новыми европейскими понятіями. Только эти новыя понятія перепуты-

вались у него самымъ курьезнымъ и оригинальнымъ образомъ съ неподвижными догматами, усвоенными по преданію, принятыми на вѣру. Вслѣдствіе этого, статьи его пестрятъ всевозможными цитатами: изъ Кормчей книги и изъ сочиненій Кондильяка; изъ поученія Владиміра Мономаха и изъ натуральной исторіи Бюффона. Такъ, напримѣръ, защищая допетровскую старину, Глинка приводитъ мнѣніе боярина Матвѣева о душѣ: «душа есть существо живущее, простое и безплотное, тѣлесными очами по свойственному естеству недвижимое, безсмертное, словесное и умное» и прибавляетъ къ этому: «бояринъ Матвѣевъ точно также (!) умствовалъ о душѣ, какъ Локкъ и Кондильякъ, хотя онъ не могъ читать ни того, ни другого». Защищая Кормчую книгу (1808 г. № 8) противъ «умствованій, устремившихся къ осмѣянію сего хранилища божественныхъ и нравственныхъ преданій», Глинка сопоставляетъ правила этой книги съ мнѣніями Солона, Шатобріана, Монтескье и г-жи Жанлисъ. «Простирая вниманіе свое» — говоритъ издатель «Русскаго Вѣстника»—«на бѣдныхъ и неимущихъ, добродѣтельные наставники убѣждаютъ (въ Кормчей книгѣ), чтобы не мѣняли человѣколюбія и милосердія на лихоимство и постыдный прибытокъ, и правило сіе относятъ не только къ единоплеменнымъ, но ко всѣмъ людямъ вообще: «ибо, вѣщаютъ они, сребролюбіе есть недугъ душевный». Въ древнемъ Римѣ, во времена язычества, Катоны, Бруты и прочіе прославляемые герои брали неограниченные проценты, заключали должниковъ своихъ въ темницы и пр. Итакъ, сколь отличествуетъ милосердіе евангелія отъ нравоученія языческаго. Одинъ иноплеменный писатель (Шатобріанъ) очень справедливо сказалъ: «простая

нравственность пресмыкается; добродѣтели христіанскія парятъ на крыліяхъ любви и надежды». — Въ концѣ концовъ, Глинка утверждается въ мысли, что «всѣ правила, содержащіяся въ Кормчей книгѣ, согласны съ разсужденіемъ всѣхъ знаменитыхъ просвѣтителей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ». Эта способность Глинки—связывать между собою самыя разнообразныя и даже прямо противоположныя понятія и пріурочивать ихъ къ русской старинѣ—ловко подмѣчена Воейковымъ въ его «Сумасшедшемъ домѣ»:

...... на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ.

. . . .

Книга Кормчая отверста
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены!
О Расинъ! Откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гофолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ Андромахѣ — подражанье
Погребенію кота!

Честный, но смѣшной чудакъ, — Глинка хотѣлъ облагородить и реставрировать древнерусскіе идеалы; въ бояринѣ Матвѣевѣ ему грезился чуть ли не самъ маркизъ Поза; Наталья Кирилловна напоминала добродѣтельную мать Марка-Аврелія; какой нибудь малограмотный книжникъ равнялся по глубинѣ мыслей всѣмъ семи греческимъ мудрецамъ. Всю жизнь свою онъ мечталъ о безкорыстномъ служеніи родинѣ, о широкой дѣятельности общественной, изобличалъ лжецовъ, ссорился съ начальниками (см. въ его запискахъ объясненіе

съ кн. Ливеномъ),—и за все это получилъ только прозваніе и репутацію крайне «безпокойнаго» человѣка... Сподвижники же Глинки, дѣйствовавшіе по одной съ нимъ, узко-патріотической программѣ, не увлекались никакими мечтаніями, хотѣли прежде всего дисциплины; — и достоинство старины полагали не въ сходствѣ (хотя бы случайномъ и внѣшнемъ), но въ противорѣчіи со всѣми новѣйшими умствованіями. Таковъ былъ «Пантеонъ славныхъ россійскихъ мужей», издававшійся въ 1816—18 г.г. Въ этомъ «Пантеонѣ» доказывается съ неменьшею убѣдительностью, чѣмъ въ филологической полемикѣ Шишкова, что «высокая мораль французской философіи была первою причиною двадцатипятилѣтняго во всемъ мірѣ кровопролитія». Издателемъ «Пантеона» былъ тотъ же А. Кропотовъ, который издавалъ «Демокрита».

Особеннымъ усердіемъ въ преслѣдованіи французскихъ идей отличался «Сынъ Отечества»—еженедѣльный журналъ, возникшій, по инціативѣ г. Греча, въ эпоху грозной войны 1812 г. *) Воинственно-патріотическій тонъ этого журнала объясняется обстоятельствами. «Въ то время» — говорится въ первомъ нумерѣ—«когда злобный разрушитель царствъ и престоловъ занесъ дерзкую ногу въ предѣлы благословенной земли русской и тлетворнымъ дыханіемъ своимъ распространяетъ повсюду ужасъ, боязнь и недоумѣніе, каждый россіянинъ долженъ употреблять всѣ силы и способности свои для вящаго одобренія мужественныхъ, для возстановленія малодушныхъ, для изобличенія безстыднаго хищника во лжахъ и кощунствахъ его». Противъ Наполеона печатались филиппики въ такомъ родѣ: «Предчувствуй безсмертіе, тебя достойное!

*) Съ 1825 г. въ немъ принялъ участіе Ѳ. В. Булгаринъ.

предчувствуй, какъ и когда потомки будутъ клясться твоимъ именемъ! Ты возсѣдишь на престолѣ своемъ посреди блеска и пламени, какъ сатана въ средоточіи ада, препоясанъ смертью, опустошеніемъ, яростью и пламенемъ»... «Трепещи! трепещи и блѣднѣй, да сокрушится желѣзное сердце твое, да изнеможетъ ужасная твоя душа. Трепещи! возстаютъ отъ гробовъ древнія, почившія фуріи, приближаются къ тебѣ стопами медленными; озираются грозными, дальновидными очами своими страшныя богини ада, мстительницы и карательницы всякаго злаго дѣла, всякаго мрачнаго преступленія, возстаютъ, устрашаютъ, преслѣдуютъ, смущаютъ тебя, доколѣ не погибнешь, доколѣ не исчезнешь съ лица земли!» Сподвижники Наполеона называются «подлыми и малодушными», войска его—«разбойниками», самъ предводитель ихъ «гнуснымъ тираномъ и убійцею». Сила этихъ выраженій соотвѣтствовала тогда общему гнѣвному энтузіазму. Извѣстно, что самая наружность Наполеона подвергалась въ народныхъ листкахъ осмѣянію нашихъ патріотовъ. Въ одномъ изъ этихъ листковъ (1814 г.),—который мы видѣли у П. А. Ефремова,—французскій императоръ живописуется, напр., такими красками:

«Представьте себѣ человѣка при маломъ ростѣ (въ 5 ф. и 2 дюйма), имѣющаго лицо большое, скуловатое, мрачное, цвѣта изжелта-оливковаго, съ навислымъ лбомъ, съ маленькими глазами, изъ подлобья коварно-злобнымъ огнемъ сверкающими, съ сухими, подъ длинно-покляпымъ носомъ, втиснутыми губами, язвительно сжатыми и для улыбки вѣчно мертвыми, съ выдавшимся впередъ и вверху поднявшимся шарообразнымъ подбородкомъ, съ черными, подобно смолѣ, на головѣ и на бровяхъ волосами, безъ бакенбартовъ... Это

будетъ настоящій подлинникъ малорослаго рыцаря, точный отпечатокъ великой головы, славной по великимъ своимъ злодѣяніямъ — это будетъ истинный портретъ Наполеона. И французы этого не примѣчаютъ...

Зла фурія его смятенно сердце гложетъ:
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.» —

Для возбужденія воинственнаго духа примѣромъ народовъ, «противоборствовавшихъ безпредѣльной власти и несмѣтнымъ силамъ своихъ враговъ», помѣщены были въ журналѣ: отрывокъ изъ исторіи освобожденія Нидерландовъ (Шиллера) и «Осада Сарагоссы» (№№ 3 и 7). Помѣщались также анекдоты о храбрости русскихъ солдатъ и вооруженныхъ крестьянъ. Дѣятельность Наполеона разбиралась по всѣмъ суставчикамъ: ему отказывали не только въ искусствѣ управленія, но даже въ искусствѣ вести войну («Сужденіе о Бонапартѣ», перев. съ англ.). Его упрекали въ томъ, что, укротивъ революцію, онъ не посадилъ на тронъ законнаго царя; въ томъ (№ 2), что онъ «сдѣлалъ самого себя государемъ, націей, народнымъ собраніемъ, войскомъ и полководцемъ», что онъ «приказываетъ министру своему читать передъ нимъ донесеніе, которое самъ диктовалъ ему и, по окончаніи обряда, объявляетъ, что онъ доволенъ своимъ сочиненіемъ». Въ № 1-мъ разсказывается, какъ главнокомандующій въ Каталоніи, Ласси, приказалъ палачамъ носить ордена почетнаго легіона и желѣзной короны, но палачи отказались, находя это для себя позорнымъ и прося, чтобы впредь этими знаками «украшали ведомыхъ на казнь преступниковъ». «Намъ безчестно»—говорили они—«носить знаки, которыми Бонапарте награждаетъ людей, наиболѣе отличающихся злодѣяніями... Па-

лачъ лишаетъ жизни только преступниковъ, изобличенныхъ въ порочныхъ дѣлахъ законнымъ судомъ, а французы воруютъ, бьютъ, умерщвляютъ и съ торжествомъ показываютъ одежду свою, обагренную кровью невинныхъ жертвъ». Замѣчательно, что все это печаталось въ журналѣ г. Греча, который въ 1809 г., въ «Геніи временъ», называлъ Наполеона великимъ мужемъ, водворившимъ порядокъ въ странѣ «ужаснаго безначалія». Къ подкупленнымъ воплямъ Коцебу присоединялся въ «Сынѣ Отечества» и честный голосъ А. Куницына (№ 6), говорившаго о тираніи Наполеона, о его рабовладѣльческихъ замыслахъ на Россію. Словомъ, все было въ ажитаціи. Ненависть къ французскому войску, имѣвшая законное оправданіе, скоро перешла въ ненависть къ французскимъ принципамъ—т. е. къ знакомымъ намъ принципамъ освободительной философіи XVIII-го вѣка, хотя эта философія была виновата не больше самого Н. И. Греча въ походѣ Наполеона на Россію. Но опытный журналистъ не дремалъ и старался подмѣнить одно чувство другимъ. «Сынъ Отечества», рядомъ съ воззваніемъ къ оружію, печаталъ и разные политическіе афоризмы, въ которыхъ ополчался на брань (въ смыслѣ ругательства) съ самой идеей свободы. Изъ этихъ афоризмовъ замѣчательны слѣдующіе: 1) «Платонъ говоритъ: легче построить городъ на воздухѣ, нежели основать гражданство безъ религіи. Французская революція оправдала сію истину: якобинцы, положившіе разрушить правительство, начали тѣмъ, что изгнали религію. 2) Религія и добрая нравственность свойственны человѣку: нетлѣнный корень ихъ насажденъ въ сердцѣ людей отъ самого Творца. Но мудрованіе философіи приличествуетъ

только высокомѣрнымъ безумцамъ, основавшимъ оное на зыбкихъ пескахъ людскаго мнѣнія. 3) Правительства принимаютъ самыя строгія мѣры предосторожности въ разсужденіи продажныхъ ядовъ; а развратныя правила, сей ядъ душевный, даютъ намъ свободно глотать изъ книгъ, разговоровъ и школьнаго обученія. 4) Указываютъ на Англію, что тамъ свобода книгопечатанія не развращаетъ нравовъ и умовъ. Быть можетъ; и это верхъ похвалы для характера англичанъ. Но всѣ другіе народы, въ сравненіи съ ними, суть еще дѣти, отъ которыхъ сіе вредоносное орудіе удалять должно. Тотъ вѣкъ, въ который свобода мыслить и писать почиталась своевольствомъ, произвелъ Фенелоновъ, Боссюэтовъ, Корнелей, Расиновъ и другихъ свѣтилъ ума человѣческаго; но послѣдующій за нимъ, столь неправильно названный вѣкомъ просвѣщенія, покрылъ вселенную мракомъ ложной философіи, въ которомъ Вольтеры, Руссо, Монтескье, Дидероты блистали на подобіе всепожирающихъ молній. 6. Французскую революцію можно сравнить съ звѣринцемъ, въ которомъ дикіе звѣри съ цѣпей спущены: — человѣческія страсти лютѣе самыхъ кровожадныхъ звѣрей; горе, ежели съ нихъ узду снимешь. 7. Правители народовъ! удаляйте отъ простолюдиновъ зрѣлище трагедій, выводящихъ на сцену смерть тирановъ и великіе перевороты государствъ: вы изощряете кинжалы противъ васъ самихъ». За свой воинственный азартъ «Сынъ Отечества» подвергнулся даже разъ непріятности отъ правительства, нашедшаго, вѣроятно, что нечего подливать масла въ огонь, когда онъ и безъ того горитъ очень сильно. Въ № 1-мъ «Сына Отечества» была напечатана, между прочимъ, «Солдатская пѣсня», за кото-

рую цензоръ Тимковскій поплатился выговоромъ, по представленію князя Адама Чарторижскаго, обидѣвшагося за своихъ соплеменниковъ-поляковъ. Приведемъ эту пѣсню (соч. Ив. Кованько)—для характеристики тогдашняго настроенія умовъ, исполненнаго гнѣва и мстительности:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда!—
Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
Ихъ на смерть впустилъ туда!
Вспомнимъ братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебяки—
Ѣли кошекъ и мышей.
Напослѣдокъ мертвечину—
Земляковъ пришлось имъ жрать;
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски выгибать.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, въ отпоръ этому враждебному чувству, въ 1816—17 г.г., издавался журналъ: «Другъ россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоего пола», съ спеціальною цѣлью примиренія русскихъ съ поляками. (Онъ издавался старшимъ учителемъ Орловской гимназіи Фердинандомъ Орля-Ошменьцемъ, но печатался въ Москвѣ въ университетской типографіи). Рядомъ съ возвеличеніемъ Александра, въ этомъ журналѣ печаталась похвала Яну Собѣсскому, рядомъ съ характеристиками знаменитыхъ русскихъ писателей—характеристика писателей польскихъ. Задачу своего изданія самъ издатель опредѣлялъ такимъ об-

разомъ: «стараться утвердить въ вѣчномъ союзѣ непоколебимаго дружества умы и сердца славяно-россійскихъ и польскихъ народовъ чрезъ посредство ихъ просвѣщенія и добродѣтели». Восхваляя Александра за возстановленіе политическаго существованія Польши, онъ выражалъ желаніе: «да восчувствуютъ русское и польское племя счастливую нынѣ свою судьбу и Божіе благословеніе»! Въ подвигахъ Александра, Орля-Ошменьцъ выдвигалъ на первый планъ: низверженіе тирана—Наполеона и возстановленіе законной власти; а въ его личности признавалъ наиболѣе симпатичными чертами: «быть человѣкомъ на самомъ неограниченномъ тронѣ... отвергать раболѣпство и убѣгать собственной своей славы».

Вслѣдъ за изгнаннымъ Наполеономъ полетѣли насмѣшки и глумленія прессы. Даже солидная «Сѣверная Почта» допустила на своихъ столбцахъ юмористическую замѣтку такого содержанія: «Въ рѣчахъ и представленіяхъ отъ разныхъ департаментовъ императору, съ одной стороны, изъясняется вынужденное отступленіе арміи, столь же непобѣдимой, какъ и ея вождь, съ другой—радуются чудесному спасенію сего самаго непобѣдимаго вождя, что онъ столь искусно унесъ свою единую особу отъ ужасныхъ бѣдъ, его окружавшихъ... Французскіе маршалы и генералы, одинъ за другимъ, скачутъ къ Рейну; кажется, у нихъ швейцарская болѣзнь: они, тоскуя по своей землѣ, опрометью туда кинулись». (См. «Сѣв. Почта» 1813 г.)

Вскорѣ послѣ того измѣнилось у насъ настроеніе высшаго правительства, и русская журналистика была поставлена въ новыя, менѣе выгодныя условія.

XI.

Характеристика второй половины царствованія Александра Павловича.— Перемѣна въ личномъ направленіи государя.—Причины этой перемѣны.— Лагарпъ и Н. И. Салтыковъ. Участіе Радищева въ законодательной коммиссіи и столкновеніе его съ Завадовскимъ.—Тильзитское свиданіе.— Вліяніе г-жи Криднеръ.—Распространеніе мистицизма.—Инструкція ученому комитету.—Дѣйствія этого учрежденія.—Гоненіе на университеты.— Протестъ Уварова и Паррота противъ обскурантизма.—

Мы разсказали исторію русской журналистики въ первую половину царствованія Александра Павловича. Это было время упоеній и надеждъ, болѣе или менѣе основательныхъ, болѣе или менѣе осуществлявшихся въ дѣйствительной жизни,—время едва ли не самое благопріятное для развитія русской мысли. Либеральные журналы, не только съ дозволенія правительства, но даже при денежномъ пособіи отъ него (какъ напр. «Сѣверный Вѣстникъ») проводили въ публику новыя идеи о политическомъ устройствѣ, о свободѣ личности, о высокомъ значеніи науки и литературы. Снисходительная цензура, — созданная не для стѣсненія, но для покровительства и защиты мысли, по первоначальному смыслу устава, — не считала нужнымъ накладывать свою руку на всякое проявленіе того образа мыслей, который позже былъ охарактеризованъ именемъ «вольнодумства»: не препятствуя обсужденію въ печати основныхъ государственныхъ вопросовъ, она дозволяла даже относиться критически къ самому принципу своего существованія. Мы видѣли, напр., что

Пнинъ нападалъ въ «Журналѣ Россійской Словесности» на предварительную цензуру вообще, и предлагалъ, въ замѣнъ ея, личную отвѣтственность авторовъ за напечатанныя ими произведенія. Правда, нерѣшительность и двойственность цензуры, колебавшейся то въ ту, то въ другую сторону, проявлялись уже въ то время довольно рѣзкими примѣрами; видно было уже, что цензурный либерализмъ—очень плохая порука за самостоятельность и свободу печати; но общее настроеніе власти, наблюдавшей за литературою, далеко не имѣло характера прижимокъ, мелкаго давленія и систематической, организованной вражды къ смѣлому печатному слову. Реакція противъ либерализма обнаруживалась покуда въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, въ извѣстныхъ органахъ самой журналистики, но еще не восходила въ высшія сферы правительства и не дѣлалась ихъ руководящею мыслью. Обстоятельства, въ скоромъ времени, сложились иначе, и журналистика должна была испытать на себѣ чувствительную разницу въ свойствахъ и пріемахъ цензурнаго надзора.

Чѣмъ объяснить такую рѣзкую перемѣну въ направленіи Александра I-го? Почему государь, начавшій свою политическую жизнь открытымъ сочувствіемъ прогрессу, литературѣ, всѣмъ свободнымъ идеямъ,—окончилъ ее въ совершенно другомъ, прямо противоположномъ духѣ: военными поселеніями, дружбой Аракчеева и репрессивными мѣрами противъ литературы и науки? Причинъ этому было довольно много, но ближайшая причина кроется, конечно, въ первоначальномъ воспитаніи и въ обстановкѣ великаго князя, когда онъ еще только готовился занять русскій престолъ. Не одинъ Лагарпъ имѣлъ вліяніе на своего питомца; ря-

домъ съ умнымъ и просвѣщеннымъ швейцарцемъ, стоялъ, возлѣ великаго князя, графъ Н. И. Салтыковъ—человѣкъ, искушенный въ придворныхъ интригахъ и богатый тою житейскою опытностью особаго рода, которая издревле выражаетъ претензію величать себя истинной, непреложной человѣческой мудростью. Мы не имѣемъ положительныхъ указаній на то, чтобы гр. Салтыковъ старался парализировать вліяніе пылкаго иностранца-педагога; но что онъ не раздѣлялъ всѣхъ мнѣній, высказываемыхъ Лагарпомъ, и чувствовалъ потребность ограничивать ихъ силу и вѣсъ въ глазахъ великаго князя—въ этомъ, врядъ ли, возможно сомнѣваться. Дѣло Салтыкова доканчивала вся обстановка, въ которой приходилось развиваться внуку Екатерины II-й. Идеи Лагарпа, проходя черезъ этотъ неизбѣжный холодильникъ, естественно утрачивали свое живое, практически-реальное значеніе, и получали характеръ какихъ-то отвлеченныхъ, недосягаемыхъ идеаловъ, которымъ противорѣчила вся дѣйствительная жизнь. Въ этомъ видѣ онѣ сильно раздражали фантазію юноши, представляя ему возможность иной, лучшей жизни; но онѣ не становились прочнымъ, сознательно-выработаннымъ, достояніемъ его ума и — чуждыя практическаго осуществленія—не укрѣпляли слабой воли... Вступивъ на престолъ, Александръ вздумалъ исполнить, хотя отчасти, нѣкоторыя изъ своихъ благородныхъ юношескихъ мечтаній. Но тутъ явилась другая бѣда: молодые сотрудники государя питали такую же, какъ и онъ, платоническую любовь къ свободѣ; они, подобно ему, не знали, какъ приняться за практическое дѣло, смущались всякими возраженіями и безнадежно терялись, опуская руки при первой неудачѣ въ

осуществленіи своихъ идеальныхъ замысловъ. Къ молодымъ государственнымъ дѣятелямъ, нерѣшительнымъ и мало-опытнымъ въ дѣлахъ высшаго управленія, сейчасъ же прикомандировались услужливые и опытные старики, возросшіе въ другихъ понятіяхъ и смотрѣвшіе совершенно иначе на потребности русской жизни. Они еще болѣе вредили всѣмъ новымъ преобразованіямъ, именно потому, что стояли въ самомъ центрѣ дѣйствующей силы, считались ея союзниками, агентами и, такимъ образомъ, имѣли полную возможность, подъ прикрытіемъ своего оффиціальнаго положенія, тормозить и искажать намѣренія власти. Такъ напр. изъ всей законодательной коммиссіи, собиравшейся подъ предсѣдательствомъ «опытнаго старца» Завадовскаго, только одинъ Радищевъ зналъ, дѣйствительно, отъ какихъ бѣдъ и золъ страдаетъ Россія и могъ представить зрѣлую, практически-годную программу для обновленія нашего государственнаго строя; но проектъ Радищева, заключавшій въ себѣ указаніе на необходимыя реформы, которыми только и можно было гарантировать осуществленіе политическаго идеала, столь любезнаго сердцу тогдашнихъ либеральныхъ идеалистовъ,— этотъ злосчастный проектъ, уже выполненный нынѣ въ главныхъ своихъ частяхъ, показался Завадовскому такой необузданной, демагогической мечтою, что онъ счелъ своимъ долгомъ отечески напомнить Радищеву объ Илимскомъ острогѣ, откуда послѣдній только что возвратился по милости государя. Самъ государь, безъ сомнѣнія, взглянулъ бы иначе на радищевскій проектъ, еслибы онъ былъ ему представленъ во время и безъ всякихъ псевдо-благонамѣренныхъ прелюдій; узнавъ, что перепуганный Радищевъ принялъ яду, Александръ былъ взволнованъ,

огорченъ; онъ надѣялся еще сохранить для Россіи эту дорогую ей жизнь и послалъ къ больному своего лейбъ-медика. Но было уже поздно: умное и честное слово страдальца-гражданина не раздавалось больше въ законодательной коммиссіи; ни у кого не хватило на столько логики и смѣлости, чтобы принять и защитить програму, твердо выставлявшую свои основныя начала, безъ всякой утайки и недобросовѣстныхъ уступокъ *). Между тѣмъ время шло; неудачныя попытки молодыхъ реформаторовъ, не добираясь до корня зла, не привели ни къ чему путному; старые рутинеры съ удовольствіемъ указывали на эти промахи, какъ на доказательство безсилія и неприложимости самыхъ идей; наконецъ, государь утратилъ довѣріе къ своимъ прежнимъ любимцамъ и понемногу сталъ поддаваться другимъ вліяніямъ. Тутъ подоспѣло тильзитское свиданіе. «Ежедневныя бесѣды съ Наполеономъ, съ глазу на глазъ, продолжавшіяся далеко за полночь—говоритъ г. Ковалевскій—не остались безъ дѣйствія на впечатлительную душу Александра. Правда, онѣ расширили кругъ его воззрѣнія; представили съ другой точки предметы и людей, но за то окончательно подорвали вѣру въ людей и поколебали то уваженіе къ личности и законности, которое такъ рѣзко отличало его въ началѣ царствованія. Мы думаемъ,

*) Вотъ главныя основанія проэкта Радищева: 1) равенство передъ закономъ всѣхъ состояній и отмѣна тѣлеснаго наказанія, 2) уничтоженіе табели о рангахъ, 3) отмѣна въ уголовныхъ дѣлахъ пристрастныхъ допросовъ и введеніе гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ, 4) разрѣшеніе полной вѣротерпимости и устраненіе всего, что стѣсняетъ свободу совѣсти, 5) введеніе свободы книгопечатанія съ извѣстными ограниченіями и ясными постановленіями о степени отвѣтственности, 6) освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и прекращеніе продажи людей въ рекруты, 7) введеніе поземельной подати вмѣсто подушной.

что безъ наполеоновскаго подготовленія Александръ I никогда не рѣшился бы осудить Сперанскаго однимъ своимъ лицомъ, въ стѣнахъ своего кабинета. Незадолго до того писалъ онъ къ княгинѣ Голициной, просившей его о какомъ-то дѣлѣ, что онъ «въ цѣломъ мірѣ признаетъ только одну власть,— это ту, которая нисходитъ изъ закона»,—и потому устраняетъ себя отъ участія въ рѣшеніи дѣла». Не забудемъ, что новое ученіе всемірнаго деспота гармонировало вполнѣ съ тѣми преданіями, которыя сохранились въ памяти Александра отъ дней его юности; оно поддерживалось и тѣми недальновидными патріотами, которые рукоплескали ссылкѣ Сперанскаго, какъ мнимому освобожденію государя изъ подъ «французскаго вліянія». Война 1812 года, окончившаяся такъ неожиданно-счастливо, и въ особенности знакомство съ баронессой Криднеръ, извѣстной прозелиткой и фанатичкой мистицизма, развили въ характерѣ Александра новую черту: трезвость мысли замѣнилась въ немъ мистическими иллюзіями, посредствомъ которыхъ онъ сталъ объяснять себѣ всѣ явленія какъ своей частной, такъ и обще-европейской политической жизни. Случай способствовалъ успѣху г-жи Криднеръ. Появившись неожиданно въ Гейдельбергѣ, среди глубокой ночи, въ минуту, когда государь съ трепетомъ размышлялъ о новой борьбѣ съ Наполеономъ, только что возвратившимся во Францію изъ своего краткаго изгнанія,—экзальтированная баронесса успѣла убѣдить Александра, что она предвидѣла это роковое событіе и, овладѣвъ вполнѣ направленіемъ его мыслей, успѣла доказать ему, что возвращеніе Наполеона есть тяжкое искупительное наказаніе, постигшее Европу за упадокъ въ ней истинно-христіанскаго религіознаго чувства.

«Криднеръ—разсказывалъ впослѣдствіи самъ государь—подняла передо мной завѣсу прошедшаго и представила жизнь мою со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе не есть полное искупленіе грѣховъ; говорила, что сама она была великая грѣшница (баронесса, какъ видно, не пощадила себя и сказала на этотъ разъ совершенную правду: она, дѣйствительно, очень шумно провела свою молодость, а потомъ, какъ всегда бываетъ, вдалась въ противоположную крайность), но что у подножія креста она выстрадала себѣ прощеніе молитвою и горькими слезами». Баронесса Криднеръ навела Александра на мысль — основать въ Европѣ такой политическій союзъ, который согласовался бы вполнѣ съ началами евангелія и служилъ для нихъ убѣжищемъ и защитою. Братъ прусской королевы, знакомый хорошо со всѣми секретами придворной жизни, утверждалъ положительно, что священный союзъ долженъ считаться созданіемъ г-жи Криднеръ; думаютъ даже, что самое названіе «священный союзъ» дано ею и заимствовано изъ какой-то книги пророка Даніила. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить вышеприведенныя слова Криднеръ, изъ ея гейдельбергской проповѣди, съ тѣми фразами трактата, которыя опредѣляютъ цѣль учрежденія священнаго союза, то нетрудно замѣтить въ нихъ полнѣйшее тожество: кажется, что они вышли изъ одной и той же головы, произнесены одними и тѣми же устами. Криднеръ хлопотала о повсемѣстномъ водвореніи евангельскихъ истинъ, а европейскіе государи, подписавшіе знаменитый трактатъ, обязывались—«какъ въ управленіи собственными подданными, такъ

и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководиться заповѣдями св. евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями». Пріобрѣтя личное вліяніе на государя, Криднеръ скоро завербовала въ число своихъ послѣдователей князя А. Н. Голицына, сдѣлавшагося въ 1817 г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; ея друзья и родственники заняли видныя мѣста въ центральномъ управленіи училищъ. Настало время библейскихъ обществъ, масонскихъ ложъ и ревностнаго распространенія евангелія на всѣхъ возможныхъ языкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начали развиваться мистическія секты самаго безобразнаго свойства и направленія, а наука, которая могла бы поставить границы не въ мѣру экзальтированному чувству, подверглась различнымъ преслѣдованіямъ во всѣхъ своихъ отрасляхъ. Евангельскія начала, лишенныя своего внутренняго живительнаго смысла, скоро сдѣлались, въ рукахъ фанатиковъ и интригановъ, удобнымъ орудіемъ для подавленія мысли; выбирая съ предвзятою цѣлью священные тексты, подтасовывая ихъ, какъ шулера подтасовываютъ карты, враги умственнаго развитія желали остановить успѣхи просвѣщенія и съ апломбомъ невѣжества отрицали всѣ лучшія пріобрѣтенія современной науки. Уже при самомъ основаніи библейскаго общества замѣтно было, какую узкую дорогу отводитъ оно для пытливости человѣческаго ума; дальнѣйшія событія показали, что и этотъ тѣсный путь могъ считаться еще очень широкимъ, — и вотъ его, въ видахъ мнимаго благочестія, стали съуживать болѣе и болѣе, закидывать каменьями, усѣивать терніемъ. Инструкція ученому

комитету, вновь образованному при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, дышетъ уже такимъ откровеннымъ обскурантизмомъ, что отсюда — до дѣятельности Магницкаго и Рунича оставался только одинъ небольшой шагъ. Комитету предписывалось одобрять только тѣ учебныя книги, въ которыхъ факты были избраны и изложены соотвѣтственно съ ретрограднымъ духомъ, господствовавшимъ въ то время. Историческія книги должны были, сколько возможно, «возвѣщать о единствѣ исторіи, столь поучительномъ для ума и сердца учащихся; частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія въ человѣческомъ родѣ и вѣрная синхронистика съ священнымъ бытописаніемъ и эпохами церкви должны напоминать учащимся высокое значеніе и спасительную цѣль науки». Въ преподаваніи естественныхъ наукъ отстраняются «всѣ суетныя догадки о происхожденіи и переворотахъ земнаго шара». Физическія и химическія книги должны распространять полезныя свѣдѣнія «безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порожденныхъ во вредъ истинамъ, не подлежащимъ опыту и раздробленію». Кромѣ того, комитетъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы въ руководства по физіологіи, патологіи и сравнительной анатоміи «не вкрадывалось ученіе, низвергающее санъ человѣка, внутреннюю его свободу» и пр. и пр. Во всѣхъ этихъ наставленіяхъ наука явно приносится въ жертву постороннимъ для нея цѣлямъ. Чтò значитъ — «возвѣщать о единствѣ исторіи»; къ чему обязываетъ «частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія»; что это за «надменное умствованіе» и что за «истины, не подлежащія опыту» въ естественныхъ наукàхъ? Всѣ эти фра-

зы такъ зловѣщи и такъ эластичны, что, при нѣкоторомъ усердіи исполнителей, можно не пропустить въ свѣтъ ни одной печатной книги, сколько нибудь удовлетворяющей научнымъ требованіямъ; благодаря имъ, политическая исторія утрачиваетъ всякое самостоятельное значеніе и обращается въ излишній придатокъ къ исторіи церкви; естественныя же науки подрубаются въ самомъ корнѣ, такъ какъ изъ нихъ тщательно удалены сомнѣніе и опытъ. Можно было предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ придутъ члены ученаго комитета, взявъ подобную инструкцію за точку своего отправленія. И дѣйствительно, тутъ нечего было думать о томъ, чтобы въ исторіи группировались только тѣ факты, по которымъ можно прослѣдить развитіе общественной мысли и измѣненіе къ лучшему политическихъ формъ (о чемъ заботился В. Попугаевъ въ приведенной нами статьѣ); нечего было стараться вывести естественныя науки на путь строго-логическихъ заключеній, безъ всякой примѣси метафизики (какъ мы видѣли это въ «С.-Петерб. Вѣстникѣ»); опасно было основать на требованіяхъ природы и указаніяхъ исторіи ту особенную науку—естественное право—которая не пугала умы и не возмущала ничьей совѣсти только въ тѣ счастливые дни, когда «La politique naturelle» Гольбаха могла появиться въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» почти въ буквальномъ переводѣ. Отъ согласованія исторіи съ «постепеннымъ ходомъ богопознанія», отъ враждебныхъ и рѣзкихъ выходокъ противъ человѣческаго мышленія вообще—легко уже было дойти до полнаго отверженія всѣхъ наукъ, которыя не могли примкнуть тѣснѣйшимъ образомъ къ церковной исторіи или къ догматическому богословію. И потому нельзя удивляться, что во

времена Магницкаго проф. Никольскій, желая спасти математику отъ грознаго остракизма, навязывалъ ей чисто-богословскія цѣли. «Математику — писалъ этотъ перепуганный и слабоумный профессоръ—обвиняютъ (хорошо это выраженіе: обвиняютъ) въ томъ, что она, требуя на все доказательствъ самыхъ строгихъ, располагаетъ духъ человѣческій къ недовѣрчивости и пытливости... Причиною вольнодумства не математика, а господствующій духъ времени. Въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напр., какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома въ математикѣ: всякая величина равна самой себѣ. Главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что Единый въ первоначальномъ словѣ своего всемогущества (?) равенъ самому себѣ! Въ геометріи треугольникъ есть первый самый простѣйшій видъ; святая церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра. Двѣ линіи, крестообразно пересѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви чрезъ Ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ». Въ то время, какъ проф. Никольскій обращалъ чистую математику въ «прекраснѣйшіе гіероглифы» или, лучше сказать, въ богословско-мистическое празднословіе, другой профессоръ—анатоміи — съ сокрушеннымъ сердцемъ говорилъ, что «превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для

науки, весьма жестокая въ отношенiи почтенiя нашего къ умершимъ; но сiя жестокость должна смягчаться въ благоустроенныхъ заведенiяхъ скрытнымъ производствомъ и благочестивымъ погребенiемъ частей тѣла, отъ костей отпадшихъ». («Матер. для истор. образованiя въ Россiи» Сухомлинова, ч. II, стр. 60 и 64).

Если Магницкiй водворялъ съ такимъ успѣхомъ новыя начала между профессорами казанскаго университета,—то члены ученаго комитета не меньше преуспѣвали въ сортировкѣ вредныхъ и полезныхъ учебныхъ книгъ. Въ особенности отличались по этой части камеръ-юнкеръ Стурдза и Руничъ (впослѣдствiи попечитель петербургскаго учебнаго округа). Члены комитета осудили даже многiя учебныя прописи за помѣщенные въ нихъ нравственно-философскiе примѣры. Для новаго изданiя прописей извлекались примѣры изъ книги: «О подражанiи Христу» и изъ «Чтенiя четырехъ евангелистовъ»; изреченiй же нравственно-философскихъ комитетъ не допускалъ вовсе, желая и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ «единою на потребу, истинною нравственностью христiанскою». Вмѣстѣ съ нравственно-философскими прописями подверглись изгнанiю и всѣ философскiя книги, неподходившiя подъ требованiя инструкцiи. Въ число этихъ книгъ попали: «Логическiя наставленiя» профессора петербургскаго университета Лодiя, книга подъ названiемъ: «Всеобщая мораль или должности человѣка, основанныя на его природѣ», «Естественное право» Куницына; даже сочиненiе, приписываемое Екатеринѣ II-й: «О должностяхъ гражданина и человѣка» найдено неудобнымъ для народныхъ училищъ (для которыхъ оно и было издано въ 1783 г.), такъ какъ въ немъ обя-

занности человѣка основывались на его отношеніяхъ къ обществу. Въ учебникѣ исторіи Кайданова отмѣчены два «сомнительныя мѣста» а именно: «отъ одной пары, Богомъ сотворенной, люди размножились» и вовторыхъ: «гоненіе на христіанъ, бывшее въ Трояново время, должно, кажется, приписать болѣе тому, что послѣдователи ученія христова были смѣшиваемы тогда съ іудеями, производившими вездѣ возмущенія». При осужденіи «Всеобщей морали» и «Естественнаго права» Руничъ высказалъ замѣчательныя мнѣнія. О «Всеобщей морали» онъ говорилъ, что она составлена изъ мнѣній языческихъ и новѣйшихъ философовъ, и цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы научать мнимой добродѣтели, не признавая единственнаго ея источника и, обѣщая блаженство, вести къ заблужденію». О книгѣ Куницына тотъ же неумолимый рецензентъ выразился еще рѣзче: «Она есть ничто иное, какъ сборъ пагубныхъ лжеумствованій, которыя, къ несчастью, довольно извѣстный Руссо ввелъ въ моду и которыя волновали и еще волнуютъ горячія головы поборниковъ правъ человѣка и гражданина, ибо, сличивъ послѣдствія сего философизма во Франціи съ наукою, изложенною Куницынымъ, увидимъ только раскрытіе ея и приложеніе къ гражданскому порядку. Маратъ былъ ничто иное, какъ искренній и практическій послѣдователь сей науки. Книга Куницына должна быть изъята изъ употребленія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, ибо публичное преподаваніе наукъ по безбожнымъ системамъ (самъ Куницынъ былъ профессоромъ александровскаго лицея и, при открытіи его, получилъ награду, лично отъ государя, за свою рѣчь) не можетъ имѣть мѣста въ царствованіе государя, давшаго тор-

жественный обѣтъ предъ лицомъ всего человѣчества (намекъ на священный союзъ) управлять врученнымъ ему отъ Бога народомъ по духу слова Божія». Съ особеннымъ удовольствіемъ отвергалъ ученый комитетъ тѣ книги, которыя были уже одобрены къ употребленію прежнимъ министерствомъ. Это желаніе отличиться своею бдительностью и благонамѣренностью, сравнительно съ прежнимъ управленіемъ, было такъ велико въ ученомъ комитетѣ, что не только отдѣльныя изданія бывшаго главнаго правленія училищъ, но и его оффиціальный органъ (съ которымъ отчасти знакомы наши читатели), выходившій въ теченіи многихъ лѣтъ подъ названіемъ: «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», предложено вывести изъ употребленія, какъ книгу «опасную по нѣкоторымъ ея мѣстамъ», и замѣнить ее собраніемъ законовъ и правилъ учебнаго управленія, изданныхъ по плану Almanach de l'université de France. Новое изданіе однако не состоялось, а въ прежнемъ не сочли нужнымъ уничтожать опасныя мѣста, находя, что они, по давности напечатанія и неважности своей, никѣмъ уже не читаются и, слѣдовательно, не могутъ внушить вольнодумныхъ мыслей юношеству. Стурдза, въ отпоръ зловреднымъ ученіямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя были изложены въ учебномъ курсѣ Куницына, начерталъ свою собственную программу для преподаванія естественнаго права, такъ сказать, навыворотъ. По этому начертанію, учебная книга естественнаго права раздѣлялась на двѣ части: обличительную и изложительную. Въ обличительную часть входили слѣдующія главы: 1) о первобытномъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ; 2) свидѣтельства историческія,

отвергающія эту гипотезу; 3) доводы умственные въ опровержение догадки о первобытномъ состояніи и пр. и пр., а въ заключеніе: «доказательства о томъ, что право естественное, по принятому о немъ понятію, недостаточно къ открытію всѣхъ общественныхъ истинъ и законовъ». Часть изложительную составляли, между прочимъ, слѣдующія главы: 1) о первобытномъ состояніи человѣка по свидѣтельству откровенія и бытописанія древнѣйшихъ народовъ; 2) о несомнѣнности грѣхопаденія; 3) семейство и государство, установленныя самимъ Богомъ чрезъ посредство власти отеческой и т. д. Изъ всѣхъ членовъ ученаго комитета только одинъ Фусъ, извѣстный составитель цензурнаго устава, сохранялъ еще старыя хорошія преданія и пробовалъ возставать, хотя въ робкой, нерѣшительной формѣ, противъ новаго ханжества и мракобѣсія, такъ напр., онъ одобрилъ книгу Куницына и даже призналъ ее достойною поднесенія государю; но голосъ Фуса былъ слабъ, одинокъ и заглушался дружнымъ хоромъ противоположныхъ голосовъ. Вскорѣ началось у насъ и систематическое гоненіе на университеты.

Въ это время баронессы Криднеръ уже не было въ Петербургѣ: какъ ревностная сторонница греческаго возстанія, вспыхнувшаго въ 1821 г., она возбудила противъ себя подозрѣнія Австріи и, въ угоду всесильному тогда Меттерниху, была выслана изъ Петербурга. Съ этой минуты Александръ подчинился безраздѣльно совѣтамъ австрійскаго министра, и подчиненіе это было такъ сильно, что, вопреки собственному внутреннему чувству, склонявшему его на сторону грековъ, вопреки представленіямъ своего друга Ка-

поднестріи, русскій государь рѣшился оставить безъ всякой помощи «мятежный» народъ, возставшій противъ своего «законнаго» властелина—турецкаго султана. Въ университетскомъ вопросѣ, а по связи съ нимъ, и въ положеніи науки и литературы въ Россіи, сказалось особенно вредно вліяніе Меттерниха.—Было время (въ началѣ царствованія Александра), когда русское правительство признавало свободу ученаго изслѣдованія необходимымъ условіемъ не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности. М. Н. Муравьевъ, первый «попечитель» московскаго округа и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, объяснялъ свободой научнаго мнѣнія умственное превосходство протестантской Германіи въ сравненіи съ католическою. «Протестантскія земли,—писалъ онъ—гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ сихъ послѣднихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда и Клопштока». Но съ перемѣной политическихъ условій, австрійскіе порядки, усовершенствованные Меттернихомъ, стали приниматься у насъ, какъ образецъ для подражанія.

Австрійское министерство обрушилось на университеты всею тяжестью различныхъ ограниченій, тайнаго и явнаго соглядатайства, послѣ извѣстнаго вартбургскаго праздника и послѣдовавшаго затѣмъ убійства Коцебу. На карлсбадскихъ конференціяхъ, созванныхъ въ виду всеобщаго потрясенія умовъ въ Германіи, нѣмецкія правительства, подъ ру-

ководствомъ Меттерниха, обратили особенное вниманіе на свободу университетскаго обученія, считая ее чуть ли не главнымъ источникомъ враждебнаго духа, который обнаружился, съ значительной силою, во всѣхъ образованныхъ слояхъ нѣмецкаго общества. На самомъ же дѣлѣ, конечно, не эта свобода была причиною антиправительственныхъ демонстрацій, а неисполненіе обѣщаній, торжественно данныхъ народу нѣмецкими государями въ эпоху, трудную для ихъ правительствъ. «Четыре года протекло со времени лейпцигской битвы — говорили прямо вартбургскіе патріоты, — въ продолженіи которыхъ нѣмецкій народъ жилъ самыми свѣтлыми надеждами, но всѣ онѣ оказались напрасными: многое пошло иначе, нежели мы ожидали; намѣренія великія и прекрасныя остались безъ исполненія; благородныя, святыя чувства попраны, осмѣяны, опозорены; обѣщанія, данныя въ годину горя, не сдержаны». Тѣмъ не менѣе, университеты признаны во всемъ виновными, и противъ профессоровъ приняты мѣры, какъ противъ государственныхъ преступниковъ. Малѣйшій оппозиціонный оттѣнокъ въ преподаваніи лишалъ профессора его каѳедры; изгнанный изъ одного университета преподаватель не могъ уже занимать каѳедры ни въ какомъ изъ союзныхъ государствъ. Карлсбадскія конференціи, подозрительность и осторожность нѣмецкихъ властей подѣйствовали и на Россію. И у насъ, при всемъ затишьѣ академической жизни, нашлись охотники утверждать, что университеты суть главные очаги революціи, которая уже подготовляется и не замедлитъ вспыхнуть, если государственные люди не предупредятъ ее своевременными «мѣропріятіями». Александра старались увѣрить, что ему угро-

жаетъ такая же опасность, какъ и нѣмецкимъ государямъ. Стурдза открыто выражалъ мнѣніе, что въ университетахъ «необузданная» молодежь отвергаетъ спасительную власть закона и предается всякаго рода крайностямъ и безнравственнымъ порывамъ; профессоры хлопочутъ только о популярности и враждуютъ съ религіей; медицина «думаетъ своимъ анатомическимъ ножемъ проникнуть въ святилище души», а юридическія науки проповѣдуютъ революцію и право сильнаго. «Доколѣ по окровавленной Европѣ — вопилъ союзникъ Стурдзы, Магницкій—какъ орды дикихъ, устремлялись народы просвѣщенные одинъ на другого; доколѣ лилась кровь рѣками, и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разрушеній,—духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, являются изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Что значитъ неслыханное сіе въ исторіи явленіе?.. Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его окружающая... Слово человѣческое есть проводникъ адской силы, книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ юношеству тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ». Такія подозрительныя замѣчанія, такіе тяжкіе извѣты на науку случалось и прежде слышать русскому государю. При обсужденіи проэкта александровскаго лицея,

Жозефъ де Местръ, бывшій тогда сардинскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, опасливо предупреждалъ русское правительство, что оно напрасно вводитъ въ новоучреждаемомъ заведеніи преподаваніе естественныхъ и политическихъ наукъ. Сильно вооружался онъ противъ ученія о физическомъ образованіи земли. «Библіи—писалъ де-Местръ—совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная: подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія». Отрицая пользу изученія правъ, де-Местръ утверждалъ, что въ первой юности надо знать только три вещи касательно общественнаго устройства: первое,—что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе,—что для общества необходимо правительство,—третье, что каждый обязанъ повиноваться властямъ и быть готовымъ запечатлѣть смертью вѣрность и преданность своему государю. Опасенія де-Местра не были, къ счастію, услышаны, и въ программѣ лицейскаго курса мы находимъ какъ различныя теоріи о происхожденіи земли, такъ и естественное право, столь пугавшее сердобольнаго сардинскаго мудреца. Но тѣ же мысли, высказанныя въ другое время кн. Голицынымъ, Магницкимъ, Стурдзою и Руничемъ, произвели совершенно другой эффектъ,—и необходимость научнаго преподаванія, даже польза существованія университетовъ, какъ центровъ высшаго образованія, были подвергнуты тягостному сомнѣнію. Магницкій, открывъ бездну провинностей въ казанскомъ университетѣ, приговорилъ его къ «публичному разрушенію»; также строго осужденъ былъ Руничемъ петербургскій университетъ. Правда, не всѣ честные

люди молчали при видѣ убійственныхъ ампутацій, совершаемыхъ надъ русскимъ просвѣщеніемъ:—Уваровъ, попечитель петербургскаго университета, обвиненный косвенно въ потворствѣ вреднымъ ученіямъ, Парротъ, профессоръ дерптскаго университета, пользовавшійся личной дружбой императора, старались разъяснить правительству настоящее значеніе всѣхъ принимаемыхъ мѣръ и указать гибельные ихъ результаты. Уваровъ говорилъ, что—«друзья мрака присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать порядокъ въ самомъ основаніи; они утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ тоже время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона... они—искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти, встревожить всѣ умы». Парротъ выражался еще энергичнѣе въ своей запискѣ (Coup d'oeil moral sur les principes actuels de l'instruction publique) о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ тѣхъ реформъ, которыя готовились казанскому университету: «по внѣшности—писалъ онъ государю—университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности до тѣхъ поръ, пока наконецъ начальство не обратитъ на нее вниманія». При этомъ онъ припоминалъ Александру его собственныя слова («Я не хочу — говорилъ прежде государь—чтобы общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, точно также, какъ я не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ») и доказывалъ, что люди, прикрывающіеся религіей, поставили себѣ задачею сдѣлать русскихъ рабами—рабами въ правленіе государя, который всегда желалъ царство-

вать «надъ людьми, а не надъ истуканами». Александръ выслушивалъ все это, пытался сбросить съ себя тяжелое иго, наложенное на него мнимо-преданными слугами, пробовалъ ограничить ихъ самозванное усердіе; но скоро ослабѣвалъ въ этой внутренней борьбѣ, впадалъ снова въ уныніе, настраиваясь на мистическія мысли,—и дѣло шло своимъ прежнимъ чередомъ...

XII.

Постепенное стѣсненіе правъ журналистики.—Роль министерства полиціи.—Обсужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ.—Столкновеніе Карамзина и Жуковскаго съ цензурою.—Литературныя поползновенія цензоровъ.—Цензоръ Красовскій, исправляющій слогъ кн. Вяземскому.—Критическія замѣчанія его на стихотвореніе Олина.—Недозволеніе журнала Александру Бестужеву.—Преслѣдованіе и запрещеніе «Духа Журналовъ».—

Всѣ обстоятельства, изложенныя нами, касались ближайшимъ образомъ судьбы прессы, какъ самаго чуткаго нерва въ общественномъ организмѣ. Настроеніе правительства выражалось всего опредѣленнѣе въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія; гоненіе на университеты было, вмѣстѣ съ тѣмъ, гоненіемъ на литературу вообще — на книги и на журналы — такъ какъ цензура сосредоточивалась въ университетахъ и подчинялась, въ высшей инстанціи, главному правленію училищъ. Составъ профессоровъ, которые были обыкновенно—хотя и не исключительно—цензорами; духъ, господствовавшій въ главномъ правленіи училищъ, между высшими судьями цензурнаго вѣдомства—всѣ

эти вопросы были весьма существенны для развитія журналистики, которая, не имѣя за собой поддержки сильнаго общественнаго мнѣнія, была совершенно беззащитна предъ лицомъ строгой и придирчивой власти.

Первой попыткой стѣснить права журналистики—слѣдуетъ считать подчиненіе ея высшему надзору министерства полиціи *). Это министерство, учрежденное въ 1811 г., съ генераломъ Балашовымъ во главѣ, имѣло, между прочимъ, своею цѣлью «цензурную ревизію», которая и была отнесена къ обязанностямъ канцеляріи министерства полиціи. Министерство полиціи наблюдало за тѣмъ, чтобы не обращались въ публикѣ книги и журналы безъ правительственнаго дозволенія; оно разрѣшало къ напечатанію всѣ «афиши и объявленія» (подъ этотъ пунктъ подошли и объявленія объ изданіи журналовъ); кромѣ того, ему предоставлялся, до извѣстной степени, контроль надъ самой цензурою, и главный начальникъ полиціи, «усмотрѣвъ въ книгахъ, уже пропущенныхъ цензурою, поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ», могъ сноситься объ этомъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія или же представлять все дѣло непосредственно на высочайшее усмотрѣніе.

Подчиненіе цензуры министерству полиціи вызвало, съ перваго же разу, недоразумѣнія между нимъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Приступивъ къ организаціи новаго министерства, генералъ Балашовъ задумалъ основать при своей канцеляріи особый комитетъ для «цензурной ревизіи». Предположеніе это было внесено въ комитетъ минист-

*) Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, стр. 21—23.

стровъ, который отнесся къ нему вполнѣ одобрительно. Но графъ Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія, почему-то не присутствовавшій въ этомъ засѣданіи комитета министровъ, сдѣлалъ письменныя замѣчанія на сообщенный ему проэктъ полицейскаго цензурнаго комитета. Разумовскій не усматривалъ въ наказѣ министерству полиціи достаточнаго повода для подобнаго учрежденія. «По предложенію генерала Балашова—писалъ онъ въ своей оффиціальной запискѣ—возлагается на комитетъ обязанность просматривать вновь всѣ выходящія на россійскомъ языкѣ книги и сочиненія, хотя бы они и были одобрены цензурою. Сею статьею, состоящіе въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, цензурные комитеты совершенно лишаются сдѣланной имъ уставомъ о цензурѣ довѣренности, и дѣйствіе ихъ становится излишнимъ. Слова 2-й ст. § 84 высочайше утвержденнаго учрежденія министерства полиціи: «если министръ полиціи усмотритъ» и пр., не могли содержать въ себѣ ту мысль, чтобы всѣ сочиненія были вновь разсматриваемы въ министерствѣ полиціи, и означаютъ, по моему мнѣнію, только: «если дойдетъ до свѣдѣнія министра полиціи» и проч. Но всѣ эти «пререканія», всѣ заботы министерства народнаго просвѣщенія спасти свою самостоятельность по части цензированія и пропуска книгъ, не повели ни къ чему; замѣчанія Разумовскаго были даже доложены государю статсъ-секретаремъ Молчановымъ не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца. Генералъ Балашовъ былъ тогда въ большой силѣ, и министерство полиціи начало таки цензировать самихъ цензоровъ. Въ судьбѣ «Духа журналовъ», съ которой мы намѣрены познакомить нашихъ читателей, министерство полиціи играло не-

маловажную роль. Подобное усиленіе цензурной бдительности показывало уже, что правительство начинаетъ колебаться въ своемъ сочувствіи къ литературѣ и перестаетъ раздѣлять нѣкогда высказанную имъ мысль: «строгость цензуры всегда влечетъ за собой пагубныя послѣдствія, истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія». Съ теченіемъ времени, правительство все дальше и дальше отходило отъ этой мысли, и количество цензурныхъ дѣлъ увеличивалось въ соотвѣтственной степени. При этомъ возникала нерѣдко полемика между цензурнымъ комитетомъ и авторами, нежелавшими подвергаться безапелляціонно цензурнымъ строгостямъ; цензоры, обвиняемые въ либерализмѣ за пропускъ нѣкоторыхъ статей, тоже не отмалчивались, а старались оправдать свои дѣйствія, ссылаясь на либеральныя мѣры самого правительства и растолковывая цензурный уставъ въ выгодномъ для литературы смыслѣ. Приносить эти оправданія было тѣмъ удобнѣе, что правительство не отличалось послѣдовательностью, и, давая одною рукой либеральныя реформы (какъ напримѣръ конституцію въ Польшѣ), другою рукою задерживало послѣдствія, естественно изъ нихъ вытекающія. Въ самомъ государѣ, какъ сказали мы, постоянно жили и боролись два противоположныя начала: преданія юности, мысли, внушенныя Лагарпомъ, и позднѣйшія вліянія, новые опыты государственной жизни. Сталкиваясь въ его душѣ, эти различныя теченія мыслей попеременно брали верхъ, но никогда не подавляли, не изглаживали окончательно одно другое. Шишковъ,—стоявшій близко къ государю со времени назначенія своего государственнымъ

секретаремъ и еще болѣе забравшій силу послѣ паденія министерства Голицына, когда предусмотрительный Аракчеевъ вручилъ ему вакантный министерскій портфель,—этотъ неуклюжій, но сметливый интриганъ замѣчалъ внутреннія боренія государя и старался оклеветать въ его глазахъ либеральныя идеи, называя ихъ прямо, на своемъ странномъ жаргонѣ, «порожденіями ада». Революція въ Испаніи и въ Неаполѣ (въ 20-хъ годахъ), казалось, помогала Шишкову дѣйствовать въ духѣ обскурантизма, и Александръ, по его словамъ, «пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ; случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностью». Но и тутъ надежды Шишкова оказались преувеличенными. «Привязанность—говоритъ онъ съ грустью обманутыхъ упованій—или какъ бы нѣкая страсть государя къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность (?) доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. По дѣлу пастора Госнера, отдавъ Попова (директора дапартамента народнаго просвѣщенія) подъ судъ, уговаривалъ Милорадовича, чтобы онъ старался оправдать его». (См. Зап. Шишкова, стр. 110—11). Только

этою непослѣдовательностью, этими колебаніями правительства, объясняется тотъ поразительный фактъ, что либеральныя идеи, гонимыя въ одномъ журналѣ, спокойно переселяются въ другой, высказываются устами высокопоставленныхъ лицъ, переходятъ даже въ оффиціальные акты... Въ то время, какъ двойственная цензура—министерства народнаго просвѣщенія и министерства полиціи—угнетаетъ «Духъ журналовъ» за его конституціонное направленіе, Александръ въ Варшавѣ говоритъ польскимъ депутатамъ: «законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная; напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благоденствіе народовъ». (См. Сынъ Отеч. 1818 г. № 18). Въ томъ же году графъ Уваровъ, президентъ академіи наукъ и попечитель петербургскаго учебнаго округа, въ торжественномъ собраніи главнаго педагогическаго института, произноситъ рѣчь, въ которой называетъ политическую свободу «послѣднимъ и прекраснѣйшимъ даромъ Бога»; опасности и бури, сопровождающія эту свободу, не должны, по мнѣнію оратора, устрашать людей: великій даръ природы «сопряженъ съ большими жертвами и съ большими утратами», онъ пріобрѣтается медленно и сохраняется лишь неусыпною твердостью. Но тотъ же графъ Уваровъ, заботившійся о развитіи у насъ политической жизни, предписы-

валъ цензурному комитету «обратить внимапіе на выписки изъ листовъ (т. е. изъ иностранныхъ газетъ) и на рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ», помѣщаемыя въ нашихъ журналахъ,—между тѣмъ какъ эти выписки были для массы читателей единственнымъ средствомъ ознакомиться, хоть сколько нибудь, съ движеніемъ политическихъ идей въ Западной Европѣ. Быть можетъ, графъ Уваровъ повиновался въ этомъ случаѣ какому нибудь постороннему внушенію; но можно также полагать, что онъ и самъ не замѣчалъ противорѣчія между своими словами и дѣйствіями. Такія противорѣчія встрѣчались ежеминутно, и если, въ началѣ царствованія, они помѣшали полному торжеству «либеральнаго направленія», то, съ перемѣною обстоятельствъ, они же спасли хоть частицу его отъ окончательнаго изгнанія изъ литературы и общества...

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ всегда подводнымъ камнемъ для нашихъ авторовъ и цензоровъ. Слухъ о личномъ нерасположеніи государя къ крѣпостной зависимости крестьянъ не могъ не распространиться въ публикѣ; нѣкоторыя мѣры правительства, очевидно, подтверждали этотъ слухъ—и болѣе рѣшительные писатели, увлекаясь желаніемъ содѣйствовать хорошему намѣренію высшихъ властей, пытались затрогивать, въ той или другой формѣ, отживающій и уже осужденный принципъ. Но въ правительствѣ и въ цензурѣ мнѣнія на этотъ счетъ далеко не сходились, и то, что казалось одному цензору «благоразумнымъ изслѣдованіемъ» истины, то самое представлялось другому «неприличнымъ и неумѣстнымъ разсужденіемъ». Мы видѣли уже, что книга Пнина, осуждавшая въ прямыхъ выраженіяхъ

крѣпостное право, была признана цензурою за опасную попытку «разгорячить умы и воспалить страсти». Подобная же судьба постигла и книгу Валеріана Стройновскаго: «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», изданную въ 1780 г. въ Вильнѣ и переведенную Анастасевичемъ съ польскаго на русскій языкъ. Авторъ этой книги нападаетъ на поляковъ, своихъ соотечественниковъ, за то, что они отвергнули въ 1780 г. проектъ уничтоженія крѣпостнаго права и даже теперь, т. е. въ годъ изданія книги, не хотятъ согласиться съ простою мыслью, что человѣкъ не можетъ быть собственностью другого человѣка, какъ быкъ или лошадь; но не смотря на это, Стройновскій, убѣжденный въ томъ, что помѣщики поймутъ рано или поздно необходимость освободить своихъ крестьянъ, разсматриваетъ условія, которыми должны будутъ опредѣлиться новыя поземельныя отношенія. Къ переводу этой книги Анастасевичъ присоединилъ свое предисловіе, въ которомъ, вслѣдъ за историческими примѣрами, почерпнутыми изъ «Древней россійской Вивліоѳики», было, между прочимъ, сказано: «знающій отечественную исторію удобно припомнитъ, что желаніе свободы крестьянамъ, еслибы оно когда либо исполнилось, было бы только возвращеніе имъ того блага, которымъ они наслаждались не въ слишкомъ давнія времена, т. е. менѣе двухсотъ лѣтъ». Книга эта не понравилась многимъ защитникамъ стараго порядка, и толки о ней сдѣлались такъ громки и такъ внушительны, что Сперанскій, который самъ не сочувствовалъ крѣпостному праву, приказалъ однако Анастасевичу, служившему подъ его начальствомъ въ коммиссіи составленія законовъ, подать просьбу объ отставкѣ; только внезапная

ссылка Сперанскаго помѣшала увольненію Анастасевича. Между тѣмъ правительство продолжало высказываться въ пользу уничтоженія безчеловѣчнаго права. Въ 1816 году утверждено было новое положеніе для эстляндскихъ крестьянъ, которое вскорѣ было принято и въ Курляндіи. Черезъ два года новая мѣра была введена въ Лифляндіи и, по этому случаю, государь сказалъ лифляндскому дворянству: «Радуюсь, что вы оправдали мои желанія; вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ». Присоединеніе Псковской губерніи къ Остзейскому краю показало еще разъ, что государь не отказывался отъ своей любимой мысли—упразднить крѣпостное право въ русскихъ губерніяхъ — и хотѣлъ уже, повидимому, начать первый опытъ. Несмотря на все это, ближайшія къ литературѣ власти не одобряли печатнаго обсужденія щекотливаго вопроса и пользовались всякимъ случаемъ стѣснить его или устранить совсѣмъ. Удобный случай представился. Кочубей продалъ крестьянъ помѣщику Кирьякову, который перевелъ ихъ изъ Полтавской губерніи въ Херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться и не покорились даже и тогда, когда покупщикъ отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ помѣщикомъ. Предписано было наказать виновныхъ при собраніи сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Но всѣ увѣщанія чиновниковъ, представлявшихъ крестьянамъ пагубныя послѣдствія своевольства, всѣ угрозы лицъ, совершавшихъ наказаніе, не произвели никакого дѣйствія: крестьяне сохраняли совершенное спокойствіе, но не соглашались признать помѣ-

щичью власть, и не приняли даже хлѣба и другихъ вспомоществованій, присланныхъ имъ отъ имени помѣщика. Изъ этого поступка крестьянъ, въ самомъ дѣлѣ довольно значительнаго, крѣпостники сочинили цѣлое пугало: сейчасъ же были отправлены циркуляры къ попечителямъ округовъ, чтобы цензура не пропускала, ни подъ какимъ видомъ, сочиненій, трактующихъ о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Самое возмущеніе крестьянъ приписывалось мѣстнымъ губернаторомъ вліянію одной статьи (!) помѣщенной въ «Историческомъ, географическомъ и статистическомъ журналѣ», выходившемъ въ Москвѣ, хотя книжка спеціальнаго, мало читаемаго журнала могла развѣ чудомъ какимъ попасть въ хаты полтавскихъ крестьянъ, да и попавши туда, по такому чрезвычайному случаю, врядъ ли могла бы произвести то впечатлѣніе, на которое, совершенно бездоказательно, указывалъ губернаторъ. Дѣло въ томъ, что статья эта, переведенная съ нѣмецкаго и носящая названіе: «Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ» («Истор. журналъ» на 1820 г. ч. 2, кн. 1, стр. 18—32) представляетъ сама по себѣ очень скромное и сдержанное разсужденіе на тему «постепенной» отмѣны рабства въ Россіи. Статьи такого характера проскальзывали не разъ въ русскихъ журналахъ и никогда не отражались, внезапно и непосредственно, на умственномъ настроеніи поголовно-безграмотныхъ людей; онѣ читались развѣ нѣкоторыми помѣщиками (тоже не отличавшимися особенной страстью къ литературному чтенію), читались съ злобой или неудовольствіемъ, и затѣмъ, какъ водится, прятались подальше отъ прислуги. Даже прочтенныя двумя-

тремя грамотными крестьянами (а такіе крестьяне составляли, конечно, рѣдкое исключеніе), статьи эти, по своему умѣренному характеру, никакъ не могли бы воспламенить слишкомъ пылкихъ и преувеличенныхъ надеждъ. «Прочнымъ залогомъ благосостоянія Россіи—такъ разсуждаетъ авторъ помянутаго «Взгляда», — слѣдуетъ считать открытіе училищъ. Въ царствованіе императора Александра учреждено пять университетовъ, пятьдесятъ восемь гимназій и сто уѣздныхъ училищъ, кромѣ множества народныхъ школъ». Все это способствуетъ возведенію Россіи на высшую степень благосостоянія; но, вмѣстѣ съ открытіемъ училищъ, правительство также подумало и о томъ, чтобы «доставить крестьянамъ бо̀льшую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, какъ существамъ разумнымъ». Многіе крѣпостные получили уже свободу, съ согласія своихъ господъ, за денежное вознагражденіе; государь «позволилъ имъ покупать свою свободу»; кромѣ того, «постепенное уничтоженіе крѣпостнаго права начато административными мѣрами на окраинахъ государства, откуда исподоволь можетъ распространиться и во внутреннія области Россіи». За эту скромную статью,—которая только указывала на значеніе правительственной мѣры, уже принятой въ остзейскомъ краю и нигдѣ не взбунтовавшей крестьянъ,—профессоръ Черепановъ былъ удаленъ отъ званія цензора, а такъ какъ, по уставу, оно соединялось съ должностью декана, то запрещено было выбирать Черепанова и въ деканы.

Область литературнаго обсужденія стѣснялась мало-помалу, и изъ нея произвольно исключались то тѣ, то другіе

предметы, такъ что журналистамъ становилось, наконецъ, невообразимо трудно выбирать безобидныя матеріи для своихъ бесѣдъ съ публикою. Въ нѣкоторыхъ журналахъ печатались напр. театральныя рецензіи. Но въ 1815 г. гр. Разумовскій, по поводу этихъ статей, далъ отзывъ, что «сужденія о театрахъ и актерахъ позволительны только тогда, когда бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя, но сужденія объ императорскихъ театрахъ и актерахъ, находящихся въ службѣ его величества, онъ почитаетъ неумѣстными». Такимъ образомъ, актеры поставлены были на одну доску со всѣми коронными чиновниками, о дѣйствіяхъ которыхъ не допускалось никакихъ литературныхъ толковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. при оцѣнкѣ дѣйствій различныхъ должностныхъ лицъ, цензура была особенно бдительна и видѣла непозволительную дерзость даже въ самыхъ невинныхъ замѣчаніяхъ литературы. Въ 1817 г. въ «Казанскихъ извѣстіяхъ», издававшихся при тамошнемъ университетѣ, помѣщены были слѣдующія строки о бывшемъ вице-губернаторѣ Гурьевѣ: «Ревностнымъ исправленіемъ трудныхъ обязанностей онъ снискалъ любовь и почтеніе людей благомыслящихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ навлекъ на себя недоброжелателей по естественному ходу вещей. Гдѣ достоинство, тамъ и зависть». Этотъ глухой намекъ на недоброжелателей вызвалъ неудовольствіе со стороны министра полиціи, который сообщилъ министру просвѣщенія, что онъ находитъ «неприличнымъ, чтобы въ вѣдомостяхъ помѣщаемы были сужденія о служащихъ или уволенныхъ отъ службы чиновникахъ». Два слова о недоброжелателяхъ, о достоинствѣ и зависти, изъ которыхъ даже и понять-то ничего нельзя было,

признаны сужденіемъ, и притомъ «неприличнымъ». Журналы наши, въ первую половину царствованія Александра, помѣщали иногда извлеченія изъ тяжебныхъ и вообще судебныхъ дѣлъ; но въ началѣ 1817 г. возбуждено сомнѣніе: вправѣ ли печать касаться этихъ вопросовъ, и гр. Разумовскій, положилъ, по поводу его, такую резолюцію: «по уставу о цензурѣ, въ числѣ представляемыхъ къ разсмотрѣнію цензурнаго комитета книгъ и сочиненій, не упоминается нигдѣ о подобныхъ запискахъ по частнымъ дѣламъ», почему министръ просвѣщенія заключилъ, что «писать объ этихъ предметахъ не дозволено» — и заключилъ такъ вопреки основному юридическому правилу, что все, незапрещенное положительнымъ закономъ, дозволено имъ. Приказаніе, своевольно отданное гр. Разумовскимъ, было неоднократно подтверждаемо кн. Голицынымъ и сдѣлалось, наконецъ, руководящимъ постановленіемъ для цензуры. Исключеніе изъ этого правила составляли западныя губерніи, въ которыхъ судопроизводство совершалось на основаніи литовскаго статута, допускавшаго адвокатуру и опубликованіе процессовъ. Но по поводу одного дѣла, распубликованнаго въ журналахъ въ 1818 г., два министра—полиціи и просвѣщенія—дѣйствуя сообща, потребовали объясненія отъ попечителя виленскаго округа, кн. Чарторижскаго. Послѣдній отвѣтилъ Голицыну, что запрещеніе печатать адвокатскія мнѣнія было бы противно дѣйствующему въ краѣ законодательству, а подчиненіе ихъ предварительной цензурѣ невозможно, потому что мнѣнія эти «должны быть предаваемы тисненію немедленно; часто ихъ печатаютъ въ то время, когда на нихъ въ судѣ дѣлается возраженіе со стороны противной

партіи, и измѣненіе такого порядка, съ цѣлью подвергать ихъ предварительному просмотру цензуры, произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе». «Голоса адвокатовъ—писалъ Чарторижскій — уважаются, какъ оффиціальныя письма, за кои адвокаты отвѣтствуютъ передъ тѣмъ же судомъ, передъ коимъ ихъ читаютъ». Объясненіе виленскаго попечителя было сообщено министру юстиціи, кн. Лобанову, который отозвался, что, по его мнѣнію, «нѣтъ достаточнаго основанія возбранять въ присоединенныхъ губерніяхъ печатаніе записокъ адвокатовъ». Впрочемъ право это, какъ несовмѣстное съ тогдашнимъ ходомъ дѣлъ, продержалось недолго: въ 1825 году, по представленію в. к. Константина Павловича, оно было уничтожено. Кромѣ того, во время управленія министерствомъ кн. Голицына, въ цензурной практикѣ возникла мысль о предварительномъ просмотрѣ статей тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались. По поводу одной статьи *) объ откупахъ, помѣщенной въ «Духѣ журналовъ» 1817 г., кн. Голицынъ предписалъ цензурнымъ комитетамъ—«не пропускать ничего, относящагося до правительства, не испросивъ прежде на то согласія отъ министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ разсуждается». Это распоряженіе повторялось потомъ неоднократно и породило, независимо отъ общей цензуры, множество специ-

*) Въ статьѣ этой (№ 3) предлагалось, для сохраненія милліоновъ, похищаемыхъ у казны откупщиками», замѣнить откупъ налогомъ на винокуреніе. «Можетъ быть, покажется—говоритъ авторъ—что не поставлено въ семъ начертаніи никакой преграды чрезмѣрному размноженію винокуренія. На сіе имѣю честь представить, что чѣмъ невидимѣе стражъ, тѣмъ сильнѣе его дѣйствіе, а этотъ стражъ есть интересъ и наблюденіе своихъ выгодъ, ибо, еслибы винокуреніе умножилось сверхъ нужной пропорціи на расходъ, то вино останется непроданнымъ».

альныхъ цензуръ по разнымъ вѣдомствамъ: каждое государственное управленіе пожелало воспользоваться этимъ важнымъ правомъ, и цензурное дѣло подчинилось еще бо̀льшему количеству постороннихъ вліяній. Но несмотря на всѣ предосторожности, принятыя противъ литературы, правительственныя лица постоянно находили, что журнальныя статьи все еще недостаточно выправляются бдительною рукою цензоровъ. Маркизъ Паулуччи, бывшій въ двадцатыхъ годахъ рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, представлялъ самому государю, что «публичные листы и вѣдомости, присвоивъ себѣ право судить о политическихъ отношеніяхъ и пользуясь большимъ числомъ читателей во всѣхъ сословіяхъ, имѣютъ величайшее вліяніе на мысли и сужденія, и производятъ заблужденія, которыя весьма трудно истребить изъ общаго мнѣнія». Записка маркиза была читана въ комитетѣ министровъ и заслужила всеобщее одобреніе.

Невыгодное положеніе печатнаго слова вообще—отражалось даже на литературной дѣятельности такихъ лицъ, которыхъ, повидимому, трудно было бы заподозрить въ политической неблагонадежности. Карамзину, какъ извѣстно, было высочайше разрѣшено печатать свою исторію безъ цензуры, и она печаталась такимъ порядкомъ въ военной типографіи. Но въ 1816 г. дежурный генералъ А. А. Закревскій пріостановилъ печатаніе, требуя цензурнаго дозволенія. Карамзинъ жаловался на это министру народнаго просвѣщенія. «Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный исторіографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что̀ и какъ писать; надѣюсь, что въ моей

книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напр., говорить свободно о жестокости царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ, что̀ будетъ исторія?»

Карамзинъ очень вѣрно предвидѣлъ пунктъ сомнѣнія для цензуры... Желаніе его было однако удовлетворено, и «Исторія государства россійскаго» вышла въ свѣтъ только съ тѣми небольшими измѣненіями, которыя предложены были автору самимъ государемъ.

Новое, еще болѣе любопытное столкновеніе съ цензурою произошло у Жуковскаго въ 1822 году. Жуковскій отдалъ для напечатанія въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду» свой переводъ баллады Вальтеръ-Скотта: «Івановъ вечеръ». Содержаніе этой баллады извѣстно: смальгольмскій баронъ, увѣривъ свою жену, что онъ ѣдетъ сражаться съ врагами Шотландіи, на самомъ дѣлѣ преслѣдуетъ другую цѣль и, подстерегши любовника своей жены, рыцаря Кольдингама, нападаетъ на него измѣннически и убиваетъ. Похоронивъ убитаго, баронъ возвращается домой, но къ удивленію своему узнаетъ отъ молодаго пажа, что Кольдингамъ, во время его отсутствія, уже погребенный и отпѣтый, имѣлъ свиданіе съ его женою на отдаленныхъ скалахъ у маяка. Въ послѣдній разъ Кольдингамъ является къ своей любовницѣ ночью передъ Ивановымъ днемъ, въ самой ея спальнѣ, при спящемъ подлѣ нея мужѣ, разсказываетъ ей о своей смерти и на прощаніи жметъ руку, при чемъ обжигаетъ ей пальцы своимъ пламеннымъ прикосновеніемъ. Вся эта фантастическая исторія оканчивается стихами, которые наши дѣды заучивали наизусть:

Есть монахиня въ древнихъ драйбургскихъ стѣнахъ—
И грустна, и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ мельрозской обители мрачный монахъ—
И дичится людей, и молчитъ.
Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То—убійца, суровый смальгольмскій баронъ,
То—его молодая жена.

Порокъ, какъ видно изъ этой развязки, наказывается добровольнымъ поступленіемъ въ монастырь обоихъ виновныхъ; но цензурѣ показалось этого мало, и она запретила цѣликомъ всю балладу. Тогда авторъ, приведенный въ негодованіе, написалъ письмо къ министру народнаго просвѣщенія. «Сія баллада—объяснялъ онъ по этому случаю—давно извѣстна; содержаніе оной заимствовано изъ древняго шотландскаго преданія; она переведена стихами и прозою на многіе языки, и до сихъ поръ ни въ Англіи, — гдѣ всѣ уважаютъ и нравственный характеръ В. Скотта, и цѣль, всегда моральную, его сочиненій,—ни въ остальной Европѣ, никому не приходило на мысль почитать его балладу ненравственною или почему нибудь вредною для читателя. Нынѣ я узнаю съ удивленіемъ, что мой переводъ, въ коемъ соблюдена вся возможная вѣрность, не можетъ быть напечатанъ: слѣдовательно, цензура находитъ сіе стихотвореніе или ненравственнымъ, или противнымъ религіи, или оскорбительнымъ для правительства (?!). Нужно ли увѣрять, что для меня ничего не стоитъ отказаться отъ напечатанія нѣсколькихъ стиховъ; очень равнодушно соглашаюсь признать эту балладу незаслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что ее не печатаютъ потому, что она можетъ быть вредна для читателей—это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно-не-

справедливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ соглашаться. Я не въ состоянiи даже вообразить, на чемъ гг. цензоры основываютъ свое мнѣнiе; но слышалъ, что ихъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ стихѣ:

И ужасное знаменье въ столъ вожено!

пугаетъ слово знаменье; должно ли замѣчать, что слова: знаменье и знакъ одно и то же, и что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего предосудительнаго? Если же цензоры думаютъ, что слово знаменье исключительно принадлежитъ предметамъ священнымъ и не должно выражать ничего обыкновеннаго, то они ошибаются, и надобно отказаться отъ знанiя русскаго языка, чтобы въ этомъ случаѣ съ ними согласиться». Далѣе разобиженный Жуковскiй, отвѣчая на упрекъ цензуры, что онъ своимъ описанiемъ роняетъ значенiе богослужебныхъ обрядовъ, пишетъ слѣдующее: «Смѣю думать, что я не менѣе цензоровъ знаю, сколь предосудительно представлять обряды церкви въ неприличномъ видѣ или съ намѣренiемъ ихъ унизить, сдѣлать смѣшными. Но есть ли что нибудь подобное въ переведенной мною балладѣ Вальтеръ-Скотта? Я позволяю себѣ утверждать, что цѣль оной нравоучительная, и что въ разсказѣ и описанiяхъ соблюдено строгое уваженiе не только къ вѣрѣ и нравамъ, но и къ малѣйшимъ приличiямъ».—Перчатка была брошена, и цензурному комитету пришлось, волей-неволей, поднять ее. Онъ, дѣйствительно, не отказался отъ полемики — и въ своемъ объясненiи или, лучше сказать, въ своемъ критическомъ разборѣ на балладу Жуковскаго, выставилъ шесть обвинительныхъ пунктовъ, по которымъ баллада эта признана неудобною для печати.

Во-первыхъ. по мнѣнію комитета, — «самое названіе стихотворенія: Ивановъ вечеръ можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь греко-россійской церкви обыкли хранить къ дню сего праздника, между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ».

Во вторыхъ — «описаніе соблазнительныхъ дѣйствій убитаго рыцаря Кольдингама принадлежитъ къ числу суевѣрныхъ повѣстей и можетъ болѣе разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ или малопросвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ».

Въ третьихъ — цензурный комитетъ находилъ, что подобныя баллады нельзя переводить безъ историческихъ примѣчаній, которыя дали бы возможность отличать достовѣрную часть стихотворенія отъ вымысловъ и прикрасъ автора.

Въ четвертыхъ — «для многихъ читателей покажется удивительнымъ и даже неприличнымъ то, что въ шотландской простонародной пѣснѣ, въ суевѣрномъ разсказѣ о явленіи мертвеца, въ соблазнительномъ разговорѣ съ нимъ невѣрной жены, дѣлаются весьма некстати обращенія къ Творцу, кресту, великому Иванову дню; представляются священникъ, монахи, панихида, поминки, часовня, съ такою малою разборчивостью, что русскій читатель, находя въ шотландской сказкѣ часовню, панихиду и чернецовъ, невольно подумаетъ, что ему хотятъ представить разсказываемое происшествіе случившимся или, по крайней мѣрѣ, могущимъ случиться и въ Россіи. У католиковъ, а тѣмъ менѣе у протестантовъ, нѣтъ ни часовень, ни панихидъ: названіе же

иноковъ чернецами, т. е. употребляющими черную одежду, исключаетъ монаховъ, носящихъ бѣлую одежду, которые есть въ нѣкоторыхъ орденахъ римской церкви, но которыхъ вовсе нѣтъ въ греко-россiйской».

Въ пятыхъ, цензурный комитетъ, сличивъ переводъ съ англiйскимъ оригиналомъ, нашелъ, что переводчикъ во многомъ отступилъ отъ подлинника и при этомъ «затемнилъ намѣренiе автора: касаться съ большею разборчивостью предметовъ, равно почитаемыхъ католиками и протестантами, и говорить, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ большею осторожностью и скромностью о непозволенной любви».

Но главное возраженiе приберегалось къ концу. «Въ шестыхъ—гласила эта пуританская рецензiя — развязка всей пьесы не имѣетъ той силы, какую хотѣлъ бы найти въ ней читатель и какой дѣйствительно требуетъ великость пороковъ и преступленiй, описываемыхъ здѣсь съ такою подробностью. Послѣ впечатлѣнiй, сдѣланныхъ на читателя представленною ему картиною соблазнительной жизни трехъ лицъ, выбранныхъ изъ людей высшаго состоянiя (вѣроятно, намекъ на униженiе высшихъ классовъ), читатель не видитъ сокрушенiя преступной жены, сдѣлавшей несчастными и своего мужа, и любовника, и себя; не находитъ сильнаго раскаянiя въ мужѣ, который отъ ревности и свирѣпства сдѣлался убiйцею одного врага и желалъ открыть другихъ подобныхъ враговъ. Изъ одного того, что баронъ и его молодая жена скрылись другъ отъ друга и отъ свѣта въ уединенiи монастырскомъ и, надѣвши монашеское платье, показывались: одинъ — мрачнымъ и дичащимся людей, а другая — грустною и необращающей глазъ

на свѣтъ, читатель еще не увѣрится о сокрушеніи ихъ сердецъ и примиреніи ихъ съ Богомъ и между собою посредствомъ истиннаго покаянія. Притомъ о состояніи ихъ въ монастырскихъ стѣнахъ упомянуто холодно, съ равнодушіемъ, даже съ нѣкоторымъ видомъ неуваженія къ сей перемѣнѣ, между тѣмъ какъ здѣсь-то особливо надлежало бы показать живое участіе христіанскаго человѣколюбія, чего имѣли право требовать если не несчастливцы, может быть, вымышленные, то, по крайней мѣрѣ, читатели, желающіе увидѣть въ заключеніи наставительную развязку всей повѣсти».

Въ разсказанномъ нами случаѣ цензурный комитетъ, очевидно, выходилъ изъ круга своихъ прямыхъ обязанностей и, не ограничиваясь придирчивымъ указаніемъ на безнравственныя и антирелигіозныя мѣста, пускался въ совсѣмъ непринадлежащую ему оцѣнку литературной стороны произведенія, сличалъ переводъ съ подлинникомъ, требовалъ историческихъ примѣчаній, осуждалъ суевѣрный характеръ повѣсти, способный «разгорячать и пугать воображеніе». Все это не относилось нисколько къ чисто репрессивной дѣятельности, предоставленной цензурѣ; кромѣ того, въ самомъ цензированіи пьесы, усиливаясь найти и перетолковать въ худую сторону всѣ неясныя и двусмысленныя мѣста, сближая для этой цѣли различныя части стихотворенія, комитетъ явно нарушалъ сохранявшійся еще въ цензурномъ уставѣ либеральный пунктъ: «когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать.» Либеральный духъ, внушившій эти строки, давно исчезъ — и гибкій

смыслъ цензурныхъ постановленій подался въ сторону, наименѣе благопріятную для литературы. Цензурная бдительность распространялась съ неимовѣрною быстротою: не довольствуясь вычеркиваніемъ сомнительныхъ мѣстъ, цензора скоро стали выправлять самый слогъ авторовъ, дѣлать свои собственныя вставки и писать критическія замѣчанія на цензируемыя ими сочиненія. Этими литературными стремленіями въ особенности отличался цензоръ Красовскій, прославленный эпиграммами Пушкина. Въ 1823 г. князь Вяземскій приносилъ жалобу на Красовскаго за то, что этотъ послѣдній «принимаетъ обязанность рецензента и съ учительской заботливостью наставляетъ искусству писать по своему, замѣняя одни слова другими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, некрасивыя или неправильныя». Такъ напр., въ одной строкѣ, вмѣсто задѣваетъ, Красовскій поставилъ: упрекаетъ; въ другомъ мѣстѣ не позволилъ сказать, что Карамзинъ слѣдовалъ благоразумію; въ третьемъ, наконецъ, къ словамъ автора: строгимъ приговоромъ, прибавилъ: строгимъ, но справедливымъ и т. п. Нѣсколько позже Красовскій, по поводу одного ничтожнаго стихотворенія Олина, написалъ множество критическихъ примѣчаній въ самомъ курьезномъ родѣ. Олинъ пишетъ, напримѣръ:

Улыбку устъ твоихъ небесную ловить,

А Красовскій съ ехидствомъ замѣчаетъ: «Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна, чтобъ улыбку ея называть небесною». Стихъ Олина: «И на груди моей главу твою покоить» комментировался фразою: «стихъ чрезвычайно сладострастный»! Желаніе Олина, выраженное въ словахъ:

О какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный, близь тебя къ блаженству пріучаться,—

это невинное желаніе привело Красовскаго окончательно въ гнѣвъ. «Это значитъ — пишетъ онъ въ примѣчаніи — что авторъ не хочетъ продолжать службы государю для того только, чтобъ быть всегда съ своей любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно только пріучаться близь евангелія, а не близь женщины», и т. д.

Подобные «проницательные читатели», вооруженные притомъ красными чернилами, безъ сомнѣнія, мало способствовали развитію общественной мысли... Немудрено, что, послѣ продолжительнаго тяготѣнія ихъ надъ русской журналистикой, она попала наконецъ всецѣло въ руки Булгарина и компаніи.

Въ одно время съ развитіемъ литературныхъ поползновеній цензоровъ, появляется желаніе ограничить, подъ разными предлогами, количество вновь разрѣшаемыхъ журналовъ. Однимъ изъ этихъ предлоговъ было, между прочимъ, требованіе, чтобы издатель журнала принадлежалъ къ «сословію ученыхъ» и пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ «ученой публикѣ». Такой взглядъ примѣненъ былъ къ Александру Бестужеву (Марлинскому), который ходатайствовалъ о разрѣшеніи издавать съ 1819 г. журналъ, подъ названіемъ: «Зимцерла», но получилъ отказъ, пространно мотивированный цензурнымъ комитетомъ въ пяти параграфахъ: «1) По содержанію программы, кругъ журнала, предполагаемаго Бестужевымъ, чрезвычайно обширенъ, заключая въ себѣ не только всѣ части отечественной и иностранной словесности, но также критику и всѣ отрасли военныхъ и гражданскихъ наукъ. Къ выполненію такого обширнаго плана потребны и

обширныя по всѣмъ частямъ свѣдѣнія, а также практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, относящихся до государственнаго управленія, чего въ Бестужевѣ, по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ, нельзя ни предполагать, ни отрицать: ему всего двадцать лѣтъ отъ роду. 2) Хотя въ послужномъ спискѣ Бестужева значится, что онъ обучался многимъ языкамъ и наукамъ, однако въ написанной имъ программѣ комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти, не болѣе, строкахъ три ошибки противъ правописанія, что̀ доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, его невнимательность и небрежность. 3) Помѣщенные въ «Сынѣ Отечества» переводы Бестужева, на которые онъ ссылается, именно «Духъ бури», стихами, изъ Лагарпа, и о состояніи эстонскихъ и лифонскихъ крестьянъ, похвальны только потому, что свидѣтельствуютъ объ охотѣ его къ полезнымъ упражненіямъ. Впрочемъ, переводъ въ прозѣ о состояніи эстонскихъ и лифонскихъ крестьянъ не отличается ни чистотою слога, ни правильностію языка. 4) Для исправности въ изданіи періодическихъ сочиненій, издателю необходимо имѣть, кромѣ познаній, величайшее терпѣніе, безпрерывную внимательность и навыкъ къ трудамъ. А какъ Бестужевъ въ прошеніи своемъ изъясняетъ, что онъ, будучи занятъ по службѣ, могъ быть извѣстенъ публикѣ только двумя названными статьями, то комитетъ имѣетъ причину думать, что самый родъ его службы будетъ часто отвлекать его отъ многотрудныхъ занятій журналиста, при чемъ должно опасаться либо совершенной остановки, либо неисправности въ изданіи журнала. 5) Комитетъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить,

что многіе, особливо изъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ къ сословію ученыхъ, предпринявъ изданіе какого либо журнала, прекращали его, отъ чего не только публика оставалась обманутою, ибо деньги собраны впередъ, но и цензура нѣкоторымъ образомъ терпѣла нареканіе». Мнѣніе цензурнаго комитета было принято и въ главномъ правленіи училищъ, несмотря на то, что попечитель учебнаго округа (онъ же и предсѣдатель комитета) увидѣлъ въ такомъ запрещеньѣ — «стѣсненіе охоты къ ученымъ и полезнымъ для общества занятіямъ». Еще меньшею основательностью отличался отказъ въ изданіи «Тульскихъ Вѣдомостей», недозволенныхъ, между прочимъ, потому, что «академія наукъ и московскій университетъ, издающіе газеты въ Петербургѣ и Москвѣ, могутъ признать изданіе «Тульскихъ Вѣдомостей» подрывомъ и нарушеніемъ своихъ правъ».

При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ пришлось дѣйствовать «Духу Журналовъ», одному изъ лучшихъ періодическихъ изданій того времени, испытавшему на себѣ весь гнетъ двойственной цензуры—министерства полиціи и министерства народнаго просвѣщенія.

Главнымъ издателемъ «Духа Журналовъ»,—по собственному его заявленію, *)—былъ Григорій Максимовичъ Яценковъ; но въ изданіи участвовали, какъ видно, и другія лица, и притомъ участвовали не только матеріальными

*) См. «Духъ журн.» 1815 г., № 42, стат. «Заговоръ противъ «Духа Журналовъ». Въ этой статьѣ говорится, между прочимъ: «Главный издатель хотѣлъ было молчать, какъ онъ и прежде дѣлалъ, на всѣ критики. Но онъ въ семъ изданіи не одинъ: общій голосъ перевѣсилъ его»... и пр. и пр.

средствами, но и литературнымъ своимъ содѣйствіемъ. Яценковъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ и былъ сначала учителемъ латинскаго и греческаго языковъ, а потомъ адъюнктомъ «философіи и свободныхъ наукъ» въ московскомъ университетѣ. Въ 1804 г. онъ былъ опредѣленъ цензоромъ въ Петербургскій цензурный комитетъ и, продолжая занимать это мѣсто, началъ издавать съ 1815 г. свой журналъ, при чемъ самъ же и пропускалъ въ печать многія статьи. Оставивъ, наконецъ, цензурную службу, Яценковъ,—какъ сообщалъ мнѣ покойный П. П. Пекарскій,—перешелъ на видную должность въ почтовомъ вѣдомствѣ.

Первое столкновеніе Яценкова съ цензурой министерства полиціи произошло еще при самомъ представленіи имъ программы журнала. Найдя въ этой программѣ отдѣлъ «внутреннихъ обозрѣній», въ которомъ издатель предполагалъ изслѣдовать «великіе способы Россіи и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія», министръ полиціи, генералъ С. К. Вязмитиновъ, писалъ министру народнаго просвѣщенія: «Нахожу сію статью совершенно неприличною, ибо упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично». По этому случаю Яценковъ получилъ первый выговоръ, но изданіе было ему все таки разрѣшено.

«Духъ Журналовъ» выходилъ еженедѣльно (каждая книжка въ 50 страницъ и болѣе) и въ своей программѣ, «очищенной» министерствомъ полиціи, заключалъ 8 отдѣловъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли: исторія и политика, государственное хозяйство и литература. Особый отдѣлъ составляли мысли и сужденія императрицы Екате-

рины II-ой о разныхъ частяхъ государственнаго управленія, и матеріалы для этого отдѣла доставляла въ журналъ какая-то «особа, въ кругу тогдашняго времени обращавшаяся». Эта же особа, вѣроятно, была центромъ того вліятельнаго общества «знатныхъ господъ», которое удостоивало «Духъ Журналовъ», по словамъ издателя, своимъ вниманіемъ и покровительствомъ. «Никогда не унизится «Духъ журналовъ»—писалъ Яценковъ въ одной полемической замѣткѣ, направленной противъ «Сына Отечества»,—«до малѣйшей нескромности. Онъ ни на одну минуту не упуститъ изъ виду, что почтеннѣйшія особы удостоили его своимъ вниманіемъ. Издатели не иначе выпускаютъ въ свѣтъ каждую книжку своего журнала, какъ будто сами предстаютъ предъ тѣхъ почтенныхъ особъ» *).

Въ первой же книжкѣ «Духа Журналовъ» опредѣляется и цѣль этого изданія. Разсказавъ анекдотъ о томъ, какъ Фонъ-Визинъ предложилъ князю Потемкину поручить умнымъ и ученымъ людямъ дѣлать, для его развлеченія, интереснѣйшія выписки изъ журналовъ, издатель выражаетъ намѣреніе: соединить въ своемъ журналѣ все, что̀ есть лучшаго и любопытнѣйшаго во всѣхъ журналахъ, и предоставить читателямъ «съ самыми малыми издержками» то же удобство, которое дорого обходилось Потемкину. Но чтобы журналъ, задавшійся такою цѣлью, не былъ обвиненъ въ простой перепечаткѣ и похищеніяхъ, авторъ статьи прибавляетъ: «Духъ журналовъ» не есть сборъ журналовъ; онъ не коснется ничьей собственности, но подобно

*) «Духъ Журн.» 1815 г. № 8, статья: «къ читателямъ».

пчелѣ, извлекающей ароматные соки изъ тысячи цвѣтовъ, которые отъ того не теряютъ ни свѣжести, ни красоты своей,—онъ будетъ извлекать изъ всѣхъ цвѣтовъ литературы силу и, такъ сказать, душу ихъ;—или, подобно живописцу, рисующему прелестные виды картинныхъ мѣстоположеній, «Духъ журналовъ» представитъ читателямъ панораму лучшихъ періодическихъ изданій, указывая только на тѣ въ нихъ точки, которыя болѣе другихъ достойны замѣчанія». Это прибавленіе уже обязывало «Духъ журналовъ» нѣсколько систематизировать свои извлеченія изъ другихъ изданій и установить свой масштабъ для оцѣнки большей или меньшей значительности разнообразныхъ фактовъ и взглядовъ, излагаемыхъ въ европейской прессѣ.

Издатель исполнилъ свое обѣщаніе—группировать съ толкомъ сообщаемыя свѣдѣнія, — и «ароматные соки», извлеченные имъ изъ «тысячи цвѣтовъ», обладали, дѣйствительно, такимъ сильнымъ букетомъ, что сразу поразили обоняніе цензурныхъ властей.

Прежде всего, цензура вооружилась на «Духъ Журналовъ» за его политическій либерализмъ, который высказывался весьма опредѣленно на первомъ году существованія журнала и въ особенности въ первыхъ нумерахъ его за 1815 годъ. Не только оффиціальные наблюдатели, но и сотоварищи Яцепкова по журналистикѣ, скоро запримѣтили въ его изданіи эту черту и, можетъ быть, по убѣжденію, а вѣрнѣе изъ видовъ конкурренціи, — которая начинала уже свое дѣло при распространившемся кругѣ читателей, — принялись кивать на его «правила, неприличныя русскому», на «какой-то тонъ, вовсе непристойный русско-

му журналу и приносящій мало чести у людей благомыслящихъ» *). Въ первомъ политическомъ обозрѣніи «Духа Журналовъ» (подъ названіемъ: «Эпоха обновленія европейскихъ государствъ») мы встрѣчаемъ уже восторженные отзывы о конституціонныхъ стремленіяхъ того времени, въ которыхъ авторъ статьи видѣлъ какъ бы новую эру политическаго развитія Европы. «Потрясенія утихли, потухъ вулканъ, закрылось страшное жерло, изрыгавшее смерть и опустошеніе, и грозный Энцеладъ (т. е. Наполеонъ), подавляемый горою проклятій, прикованъ къ желѣзнымъ столбамъ острова Эльбы; недвижимъ и только въ безсильной ярости изрыгаетъ искры злобы, погасающія въ воздухѣ... Уже изъ пепла подымаются города; на опустошенныхъ поляхъ умножаются селенія; со всѣхъ сторонъ стекаются жители; нужда научаетъ открывать новые способы; промышленность напрягаетъ силы; заблужденія отцовъ служатъ урокомъ для сыновъ и внуковъ; народы подаютъ другъ другу руку помощи; цари и народы обнимаются, какъ братья, и заря будущаго блаженства занялась на горизонтѣ Европы. Наступаетъ новый порядокъ вещей; видъ государствъ обновляется... Отъ сей точки пойдутъ народы совершать путь бытія своего». Далѣе, переходя къ французскимъ дѣламъ, авторъ говоритъ: «Людовикъ далъ Франціи новый залогъ своего отеческаго о ней попеченія—свободную конституцію. Не присвояя себѣ иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя съ достоинствомъ сана царскаго неразлучны, онъ добровольно ограничилъ власть свою и призвалъ избраннѣй-

*) См. «Духъ Журн.» 1815 г. № 42 и «Вѣстн. Евр.» того же года № 22.

шихъ изъ граждань себѣ въ совѣтники и въ соправители». Въ слѣдующихъ затѣмъ политическихъ обозрѣніяхъ, «Духъ Журналовъ» оцѣнивалъ весьма внимательно, съ одной опредѣленной точки зрѣнія, всѣ крупнѣйшія событія въ Европѣ, всѣ перемѣны въ политическомъ составѣ государствъ, и, по прежнему, выражалъ сочувствіе къ свободному правленію, осуждая, въ то же время, реакціонныя попытки,—въ родѣ дѣйствій короля испанскаго, — которыя «распространяютъ ужасъ между всѣми состояніями народа, умножаютъ взаимные раздоры, изгоняютъ подданныхъ изъ отечества и угрожаютъ опасностью внутреннихъ смятеній» (№ 8). Конституціи Англіи и Америки, какъ обезпечивающія народамъ наиболѣе правъ и «законной свободы», вызывали къ себѣ особенное почтеніе со стороны «Духа Журналовъ». Въ «Письмѣ одного нѣмца изъ Филадельфіи» (№ 31) государственный бытъ Америки описывается подробно и притомъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ. «Подлинно—пишетъ этотъ нѣмецъ—какое-то особенное чувство проникаетъ тебя, когда помыслишь, что ступилъ на землю свободы, гдѣ, какъ свободный человѣкъ, между свободными людьми жить будешь. Какъ будто здѣсь свободнѣе дышешь, нежели въ иной землѣ; всѣ наслажденія жизни кажутся болѣе пріятны, всѣ общественныя удовольствія болѣе благородны... Здѣсь не увидишь гордаго барона, который измѣряетъ собственныя свои заслуги длиннымъ рядомъ предковъ, основывая на томъ права на высшія государственныя должности, не увидишь подлаго раба деспотовъ, который изъ своекорыстія ласкаетъ страстямъ государя, жертвуя благосостояніемъ отечества. Здѣсь нѣтъ ни титловъ, ни чиновъ, ни орденовъ, и однако все идетъ

своимъ ходомъ, въ величайшемъ порядкѣ и благоустройствѣ... Конституція американской республики Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ всѣ преимущества англійской конституціи, не имѣя однако ея недостатковъ. Къ симъ преимуществамъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, неограниченная свобода мыслить, говорить и писать. Нигдѣ въ свѣтѣ такъ свободно не говорятъ, не судятъ и не пишутъ, какъ въ Великобританіи и въ Америкѣ. Всякій, не боясь никого, говоритъ публично свое мнѣніе, даже о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, хвалитъ и осуждаетъ все по своей волѣ, не щадя даже тѣхъ, кои сидятъ у кормила правленія... Журналы и газеты, коихъ здѣсь великое множество и въ которыхъ каждый можетъ свободно изъяснять свои мысли, много пособствуютъ тому, чтобы знать общественное мнѣніе и голосъ народа». Сравнивая издержки на государственное управленіе, въ Америкѣ и европейскихъ монархіяхъ, авторъ письма отдавалъ громадное преимущество первой, въ томъ отношеніи, что ей не приходится тратиться ни на придворный штатъ, ни на «стоячее (постоянное) войско — главнѣйшее препятствіе возвышенію народнаго благосостоянія», — ни на толпу чиновниковъ, которые привыкли думать въ Европѣ, что «безъ нихъ не могла бы двигаться государственная машина». Похваливъ далѣе гласный судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и поставивъ высоко право каждаго арестованнаго требовать допроса не позже, какъ чрезъ три дня по взятіи подъ стражу, вопреки европейскому порядку, при которомъ «часто заключенный въ тюрьму по одному подозрѣнію, еще недоказанному, пьетъ горькую чашу», — авторъ, въ концѣ

своей характеристики, говоритъ: «Американцы могутъ о себѣ похвалиться: «у насъ царствуетъ свобода и просвѣщеніе; деспотизмъ и своевольство не могутъ здѣсь укорениться; налоги маловажны и ни для кого не стѣснительны; намъ не нужно держать многочисленныхъ командъ для охраненія внутренней безопасности и тишины; арміи наши всѣмъ снабжены, всѣмъ довольны; онѣ съ гражданами неразрывны: солдаты суть граждане, а граждане – солдаты, и никогда арміи наши не будутъ орудіями властолюбія какого-нибудь тирана; тюрьмы наши пусты; на улицахъ не увидишь нищихъ, въ лѣсахъ нѣтъ разбойниковъ» и пр. (№ 37). Защищая права народовъ на вольность и участіе въ правленіи, «Духъ Журналовъ» относился скептически къ клерикальнымъ фантазіямъ извѣстнаго Бональда, мечтавшаго о созданіи въ Европѣ христіанской республики подъ сѣнію «святѣйшаго престола», и осуждалъ дѣятельность не менѣе извѣстнаго реакціонера и доносчика Коцебу. «Политика Бональда—говорится въ разборѣ его книги: Reflections sur l'intérêt général de l'Europe — основана болѣе на великихъ воспоминаніяхъ прошедшихъ вѣковъ, нежели на приличіяхъ и потребностяхъ настоящаго времени. Онъ гремитъ именами Карла Великаго, Генриха IV, Боссюэта, Лейбница, и хочетъ приписать планамъ ихъ и предположеніямъ то безсмертіе, которое принадлежитъ именамъ ихъ... Пожалѣемъ о христіанской республикѣ, но не оснуемъ на семъ сожалѣніи надеждъ нашихъ. Сіе стремленіе къ равенству, замѣчаемое Бональдомъ въ разныхъ религіяхъ, дѣйствительно ли обѣщаетъ намъ единство и не ведетъ ли оно,—чего не дай Богъ,—къ ничтожеству? (курсивъ въ подлин-

никѣ). Сей свѣтъ, исшедшій отъ святаго престола и сей порядокъ и устройство, долженствующіе прійти оттуда же, не есть ли мечта воображенія? Всѣ сіи понятія такъ ли чисты, опредѣлительны, вѣрны и съ здравою политикою согласны, а—что всего болѣе—приспособлены ли они къ настоящимъ обстоятельствамъ?» (№ 5).

Когда «новый Энцеладъ», или Наполеонъ, убѣжалъ съ острова Эльбы и, враждуя съ европейскими государями, началъ воскрешать въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ идеи французской революціи, имъ же прежде подавленныя, то «Духъ Журналовъ» предостерегалъ своихъ читателей отъ этого ловкаго превращенія, не впадая впрочемъ—подобно другимъ изданіямъ того времени — въ ругательный тонъ, сопровождаемый множествомъ восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Онъ нападалъ даже на иностранныхъ (преимущественно нѣмецкихъ) писателей, которые своею неистовою бранью раздражали 25-ти-милліонную націю, проповѣдуя противъ нея «самую убійственную и опустошительную войну», имѣвшую своею конечною цѣлью—«разрушеніе Парижа» для блага, будто бы, всего свѣта *). Увлекшись политическими событіями, дѣйствительно представлявшими тогда громадный, всеобщій интересъ, издатель «Духа Журналовъ» призналъ за лучшее: «остановить на нѣкоторое время другія статьи, а статью «политика и исторія», какъ самую важную въ настоящее время, сдѣлать сколько возможно полною», при чемъ онъ «поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ—всѣ оффиціальные иностранные акты сооб-

*) См. «Духъ Журн.» 1815 г. №№ 17, 18, 19 и 41.

щать съ величайшею точностью (т. е. безъ пропусковъ и искаженій) въ переводѣ» [1]).

Политическія тенденціи «Духа Журналовъ» не замедлили навлечь на него нареканіе со стороны министра народнаго просвѣщенія (А. К. Разумовскаго), который сообщилъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа (Уварову),—недостаточно бдительному въ этомъ отношеніи,—что въ «Духѣ Журналовъ» печатаются «разныя неприличности» и «многія политическія статьи не въ духѣ нашего правительства». Какъ ни старался потомъ Яценковъ загладить дурное впечатлѣніе въ цензурѣ, помѣщая статьи въ родѣ: «Не въ конституціяхъ благо народа» или: «И конституціи бываютъ иногда гибельны народамъ» (№№ 46 и 50), раскаяніе его, повидимому, не признавалось искреннимъ, тѣмъ болѣе, что, забывая свои оговорки и отступленія, онъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, снова начиналъ толковать о конституціи, какъ о «драгоцѣннѣйшемъ залогѣ отеческой попечительности правительства» (1817 г. № 1), какъ о «благотворной планетѣ, имѣющей свой путь теченія, указанный самимъ Создателемъ» (1820 г. № 3). Превосходный случай для выраженія своихъ конституціонныхъ симпатій нашелъ «Духъ Журналовъ» въ рѣчи императора Александра, произнесенной въ 1818 г., въ Варшавѣ [2]). Но всѣ эти новыя провинности опять ставились на видъ журналу и довели его, наконецъ, до такой боязливой предусмотрительности,

---

[1]) См. «Духъ Журн.» 1815 г. № 24.

[2]) О статьяхъ «Духа Журналовъ» по этому поводу, а также о полемикѣ его съ «Сыномъ Отечества» по крестьянскому вопросу, см. въ 1 томѣ, стр. 226—232.

что въ 1820 г., возвращаясь къ описанію Сѣверной Америки, издатель, «для предупрежденія кривыхъ толковъ», счелъ необходимымъ присовокупить отъ себя примѣчаніе, что онъ помѣщаетъ эту статью «безъ всякаго сужденія объ оной и безъ приноровленія къ другимъ государствамъ».

Еще менѣе удачи имѣлъ «Духъ Журналовъ» въ обсужденіи нашихъ внутреннихъ, домашнихъ дѣлъ. Въ этой сферѣ,—на которую всегда устремлялось особенное вниманіе цензуры,—«Духъ Журналовъ» затронулъ въ 1815 г. (№ 16) вопросъ о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей, вѣроятно, не безъ связи съ современными ему интересами большинства населенія. Статья начиналась изложеніемъ взглядовъ Екатерины II-й, которая, по словамъ автора, «всегда прилагала величайшее попеченіе о дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, особливо въ столицахъ... тщательно развѣдывала, какими способами удобнѣе водворить дешевизну... и была совершенно увѣрена, что въ такой обширной и хлѣбородной губерніи (sic), какова Россія, при той свободѣ, какую даровала она внутренней торговлѣ и промышленности, чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на первыя потребности жизни не могло произойти ни отъ чего иного, какъ только отъ непомѣрной алчности къ прибытку и злоупотребленія власти». «Въ то время—иронически замѣчаетъ авторъ—еще неизвѣстно было правило финансовъ, будто дороговизна жизненныхъ припасовъ служитъ признакомъ умножающагося благосостоянія народнаго». Далѣе приводятся два письма Екатерины къ графу Я. А. Брюсу, въ которыхъ императрица выражаетъ желаніе, чтобы хлѣбный торгъ, въ отвращеніе дороговизны, былъ извлеченъ изъ рукъ нѣсколькихъ пере-

купщиковъ, «кои суть изъ плутовъ не послѣдніе»; а вслѣдъ за этими письмами авторъ приходитъ къ такому заключенію:

«Изъ сихъ писемъ усмотрѣть можно, какъ хорошо знала государыня духъ низкаго купечества и его козни. Извѣстно было ея величеству, что торгъ нѣкоторыхъ товаровъ бываетъ нерѣдко въ рукахъ малаго числа перекупщиковъ, которые легко могутъ сговориться поднять цѣну на товаръ по своему произволу. Для отвращенія сего злоупотребленія, она старалась открыть свободу торговли наибольшему числу купечествующихъ, дабы тѣмъ болѣе было соискателей, а чрезъ то истребилась бы монополія, которую государыня ни въ чемъ не терпѣла. Сими же правилами свободы руководствовалась монархиня и въ биржевой внѣшней торговлѣ, всегда имѣя въ предметѣ облегченіе народное, отъ дешевизны всѣхъ вещей проистекающее. А посему, въ царствованіе ея величества не могло того случиться, чтобъ одинъ или двое богатыхъ купцовъ первой гильдіи, согласясь между собою, скупили въ свои руки весь какой либо товаръ—положимъ, апельсины—и наложили бы на оный какую захотѣли цѣну. Государыня, давая полную свободу торговлѣ, не терпѣла стѣсненія народнаго ради набогащенія частныхъ корыстолюбцевъ, и такіе перекупщики скоро угодили бы въ Сибирь. Подобно сему, дѣйствительно, случилось въ Москвѣ. Одинъ немаловажный откупщикъ скупилъ весь скотъ, который гнали въ ту столицу, и послѣ продавалъ его такъ дорого, что говядина вдругъ поднялась съ 2-хъ или 3-хъ коп. до 15 коп. за фунтъ. Нынѣ это не удивитъ, но тогда не

то было. Дошло сіе до свѣдѣнія императрицы, и ея величество повелѣла главнокомандующему въ Москвѣ объявить тому безчестному перекупщику, что если онъ не уймется, то она пошлетъ его въ Сибирь—скупать быковъ».

Статья эта, заключавшая въ себѣ не болѣе, какъ скромные намеки на современныя экономическія условія, вызвала цѣлую бурю со стороны министерства полиціи, и разсужденія ея названы «не только самыми глупыми, безсмысленными, но и непозволительными, дерзкими, могущими имѣть вліяніе вредное на мнѣніе народное». «Какъ дерзнуть—восклицалъ генералъ Вязмитиновъ—человѣку, не имѣющему (что все сплетеніе нелѣпыхъ его разсужденій доказуетъ) ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ или пріемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена по части государственнаго хозяйства?» Графъ Разумовскій, которому жаловался генералъ Вязмитиновъ на статью «Духа Журналовъ», съ своей стороны, нашелъ ее неумѣстною и сдѣлалъ выговоръ петербургскому цензурному комитету, объяснивъ однакожъ, что подобныя разсужденія могли бы имѣть мѣсто только въ сочиненіи серьезнаго, ученаго содержанія, а не въ изданіи, доступномъ читателямъ различной степени образованія.

Затѣмъ «Духъ Журналовъ» подвергался осужденію за «статьи, содержащія въ себѣ разсужденіе о вольности и рабствѣ крестьянъ», хотя въ этихъ статьяхъ нѣкто Правдинъ (вѣроятно, изъ числа «знатныхъ господъ», которыхъ покровительства искалъ «Духъ Журналовъ») доказывалъ не-

нужность освобожденія русскихъ крестьянъ, на томъ основаніи, что они, имѣя земельную собственность, «живутъ, какъ у Христа за пазухой», невпримѣръ счастливѣе западно-европейскихъ пролетаріевъ или арендаторовъ чужихъ земель. Въ противномъ случаѣ, Правдинъ рисовалъ ужасную картину:

«Но въ угодность любителей преобразованій сдѣлаемъ предположеніе, что наши крестьяне могли бы быть (освобождены) на томъ же основаніи, какъ иностранные, и посмотримъ: какія будутъ изъ того послѣдствія? Во первыхъ, существующая нынѣ, можно сказать, семейная связь между помѣщиками и крестьянами совершенно пресѣчется; эгоизмъ помѣщиковъ возрастетъ до такой же высшей степени, какъ въ чужихъ краяхъ, и истребитъ старинную русскую хлѣбъ-соль. Первое и величайшее притѣсненіе, которое помѣщикъ можетъ сдѣлать мужикамъ, будетъ то, чтобы потребовать съ нихъ несоразмѣрную цѣну за наемъ земель его, и въ этомъ ему воспрепятствовать нельзя: ибо въ своемъ добрѣ всякъ воленъ. Ежели мужикъ не согласится на требуемую цѣну, то стóитъ только погрозить ему, что выгонятъ его изъ села. Куда же онъ, бѣдненькій, дѣнется съ семействомъ, домомъ и всѣмъ заведеніемъ? Перевозка чего будетъ стоить! Онъ же не привыкъ къ цыганской жизни; а ежели еще въ добавокъ согласятся (помѣщики) между собою въ цѣнѣ, то совершенно мужику некуда дѣваться; тогда онъ принужденъ согласиться на все, хотя бы и увѣренъ былъ, что не въ силахъ будетъ, безъ крайняго раззоренія, выполнить свое обязательство. Придетъ время платежа, и онъ долженъ все

продать, хотя за безцѣнокъ, дабы удовлетворить помѣщика за нанимаемую у него землю, чтобы еще хоть годокъ на одномъ мѣстѣ пожить. Во вторыхъ, помѣщикъ захочетъ уже одинъ пользоваться всѣми выгодами, какія ему доставляетъ мѣстное положеніе его вотчины; прежде онъ безмездно раздѣлялъ ихъ съ своими крестьянами, почитая ихъ своими дѣтьми; но теперь онъ съ нихъ, какъ ему чуждыхъ, потребуетъ за всякую бездѣлицу немалую плату, зная, что имъ безъ того обойтись нельзя. Придетъ ли время внести казенныя повинности—кто велитъ помѣщику помогать въ томъ мужикамъ? Кто пособитъ имъ въ нуждахъ ихъ? Кто защититъ ихъ отъ постороннихъ обидъ? И гдѣ правительство ихъ найдетъ, ежели они будутъ въ разбродѣ.—Конечно, можетъ быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это весьма еще подлежитъ сомнѣнію; но мужики навѣрно будутъ раззорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ».

Авторъ статьи, какъ видно, и не предвидѣлъ такого «оборота дѣла», по которому крестьянинъ пріобрѣталъ бы въ собственность обработываемую имъ землю, съ выкупомъ отъ казны; но объ этомъ исходѣ думали, въ то время, только немногія личности, въ родѣ Н. И. Тургенева.

Въ отвѣтъ на замѣчанія и выговоры, объявляемые Яценкову, энергическій цензоръ-издатель ссылался на цензурный уставъ, дозволяющій «скромное и благоразумное изслѣдованіе предметовъ управленія государственнаго», а въ доказательство пользы свободнаго книгопечатанія указывалъ на «многократныя повторенія о томъ» въ оффиціальной «Сѣверной Почтѣ», издаваемой подъ руководствомъ самого ми-

нистра народнаго просвѣщенія (А. Н. Голицына), который, дѣйствительно, исправлялъ въ 1817 г., въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, должность министра внутреннихъ дѣлъ, и слѣдовательно долженъ былъ отвѣчать, на ту пору, за направленіе «Сѣверной Почты».

Цензура, однако, продолжала бодрствовать надъ либеральнымъ журналомъ, и въ 1819 г., за статью о сохранныхъ кассахъ,—въ которой усмотрѣно было возбужденіе низшихъ сословій противъ высшихъ,—Яценковъ получилъ приказаніе закрыть свой журналъ*). Но онъ и тутъ съумѣлъ какъ-то дотянуть свое изданіе до 1820 г., когда оно было окончательно запрещено.

Исторія «Духа Журналовъ» показываетъ, какъ нельзя ясно, ту разноголосицу понятій, которая существовала въ самомъ цензурномъ управленіи, касательно правъ печати и общественной пользы, приносимой ею. Борьба одного цензора противъ цѣлаго вѣдомства цензуры представляетъ, съ этой точки зрѣнія, много поучительнаго...

*) Статья эта представляетъ, въ сущности, весьма невинныя размышленія о томъ, что «свободный работникъ», не обезпеченный въ своемъ существованіи ни поземельною собственностью, ни капиталомъ,—«истинный рабъ системы наемничества, которая, какъ зараза, распространяется во всей Европѣ»,— только въ правильномъ и повсемѣстномъ устройствѣ сохранныхъ банковъ можетъ найти для себя поддержку, выгодно помѣщая тамъ свои маленькія сбереженія. Но отъ этой частной темы авторъ дѣлаетъ отступленіе къ общему характеру нашихъ гражданскихъ уставовъ и говоритъ съ сожалѣніемъ: «Какъ часто мы винимъ людей въ томъ, въ чемъ виновны гражданскія наши учрежденія! Спрашивается, есть ли возможность ремесленнику или работнику быть бережливымъ?... Подлинно, когда подумаешь, что богатый. положивши въ банкъ тысячи или сотни тысячъ, легкимъ трудомъ пріобрѣтенныя, получаетъ на оныя безъ всякой заботы знатные проценты, а бѣднякъ не имѣетъ мѣста положить сохранно свою копѣйку, пòтомъ и кровью нажитую,—подлинно, говорю, нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, кото-

ЖУРНАЛЬНЫЙ ТРІУМВИРАТЪ.

(Очеркъ изъ исторіи русской журналистики тридцатыхъ годовъ).

....

I.

Въ исторіи русской журналистики, до сихъ поръ весьма мало разработанной, есть нѣсколько періодовъ, на которыхъ преимущественно должно остановиться вниманіе изслѣдователей. Мы говоримъ: нѣсколько періодовъ, потому что, при нашемъ порывистомъ общественномъ развитіи, исторія журналистики, какъ вѣрнаго отраженія умственной жизни общества, — не представляетъ цѣльной, во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково занимательной картины. Наши журналы, какъ и вся общественная жизнь, ихъ породившая, шли бо̀льшею частію кое-какъ, и, только въ немногіе моменты, или внезапно оживали подъ вліяніемъ сильной и талантливой личности, въ родѣ Новикова, Карамзина и Полеваго (до его переѣзда въ Петербургъ), или же мгновенно упадали до самой низкой степени подъ давленіемъ обстоятельствъ. Словомъ, журналистика слишкомъ зависѣла отъ случайной даровитости одного какого нибудь редактора, почти безраздѣльно несшаго на своихъ плечахъ всю тяжесть журнальнаго дѣла, а также отъ разныхъ постороннихъ условій, прихотливо измѣнявшихъ ея теченіе... Но въ обоихъ

рыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы! У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, а у бѣднаго малая лепта пропадаетъ, какъ зёрна, падшія на камень или на распутіи». («Духъ Журн », 1819 г. № 2). Эти то строки и возбудили негодованіе цензуры.

случаяхъ—крайняго упадка и высшаго процвѣтанія—исторія журналистики становится дѣйствительно интересной: по этимъ выдающимся точкамъ можно смѣло судить о цѣлыхъ періодахъ нашего общественнаго развитія. Однимъ изъ такихъ интересныхъ эпизодовъ было время между 1835—40 годами, когда вся русская литература находилась подъ гнетомъ трехъ предпріимчивыхъ журналистовъ: Булгарина, Греча и Сенковскаго. Эти годы были особенно счастливы для «Сѣверной Пчелы», «Сына Отечества» и «Библіотеки для Чтенія» —трехъ дружныхъ органовъ, солидарныхъ между собой въ главныхъ чертахъ своей дѣятельности и вліянія на публику. Возставать противъ такого деспотическаго господства было въ то время весьма неудобно; въ особенности сильна была «Сѣверная Пчела». Говорить о монополіи этой газеты на политическія новости и ежедневный выходъ считалось дѣломъ самымъ предосудительнымъ; ниже мы представимъ образчикъ подобнаго намека, не попавшаго, по этому самому, въ печать. Ни цензоры, ни издатели не рѣшались допустить такой нападки: въ обществѣ говорили даже (справедливо или нѣтъ), что эта привилегія «Сѣверной Пчелы» была закрѣплена за ней канцелярскимъ порядкомъ.*) Самъ авторъ враждебной «Пчелѣ» статьи не могъ считать себя безопаснымъ отъ разныхъ непріятностей, потому что Булгаринъ (какъ это видно изъ одного документа, приведеннаго въ концѣ III-ьей главы) имѣлъ обыкновеніе сопровождать свои печатныя статьи кое-

*) Такое мнѣніе высказывалъ мнѣ покойный кн. Вл. Ѳед. Одоевскій, много воевавшій на своемъ вѣку противъ этой журнальной клики. Онъ же передалъ мнѣ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ этой интересной эпохѣ.

какими письменными жалобами и кляузами. Воскуряя өиміамъ сильнымъ людямъ, «Сѣверная Пчела» въ то же время бросала грязью на людей въ опалѣ—за нихъ вѣдь некому было вступиться!—и творила это дѣло безнаказанно; ея критическія статьи вырѣзаны были почти всѣ по одной мѣркѣ: начинались толкованіями о безкорыстіи, безпристрастіи, слѣпой преданности и другихъ добродѣтеляхъ, и въ эту рамку вставлялись самыя зазорныя обвиненія противъ нелюбимыхъ авторомъ личностей. Обвиненія казались какъ бы естественнымъ выводомъ изъ теоретическаго изложенія о добродѣтели; одно проходило въ печать по милости другого, и читатель волей-неволей попадался въ эту грубо обтесанную, но хитро придуманную ловушку. Разоблачать эти продѣлки было трудно при тогдашнихъ условіяхъ, да и мало находилось охотниковъ брать на себя эту неблагодарную обязанность. Три названные журнала, братски соединенные между собою, помогали другъ другу держать въ блокадѣ все, что̀ имъ не потворствовало, и всякое изданіе, осмѣливавшееся не принадлежать къ этой фалангѣ, систематически сживали со свѣту. Бѣдность и безсиліе остальной журналистики способствовали усиленію ихъ власти: «Прибавленія къ Инвалиду», въ которыхъ проскальзывали иногда протесты противъ «Сѣверной Пчелы», читались мало; «Московскія Вѣдомости» и не развертывались въ Петербургѣ (онѣ далеко не имѣли того значенія, какое пріобрѣли въ послѣднее время); «Телеграфъ» прекратился (въ 1833 г.), вскорѣ послѣ него палъ и «Телескопъ» (въ 1836 г.); «Современникъ» же, возникшій въ 1836 г. по инициативѣ Пушкина, не былъ журналомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вообще оппозиція противъ

литературнаго тріумвирата была слаба, и борьба выходила неровная, ибо,—какъ мы сказали уже,—тогда считалось пріемомъ позволительнымъ: наводить на противника подозрѣніе въ неблагонамѣренности, безвѣріи, вольнодумствѣ и тому подобныхъ вещахъ. Публика была въ то время довольно равнодушна ко всему, происходившему въ русской литературѣ; статьи противъ Пушкина, правда, возбуждали иногда негодованіе; но вообще ихъ вульгарное остроуміе приходилось какъ разъ по плечу большинству читателей. Такъ называемый высшій кругъ, имѣвшій прямое и непосредственное вліяніе на судьбы нашего просвѣщенія, и не зналъ, что творится въ русской литературѣ: —для него Булгаринъ и Александръ Анфимовичъ Орловъ были такими же литераторами, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ. «Сѣверная Пчела», какъ единственная ежедневная газета, доходила иногда и до гостиныхъ, и съ ней справлялись на высотѣ салоннаго величія, когда заговаривали о русской литературѣ.

Если «Сѣверная Пчела» проникала порой въ высшее общество, то «Библіотека для Чтенія» жадно читалась въ среднемъ кругу. «Сынъ Отечества», журналъ менѣе значительный, былъ всегда покорнымъ сателлитомъ своихъ сильнѣйшихъ собратьевъ. Вредъ, наносимый и литературѣ, и русскому просвѣщенію стачкою журналистовъ, этотъ параличъ, наложенный ихъ тріумвиратомъ не на ту или другую мысль, но на самую способность мышленія, на всякое независимое понятіе, не принадлежавшее къ извѣстному приходу, — все это представлялось для салоновъ въ видѣ взаимной зависти между литераторами, которые непристойно бранятся и которыхъ слѣдовало бы унять. Руководящая мысль, высказанная тог-

да: «Je veux, que la censure ne soit qu'un garde-fou» (цензура должна быть лишь перилами *) узко понималась низшими исполнителями, и перила частенько обращались въ прямую преграду для всякаго живаго и свѣжаго слова. Люди съ высокими соображеніями толковали, что гораздо проще и удобнѣе имѣть одинъ или два журнала, и притомъ такихъ, съ которыми при случаѣ нечего церемониться, нежели возиться со многими и притомъ непокорными; одинъ изъ такихъ господъ даже громогласно говорилъ: «Vaut mieux le monopole, que des journaux». Таковъ былъ духъ времени.

II.

Начнемъ съ «Сѣверной Пчелы». Изданіе это возникло въ 1825 г. подъ редакціей гг. Греча и Булгарина. Въ то время, имя Булгарина еще не было синонимомъ тѣхъ журнальныхъ качествъ и пріемовъ, какіе сопряжены съ нимъ теперь, благодаря преимущественно остроумнымъ памфлетамъ Ѳеофилакта Косичкина и желчнымъ нападкамъ В. Г. Бѣлинскаго. Булгаринъ, въ это время, сильно либеральничалъ, ухаживалъ за Рылѣевымъ и выхвалялъ его «Думы»; Рылѣевъ, въ свою очередь, посвящалъ ему свои произведенія. Журнальная дѣятельность была для Булгарина пробнымъ камнемъ, на которомъ онъ и высказался окончательно. Съ перемѣной вѣтра, измѣнилось мгновенно и литературное

*) Выраженія эти приписывались самому императору Николаю Павловичу.

его направленіе, такъ что въ періодъ времени, разсматриваемый нами, Булгаринъ создалъ себѣ очень опредѣленную литературную физіономію, въ которой ни одна черта не напоминала его, нѣсколько «скромпрометированное», прошлое. Во всѣхъ отдѣлахъ своей газеты Булгаринъ проводилъ, если не всегда умно и послѣдовательно, то задорно и настойчиво, извѣстную мысль, извѣстную тенденцію. Сохраненіе statu quo во всей его неприкосновенности и противодѣйствіе реформаторскимъ идеямъ, заносимымъ къ намъ съ Запада, составляли его задачу. Этому направленію соотвѣтствовали, прежде всего, политическій и внутренній отдѣлы «Сѣверной Пчелы». Мы полагаемъ, что читателямъ будетъ небезъинтересно узнать какъ объемъ политическихъ вопросовъ, доступныхъ въ то время журнальному обсужденію, такъ и самый способъ обсуждать ихъ. Въ 1836 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, отрядъ австрійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кауфмана, занялъ вольный городъ Краковъ. Незадолго же до этого событія, три державы, подписавшія актъ раздѣленія Польши, представляли сенату краковской области строгій ультиматумъ, въ которомъ требовалось: «удалить всѣхъ польскихъ выходцевъ въ теченіи 8 дней, а равно и подданныхъ иностранныхъ государствъ, на которыхъ три державы укажутъ, какъ на лица подозрительныя». Неисполненіе этого требованія и было оффиціальнымъ предлогомъ къ занятію области. Генералъ Кауфманъ, вступивъ въ область, издалъ прокламацію, въ которой говорилъ, что «высокіе покровители вольнаго города Кракова нашлись вынужденными рѣшиться на исполненіе, собственными средствами, мѣры, признанной ими необходимою (это называлось

на дипломатическомъ языкѣ «очищеніемъ предѣловъ области») для возвращенія мирнымъ жителямъ спокойствія и безопасности, коими они наслаждались до сего времени». При этомъ Кауфманъ обѣщалъ, что «по освобожденіи города отъ опасныхъ людей, войска выйдутъ изъ предѣловъ республики». Фактъ занятія Кракова былъ сообщенъ со всею подробностью въ 46—48 №№ «Сѣверной Пчелы», но своего мнѣнія газета не высказала,—такой роскоши въ то время не полагалось,—ограничившись только перепечаткою передовой статьи изъ австрійскаго «Наблюдателя». Тонъ этой статьи былъ вполнѣ враждебенъ краковской независимости и уже давалъ возможность предвидѣть извѣстный всѣмъ, дальнѣйшій исходъ этого дѣла. Вообще «Сѣверная Пчела» сильно благоволила къ Австріи. Въ «Очеркахъ Австріи» (С. Пч. 1837 г., №№ 29—30), Тироль, Штирія, Иллирія и др. австрійскія земли являются чуть не земнымъ эльдорадо. «Штирія славится радушіемъ и гостепріимствомъ»; «Иллирія—прелестнѣйшая страна Европы, значительная въ торговомъ отношеніи» и т. д. Словомъ, довольство, счастіе и невозмутимый покой господствуютъ въ этомъ углу Европы. Менѣе снисходителенъ становится нашъ публицистъ, когда рѣчь заходитъ объ Англіи и конституціонной Франціи. Тутъ онъ является неумолимымъ къ народу, присвоившему себѣ представительныя права, и къ власти, допустившей такое вмѣшательство въ свои дѣйствія. Разсуждая о заговорѣ Фіэски на жизнь французскаго короля, «Сѣверная Пчела» присовокупляетъ къ этому строгіе упреки своеволію французской націи и слабости власти. Самый процессъ Фіэски описывается весьма курьезно: «Получившій или купившій билетъ

для входа въ залу судилища перовъ былъ принужденъ являться въ 10 часовъ утра у дверей люксембургскаго дворца и ждать впуска, какъ въ театрѣ... Достойно замѣчанія легкомысліе, съ которымъ происходили сужденія. Перы не обращали вниманія ни на какіе посторонніе пункты. Сколько ни старался королевскій прокуроръ доказывать, что въ заговорѣ участвовали члены «Общества правъ человѣчества», перы не думали допрашивать свидѣтелей, сознавшихся въ участіи въ этомъ тайномъ обществѣ. Какой-то студентъ назвался пріятелемъ Буаро (одинъ изъ заговорщиковъ) и поклонился ему подружески; но на него не обратили вниманія, потому что не хотятъ знать никакихъ обстоятельствъ. Вообще перы не показываютъ въ производствѣ процесса большой мудрости. Они могли бы завлечь(!) въ процессъ цѣлую партію, но теперь не могутъ ничего доказать и только раздражаютъ эту партію. Судьи, созванные для произнесенія важнаго приговора, дозволяютъ преступнику Фіэски разыгрывать свою дерзкую роль. (Фіэски, какъ видно изъ описанія, часто смѣялся, поворачивался къ галлереямъ, шутилъ съ адвокатами). Зрители смѣются, перы имъ вторятъ. Такимъ образомъ употребляется во зло хваленая гласность, и важное дѣйствіе правосудія превращается легкомысліемъ въ народное игрище».

Свободная печать, — какъ одно изъ важныхъ условій представительнаго правленія,—также подвергалась осужденію «Сѣверной Пчелы». Въ статьѣ Булгарина: «Бульверъ въ Франціи» (Сѣверная Пчела 1836 г. № 189), мы находимъ слѣдующія строки: «Франція до сихъ поръ не дошла еще до того, чтобы большинствомъ благонамѣренныхъ людей

обуздать малое число изступленныхъ сумасбродовъ, наводящихъ безпокойство на всю Европу. Слава Богу, что уже въ самой Франціи ихъ презираютъ. Имъ осталось одно орудіе—книгопечатаніе.—Своеволіе, недостатокъ воспитанія, гордость, бѣдность, лѣнь образуютъ злодѣевъ, которыхъ можно было бы сдѣлать людьми полезными при сильныхъ мѣрахъ правительства. Воля ваша, но Алжиръ и вѣчная война съ бедуинами необходимы для Франціи. Куда дѣвать этихъ сумасбродовъ?» Здѣсь Булгаринъ съ насмѣшкой цитируетъ слова одного политическаго заговорщика, произнесенныя имъ передъ судомъ, въ которыхъ виновный жалуется на то, что, будучи сыномъ пролетарія, онъ не могъ получить порядочнаго образованія, такъ какъ за это образованіе некому было платить. Вопросъ о пролетаріатѣ, возникшій въ то время во Франціи, былъ непонятенъ для нашего публициста. Говоря о республиканцахъ, Булгаринъ называетъ ихъ не иначе, какъ сумасбродами, и формулируетъ ихъ желанія такимъ образомъ: «чтобъ никто не платилъ податей, никто не бралъ жалованья, чтобъ никто не повелѣвалъ и никто не повиновался». Но изобразивъ мрачными красками положеніе дѣлъ во Франціи, Булгаринъ вооружается еще болѣе, когда рѣчь заходитъ объ Англіи и ея политической прессѣ. «Не взирая на нашихъ англомановъ, — злобствуетъ онъ, — мы говоримъ откровенно, что ни въ одной странѣ нѣтъ такого своеволія книгопечатанія, какъ въ Англіи. Въ Англіи противники литературной или политической партіи нападаютъ на своихъ враговъ не однимъ орудіемъ насмѣшки, но и самой гнусной клеветою, самой пошлой бранью. Въ англійскихъ журналахъ напа-

даютъ на жену, дѣтей, друзей, родныхъ врага, открываютъ тайны домашней жизни, разоблачаютъ характеры, чтобы только погубить человѣка въ общемъ мнѣніи. Вспомните, что̀ писали въ англійскихъ газетахъ во время процесса королевы, во время преній о биллѣ парламентской реформы, прочтите, что̀ говорятъ въ журналахъ о Веллингтонѣ. Грубость, ложь и безстыдство въ преслѣдованіи журнальномъ дошли въ Англіи до высочайшей степени. Послѣ этого должно ли удивляться, что журнальные писатели не пользуются уваженіемъ и скрываютъ свои имена, а газета страшна, какъ чума или громовой ударъ. — Самыя гнусныя, самыя безбожныя правила проповѣдуются простому народу и продаются воровски за малую цѣну». Этотъ рѣзкій отзывъ объ англійской журналистикѣ повелъ къ маленькому, такъ сказать, семейному раздору въ редакціи «Сѣверной Пчелы». Въ 1837 г. Н. И. Гречъ, съѣздивъ за границу, прислалъ оттуда свои «Путевыя Записки» (Сѣверная Пчела 1837 г. № 154), въ которыхъ онъ нѣсколько вступается за честь Англіи. Въ одной главѣ этихъ «Записокъ», подъ названіемъ: «Англійскій парламентъ и французскія палаты», г. Гречъ хвалитъ представительныя учрежденія Англіи, а дальше защищаетъ, въ немногихъ словахъ, и ея прессу. «Англичане — говоритъ нашъ туристъ — достойны если не безусловнаго подражанія, то искренняго уваженія благомыслящихъ людей, хотя—прибавляетъ онъ въ ограниченіе своей похвалы —члены англійскаго парламента вообще не наблюдаютъ никакого приличія въ засѣданіи и сидятъ, избоченясь или развалившись». Зато о французской палатѣ и о французской

прессѣ Гречъ и Булгаринъ отзываются съ полнымъ единодушіемъ. «Личная выгода—пишетъ г. Гречъ въ той же главѣ—и тщеславіе суть главные двигатели всѣхъ здѣшнихъ дѣйствій. Общая польза, благо отечества вплетаются въ рѣчи только для округленія періодовъ. Въ палатѣ члены раздѣляются на 20 различныхъ партій, движимыхъ противными выгодами и личными отношеніями. Бѣдствіямъ и терзаніямъ конституціонной Франціи значительно содѣйствуетъ свобода тисненія. Журналы и газеты, издаваемые людьми жадными, безсовѣстными и развратными, сдѣлались орудіемъ и отголоскомъ лжи, клеветы, обмана и всѣхъ гнусныхъ страстей. Всѣ, безъ исключенія, всѣ порядочные люди предаютъ проклятію эту бѣдственную свободу, всѣ предсказываютъ, что она повергнетъ Францію въ новую пучину золъ. Говоря объ этомъ съ почтеннымъ Карломъ Нодье, я спросилъ у него: развѣ нѣтъ средствъ основать журналъ, въ которомъ говорили бы истину, излагали бы правила правды, чести, любви къ отечеству и религіознаго благочестія?—«Нѣсколько разъ пытались, отвѣчалъ онъ. Честные люди составляли на то общества и капиталы, начинали изданіе, но оно скоро упадало. Люди благонамѣренные обращаются къ разсудку и къ совѣсти читателей, негодяи потворствуютъ ихъ страстямъ. Толпа отвращается отъ лѣкарства и прибѣгаетъ къ напиткамъ, ошумляющимъ чувства.»—«И въ Англіи—продолжаетъ г. Гречъ —(Сѣверная Пчела 1837 г. № 156) господствуетъ свобода тисненія; но какъ пользуются тамъ этимъ правомъ? Благоговѣя предъ религіей, уважая права престола, окружая царей любовью, почтеніемъ и довѣренностью. Форма правле-

нія не имѣетъ вліянія на величіе царствъ и народовъ. Дайте англичанамъ правленіе турецкое или персидское: оно сдѣлается источникомъ ихъ блага и богатства»(!). Отзывъ Греча объ англійской журналистикѣ прямо противорѣчитъ тому, что̀ высказано было о ней же Булгаринымъ.

Подобныя непослѣдовательности и противорѣчія нерѣдко попадались въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ особенности часто встрѣчались они въ ея литературно-критическомъ отдѣлѣ, гдѣ, напримѣръ, вслѣдъ за бранью на Гоголя (Сѣв. Пч. 1836 г. № 12), появлялась хвалебная статья объ немъ (ibid. № 26), а о Пушкинѣ было высказано множество противоположныхъ одно другому мнѣній. Иногда—но очень рѣдко—появлялись въ «Сѣверной Пчелѣ» статьи и замѣтки, — или лучше сказать, отдѣльныя мысли,—нимало не согласовавшіяся съ общимъ тономъ этого журнала. Такъ напр. въ статьѣ: «Настоящій моментъ и духъ нашей литературы» (ibid. № 10), Булгаринъ говорилъ: «Въ человѣкѣ мысль безпрестанно движется. Застой мысли есть нравственная смерть. Люди, которые не мыслятъ, не живутъ для человѣчества. Это машины». Въ другой статьѣ (ibid. № 97) онъ же толковалъ, что изящная литература должна, по мѣрѣ возможности, «приближаться къ натурѣ, къ жизни, и оттуда черпать содержаніе для своихъ произведеній». Но ни то, ни другое нельзя брать въ разсчетъ при общей оцѣнкѣ его газеты: говоря о движеніи мысли въ одномъ нумерѣ своей газеты, Булгаринъ тормозилъ эту мысль въ сотнѣ другихъ нумеровъ, а выставляя обязанностью для художника приближаться къ природѣ, онъ, въ той же статьѣ, осуждалъ Гоголя за цинизмъ и неприличіе «Ревизора». Также точно,

похваливъ новый таможенный уставъ за сбавку пошлинъ съ нѣкоторыхъ предметовъ заграничной торговли и даже назвавъ снисходительно «поэтическою мечтою» принципъ свободной торговли,—«Сѣверная Пчела» настаивала на самой стѣснительной регламентаціи во всѣхъ другихъ отрасляхъ общественной жизни. Эти маневры и уклоненія въ сущности ничего не значили, никого не обманывали и нимало не нарушали основной тенденціи «Сѣверной Пчелы». Въ самомъ противорѣчіи этой газеты объ англійской журналистикѣ виденъ все-таки одинъ и тотъ же масштабъ для оцѣнки прессы, хотя, по оплошности редакціи, выводы оказались несогласными между собою.

Призывая громы на всю иностранную политическую прессу за ея неблагонамѣренное направленіе, Булгаринъ не оставлялъ безъ порицанія и беллетристику того времени, преимущественно произведенія Жоржъ-Занда, Виктора Гюго и др. французскихъ авторовъ, которые, естественно, не нравились Булгарину,—такъ какъ они возставали противъ многихъ соціальныхъ явленій и облекали свои протесты въ живое, энергическое, сильно дѣйствующее слово. Между тѣмъ самая идея подобнаго протеста не допускалась «Сѣверною Пчелою». «Безвкусіе, неистовство и наглость французской школы—говорится въ № 182 «Сѣверной Пчелы» 1836 года —по справедливости обратили на себя негодованіе литераторовъ благонамѣренныхъ, благонравныхъ и добросовѣстныхъ. Особенное вниманіе обратила на себя, въ этомъ отношеніи, женщина, одаренная необыкновенными талантами, Аврора Дюдеванъ, издающая свои творенія подъ именемъ Жоржъ-Занда. Всѣ ея сочиненія написаны очень смѣло, безъ

всякаго закрытія, отнюдь не женскою кистью; особенно отличается цинизмомъ, безстыдствомъ и безнравственностью одинъ изъ ея романовъ—«Лелія».

Нападки Булгарина были, на этотъ разъ, вполнѣ послѣдовательны съ его точки зрѣнія: всякая умственная тревога, всякое недовольство настоящимъ, разумно оправданное, весьма заразительны и, по самой силѣ вещей, легко сообщаются отъ одного человѣка къ другому, отъ писателя къ цѣлому обществу. Русскому же обществу, по понятію «Сѣверной Пчелы», нечего было желать въ данную минуту. Вотъ какими красками описывались постоянно въ «Сѣверной Пчелѣ» наша общественная жизнь и отношенія между сословіями въ Россіи: «Гдѣ на Руси, благоденствующей подъ сѣнью мира, отъ довольства и простора въ быту, не хлопотлива широкая масляница, съ незапамятныхъ временъ обратившаяся въ народный праздникъ! Въ сіи разгульные дни и знать, и простолюдины спѣшатъ допить чашу земныхъ наслажденій; но веселости дѣлаются свѣтлы и берутъ нравственный характеръ, когда тѣ, коимъ судьба предоставила въ удѣлъ обиліе, не забываютъ, что есть и такіе, для которыхъ дорогъ кусокъ насущнаго хлѣба. Костромское общество дворянъ, изстари руководимое симъ возвышеннымъ чувствомъ, 7-го февраля назначило благородный спектакль въ пользу самыхъ бѣднѣйшихъ семействъ. Въ первый день наступленія поста, въ 33 хижинахъ, благодарными слезами убогихъ матерей оросились нежданныя подаянія». («Сѣверная Пчела» 1836 г. № 48).

Подобныя же извѣстія, вырѣзанныя какъ бы по одной мѣркѣ, доставлялись корреспондентами изъ Москвы, Киши-

нева, Екатеринославля и другихъ городовъ. Словомъ, всѣ эти благоухающія, безобидныя корреспонденціи еще не давали никакой возможности предвидѣть появленіе «литераторовъ-обывателей» съ ихъ обличительными замыслами. Если состояніе нашего общества, построеннаго тогда на крѣпостномъ правѣ, вполнѣ удовлетворяло требованіямъ Булгарина, то онъ, конечно, оставался доволенъ и дѣятельностью нашихъ учебныхъ заведеній. Воспитаніемъ того времени «Пчела» не могла нахвалиться. «Въ Россіи—гласитъ письмо изъ Воронежа («Сѣверная Пчела» 1837 г. № 234)—издревле предупреждались нужды народныя. Мало того, что Петербургъ усѣянъ учебными заведеніями, мало того, что въ Москвѣ они годъ отъ году умножаются, несмотря на то, что на краяхъ имперіи, въ Тифлисѣ, Одессѣ, Варшавѣ, заведенія сіи процвѣтаютъ, несмотря на все это, почти въ каждомъ губернскомъ городѣ воздвигаются учебныя заведенія, и въ нашемъ счастливомъ Воронежѣ предназначено быть кадетскому корпусу на четыреста воспитанниковъ».

Защищая со всѣхъ сторонъ нашъ общественный бытъ того времени, «Сѣверная Пчела» весьма интересовалась дурными слухами, распускаемыми про насъ за границею въ печатныхъ книгахъ и брошюрахъ, и подвергала строгому нареканію всѣхъ авторовъ подобныхъ произведеній. Ея бдительность въ этомъ отношеніи заслуживаетъ замѣчанія. «Въ Берлинѣ—пишетъ заграничный корреспондентъ «Сѣверной Пчелы» (Сѣверная Пчела 1836 г. №№ 1 и 2),—имѣли мы случай читать неукротимыя статьи иностранныхъ газетъ, въ которыхъ, на перехватъ, старались въ неблагопріятномъ видѣ представлять все, что происходило въ Калишѣ, въ

1813 г. Преувеличеніемъ, искаженіемъ не ограничивалось желаніе подкупленныхъ издателей вредить намъ; нѣтъ! они начали позорно лгать, составлять (sic) происшествія, говорить за нашихъ солдатъ и пр., однимъ словомъ, писать все, что̀ доступно лишь чувствамъ тщедушнаго газетчика, продающаго нафабрикованныя рѣчи и мысли, вѣсами порока, за плату той или другой стороны. Не стану терять времени въ вычисленіи всѣхъ бредней газеты аугсбургской и другихъ». Далѣе говорится, что, кромѣ газетныхъ статей, за границей появляются цѣлыя сочиненія, въ которыхъ «разбираются или, лучше сказать, раздираются наша новѣйшая исторія, указы императора и вообще внутреннее положеніе дѣлъ въ Россіи». Въ этихъ сочиненіяхъ, по словамъ той же статьи, «не довольствуются описаніемъ нашего отечества, но впускаютъ зондъ въ предметы описанія, притомъ зондъ, напитанный ядомъ». «И кто могутъ быть ихъ авторы?» спрашивалъ самъ себя корреспондентъ. «Какой нибудь гувернеръ, эмигрантъ, бѣжавшій изъ Россіи отъ долговъ, подкупленный космополитъ, какая нибудь нарумяненная, безнравственная герцогиня или, наконецъ, одинъ изъ тѣхъ недостойныхъ сыновъ Россіи, которые гонимы законами или совѣстью и скитаются по свѣту, какъ преступныя души, непріемлемыя нѣдрами земли». Изъ числа этихъ вредныхъ брошюръ коррреспондентъ упоминаетъ объ одной, которая появилась въ Швейцаріи, по поводу указа 17 апрѣля 1835 г. на счетъ заграничныхъ поѣздокъ русскихъ. Авторъ этой брошюры, по словамъ корреспондента, предлагалъ Россіи уступить сосѣднимъ государствамъ свои по-

граничныя владѣнія (какъ-то: Финляндію, Польшу, Крымъ и др.), и «сосредоточиться на меньшемъ пространствѣ, гдѣ благосостояніе ея увеличится». Предлагалъ же онъ это, приводя въ примѣръ частнаго человѣка, который «охотно уступаетъ часть своего имѣнія, если не почитаетъ себя въ силахъ сносить трудность управленія имъ». Корреспондентъ «Сѣверной Пчелы» энергически возсталъ противъ этихъ, болѣе фантастическихъ, нежели сепаратистскихъ стремленій, и изъявилъ основательную надежду, что «никто изъ русскихъ не увлечется злоцѣльными умствованіями такихъ книгъ, наполненныхъ парадоксами и софизмами». Въ другой разъ, въ статьѣ подъ названіемъ: «Опять вздоры объ Россіи» (1836 г. № 55), «Сѣверная Пчела» напала на какого-то нѣмца, напечатавшаго въ журналѣ Ausland статью, оскорбительную для Россіи. Оскорбленія эти состояли, между прочимъ, въ томъ, что въ «Россіи, по словамъ нѣмецкаго автора, строятъ безобразныя печи», тогда какъ, по увѣренію нашей газеты, «русскіе мастера дѣлаютъ прелестныя печи», и еще въ томъ, что нѣмцу не понравились русскія сани и войлочные сапоги, употребляемые крестьянами.

Принципы и сочувствія «Сѣверной Пчелы» отражались, съ нѣкоторыми уклоненіями, въ ея критическомъ и библіографическомъ отдѣлѣ, и изъ новыхъ книгъ похвалялись обыкновенно только тѣ, которыя, по своему направленію, подходили вполнѣ подъ общій тонъ газеты. Ея отзывы о подобныхъ книгахъ имѣли, бóльшею частію, такой стереотипный характеръ: «любовь къ отечеству, коей проникнутъ этотъ романъ, даетъ ему право на вниманіе русскихъ» или: «это прелюбопытная памятная книжка для всякаго, преи-

мущественно для воина» и т. п. Объ извѣстномъ учебникѣ русской исторіи г. Устрялова «Сѣверная Пчела» говоритъ: «Читайте введеніе г. Устрялова въ его исторію, статью о норманнахъ, о христіанской вѣрѣ и проч., читайте, однимъ словомъ, всю книгу: она доставитъ вамъ обильную пищу къ размышленію. Слогъ автора, какъ и всегда, отличается правильностью, ясностью и легкостью.» (Литературный слогъ «Сѣверная Пчела» разсматривала съ точки зрѣнія старинныхъ риторикъ и дѣлила его на низкій, средній и высокій). Во всей русской исторіи Булгаринъ видѣлъ только любовь къ спокойствію: этого качества онъ и искалъ въ ея событіяхъ, отзываясь съ пренебреженіемъ или злобою обо всемъ, что не подходило подъ его мѣрку. Объ исторіи среднихъ вѣковъ г. И. Шульгина говорится: «не утѣшительно ли на скудномъ историческомъ поприщѣ встрѣтить отечественнаго историка мыслящаго?» Мнѣнія «Сѣверной Пчелы» объ изящной литературѣ того времени поражали своимъ безвкусіемъ и нелѣпостью, и съ этой стороной ея дѣятельности насъ достаточно познакомилъ Бѣлинскій въ своихъ меткихъ памфлетахъ противъ Булгарина. Вспомнимъ только, что «Сѣверная Пчела» ставила Соколовскаго (автора поэмы «Хеверь», о которой говоритъ Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»), Якубовича, Тимофеева чуть не въ уровень съ Пушкинымъ, и строго осуждала всю дѣятельность Гоголя за то, что онъ сознательно унижаетъ Россію, выводя на свѣтъ одну житейскую грязь и чиновничьи злоупотребленія *). Отношенія «Пчелы» къ Пушкину имѣютъ особен-

*) Замѣчательно, что то же самое, и съ той же точки зрѣнія, говоритъ о Гоголѣ Вигель въ своихъ пресловутыхъ «Запискахъ». Вотъ ка-

ный интересъ, потому что здѣсь замѣшивалась jalousie du métier, журнальная конкурренція съ «Современникомъ». Извѣстіе объ изданіи Пушкинымъ своего журнала (который и затѣвался-то въ отпоръ литературнымъ монополистамъ) было встрѣчено «Пчелою» хладнокровно, и она даже вступилась за «Современникъ» послѣ рьяныхъ нападокъ на него «Библіотеки для Чтенія» (Сѣверная Пчела 1836 г. № 86); но вскорѣ умѣренность была забыта, и «Пчела» стала съ умысломъ пошатывать литературную знаменитость Пушкина. Немного времени спустя, по поводу изданія «Полтавы» на малороссійскомъ языкѣ, «Сѣверная Пчела» (1836 г. № 162) обратилась къ Пушкину съ слѣдующею элегическою рѣчью: «Но отчего же муза поэта умолкла? Ужели поэтическія дарованія старѣютъ такъ рано? и пр. Видно, что такъ, потому что поэтъ сдѣлался журналистомъ. Печальная перемѣна! Какъ не пожалѣть о ней! Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее, неумолкающее, труженическое перо журналиста, князь мысли сталъ рабомъ толпы, орелъ спустился съ облаковъ. И для чего же онъ промѣнялъ свою блестящую, завидную судьбу на долю труженика? Для того, чтобы имѣть удовольствіе высказать нѣсколько горькихъ упрековъ своимъ врагамъ, т. е. людямъ, которые были несогласны съ нимъ въ литературныхъ мнѣніяхъ, которые требовали отъ его дремлющаго таланта новыхъ, совершеннѣйшихъ созданій, угрожая въ противномъ случаѣ свести съ престола (détroner) его значительность». Противъ этой-то полемической выходки возсталъ кн. Одоев-

---

кими инсинуаціями встрѣчено было у насъ новое направленіе, давшее могучій толчекъ всей русской литературѣ.

скій въ особой статьѣ: «О нападкахъ петербургскихъ журналовъ на Пушкина», и въ ней коснулся, между прочимъ, привилегіи «Сѣверной Пчелы» на ежедневный выходъ,— привилегіи, которая, при отсутствіи равносильной конкурренціи, придавала большой вѣсъ въ обществѣ своекорыстнымъ стремленіямъ этой газеты, такъ какъ, благодаря ей, «Сѣверная Пчела» имѣла (по словамъ Шевырева въ «Московскомъ Наблюдателѣ») до 10,000 подписчиковъ [1]). Еслибы кн. Одоевскій заговорилъ объ одномъ Пушкинѣ, не дѣлая прямыхъ и косвенныхъ нападокъ на монополистовъ-издателей, то его статья навѣрно нашла бы себѣ пріютъ въ какомъ нибудь изъ тогдашнихъ журналовъ. Но въ своемъ настоящемъ видѣ, исполненная насмѣшекъ и справедливаго негодованія противъ литературнаго торгашества, она оказалась вполнѣ неудобною для печати [2])... Выходка «Сѣверной Пчелы» такъ и прошла безъ отвѣта. Несравненно болѣе расположенія, чѣмъ къ Пушкину, оказывала «Сѣверная Пчела» къ барону Брамбеусу (Сенковскому) и къ его журналу. Въ произведеніяхъ Брамбеуса «Пчела» усматривала необыкновенный умъ и талантъ, и предсказывала ему такое высокое мѣсто въ литературѣ, что «до него не досягнутъ ни московскія, ни петербургскія критическія стрѣлы». Дружескія отношенія «Пчелы» къ «Библіотекѣ для Чтенія» никогда не нарушались, и споры, иногда возникавшіе между ними, не пріобрѣтали характера важной и продолжительной размолвки. «Библіотека для Чтенія», богатая подписчиками

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, число это простиралось только до 5,000.

[2]) Статья эта, вмѣстѣ съ прочими бумагами кн. Одоевскаго, напечатана въ № 7—8 «Русскаго Архива» за 1864 г.

— говорилось въ «Сѣверной Пчелѣ» — никогда не бранила Булгарина. Стало быть, брань журналистовъ, бѣдныхъ подписчиками, падаетъ не на Булгарина, а прямо на число его подписчиковъ».

Говорить ли, наконецъ, о знаменитомъ самовосхваленіи Булгарина? Приведемъ на выдержку нѣсколько строкъ о выходѣ въ свѣтъ первыхъ томовъ сочиненій Булгарина (изданія Лисенкова): «Мы увѣрены, что публика съ обыкновенною своею благосклонностью приметъ новую книгу своего любимаго писателя, и говоримъ это не потому только, что Ѳ. В. Булгаринъ — участникъ въ изданіи «Сѣверной Пчелы»; но потому что онъ, Булгаринъ, писатель съ умомъ наблюдательнымъ и острымъ, съ благородными правилами (sic), обладающій живымъ, бойкимъ и чистымъ слогомъ, говорящимъ уму и чувству [1])». О самой себѣ «Сѣверная Пчела» выражалась такимъ образомъ: «безъ Пчелы ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ выпить утромъ чашки чаю». Своихъ литературныхъ противниковъ, между которыми главнѣйшую роль играли московскіе журналы, «Пчела» называла напередъ погибшими. Въ самомъ дѣлѣ, она прочнѣе другихъ изданій опиралась на массу тогдашней публики и на поддержку администраціи. Московскіе журналы, составлявшіе оппозицію, вносили, по увѣренію «Сѣверной Пчелы», духъ буйства и разврата въ нашу литературу: въ особенности не нравился этой газетѣ критическій отдѣлъ «Молвы», въ которомъ (съ 1834 г.) уже принималъ участіе Бѣлинскій. «На литературу—говорилось въ «Сѣверной Пчелѣ»[2])

---

[1]) «Сѣверная Пчела» 1836 г. № 220.
[2]) «Сѣверная Пчела» 1837 г. № 5.

—находитъ школьный туманъ. Критика прежняя,—веселая, вострая хохотунья,—но справедливая критика заснула! Теперь въ литературѣ, по старой поговоркѣ: кто раньше всталъ да палку взялъ, тотъ и капралъ и пр. и пр. Множество людей съ дарованіемъ и образованностью, которые могли бы служить украшеніемъ нашей словесности, отказываются отъ дѣятельнаго въ ней участія. Гдѣ великіе наши дѣятели, могучіе производители? Гдѣ литературный кругъ? Гдѣ дружескія бесѣды о любезной литературѣ?» Въ критикѣ «Молвы» Булгаринъ уже чуялъ инстинктивно ту силу, которой суждено было скоро прійти ему на смѣну...

III.

Мы недаромъ сдѣлали столько извлеченій изъ «Сѣверной Пчелы»: какъ органъ журналистики наиболѣе наивный и болтливый, эта газета высказывала прямо свои симпатіи и ничуть на маскировала своихъ стремленій. Она не пробовала даже защищать съ раціональной точки зрѣнія свою политическую и нравственную систему; ея импровизаціи имѣли характеръ непосредственный и не требовали доказательствъ или, пожалуй, эти доказательства существовали въ видѣ факта, а вовсе не въ видѣ отвлеченной теоріи. Выписки изъ «Сѣверной Пчелы» избавляютъ насъ отъ труда дѣлать извлеченія изъ другихъ изданій, менѣе рѣзкія и выразительныя. Опредѣливши въ главныхъ чертахъ образъ мыслей одного изъ журнальныхъ тріумвировъ, мы можемъ

теперь указывать менѣе пространно на солидарность съ «Пчелой» другихъ органовъ той же категоріи.

«Сынъ Отечества» (основанный въ 1812 году г. Гречемъ) шелъ, въ описываемое время, совершенно по одной дорогѣ съ «Сѣверною Пчелою» и былъ одинаково друженъ съ «Библіотекой для Чтенія». Въ первыхъ же книжкахъ этого журнала за 1836 г. помѣщены три большія статьи («Русская критика въ 1835 г.»), въ которыхъ имѣлось въ виду защитить «Библіотеку для Чтенія» отъ нападокъ на нее московскихъ журналовъ. Приведемъ самые интересные отрывки изъ этихъ руководящихъ статей: «Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ моду жалѣть о нашей литературѣ, говорить объ ея несчастномъ состояніи. Никогда не было жалобъ болѣе несправедливыхъ и неосновательныхъ. Неужели намъ не достаетъ поощренія? Неужели намъ мало, что литераторы и художники награждаются пенсіями, чинами, крестами, подарками? Вспомните Карамзина и Гнѣдича; посмотрите на Крылова и Жуковскаго, на Брюллова, Тона и проч. Если литература и искусство не представляютъ замѣчательныхъ произведеній, то въ этомъ виновенъ не недостатокъ поощренія; виновны, можетъ быть, сами литераторы, сами художники. Теперь работаютъ не для науки, не для искусства, а для кармана. Критика занимается подкапываніемъ чужихъ репутацій. «Московскій Наблюдатель» основался съ одной цѣлью—подкопать репутацію барона Брамбеуса; «Телескопъ» и «Молва» подкапываютъ всѣ возможныя репутаціи. Критика «Литературныхъ Прибавленій» къ «Инвалиду» также имѣетъ свое благородное призваніе—хулить барона Брамбеуса». О Сенков-

скомъ въ этой статьѣ высказывалось самое лестное мнѣніе: «Брамбеусъ безспорно литературная знаменитость; онъ убьетъ кого угодно однимъ словомъ; сами его завистники и порицатели изранены его неподдѣльнымъ остроуміемъ, его тонкою, язвительною сатирою, его пронзительнымъ, ядовитымъ сарказмомъ». Правда, критика упрекаетъ Брамбеуса въ излишнемъ эгоизмѣ и злоупотребленіи своимъ остроуміемъ, доходящемъ даже до неприличныхъ выходокъ: «Брамбеусъ бьетъ авторовъ (въ своихъ рецензіяхъ) палками въ лобъ, жгутами по спинѣ, отдаетъ книги на разсмотрѣніе своему Ванькѣ—вѣроятно, кучеру или дворнику. Онъ, улыбаясь, говоритъ вамъ: это изданіе лакейское, особенно приспособленное къ сальнымъ свѣчкамъ: ему съ намѣреніемъ дана форма рѣпы, чтобъ можно было просверлить книгу ножомъ и втыкатѣ сальную свѣчку. Въ другомъ мѣстѣ онъ женитъ себя на переводчицѣ очень хорошей книги, креститъ дѣтей и ставитъ имъ памятникъ изъ с и х ъ и о н ы х ъ. Гдѣ тутъ приличіе, уваженіе къ дамамъ? Г. Ѳедоровъ, за изданіе дѣтской книжки, получаетъ пять орѣховъ».

Но эти упреки, пересыпаемые самою подобострастною похвалою, имѣли совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ нападки на московскихъ литераторовъ, обвиняемыхъ скорѣе въ дерзости мнѣній, чѣмъ въ грубости словъ. Дальше говорится: «Несмотря на нападки, на безсильныя хулы ея враговъ, «Библіотека»—лучшій изъ настоящихъ журналовъ, и подобнаго у насъ никогда не было. Ч т о «Б и б л і о т е к а» м е ж д у ж у р н а л а м и, т о «С ѣ в е р н а я П ч е л а» м е ж д у г а з е т а м и. Въ «Пчелѣ» никогда не бываетъ критики (это несовсѣмъ вѣрно), она ограничивается краткими извѣстіями

о вновь выходящихъ книгахъ. Она вообще отличается безпристрастностью, и ее можно только укорить въ излишней добротѣ: она печатаетъ слишкомъ много похвалъ. Въ «Сынѣ Отечества» были напечатаны (въ 1835 г.) двѣ критики (на исторію Пугачевскаго бунта и на Аббадонну Полеваго), которыя, по своей умѣренности и по приличію тона, заставляютъ насъ искренно жалѣть (и это говоритъ журналъ самъ о себѣ!), что господа критики «Сына Отечества» были слишкомъ молчаливы. Намъ сказывали по секрету, что статьи этого рода будутъ писаны, въ нынѣшнемъ году, въ «Сынѣ Отечества» однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ критиковъ, который болѣе года не является на критическомъ поприщѣ. Читатели «Сына Отечества» поблагодарятъ редактора за такой пріятный подарокъ».

Въ особенности доставалось «Молвѣ» и «Телескопу» [1]) за ихъ критическій отдѣлъ. «Молва» и «Телескопъ»,—инсинуируетъ «Сынъ Отечества»,—для пользы современнаго просвѣщенія, съ особеннымъ усердіемъ и прилежаніемъ занимались порицаніемъ мертвыхъ и бранью живыхъ. Да, бранью! «Молва» называла нѣкоторыхъ литераторовъ чертями. Не вѣрите? (слѣдуетъ выписка). Вотъ какія статьи печатаетъ «Молва»: въ ней литератора величаютъ чортомъ, лжецомъ, Іудою Искаріотскимъ. Послѣ этого мы не можемъ говорить ни о «Молвѣ», ни о «Телескопѣ» [2]). Наша критика насмѣшлива, неуважительна, оскор-

[1]) Впрочемъ, нападенія на «Телескопъ» продолжались недолго: въ скоромъ времени журналъ этотъ подвергнулся запрещенію за статью П. Я. Чаадаева.

[2]) Напечатаніе такихъ статей въ «Молвѣ» критикъ «Сына Отечества» объясняетъ отсутствіемъ редактора Надеждина, который находился, въ то время, «въ чужихъ краяхъ».

бительна. Посмотрите, сколько теперь у насъ честныхъ, почтенныхъ именъ, замаранныхъ чернильнымъ пятномъ литературнаго безславія. Кто не осмѣянъ, не освистанъ, не оскорбленъ? Нѣкоторые были даже тронуты за нѣжнѣйшія струны, за жизнь семейную. То, чего нельзя вытерпѣть въ обществѣ безъ самыхъ горькихъ послѣдствій, то сносится на бумагѣ и остается безъ наказанія».

Нетрудно понять затаенный смыслъ всей этой журнальной діатрибы: правительство поощряетъ литературу, даетъ литераторамъ кресты и пенсіи, а младшая литературная братія не умѣетъ вести себя и относится съ презрѣніемъ къ заслуженнымъ людямъ, причемъ касается даже «нѣжнѣйшихъ струнъ ихъ сердца». Дозволяя себѣ такія вещи, молодые писатели приближаются къ свободной печати, которая рисовалась публикѣ, именно, какъ поруганіе первыхъ правилъ общежитія (см. выше отзывъ «Пчелы» о франц. и англ. прессѣ); ergo—ихъ надо унять, т. е. лишить возможности нарушать общественный порядокъ. Тогдашніе литераторы очень хорошо знали, куда мѣтятъ, въ такихъ инсинуаціяхъ, дружные журналисты. Этихъ-то инсинуацій они и боялись, какъ огня. Въ pendant къ этимъ строкамъ пусть читатель припомнитъ вопли «Сѣверной Пчелы» объ упадкѣ русской литературы, объ удаленіи изъ нея самыхъ благонамѣренныхъ дѣятелей — и тогда станетъ ясно, до какой солидарности доходили на этомъ пунктѣ оба журнала. «Сѣверная Пчела» даже прямо говорила: «Наша литература, безъ званія писателей, есть не домъ, въ которомъ живутъ хозяева, а гостинница, въ которой каждый приказываетъ и кричитъ, кто заѣхалъ на ночлегъ и кто посмѣлѣе. Отъ того

неучи и шарлатаны кричали у насъ и приказывали въ потьмахъ» («Сѣверная Пчела» 1836 г. № 16). Не видно ли здѣсь ясное указаніе на то, что надо регламентировать литературныя занятія, отдать ихъ въ руки ограниченнаго числа «хозяевъ» и прикомандировать къ нимъ ограниченное же число сотрудниковъ, хорошо извѣстныхъ этимъ хозяевамъ? Въ «Сынѣ Отечества» дѣйствовалъ (съ 1825 года), вмѣстѣ съ Гречемъ, и Ѳ. В. Булгаринъ, также какъ въ «Сѣверной Пчелѣ»: понятно, что тенденціи обоихъ журналовъ были совершенно одинаковы. Сюда заносилъ Булгаринъ и свое обычное самохвальство. Такъ напр., открывъ подписку на свое сочиненіе: «Россія въ историческомъ, статистическомъ и проч. отношеніяхъ», Булгаринъ говорилъ, что «если у него не будетъ много подписчиковъ, то онъ издастъ свой трудъ на нѣмецкомъ языкѣ» и что ему «предлагаютъ это съ двухъ сторонъ» и пр., и пр. Политическія воззрѣнія «Сына Отечества», равно какъ и его взглядъ на нашу внутреннюю жизнь, совершенно совпадали съ таковыми же воззрѣніями «Сѣверной Пчелы». «Политическія обозрѣнія» въ «Сынѣ Отечества» составлялись по двумъ-тремъ, самымъ благонамѣреннымъ, изъ иностранныхъ газетъ. То и дѣло попадаются фразы: «столица наслаждалась спокойствіемъ»... «въ Малагѣ спокойствіе возстановлено» и т. п. Изъ событій нашей внутренней жизни сообщались только одни утѣшительныя.

Съ 1838 года въ изданіи «Сына Отечества» (а также и «Сѣверной Пчелы») произошла нѣкоторая перемѣна. Редакторы этихъ изданій, оставаясь полными хозяевами и распорядителями литературно-ученой части, передали хозяйственныя заботы А. Ф. Смирдину и тѣмъ «пріобрѣли, по ихъ

словамъ, возможность удѣлить болѣе времени и стараній на литературное и собственно журнальное дѣло». Съ этого времени «Сынъ Отечества» сталъ издаваться опрятнѣе, книжки его сдѣлались толще, и ихъ содержаніе было раздѣлено на правильныя рубрики, числомъ пять. Но характеръ обоихъ изданій ничего не выигралъ отъ внѣшней перемѣны: и «Сынъ Отечества», и «Сѣверная Пчела» остались вѣрны своей прежней дѣятельности. На внутреннее преобразованіе «Сына Отечества» еще могла быть какая нибудь надежда: въ журналѣ принялъ постоянное участіе писатель весьма извѣстный въ свое время — Н. А. Полевой, переселившійся въ Петербургъ вскорѣ послѣ паденія «Московскаго Телеграфа». Тѣмъ не менѣе, Полевой — какъ сотрудникъ «Сына Отечества» — нимало не походилъ уже на бывшаго редактора «Телеграфа»: напуганный своимъ прежнимъ либерализмомъ, имѣвшимъ такой печальный исходъ, даровитый писатель круто повернулъ на другую дорогу, оправдываясь горькой необходимостью и стыдясь встрѣчаться съ своими прежними знакомыми.

Чтобы читатели могли понять, въ какіе тиски попадали тогда люди, подобные Полевому, живя въ Петербургѣ, мы позаимствуемъ изъ «Воспоминаній» Панаева относящееся сюда мѣсто:

«Въ Петербургѣ Бѣлинскій не видался съ Полевымъ. Полевой избѣгалъ его, потому что, послѣ совершенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, ему, кажется, неловко было взглянуть прямо въ глаза Бѣлинскому... «Бѣлинскій—прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, сказалъ мнѣ однажды Полевой, когда я нарочно завелъ съ нимъ рѣчь о Бѣлинскомъ:—го-

рячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. Я здѣсь уже совсѣмъ не тотъ-съ. Я вотъ долженъ хвалить романы какого нибудь Штевена, а вѣдь эти романы галиматья-съ».

«— Да кто жь васъ заставляетъ ихъ хвалить?» спросилъ я съ удивленіемъ.

«—Нельзя-съ, помилуйте, вѣдь онъ частный приставъ.(!!!)»

«— Что жь такое? Что вамъ за дѣло до этого?»

«— Какъ что за дѣло-съ! Разбери я его, какъ слѣдуетъ, — онъ, пожалуй, подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицамъ на веревкѣ-съ, а вѣдь я—отецъ семейства!» (Соврем. 1860 г., № 1, «Воспоминаніе о Бѣлинскомъ»).

Не мѣшаетъ припомнить, что Полевой, какъ купецъ 3-й гильдіи, могъ даже подвергнуться, по приговору суда, тѣлесному наказанію. Что мудренаго, еслибъ это и сдѣлали для «вящшаго вразумленія» непокорнаго либерала? Въ словахъ Полеваго заключается горькій, отчаянный, но совершенно правдивый смыслъ...

Въ 1839 г., печатая свои критическіе «Очерки», куда вошли многія статьи изъ «Библіотеки для Чтенія», Полевой жаловался на самоуправство Сенковскаго, позволявшаго себѣ измѣнять и даже совсѣмъ передѣлывать его статьи; но въ «Сынѣ Отечества» 1838 года Полевой не нарушалъ еще ничѣмъ своихъ добрыхъ отношеній къ этому вліятельному журналисту. «Библіотека для Чтенія»—писалъ Полевой въ I-мъ томѣ обновленнаго «Сына Отечества» — «была толста и разно-

образна въ прошедшемъ 1837 году и не могла не быть такою, заключая въ себѣ почти всю нашу журналистику. Какъ тяжелая колесница, катилась она по тѣсному полю русской литературы, безжалостно давила встрѣчныхъ и брызгала грязью съ широкихъ колесъ своихъ. Какъ тяжкій млатъ, каждый мѣсяцъ упадала она толстою книгою на головы читателей и разсыпалась стихами, прозою, науками и пр. Съ самаго почти начала «Библіотеки» въ русской литературѣ, завелась мода — у читателей покупать ее, у журналистовъ бранить, у издателей не отвѣчать на брань. Такъ шло дѣло и въ прошломъ году. Мы покажемъ первый примѣръ — не станемъ бранить «Библіотеки». Въ самомъ дѣлѣ, за что бранить ее?»

Кротость духа, навѣянная Петербургомъ на Полеваго, отразилась и въ этомъ приговорѣ.

Внутренняя и внѣшняя жизнь Россіи продолжали,—и съ перемѣной редакціи, — внушать къ себѣ благоговѣніе въ «Сынѣ Отечества». «Исторію новую съ 1812 г.—говорилось въ I-мъ томѣ «Сына Отечества» за 1838 г., въ отдѣлѣ «Современной Исторіи»—не должно ли назвать исторіею возвеличенія, возвышенія Россіи, спасительницы Европы, умирительницы чуждыхъ народовъ?—И въ минувшемъ (1837 г.) первую ступень важности исторической являла Россія, твердая постоянствомъ политической системы своей. Какъ съ незыблемой скалы, спокойно смотрѣли мы, русскіе, на порывы бури, колеблющей другіе народы, и укрѣплялись познаніями, трудами промышленности, богатствами торговли, устройствомъ различныхъ частей государственнаго управленія».

Въ заключеніе приведемъ, для характеристики тогдаш-

нихъ литературныхъ отношеній, жалобу Булгарина, выраженную имъ въ формѣ письма къ извѣстному генералу Дубельту. Жалоба эта возникла по очень забавному поводу. Въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи», находившихся тогда подъ редакціей г. Межевича, въ отдѣлѣ «Смѣси» появилось извѣстіе: «Говорятъ, что А. А. Орловъ издаетъ полное собраніе своихъ сочиненій въ 2-хъ компактныхъ томахъ, въ большую осьмую долю листа, въ два столбца. Въ первомъ томѣ будутъ помѣщены: «Погребеніе Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» и прочія напечатанныя нѣсколькими изданіями сочиненія и давно уже раскупленныя многочисленными читателями и почитателями А. А. Орлова. Во 2-мъ томѣ будутъ напечатаны нѣкоторыя новыя произведенія знаменитаго романиста и между прочими: «Безпристрастное сужденіе автора о самомъ себѣ». Къ этому присоединится портретъ автора, гравированный на стали въ Лондонѣ. Изданіе будетъ богатое и дешевое («Вѣдомости городской полиціи» 1839 г. № 22). Нечего прибавлять, что извѣстіе было ироническое и имѣло цѣлью поддѣлаться подъ общій тонъ булгаринскихъ рекламъ. Въ томъ же нумерѣ газеты помѣщено было и частное объявленіе книгопродавца Лисенкова, гласившее такъ: «издатель сочиненій Булгарина считаетъ обязанностью объявить, что замедленіе выхода 5-й части произошло вовсе не отъ него, а отъ самого автора, который по сіе время медленно доставляетъ рукописи; нынѣ же начальство обязываетъ автора, давшаго контрактъ, окончить свое сочиненіе, какъ можно скорѣе, и потому нѣтъ сомнѣнія, что остальная часть скоро выйдетъ въ свѣтъ».

Напечатаніе рядомъ этихъ двухъ извѣстій крайне раздражило Булгарина,—и онъ, нимало не медля, настрочилъ цѣлый доносъ:

«М. Г. Всѣ газеты и журналы русскіе, до напечатанія, разсматриваются цензорами, облеченными правительствомъ въ сіе званіе. «Сѣверная Пчела» имѣетъ пять цензоровъ; напротивъ того, «Полицейская газета» не имѣетъ ни одного, и прибавленія къ сей газетѣ, заключающія въ себѣ литературныя статьи, издаются на отвѣтственности издателя, какъ въ Англіи и Франціи, гдѣ существуетъ неограниченная свобода книгопечатанія. Соотвѣтственно ли это формѣ нашего правительства и справедливо ли въ отношеніи къ другимъ журналамъ—судить не мое дѣло, но будучи жертвою этой свободы книгопечатанія въ русскомъ царствѣ, прибѣгаю подъ покровительство в. п—ва и прошу обратить вниманіе ваше на злоупотребленія, которымъ не предвидится конца. Редакторъ «Полицейской газеты» есть юноша безъ литературнаго имени и безъ всякаго поручительства въ свѣтѣ. Можно ли на его отвѣтственность поручать изданіе оффиціальной газеты и позволять наполнять газету полицейскую литературными сплетнями и оскорбленіями литераторовъ? Въ какомъ государствѣ оффиціальныя газеты занимаются литературою, рецензіями и полемикою? Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ! Хуже всего то, что г. Краевскій, другъ и покровитель редактора «Полицейской газеты» Межевича, безстыдно осмѣливается ссылаться на покровительство вашего превосходительства... «Полицейская газета» не имѣла права печатать объявленіе книжника Лисенкова въ томъ видѣ, какъ оно напечатано. Лисенковъ объявилъ ко мнѣ

претензію, а я имѣю еще большія претензіи къ нему, и тяжба наша должна производиться на основаніи цензурнаго устава. До окончательнаго рѣшенія тяжбы формою суда никто не можетъ принудить меня исполнить требованія истца, и въ цѣломъ мірѣ не печатаютъ рѣшеній, пока они не наступятъ. Здѣсь, со стороны полиціи, явное нарушеніе законовъ! Что же касается до пародіи объявленія объ изданіи моихъ сочиненій, то, во первыхъ, благопристойность и уваженіе къ нравственности публичной долженствовали бы воспретить печатаніе о Ванькѣ Каинѣ въ «Полицейской газетѣ», а во вторыхъ, сочетаніе Ваньки Каина съ названіемъ моего сочиненія—есть явное оскорбленіе чести гражданина. Цензурнымъ уставомъ запрещено давать новымъ сочиненіямъ заглавія, уже вышедшія въ свѣтъ, безъ согласія автора, а всѣмъ извѣстно, что Иванъ Выжигинъ написанъ мною. Я сидѣлъ на гауптвахтѣ не за личности, а за то только, что напечаталъ самую умѣренную критику, сочиненія Очкина, на романъ Загоскина. За шутки надъ сочиненіемъ, а не надъ лицомъ автора, меня угрожали совершеннымъ истребленіемъ! Неужели вся строгость для меня одного, а противъ меня все позволено? На меня печатаютъ пасквили за границей, наполняютъ эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорбленіями противу правительства— и этотъ пасквиль, то есть книга Кёнига о русской литературѣ, допущена въ продажу въ Россіи, а другихъ отставляли отъ службы за напечатаніе невинныхъ статеекъ о Россіи, тогда какъ Мельгуновъ, суфлеръ Кенига, невредимъ! На меня пишутъ гнуснѣйшія вещи въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Литературныхъ прибавле-

ніяхъ» къ «Русскому Инвалиду» и въ «Полицейской газетѣ», а я не могу нигдѣ найти суда и расправы. Что̀ это значитъ, я не понимаю, а знаю только, что акціонеры «Отечественныхъ Записокъ» составили противъ меня заговоръ, и что они сильны, находясь на службѣ въ цензурѣ иностранной и въ министерствахъ. Но зная вашу душу и вашъ благородный характеръ, я твердо убѣжденъ, что в. п—во, для полезнаго примѣра, примете мѣры, чтобы Межевичъ, редакторъ «Полицейской газеты», былъ наказанъ явно, и чтобы у него отняты были средства къ распространенію сплетней и пасквилей посредствомъ оффиціальной газеты. Les moeurs publiques outragées—есть повсюду преступленіе, а публиковать въ «Полицейской газетѣ» о Ванькѣ Каинѣ и къ этому гнусному титулу, и впрочемъ запрещенной книги, пришить заглавіе книги живущаго автора не позволено было бы и въ Англіи, и такой поступокъ былъ бы наказанъ тюремнымъ заключеніемъ.—Police correctionelle и King's-Bench у насъ нѣтъ. Куда прибѣгнуть съ жалобою? Богъ, во благости Своей, далъ васъ и жандармскій корпусъ! Къ вамъ прибѣгаю и умоляю о защитѣ! Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю быть в. п—ва, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга,— Ѳ. Булгаринъ».

Сколько намъ извѣстно, изъ этой жалобы не возникло никакихъ дурныхъ послѣдствій для Межевича: — но только потому, что враги Булгарина оказались сами сильны, на этотъ разъ, своими связями — «въ цензурѣ и въ министерствахъ»...

IV.

Мы переходимъ къ «Библіотекѣ для Чтенія» и къ замѣчательной личности ея редактора, вызвавшей много противоположныхъ мнѣній *).

Журнальная дѣятельность Сенковскаго продолжалась (собственно въ Петербургѣ) съ 1834 по 1858 годъ. Но еще раньше того, а именно въ концѣ 1816 г., Сенковскій (по увѣренію Савельева) принималъ участіе въ юмористическомъ журналѣ «Уличныя Вѣдомости», издававшемся въ Вильнѣ подъ редакціей профессора Снядецкаго. Неизвѣстно, къ какому году относится разсужденіе Сенковскаго: «О происхожденіи польской шляхты», гдѣ авторъ доказывалъ, что польское дворянство—лехи—суть потомки варварскихъ ордъ, владычествовавшихъ надъ славянами, можетъ быть, аваровъ, имя которыхъ сохранилось на Кавказѣ въ формѣ: лехъ, легзи, лезгины. Что побудило автора издать подобную брошюру—обычная ли парадоксальность его ума, или иная неблаговидная цѣль—рѣшить довольно трудно; тѣмъ не менѣе, брошюра эта была рѣзко осуждена Лелевелемъ, и она же произвела окончательный разрывъ между Сенковскимъ и польскою патріотической партіей. Мы обращаемъ особенное

*) При составленіи этой главы мы имѣли въ виду брошюру П. Савельева: «О жизни и трудахъ О. И. Сенковскаго» (1858 г.) и статьи гг. Дудышкина («Отеч. Зап.» 1859 г., № 2) и Дружинина («Библ. для Чт.» 1859 г., № 1).

вниманіе на это обстоятельство, потому что въ послѣднее время возникло новое обвиненіе противъ Сенковскаго—въ іезуитски-скрытномъ служеніи польскому національному дѣлу. Обвиненіе это, на нашъ взглядъ, не имѣетъ достаточной основательности, что̀ подтверждается ниже злою шуткою Сенковскаго надъ краковскими волненіями 30-хъ годовъ.—Черезъ Булгарина (котораго зналъ еще въ Вильнѣ) Сенковскій познакомился съ кружкомъ петербургскихъ литераторовъ и сошелся въ особенности съ Марлинскимъ. Въ 1832 г., въ бытность свою цензоромъ и профессоромъ восточнаго факультета въ здѣшнемъ университетѣ, задумалъ Сенковскій планъ журнала «Библіотека для Чтенія», который былъ скопированъ имъ съ «Новоселья», сборника, изданнаго Смирдинымъ. (Въ этомъ сборникѣ напечатана извѣстная повѣсть Сенковскаго: «Большой выходъ у Сатаны»). Планъ журнала осуществился въ 1834 г.; издателемъ «Библіотеки для Чтенія» сдѣлался А. Ф. Смирдинъ; редакторство же Сенковскаго было покуда негласное, но съ начала 1836 г. онъ явился уже оффиціальнымъ редакторомъ, а о прежнихъ, подставныхъ редакторахъ (гг. Гречѣ и Е. Коршѣ) отозвался, что «они слишкомъ невинны въ недостаткахъ «Библіотеки», чтобъ отвѣчать за нихъ передъ публикой, и слишкомъ благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, въ которыхъ они не имѣли никакого участія, ибо весь кругъ ихъ редакторской дѣятельности ограничивался чтеніемъ третьей, послѣдней корректуры уже оттиснутыхъ листовъ, набранныхъ по рукописямъ, которыя никогда не сообщались имъ предварительно» («Библ. для Чт.» 1836 г., т. XVII, Литер. Лѣтоп.). Г. Гречъ говорилъ, правда, что

онъ «наблюдалъ въ «Библіотекѣ» за исправностію слога и чистотой языка статей, присылаемыхъ сотрудниками часто въ видѣ самомъ неблагообразномъ» (Сѣв. Пч., 1836 г. № 44); но такъ какъ, по удостовѣренію самого Сенковскаго, «рукописи никогда не сообщались прежнимъ редакторамъ», то дѣятельность г. Греча касалась, вѣроятно, только до разстановки знаковъ и соблюденія прочихъ правилъ его грамматики въ корректурныхъ листахъ. Однимъ словомъ, духъ и содержаніе «Библіотеки для Чтенія» того времени зависѣли вполнѣ отъ Сенковскаго и ни отъ кого другого. Какою же является намъ «Библіотека» въ этотъ блистательный, золотой вѣкъ своего существованія? Справедливость требуетъ сказать, что, не смотря на свой неоспоримый публицистическій талантъ, на свой оригинальный умъ и разностороннія свѣдѣнія, между прочимъ по естественнымъ наукамъ, Сенковскій не поднялся выше уровня булгаринской клики, и въ своихъ политическихъ и общественныхъ тенденціяхъ тянулъ въ одну сторону съ «Сѣверной Пчелою» и «Сыномъ Отечества». Было тутъ, конечно, различіе, зависѣвшее именно отъ бо̀льшей даровитости Сенковскаго: въ дѣятельности этого журналиста была и полезная сторона, на которую мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ; но солидарность въ направленіи съ двумя названными изданіями слишкомъ явно бросается въ глаза. «Что̀ «Сѣверная Пчела» между газетами, то «Библіотека» между журналами», говорилось въ «Сынѣ Отечества»; «Библіотека для Чтенія», богатая подписчиками, никогда не бранила Булгарина», утверждала сама «Сѣверная Пчела»; кромѣ того, и «Сынъ Отечества» осыпался, при случаѣ, похвалами отъ Сенковскаго («Библ. для

Чт.» 1836 г., т. XIX, см. отзывъ о первыхъ трехъ книжкахъ «Сына Отечества» за тотъ же годъ). «Записки Чухина» (романъ Ѳ. Булгарина) удостоились отъ «Библіотеки для Чтенія» чуть ли не большихъ похвалъ, чѣмъ отъ самой «Сѣверной Пчелы». «Романы Булгарина—сказано въ рецензіи—всегда чрезвычайно пріятная находка въ нашей словесности. Клеветать на нихъ можно, потому что клевета есть самое легкое и вѣрное средство отмщенія таланту за свою посредственность» («Библ. для Чт.» 1836 г., т. XIV).

Сходство воззрѣній всѣхъ трехъ журналовъ немудрено прослѣдить въ частности. Къ русской беллетристикѣ Сенковскій относился съ такимъ же забавнымъ непониманіемъ, какъ и критикъ «Сѣверной Пчелы»: онъ хвалилъ Бенедиктова, Подолинскаго, Кукольника, Тимофеева, а съ другой стороны порицалъ Гоголя за цинизмъ и осуждалъ Грибоѣдова, котораго щадила даже и «Сѣверная Пчела» *). Проповѣдуя реализмъ и утилитаризмъ въ жизни, онъ бранилъ его наповалъ при первой встрѣчѣ съ нимъ въ литературѣ. Реализмъ Сенковскаго приводилъ его только къ грубому филистерству и сытому довольству самимъ собою; этотъ реализмъ вовсе не былъ прогрессивнымъ началомъ въ жизни и нимало не способствовалъ демократизаціи мысли. Напротивъ, неумытый и грязный народъ, такъ реально выводимый у Гоголя,—«народъ, утирающій носъ полою своего балахона и жестоко пахнущій дегтемъ», возмущалъ благопристойный эпикуреизмъ нашего критика, и онъ не могъ выносить его присутствія даже въ

*) Полевой, въ своихъ критическихъ «Очеркахъ», жаловался на то, что Сенковскій, передѣлывая его статьи, вставлялъ въ нихъ брань на Гоголя и Грибоѣдова.

романѣ... Съ такой же злобой, какъ къ Гоголю, относился Сенковскій къ В. Гюго, Ж. Зандъ,—вообще ко всему, что̀ носило на себѣ слѣды «безнравственной французской философіи»,—и сильно похвалялъ (подобно Гречу) англійскую, умѣренную и воздержную, литературу. Въ произведеніяхъ французскихъ писателей Сенковскій нападалъ не на ихъ промахи и эксцентричность, но прямо на то, что̀ составляетъ донынѣ ихъ неоспоримую заслугу. «Гюго — говорилось въ «Библіотекѣ»—поучаетъ богатаго дѣлиться своимъ избыткомъ съ бѣднымъ, стращаетъ его, въ случаѣ неповиновенія, гнѣвомъ нищихъ. Лучше бы г. Гюго поучалъ бѣдняка трудиться, быть дѣятельнымъ и проч. Но это глупое благоговѣніе передъ бѣднымъ, передъ его неспособностью и лѣнью— въ большой модѣ у извѣстнаго класса французскихъ писателей: они всѣ добродѣтели зашиваютъ въ лохмотья» («Библіотека для Чтенія» 37 г., т. XXIII). Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Во всемъ, что написалъ В. Гюго, не найдется ни одной честной, невинной и святой мысли. Грѣхъ—его муза, ужасъ—его спутникъ, стаи чудовищъ служатъ ему оригиналами». («Библіотека для Чтенія» 1836 г., т. XIV, смѣсь). Высказывается даже мнѣніе, что противъ знатныхъ и богатыхъ людей пишутъ только тѣ писатели, которыхъ «знать не принимаетъ въ свой кругъ» («Библіотека для Чтенія» 1837 г., т. XXII, смѣсь).

Въ своемъ утилитарно-буржуазномъ направленіи (отчасти обвѣянномъ запахомъ естественныхъ наукъ) Сенковскій повидимому, расходился съ Булгаринымъ, нападавшимъ на «раціонализмъ и грубую полезность»;—но въ сущности не все ли равно богатому классу: наслаждаться своимъ поло-

женіемъ, преднамѣренно унижая его выгоды въ глазахъ нищей братіи (какъ это дѣлалъ Булгаринъ), или поражать, наоборотъ, эту нищую братію упреками въ бездѣльничествѣ, плутовствѣ и прочихъ качествахъ, которыя дѣлаютъ бѣдняковъ недостойными общества зажиточныхъ людей? Тутъ разница только въ пріемахъ, въ развитіи мысли.

Жоржъ-Зандъ была предметомъ постоянныхъ и ожесточенныхъ нападокъ «Библіотеки», и нападки эти, не въ мѣру утрированныя, вызвали даже разъ заступничество «Сѣверной Пчелы» (1836 г.). «Библіотека для Чтенія» просто-на-просто искажала слова Ж. Зандъ и приписывала ей, напримѣръ, такую мысль: «une fille de joie est un être adorable». Противъ той же писательницы направлена слѣдующая, мало-опрятная насмѣшка: «У нея есть дѣти, обреченныя тащиться въ грязи убитыхъ дорогъ, окруженныя образами мыслей, противными ея понятіямъ, наущаемыя на каждомъ шагу тѣми, которые на нее нападаютъ, не вѣрить ея грезамъ,—свидѣтели ея страданій средь этой вѣчной борьбы, ея растерзаннаго сердца, ея колѣнъ, разбитыхъ о преграды дѣйствительной жизни,—однимъ словомъ, пара несчастныхъ дѣтокъ, которымъ она не знаетъ: какое дать воспитаніе. Воспитывать ихъ такъ, какъ воспитываютъ всѣхъ дѣтей? Тогда они будутъ ходить, какъ скоты, въ ярмѣ предразсудковъ и приличій, и дочь ея, какъ дура, возьметъ себѣ мужа, обвѣнчается съ какимъ нибудь толстымъ предразсудкомъ, наплодитъ кучу маленькихъ предразсудковъ и, чего добраго, будетъ даже вѣрна своему деспоту» и т. д. и т. д. Одинъ изъ романовъ Жоржъ-Зандъ (Лелія) названъ просто гнуснымъ, и тутъ же сказано съ претензіей на остроуміе: «Одинъ ин-

дѣйскій мудрецъ говоритъ: женщина никогда не можетъ быть независима; въ дѣтствѣ она должна зависѣть отъ отца, въ молодости отъ мужа, а въ старости отъ сыновей. Этотъ индѣйскій мудрецъ не читалъ ни г-жи Дюдеванъ, ни г. Бальзака». Было бы скучно и безполезно приводить разныя выходки Сенковскаго противъ нелюбимыхъ имъ писателей французской «безнравственной школы»: тутъ найдутся всевозможныя пряности, во вкусѣ приведенныхъ нами.

Чтò составляло главную журнальную силу «Библіотеки для Чтенія» и ея привлекательность для многихъ читателей—такъ это рецензіи о вновь выходящихъ книгахъ и разныя псевдо-ученыя статьи, въ которыхъ безразлично и безплодно осмѣивались всѣ научныя изысканія и открытія. Въ главѣ III-й мы показали уже образчикъ такихъ рецензій; на нихъ истощалъ баронъ Брамбеусъ свое дѣйствительно - замѣчательное остроуміе, и бездарные авторы, писавшіе для денегъ или изъ тщеславія, часто предавались тутъ заслуженному позору. Разбирая съ экономической стороны выгоды писательства, Сенковскій говорилъ: «Съ 2,400 р. (которые, по его разсчету, могъ получить въ годъ плодовитый писатель) можно нанимать премиленькую квартирку на петербургской сторонѣ, водить жену въ чепчикѣ, имѣть на столѣ безпереводно бутылку пива и картузъ вакштафу Лапотникова, шить себѣ каждый годъ фракъ изъ русскаго сукна и т. д. Какъ не печатать того, что пишешь!» («Библіотека для Чтенія» 1836 г. т. XIX, литературная лѣтопись). Объ одной дѣтской книжонкѣ критикъ отозвался такъ: «Книга г. Грена написана въ пользу воспитанія дѣтей; авторъ весьма основательно предпочитаетъ нравственность юношества пра-

вописанію и грамматикѣ русскаго языка, въ пользу которыхъ онъ, кажется, ничего не намѣренъ дѣлать. «Въ прекрасный майскій день маленькій Николенька прогуливался въ прекрасномъ зеленѣющемъ лугу, принадлежащемъ къ дачѣ отца его». Такъ начинается статья, которую авторъ назвалъ «Эхо», и она была бы недурна, еслибъ можно было знать: кому собственно принадлежала дача — отцу-ли прекраснаго зеленѣющаго луга, или отцу прекраснаго майскаго дня? Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что она не принадлежала отцу Николенькину» и т. д. («Библіотека для Чтенія» 1836 г. т. XIV). Подобные ироническіе разборы, вмѣстѣ съ повѣстями Брамбеуса, очень нравились въ свое время публикѣ. «Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ— писалъ Гоголь по поводу выхода въ свѣтъ I-й книжки «Библіотеки» за 1834 г.—читаютъ (Сенковскаго) и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: какъ хорошо пишетъ! Помѣщики покупаютъ, подписываются и вѣрно читать будутъ». Эти разборы приносили, пожалуй, и свою долю пользы, выметая за порогъ разный соръ россійской словесности; но къ сожалѣнію, Сенковскій билъ только лежачихъ, которые никого не ввели бы въ заблужденіе; литературный же бурьянъ, въ родѣ произведеній Кукольника и др., не только не вырывался имъ съ корнемъ, но пользовался вниманіемъ и заботливымъ уходомъ. Въ одной статьѣ Сенковскій называлъ даже Кукольника великимъ писателемъ и увѣрялъ, что «самъ Пушкинъ завидовалъ его славѣ». Серьезныхъ мыслей не западало въ голову отъ чтенія шутливыхъ и бойкихъ рецензій Сенковскаго; серьезныхъ мыслей и не могъ дать этотъ писатель — по той простой причинѣ, что

онъ самъ не имѣлъ ихъ. Его скептицизмъ, поверхностный и малоосновательный, распространялся одинаково на всѣ предметы, на всѣ теоріи и убѣжденія; все сливалось передъ нимъ въ одинъ пестрый хаосъ, гдѣ тонули, рядомъ съ туманной нѣмецкой философіей *), всѣ практическія попытки общественныхъ преобразованій, рядомъ съ Гоголемъ—Кузьмичевы и Орловы. Попадался подъ перо Кювье — доставалось и Кювье, заходила рѣчь о первыхъ попыткахъ сравнительной анатоміи — осмѣяны и онѣ. На расчищенной такимъ образомъ почвѣ могли устоять только тѣ кумиры, которые защищались Сенковскимъ купно съ Булгаринымъ. Критическій отдѣлъ «Библіотеки», всегда бранчивый, расхваливалъ «Дѣтскаго Карамзина», — эту уродливѣйшую передѣлку пресловутой исторіи,—«Лѣтописи россійской славы», романы въ родѣ «Скопина-Шуйскаго» и т. п. произведенія.

Собственно о политикѣ Сенковскій не говорилъ, потому что этого отдѣла не существовало тогда въ «Библіотекѣ для Чтенія», но онъ касался иногда и разныхъ политическихъ явленій подъ рубрикою «Смѣси», въ обзорѣ англійской или французской литературы. Политичетическіе взгляды Сенковскаго опредѣлились ясно, еще до начала изданія «Библіотеки», въ знаменитой повѣсти: «Большой выходъ у Сатаны». Тутъ является чортъ «грязный,

*) Нѣмецкой философіи сильно доставалось отъ Сенковскаго. «Настоящее назначеніе г. Зеленецкаго—говоритъ онъ въ одной рецензіи— есть философія, самая мутная, самая глубокая философія, почерпнутая съ самаго дна умственнаго колодца, которая говоритъ о конечномъ въ безконечномъ, о безконечномъ въ конечномъ, о безконечномъ въ безконечномъ, элементахъ человѣческаго слова, абсолютномъ бытіи, объ я въ не я, о циркумференціи круга, котораго центръ вездѣ, а окружность нигдѣ, о великомъ Nichts» («Библ. для Чт.» 1837, т. XXII).

отвратительный, съ всклоченными волосами, съ однимъ выдолбленнымъ глазомъ, съ однимъ сломаннымъ рогомъ, съ когтями, какъ у гіены, съ зубами безъ губъ, какъ у трупа, и съ большимъ пластыремъ, прилѣпленнымъ сзади, пониже хвоста». (Эту послѣднюю рану нанесъ чорту одинъ казакъ близь Кракова, во время польскихъ движеній). Безобразный чортъ служилъ символомъ всѣхъ политическихъ реформъ; даже парламентскій билль о реформѣ въ Англіи онъ считаетъ «своей выдумкой и предвѣстіемъ чудесной бури». Этотъ чортъ жалуется, что люди перестали ему вѣрить: «я слишкомъ долго, говоритъ онъ, обманывалъ людей обѣщаніями блистательной будущности, богатства, благоденствія, свободы, а изъ моихъ революцій, конституцій, камеръ и бюджетовъ вышли только гоненія, тюрьмы, нищета и разрушеніе».

Тѣ же самыя политическія воззрѣнія высказываются и въ «Библіотекѣ для Чтенія». Насчетъ восхваленія Австріи, наиболѣе враждовавшей въ то время со всякимъ либерализмомъ, «Библіотека» отнюдь не уступала «Сѣверной Пчелѣ». Разбирая книгу Валери «Voyages historiques et littéraires en Italie», рецензентъ говоритъ: «наслушавшись французскихъ либераловъ и ихъ послѣдователей, которые приняли себѣ за правило представлять Австрію въ самомъ черномъ и ненавистномъ видѣ, многіе невольно могли увѣриться, что «прекрасная Италія» дѣйствительно стонетъ подъ игомъ самаго тяжкаго и завистливаго деспотизма». Затѣмъ почерпаются опроверженія изъ книги въ слѣдующемъ родѣ: «Австрія есть одно изъ немногихъ государствъ, гдѣ народное образованіе наиболѣе распространено. Общія наставленія въ школахъ ясны и благотворны.—Нѣкоторые профессоры говорили

мнѣ (т. е. Валери), что имъ предоставлена совершенная свобода въ чтеніи науки. Что касается вѣротерпимости, то я не знаю ни одной страны, гдѣ бы она была такъ велика. Нищенство прекращено, устроены домы для занятія бѣдныхъ работою, прививанье коровьей оспы распространено между всѣми классами («Библ. для Чт.» 1836 г., т. XV, смѣсь) и пр. и пр. Коснувшись дѣятельности испанскаго министра Мендисаваля, подъ рубрикою «Знаменитый жидъ-якобинецъ», «Библіотека для Чтенія» восклицаетъ: «Вотъ до чего дошла бѣдная Европа! сынъ Израиля производитъ въ ней, по своему произволенію, мятежи и революціи, свергаетъ королей съ престоловъ, перемѣняетъ династіи. Жидъ возвелъ молодую дочь дона Педра на португальскій престолъ, жидъ заварилъ кашу въ Испаніи и самъ же теперь управляетъ отечествомъ Альфонса и Изабеллы». (Ниже онъ названъ «безпокойнымъ жидкомъ»). Послѣ разсказа о томъ, какъ, «сидя въ Лондонѣ, этотъ израильтянинъ учреждалъ на цѣломъ полуостровѣ революціонныя юнты» и какъ затѣмъ попалъ въ первые министры, авторъ заключаетъ свою статью общей формулою: «впрочемъ, это исторія всѣхъ либеральныхъ революцій» («Библ. для Чт.» 1836 г., т. XIV, смѣсь). Однимъ словомъ, бѣдная Европа, волнуемая разными политическими идеями, предавалась огульному позору, не смотря даже на то, сверху или снизу шла непонравившаяся реформа. Осуждались вообще всѣ политическія преобразованія, хотя бы они были вынуждены существенной и уже вполнѣ созрѣвшей народной потребностью, какъ напр. парламентскій билль о реформѣ въ Англіи.

Итакъ проповѣдники застоя quand même, во всѣхъ от-

ПРОДАЮТСЯ,

въ С.-Петербургскихъ книжныхъ магазинахъ, оставшіеся въ маломъ числѣ экземпляровъ:

ЖИВЫЕ ВОПРОСЫ. критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, **А. П. Пятковскаго.** Спб. 1870 г.

Содержаніе: 1) По окраинамъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. 2) Борьба классицизма съ реализмомъ на русской почвѣ. 3) Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Толстаго: «Война и миръ». 4) Журнальные ратоборцы. 5) Расколъ, изобличаемый г. Ливановымъ. 6) Мирный отзывъ на военные вопросы.

Цѣна 1 руб. 25 коп., вѣс. 1 фун.